

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XI**

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

18–20 июня 2007 г.

Санкт-Петербург
Нестор-История
2007

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-XI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы
международной конференции, проходившей 18–20 июня 2007 г.
/ Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Нестор-История, 2007. –
338 с.

ISBN 978-594047-219-3

Редколлегия: Н. Н. Казанский (отв. редактор), Ал. Вл. Андреев,
А. В. Грошева, Е. Р. Крючкова.

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Конференция проводится в рамках
постоянно действующей Школы индоевропейского
сравнительно-исторического языкознания при ИЛИ РАН

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН,

РГНФ – грант № 06-04-00471а

«Модели описания диахронических процессов и проблемы
индоевропейского сравнительного языкознания»,

гранта № НШ-4517.2006.6 Президента РФ

«Школа индоевропейского сравнительно-исторического
языкознания» (рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

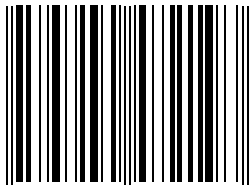
и

Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»

ISBN 978-594047-219-3

© Коллектив авторов, 2007

© ИЛИ РАН, 2007

9 785940 472193

Ал. Вл. Андреев

Прелестный уголок

1. В своем комментарии к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» В. Набоков указывает на лирику Горация, как на возможный источник для начальных строк второй главы романа: Деревня, где скучал Евгений, / Была прелестный уголок – ср. ille terrarum mihi praeter omnis / angulus ridet (Horat., Carm., II, 6, 13–14). Набоков также добавляет, что «Пушкину предстояло вернуться к теме «уголка» двенадцать лет спустя в своей восхитительной элегии, посвященной Михайловскому».¹

2. Слово «уголок» в значении «уединенное, удаленное от цивилизации место» (противоп. большой город, столица) появляется в русской литературе задолго до Пушкина: Пожалуйте мне в стране сей, обширной толико, / некий угол земли... (В. К. Третьяковский, Телемахиды); О времена! О нравы! О божественная философия! В какой угол земли ты сокрылась? (П. А. Пельский, Кум Матвей или Превратности человеческого ума); ...тот угол света, где можно быть единственным господином над собою и над полем своим (П.И. Шаликов, Другое путешествие в Малороссию); О совесть! Добрых душ последняя подруга! / Где уголок земного круга, / Куда бы ни проник твой глас? (И. Дмитриев, Совесть).

3. Несмотря на то, что нам удалось обнаружить контексты, позволяющие возводить слово «уголок» в указанном значении именно к лирике Горация (ср.: Нет! Злату не бывать души моей кумиром; / Мои желанья: скромно жить / Не с завистью, с сердечным миром, / и счастье в уголку Сабинском находить. – И. Дмитриев), мы считаем необходимым отметить и возможное влияние французской литературы эпохи классицизма. В первую очередь речь идет о Н. Буало, который вводит в западно-европейскую литературу тему бегства поэта из столицы и противопоставление: *столица* ↔ *деревня, природа* (Сатира I).

4. Поэты круга общества «Арзамас», желая ориентироваться на нормы классической европейской литературы, считали

---

¹ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб, 1998. С. 218.

Н. Буало одним из главных авторитетов европейской поэзии². В. Л. Пушкин, К. Н. Батюшков, молодой А. С. Пушкин пишут целый ряд стихотворений, которые можно считать подражаниями текстам Буало. Батюшков переводит 1-ую Сатиру французского поэта. В этом, правда недословном, переводе, также появляется слово «уголок» в разбираемом значении: Бежать от должников, бежать из всех мне ног / И в тихом уголке надолго притаиться. / Ах, если б поскорей найти сей уголок!.. (ср. также другие стихотворения Батюшкова: А я так дом хочу купить / И в нем тихохонько с женою век прожить / Под сенью отчего пената. / Землицы уголок не будет лишний нам: / От детства я любил ходить за виноградом, / Водиться знаю с стадом... – Странствователь и домосед; Что в громких пеньях мне? Доволен я мечтами, / В покойном уголке тихонько притаюсь... – Послание к Н. И. Гнедичу). Еще чаще «уголок» встречается в юношеской лирике А. С. Пушкина (Приветствую тебя, пустынный уголок, / Приют спокойствия, трудов и вдохновенья, / Где льется дней моих невидимый поток / На лоне счастья и забвенья. – Деревня; Блажен, кто на просторе / В укромном уголке / Не думает о горе... – Городок; ...Найти нетрудно нам красивый, светлый дом, / Где, больше не страшась народного волненья, / Под старость отдохнем в тиши уединенья, / И там, расположась в уютном уголке, / При дубе пламенном, возженном в камельке... – К Лицинию; ...И мирный неги уголок / Ночь сумраком одела, / В камине гаснет огонек, / И свечка нагорела... – Мечтатель; Не лучше ли в деревне дальней, / Или в смиренном городке, / Вдали столиц, забот и грома, / Укрыться в мирном уголке, / С которым роскошь незнакома, / Где можно в праздник отдохнуть! – Послание к Юдину; Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок, / Исписанный когда-то мною, / На время улети в лицейский уголок / Всесильной, сладостной мечтою. – В альбом Пушину). Финальный монолог Чацкого (и по смыслу, и по пафосу напоминающий 1-ую Сатиру Буало) также заканчивается словами: ...пойду искать по свету, / где оскорбленному есть чувству уголок!

5. В лирике Горация слово *angulus* встречается еще один раз в значении «укромный уголок (как место свиданий)»: *punc et*

² Томашевский Б. В. Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 29; Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. М., 1989. С. 59–67.

latentis proditor intumo / gratus puellae risus ab angulo / pignusque dereptum lacertis / aut digito male pertinaci (Horat., Carm., I, 9, 21–24). Как кажется, слово «уголок» в таком значении также может быть обнаружено в лирике начала XIX века: Блажен, кого под вечерок / В уединенный уголок / Моя Людмила поджидает / И другом сердца назовет... (А. С. Пушкин, Руслан и Людмила); Или ваш батюшка с мадамой, за пикетом, / Мы в темном уголке, и кажется, что в этом. / Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик, дверь... (А. С. Грибоедов. Горе от ума). Наиболее интересным представляется смешение двух различных, но восходящих в конечном счете к лирике Горация, значений слова «уголок» в едином контексте: И ты, моя Лилета, / В смиренный уголок / Приди под вечерок / Тайком, переодета! (К. Н. Батюшков, Мои пенаты).

Е. В. Антоненц

К вопросу о синтаксисе латинских количественных числительных больше тысячи

I. Синтаксису количественных числительных в существующих грамматиках латинского языка уделяется мало места. В большинстве грамматик о синтаксисе *mille* говорится лишь, что иногда это числительное выступает в синтаксической роли существительного, а иногда – в роли прилагательного¹. В некоторых грамматиках к этому прибавляется, что числительные, кратные тысяче, всегда функционируют как существительные². Ни у Соболевского, ни у Боровского и Болдырева, ни у Вудкока не сообщается о том, каков синтаксис числительных, не кратных тысяче (например, 2100, 3340). Разъяснения по этому поводу можно найти в грамматике Кюннера-Штегманна, где дается следующее правило: если за множественным числом *mīlia* следует меньшее числительное и соответствующее существительное стоит не после *mīlia*, а после меньшего числительного, то это существительное не зависит от *mīlia*, а согласуется с меньшим числительным («стоит в том падеже, какого требует конструкция предложения»). Кюннер приводит (не указывая источников) такие примеры: *tria milia hominum et quingenti* или *tria milia et quingenti homines*; *duo milia quadringenti octoginta unus homines*³. Проведенное исследование классической прозы показало, что почти все эти положения нуждаются в уточнениях и исправлениях, которые можно суммировать следующим образом.

II. Числительное *mille* *тысяча* обычно выступает в функции несклоняемого прилагательного, например:

¹ С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. Часть первая (теоретическая). Морфология и синтаксис. Изд. 3-е, просмотренное. М., 1948. § 183.

² Я. М. Боровский, А. В. Болдырев. Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов. Изд. 4-е, доп. М., 1975. § 141; Е. С. Woodcock. A New Latin Syntax. London, [1959] (= 1999). § 77, 1.

³ R. Kühner, C. Stegmann. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. Zweiter Teil: Satzlehre. Erster Band. Hannover, 1988. § 121, 2.

exercitum a. d. VI Kal. Mai. Rhodanum traieci magnis itineribus, Vienna <m> equites mille uia breuiore praemisi (*Planc. fam. X, 9, 3*).

В то же время у авторов классической эпохи весьма часто числительное *mille* фигурирует в роли существительного, требующего при себе несогласованное определение в родительном падеже. Случаи такого употребления встречаются у Цицерона и Непота:

ante fundum Clodi quo in fundo propter insanas illas substructiones facile hominum mille uersabatur ualentium ... (*Cic. Mil. 53, 3-5*)

(*cūitās*) mille *mīsit* mīlitum (*Nep. Milt. 5, 1*),

но особенно часто они представлены у Ливия, который допускает при *mille* как ту, так и другую конструкцию в одинаковых синтаксических позициях:

(в качестве подлежащего) *Hispani quoque, paulo minus* mille homines ... ad consulē transtulerunt signa (*Liv. XXIV 42, 8*)

iam mille armatorum <muri> ceperant partem (*Liv. XXV 24, 2*),

(в качестве прямого дополнения) *decem turmas equitum et* mille pedites *misit* (*Liv. XXXIII 7, 4*)

mille Macedonum *eo miserat* (*Liv. XXXIII 14, 4*),

(с предлогом *cum*) *cum mille mercennariis militibus* ... et duobus milibus Argiuorum Lacedaemonem ad Nabim uenit (*Liv. XXXIV 29, 14*)

missus extemplo Athenas est C. Claudius Cento cum *uiginti longis nauibus et* mille militum (*Liv. XXXI 14, 3*); *L. Scipionem fratrem* cum *decem milibus peditum, mille equitum* ad oppugnandam opulentissimam in iis locis urbem – Orongin barbari appellabant – mittit (*Liv. XXVIII 3, 2*)⁴.

В тех случаях, когда *mille* выступает в функции существительного, относящееся к нему согласованное определение или

⁴ Другие примеры конструкции *mille* + *gen.*:

mille iugerum agri cum filio possideret (*Liv. VII, 16, 9*); *mille carpentorum scripsere fuisse* (*Liv. X, 30, 4*); *Hasdrubal cum octo milibus peditum, mille equitum ... iter ad mare conuertit* (*Liv. XXI 61, 2*); *itaque misisse mille sagittariorum ac funditorum* (*Liv. XXII 37, 8*); *paulo minus mille equorum* (*Liv. XXIII 49, 11*); *prius mille hominum uallum intrasse quam quisquam sentiret* (*Liv. XXIV 40, 12*); *mille admodum hostium utraque pugna occidit* (*Liv. XXVII 30, 3*).

именная часть сказуемого ставится в среднем роде единственного числа:

ad mille hominum cum Ti. Sempronio Blaeso quaestore amissum (*Liv. XXII 31, 7*)

plus mille hominum captum cum sex et triginta militaribus signis (*Liv. XXIV 41, 10*).

III. Числительное *mīlia* (во мн. ч.) рассматривается как существительное и соединяется с родительным падежом существительного в том случае, если числительное состоит из целого числа тысяч: *decem mīlia cīuium* (*Cic. Verr. II, 163*), *duodecim mīlia tunicārum* (*Liv. XXIX 36, 3*), *quadrāgintā mīlia scūtōrum* (*Liv. VII 37, 16*), *cum equitum quattuor mīlibus* (*Planc. fam. X 15, 3*).

Определение или именная часть сказуемого при *mīlia*, когда речь идёт о целом числе тысяч, в подавляющем большинстве случаев ставится в среднем роде множественного числа:

supra septem milia hostium caesa (*Liv. III 31, 4*).

Тем не менее иногда согласование происходит по роду зависящего от *mīlia* существительного, например:

decem et sex milia peditum more Macedonum armatū fuere, qui phalangitae appellabantur (*Liv. XXXVII 40, 1*).

IV. В случае, если числительное больше 2000 состоит из тысяч и чисел меньших разрядов (сотен, десятков, единиц) и в его составе присутствуют склоняемые компоненты, эти склоняемые компоненты ставятся в том роде, к которому принадлежит существительное, зависящее от *mīlia*: caesa ibī hostium duo mīlia quadringentī (*Liv. X 46, 12*) там было убито две тысячи четыреста неприятельских солдат; captiuōrum recepta septem mīlia et quadringentī (*Liv. X 20, 15*) было вызволено семь тысяч четыреста пленных; cēnsa cīuium capita centum quattuor mīlia septingentā quattuordēcim dīcuntur (*Liv. III 3, 9*) говорят, по переписи насчитывалось сто четыре тысячи семьсот четырнадцать душ.

V. Синтаксическая конструкция при составных числительных больше 2000 возможна двоякая: либо, как в случае с целым числом тысяч, существительное зависит от числительного и ставится в родительном падеже: duo mīlia hominum et quīngentī (*Liv. III 15, 5*); либо числительное приобретает синтаксическую роль прилагательного и его изменяемые компоненты согласуются с существительным: duo mīlia quīngentī hominēs (*Liv. VIII 16, 14*).

У Ливия обе конструкции как равноправные встречаются в одинаковых ситуациях:

(подлежащее) *ad duo milia hominum et quingenti ... Capitolium ... occupauere* (*Liv. III 15, 5*)

ad quattuor milia et quingenti pedites equitesque ... peruenere (*Liv. XXII 54, 1*)

(прямое дополнение) *Fabius ... quattuor milia et quingentos Perusinorum occidit* (*Liv. X 31, 3*)

quattuor milia et quingentos equites armavit (*Liv. XXVIII 12, 13*)

При согласовании сложного числительного больше 2000 с именной частью составного сказуемого употребительны три конструкции.

(1) Именная часть сказуемого согласуется со словом *milia* и ставится в среднем роде множественного числа, а существительное при этом стоит в родительном падеже:

captiuorum recepta septem milia et quadringenti (*Liv. X 20, 15*)

caesa ergo Samnitium sedecim milia trecenti, capta duo milia septingenti (*Liv. X 31, 7*)

ibi capta armatorum duo milia nongenti (*Liv. X 15, 6*)

(2) Именная часть сказуемого согласуется с входящим в состав числительного изменяемым компонентом (чаще всего это – обозначение сотен), а существительное при этом ставится также в родительном падеже:

septem milia octingenti hostium occisi, duo milia et centum uiginti capti (*Liv. X 19, 22*)

Samnitium caesi tria milia ducenti, capti quattuor milia septingenti (*Liv. X 34, 3*)

duo milia octingenti Etruscorum caesi (*Liv. X 37, 2*)

(3) Числительное выступает в роли прилагательного, существительное ставится в требуемом по смыслу падеже (обычно именительном), а изменяемые компоненты числительного (обозначения сотен) и именная часть сказуемого согласуются с существительным:

quadraginta quinque milia quingenti pedites, duo milia septingenti equites ... caesi dicuntur (*Liv. XXII 49, 15*)

duo milia et quingenti Mysi sagittarii his adiuncti erant (*Liv. XXXVII 40, 8*)

Кроме того, встречаются смешанные случаи:

caesa ibi hostium milia quadringenti, minus duo milia capti (*Liv. X 46, 12*)

duodecim milia hostium caesa, Sardorum simul Poenorumque, ferme tria milia et septingenti capti (*Liv. XXIII 40, 12*)

VI. Особо следует отметить, что не только единственное число *mille*, но и множественное число *mīlia*, могут, вопреки устоявшемуся представлению, выступать в синтаксической роли несклоняемых прилагательных: *ad quattuor milia et quingenti pedites equitesque* (*Liv. XXII 54, 1*); *duo milia septingenti equites* (*Liv. XXII 49, 15*); *duo milia et quingenti Mysi sagittarii* (*Liv. XXXVII 40, 8*).

Д. Е. Афиногенов

Император Феодосий III и мифологизация византийского иконоборчества

Во всей византийской истории не было такого периода, который подвергся бы большей мифологизации в источниках, чем эпоха иконоборчества, особенно первая ее часть (726–784). Начался этот процесс очень рано, а к середине IX в. отличить крупницы реальности от нагромождения всякого рода сказочных и полусказочных подробностей стало уже практически невозможно. Мифологизация шла двумя путями: с одной стороны, иконоборцам, в особенности императору Константину V (741–775), приписывались не имеющие ничего общего с действительными богословские воззрения, а с другой – формировалась квазиисторическая версия событий начиная с ранней карьеры и прихода к власти императора Льва III (717–741), отца Константина. Однако, говоря о причинах рассматриваемого явления, нельзя допускать упрощений – например, сводить все к «иконопочитательской пропаганде». В общих чертах эволюция тематики, связанной с первым периодом иконоборчества, в византийской литературе можно реконструировать следующим образом. В 763–764 г. против Константина V был организован крупномасштабный и крайне опасный придворный заговор. В рамках пропагандистского «обеспечения» этого заговора распускались слухи о неортодоксальных взглядах императора с целью подрыва его легитимности (напр., что он выступал не только против почитания икон, но и мощей, не признавал Марию Богородицей, а только Христородицей и т. п.). Еще патриарх Никифор, полемизируя с иконоборцами в 815–829 гг., как показывает тщательный анализ его сочинений, отличает подлинную точку зрения Константина от приписанной ему (Никифор имел доступ к подлинным документам), однако для большинства византийцев это различие к тому времени совершенно стерлось (ср. Житие Никиты Мидикийского Феостирикта, гл. 28). Между 780 и 784 г. был создан несохранившийся до нашего времени источник, условно названный мною **Historia Leonis*¹, главной пропа-

¹ См. *Afinogenov D. A Lost 8th Century Pamphlet against Leo III and Constantine V? // Eranos, 100, 2002, p. 1–17.*

гандистской целью которого было, помимо защиты почитания икон, утверждение прав на престол малолетнего Константина VI в противовес притязаниям его матери Ирины. Однако ко времени создания хроники Феофана Исповедника (ок. 813–814 г.), черпавшего материал о правлении Льва III и Константина V именно из *Historia Leonis, политическая направленность этого произведения забылась, и вопрос об иконах оказался в центре внимания. Соответственно, зафиксированные *Historia Leonis инсинуации, призванные скомпрометировать Константина, получили статус респектабельной исторической информации. Впоследствии мифотворчество продолжалось, породив, в частности, такие курьезы, как вставленный во вторую редакцию хроники Георгия Амартола (последняя четверть IX в.) рассказ об уничтожении Львом III некоего училища в Константинополе². Немалый вклад в процесс мифологизации внесло и то обстоятельство, что для периода от 718 до примерно 745 г. в распоряжении автора утраченного сочинения, по-видимому, не было никаких письменных источников, а для последующего времени он пользовался в основном личными воспоминаниями и скудными заметками дворцовых протоколов. Место отсутствовавших сведений заняли легенды, передававшиеся, очевидно, в устной форме (напр., «легенда о патриархе Германе» или знаменитая история о снятии образа Христа на воротах Халки).

До какой степени может трансформироваться историческая реальность в рассказах позднейших источников о первом периоде иконоборчества, очень хорошо поясняет фигурирующий в некоторых из них образ императора Феодосия III (715–717). Естественно, последний православный царь, после которого на престол взошел еретик Лев III, изображается исключительно в положительном ключе. Однако логика развития образа приводит к неожиданным последствиям. Так, в Житии св. Феодосии Константинопольской, сохранившемся лишь в славянском переводе в составе т. н. Успенского сборника³ (оригинал, скорее всего, не младше конца IX в.), мы читаем, что святая родилась в четвертый год правления Феодосия (который правил неполных 2 года). Это еще можно объяснить смешением унциальных

² Georgii Monachi chronicon / ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978, p. 742,1–22.

³ Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971, с. 248–253, л. 143а–146а.

«альфы» (число 1) и «дельты» (число 4). Однако из дальнейшего изложения следует, что св. Феодосия к моменту воцарения Льва достигла по меньшей мере 10-летнего возраста! Вероятно, в источнике, которым пользовался автор Жития, имелся в виду период между приходом Льва к власти и началом его иконоборческих мероприятий (717–726), но в дошедшем до нас тексте эти годы безоговорочно приписаны Феодосию, потому что это делает сюжет более наглядным: аскетические подвиги святой при благочестивом царе противопоставлены страданию за веру при тиране-еретике. Действительная хронология при этом агиографа не волнует.

Еще интереснее версия, представленная в Послании трех восточных патриархов императору Феофилу от 836 г. Оно содержит рассказ о Льве и еврейских чародеях, в вводной фразе к которой говорится о 130 годах, прошедших с появления иконоборчества до момента написания Послания⁴. Издатель текста Х. Гауер (S. 91, Anm. 18), следуя П. Шпеку⁵, считает этот фрагмент интерполяцией. Группа английских издателей под руководством Дж. Мунитиса⁶, указывая на хронологические проблемы, осторожно предполагает порчу текста, при которой цифра $\rho\lambda'$ трансформировалась в $\rho\lambda'$. На самом же деле, если царствование императора Феодосия III воспринимать не в историческом, а в сказочно-литературном контексте, несложно вычислить, как появилась цифра 130. Прежде всего, нужно считать не от 726 г., когда Лев III стал выступать против священных изображений, а от завязки сюжета, то есть момента, когда евреи пришли к халифу Йазиду, чтобы обманом побудить его уничтожить христианские иконы. Значит, к цифре $836-726=110$ нужно прибавить 9 лет, в течение которых Лев, согласно церковнославянскому переводу Послания, «Многосложному свитку» (гл.

---

⁴ Gauer H. Texte zum Byzantinischen Bilderstreit. Frankfurt a. M., 1994 (Studien und Texte zur Byzantinistik, 1), S. 90, 32 (Ps.-Damascenus.); S. 133, 20 (Codex Athous Iberorum 381).

⁵ Speck, Ich bin's nicht, Kaiser Konstantin ist es gewesen. Bonn, 1990, S. 191; 498.

⁶ The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilos and Related Texts / ed. by J.A. Munitiz, J. Chrysostomides, E. Harvalia-Crook, Ch. Dendrinis. Camberley, 1997, p. 96, n. 51.

44)⁷, отражающему полный исходный текст, царствовал православно. Один год прошел от появления чародеев при дворе Йазида до смерти халифа. Остальные 10 лет, как мне представляется, ушли, по мысли автора, на то, чтобы Лев дослужился от простого рекрута до высокопоставленного военачальника – но происходило это именно в правление Феодосия, как указывает начальная фраза: «Феодосий, иже от Адрамантии (т. е. г. Адрамиттия – Д.Е.) родом, царску честь и власть прием, Йезе же аравитом сущу князю». Приведенные примеры лишний раз показывают, насколько внимательным нужно быть историку, сталкивающемуся с заведомо глубоко мифологизированным повествованием.

---

⁷ Критическое издание этого памятника подготовлено мною в рамках проекта, финансируемого стипендией Фонда им. А. Фон Гумбольдта (Германия).

А. В. Белоусов

Ахилл и амазонки на Белом острове

Однажды Амазонки (а они жили по Филострату у негостеприимной стороны Понта, где тянутся Таврические горы, в стране, которую окружают стекающие с этих гор реки Фермодонт и Флин) захватили в плен неких моряков с Геллеспонта. Между одной Амазонкой и пленным юношей возникла любовь, и Амазонка сия упросила царицу Амазонкскую, приходящуюся ей сестрой, не продавать пленников скифам. Моряки были освобождены и стали жить с вместе с Амазонками, и «даже стали говорить на их языке». Как-то они, рассказывая о своих морских приключениях, упомянули и об Ахилловом острове и о его богатом храме¹. Амазонки велят им строить корабли для перевозки лошадей, чтобы совершить набег на Ахиллов остров верхом на конях, «ведь Амазонки, когда слезут с коней, оказываются слабыми и в полном смысле женщинами» (καταβάσαι γὰρ ἵππων Ἀμαζόνες θῆλύ τε εἰσι γένος καὶ ἀτεχνῶς γυναικες). Научившись гребле, Амазонки поплыли на Белый остров. По прибытии сюда они велели Геллеспонтийцам вырубать деревья, коими был кругом обсажен Ахиллов храм, но топоры их обрушились на них же, так что все они там и полегли, зарубленные собственными топорами. Тогда Амазонки сами бросились на храм с воинственным гиканьем и воплями. Но тут явился сам Хозяин острова и «навёл такой ужас на коней» Амазонок, что кони сбросили своих наездниц и стали бить упавших копытами и тут же «поедать обнаженные руки лежащих Амазонок и, разрывая их перси, бросались на внутренности и пожирали их» (κειμένων τε γυμνάς ὠλένας ἤσθιον καὶ τὰ στέρνα ῥηγνῦσαι προσέκειντο τοῖς σπλάγχχνοις καὶ ἐλάφυσσον). «Наевшись человеческого мяса, они стали бегать по острову и

¹ А там, по словам Арриана (ΡΡΕ 32), много было всего: καὶ γὰρ καὶ ἄλλα πολλὰ ἀναθήματα ἀνάκειται ἐν τῷ νεῶ, φιάλαι καὶ δακτύλιοι καὶ λίθοι τῶν πολυτελεστέρων· ταῦτα ξύμπαντα χαριστήρια τῷ Ἀχιλλεῖ. καὶ ἀνάκειται καὶ ἐπιγράμματα, τὰ μὲν Ῥωμαϊκῶς τὰ δὲ Ἑλληνικῶς πεποημένα ἐν ἄλλῳ καὶ ἄλλῳ μέτρῳ, ἔπαινοι τοῦ Ἀχιλλέως, ἔστιν δὲ ἅ καὶ τοῦ Πατρόκλου.

беситься, наполненные человеческой кровью (μειστοὶ λυθροῦ), а потом, остановившись на береговых возвышенностях и увидев поверхность моря, они приняли её за равнину и бросились в морскую пучину». Пустые суда Амазонок также погибли, «один корабль разбивал и топил другой, будто в морском сражении – боковые и носовые удары, какие наносят кормчие во время битвы, происходили между пустыми кораблями, носившимися в беспорядке. Тогда множество корабельных обломков было принесено волнами к храму, вокруг него лежали еще живые, полусъеденные люди, и повсюду были разбросаны человеческие останки и выброшенные лошадьми куски мяса, а Ахилл легко произвел очищение острова: он поднял поверхность моря и все это смыл и очистил» (57. 1–17).

Что сразу бросается в глаза в этом рассказе, безотносительно к его яркому содержанию, так это его стилистика, типичная для повествовательного фольклора². Внешность героев не конкретизируется, время действия также, но ясно, что события происходят в стародавние времена. Предание явно возникло «еще на самых начальных этапах функционирования святилища»³ и, скорее всего, является древней храмовой легендой Ахиллова острова. Ярко выступает связь Ахилла со служительницами Великой богини, Амазонками. «Амазонки, – пишет М. И. Ростовцев, – локализовались там, где существовал древний культ Богини Матери... амазонки – её вооружённые жрицы»⁴, Филострат называет их «отцом и родителем» (ὁ πατήρ τε καὶ φύτουρός αὐτῶν Ἄρης) Ареса (57. 3), но, по большинству свидетельств, почитали они Ареса совместно с Артемидой (древнейшей доэллинской Πότνια Θηρῶν)⁵. Их хтоничность (а в Северном Причерноморье их представляли как служительниц Великой Богини, причем в

² См. В. Я. Пропп. Фольклор и действительность // Русская литература 37 (1963). С. 66.

³ С. Б. Охотников, А. С. Островерхов. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 77.

⁴ См. М. I. Rostovtseff. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1927. P. 81. См. также И. Ю. Шауб. Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 81 и Ф. М. Bennet. *Religious Cults Associated with the Amazons*. N.Y., 1912. P. 17–29.

⁵ Вообще обзор источников об Амазонках см. у J. Toepffer. *Amazones* // RE, I Bd., 2 Hbb. Sp. 1754–1771.

ее загробном аспекте⁶) и связь с загробным миром выступает в их неотделимости от коня⁷. Образ коня сам в свою очередь неотделим от Великой Богини, Владычицы животного и растительного мира, не случайно одним из эпитетов Микенской Богини, как и у Иштар был эпитет «Владычицы лошадей» (Proto-ni-ja i-qe-ja, т. е. Potniāi hiqq^weiaī – «Владычице лошадей» dat.)⁸. Скифская змееногая богиня представлена на совершенно одинаковых конских налобниках, найденных при раскопках курганов Большая Цимбалка и Толстая Могила⁹. М. И. Ростовцев полагал, что в религии скифов эта богиня манифестировалась и как водная и как повелительница коней и являлась при этом результатом смешения Πότνια θηρών с полуперсидской Анхитой¹⁰. Принесение в жертву коня – традиционный обряд в культе Великой богини не только среди иранских племён, но и

⁶ И. Ю. Шауб. Ахилл – бог древнего Причерноморья // Новый часовой, 2002, № 13–14. С. 84.

⁷ О культовой семантике коня см. Д. Н. Анучин. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда // Древности. Труды Московского археологического общества, т. XIV, 1890; Neglein J. Das Pferd im Seelenglauben und Totenkult // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, Bd. 1, 1901; Neglein J. Das Pferd im arischen Altertum. Königsberg, 1909; Malten L. Das Pferd im Totenglauben // Jahrbuch des keiserlichen deutschen archäologischen Instituts, XXIX, 1914. S. 17–256; Howey M. O. The horse in magic and myth. London, 1923; Худяков М. Г. Культ коня в Прикамьи // Из истории докапиталистических формаций: Сборник статей к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра. М.-Л., 1933; Benoit F. L'héroisation equestre // Publication des Annales de la Faculté des Lettres. Aix-en-Provence, Nouvelle serie, № 7, Édition Ophrys, 1954. P. 146, tab. XXVII, pp. 58–67.; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2002. С. 142–152; Иванов Вяч. Вс. Конь // Мифы народов мира. М., 1980, I. С. 666; Ivanov V. V. Comparative Notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // UCLA Indo-European Studies, 1999. Vol. 1. P. 147–264 и др.

⁸ См. PY An 1281. Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek, 2nd ed., Cambr., 1973. P. 483, 548; Lejeune M. Mémoires de philologie mycénienne. Première série, Paris, 1958; Ivanov V. V. Comparative Notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // UCLA Indo-European Studies, 1999. Vol. 1. P. 204.

⁹ См. И. Ю. Шауб. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus 3 (1999) (с библиографией).

¹⁰ Rostowzew M. Fische als Pferdeschmuck // Opuscula archaeologia O. Montelio dicata. Stockholm, 1913. S. 223–232.

вообще у древних индоевропейцев. Самые ранние свидетельства о жертвоприношении коня на территории Южной России относятся к середине IV тысячелетия до н. э. – это культовое захоронение у очага жеребца рядом с останками двух собак¹¹. Очаг, конечно, древнейший символ богини Матери. Весьма показательным в этом отношении изображение на серебряной позолоченной пластине из Мерджан¹², где представлена восседающая на троне Богиня со священным округлым сосудом в руках, справа от неё изображено мировое древо, а слева – столб с конским черепом на вершине, «что свидетельствует о принесении ей в жертву коня»¹³. Итак, как мы сказали, Амазонки связаны с конём как жрицы Богини Матери. Нельзя исключать того, что «вытеснение амазонок в преисподнюю и смещение представлений об их владычице было обусловлено социально-историческими сдвигами»¹⁴, радикальным сдвигом от *Mutterrecht* к *Vaterrecht*. Видимо и победа над ними Ахилла – это утверждение «отцовского права» над отжившим своё «правом материнским»¹⁵. Обращение к этрусскому материалу ещё более утверждает в этой мысли.

«Этрусские амазонки, – пишет Е. В. Мавлеев, – выступают как специфические разновидности демонов преисподней, которых позволено уничтожать людям, точнее мужчинам. Данная тема выступает на фоне существенных модификаций в репер-

¹¹ См. В. Б. Ковалевская. Конь и всадник. Пути и судьбы. М., 1977. С. 19. Собака, кстати, говоря, также связана в Причерноморье с культом Великой богини – см. И. Ю. Шауб. Ук. соч.

¹² М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. Л.-Прага, 1996. Табл. 331 См. также: Ю. А. Виноградов. «Гам закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.). СПб, 2004. С. 128–129, рис. 38. 2.

¹³ И. Ю. Шауб. Ук. соч.

¹⁴ И. Ю. Шауб. Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 85.

¹⁵ Хотя вообще в мифологии Ахилла есть эпизод, когда он, спасаемый Фетидой от участия в Троянской войне, пребывает на острове Скиросе среди дочерей Ликомеда. Об этом см. *Hug. fab.* 96; *Stat. Achil.* 207; *Bion.* II. 5; *Apoll.* III. 13. 8; *Schol.* II. IX. 668; *Paus.* I. 22. 6. Его пребывание на Скиросе под видом одной из дочерей Ликомеда очень напоминает рассказы Геродота и Гиппократов о скифских энареях, служителях Богини (*Hdt.* I. 105; IV. 67; *Hipp.* De aeris. 22). Впрочем Филострат рационализирует эту легенду на свой лад (46. 2–4).

туаре этрусских художников: впервые широко вводятся сцены убийства мужчинами женщин. Среди других женских персонажей амазонки оказываются единственным исключением из правила: они противятся устанавливаемому мужчинами порядку. Однако, для IV в. до н.э. воплощенное образно амазонками мировоззрение для обыденного сознания уже немыслимо, они – нечто из области нереального, и потому амазонки оказываются на положении особого рода демонов, существ, принадлежащих более не миру людей, но над миром стоящих сил. Амазонки «выводятся» в этот враждебный мир, потому что первичные некогда «матриархальные» отношения видятся теперь кошмарным сном. Этрусские же памятники IV в. до н.э. с изображениями амазонок – специфическое свидетельство «преодоления» обществом старой идеологии»¹⁶.

В сравнении с этрусским материалом контекст предания о нападении Амазонок на Белый остров становится яснее. Однако, несмотря на социально-исторические сдвиги, изменения общественных отношений, перевороты в идеологии и проч., религиозные установления меняются неохотно, и, несмотря на исчезновение (а был ли он вообще?) матриархата во внешней сфере общественных отношений, «матриархальная» психология (и религиозное сознание!) держится очень долго. Это мы можем видеть во множестве фактов религиозной истории Европы, в частности, в Северном Причерноморье, где «матриархальные» в своей основе культы доживают в условиях патриархальных общественных отношений до принятия античным миром христианства, а где-то и благополучно его переживают, всплывая в народных поверьях уже христианских в целом народов.

Я думаю, что в предании передаваемом Филостратом об Амазонках отражается не только мифическая история, в ней сохраняются также и следы ритуала. Обращает на себя внимание эпизод, когда взбесившиеся лошади Амазонок бросаются в море, приняв его за равнину. Известно, что лошади приносились греками в жертву Посейдону и речным божествам, «при чемъ онѣ не убивались, а живьемъ бросались въ море или рѣку; на о. Родосѣ ежегодно бросали въ море 4-хъ лошадей въ жертву

---

¹⁶ Е. В. Мавлеев. Амазонки в Этрурии // Искусство и религия. Л., 1981. С. 17–18.

Геліосу»¹⁷. Связь, как я полагаю, налицо. Рассказывать о родстве Ахилла и Посейдона необходимости, думаю, нет, тем более, что мы помним, как Ахилл стал Владыкой Понта. Ничто не мешает нам видеть в данном эпизоде легенды отражение реального в действительности жертвоприношения коня. Посейдону ли, Ахиллу ли? Да, но, скорее всего изначально Великой Богине матери, ведь это она исконно была Владычицей лошадей, а Посейдон и Ахилл её паредры. Ахилл поставлен Посейдоном Владыкой Понта, он в силах даже «поднимать поверхность моря» и видимо конская жертва – это жертва самому Ахиллу¹⁸. Во многих мифических сказаниях боги сами учат, как приносить им жертвы, потому-то миф и становится программой действий исполняемых в ритуале, миф – «образцовая история», которая должна вечно повторяться, идеальная парадигма. Видимо, основываясь на этих поразительных функциональных сходствах Ахилла и Посейдона, некоторые исследователи и ассоциировали Причерноморского Ахилла со скифским Посейдоном – Тагимасадом¹⁹.

---

¹⁷ В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Часть 2. Богослужбные и сценические древности. Издание 2-е, исправленное. СПб., 1899. С. 86. См. также M. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion. München, 1941, Bd. I. S. 220, Anm. 3.

¹⁸ Ахилл, как и Посейдон, является повелителем лошадей, что наглядно показано в предании о нападении Амазонок. В Илиаде его лошади наделены божественной природой (II. XVI. 145–154), он единственный из Гомеровских героев, кто может даже разговаривать с лошадьми. Павсаний сообщает, что Фарсальцы поставили конную статую Ахилла, «рядом с которым бежит Патрокл» (Paus. X. 13. 5). В Ольвии, на Тендровской косе, проводился конный агон в честь Ахилла. В одном письме-граффито из Ольвии упоминается об отлове на Гилее белых лошадей (см. А. С. Русяева. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и её округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 147), видимо для целей жертвоприношения (но именно для ἐνάγισμα, для которого использовали лошадь именно белой масти).

¹⁹ См., напр., М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 2 (1961). С. 77; В. Д. Блаватский. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА 4 (1964). С. 18–19; М. Ф. Болтенко. Herodoteanea // МАСП, 1962. С. 13–32.

Е. И. Белявская, С. С. Карпушев, Н. В. Титова

Конкорданс к естественнонаучным произведениям М. В. Ломоносова

Работа по составлению конкорданса к естественнонаучным произведениям Ломоносова является частью большого проекта «Словарь языковой личности М. В. Ломоносова», который осуществляется в ИЛИ РАН с 2002 года. Наш конкорданс имеет несколько достоинств, отличающих его от большинства ранее созданных. Во-первых, он включает в себя материалы на двух языках – русском и латинском (предполагается также немецкий). Во-вторых, объектом работы стали естественнонаучные труды Ломоносова: научный язык XVIII в. изучен недостаточно, и, таким образом, создаваемый конкорданс является началом движения к освоению этого обширного и практически неисследованного материала.

При составлении словоформоуказателя нами использовались тексты 1–3 томов Полного собрания сочинений Ломоносова (М.; Л., 1952). В конкорданс, однако, не включались тексты переводов латинских текстов Ломоносова, выполненных при подготовке издания филологами прошлого века. Полный список использованных текстов прилагается к словоформоуказателю.

Работа по составлению конкорданса состояла из нескольких этапов. Сначала тексты были приведены в электронный вид; форматирование оригинала, по возможности, сохранялось. Для этого использовалась программа ABBYY FineReader 5.0 и 6.0. Распознавание текста проводилось автоматически, а затем полученный результат выверялся вручную по вышеуказанному изданию. Второй этап работы заключался в компьютерной обработке выверенных текстов специальной программой «Context dictionary builder», созданной С. С. Карпушевым (StarSoft Development). Программа автоматически выделяет минимальные контексты всех слов, подсчитывает словоупотребления и указывает их местонахождение в собрании сочинений. На третьем этапе полученный материал еще раз вычитывался, и материалы подготавливались к публикации на сайте.

На каждом этапе возникали определенные трудности, связанные со спецификой обрабатываемого текста. Сначала проблему составило употребление Ломоносовым букв греческого алфавита, алхимических символов, других редких знаков

(диакритика, немецкое готическое письмо и др.). При передаче подобных символов были использованы возможности шрифтов MS Word, однако в ряде случаев (напр., сложные математические формулы) такая передача оказалась невозможна. Символы не являются частью собственно «языка» Ломоносова, и поэтому мы исключили их из обрабатываемого материала, снабдив пропуски пометой «здесь формула».

В данном издании номер тома и название произведения указываются вверху каждой страницы, – эти редакторские колонтитулы приходилось удалять. Также мы были вынуждены вручную вырезать иллюстрации, вставленные в текст (иллюстрации на отдельных страницах сканированию не подвергались) и формулы: и те, и другие элементы затрудняли распознавание и последующую компьютерную обработку текста.

Особую проблему представили сноски. В издании присутствует два типа сносок: авторские и редакторские. Первая разновидность сохранялась во всех случаях, вторая – только тогда, когда в качестве варианта были представлены целые предложения. Редакторские сноски типа «в рукописи опечатка» или «зачеркнуто...» были удалены.

В результате первого этапа обработки текст приводился к следующему виду: каждое произведение составляло отдельный файл формата MS Word с сохранением разбивки на страницы, аналогичной печатному изданию; страницы отделялись друг от друга «разрывом страницы», нумерация их проставлялась в левом верхнем углу жирным шрифтом; авторские сноски оформлялись как стандартные сноски MS Word.

Далее текст обрабатывался с помощью программы «Context dictionary builder». За минимальный контекст было принято одно целое предложение. Программа выделяла отрезки текста от точки до следующей точки (или вопросительных/восклицательных знаков/многоточия), вне зависимости от наличия заглавных букв внутри отрезка. Однако возникала проблема «ложных точек», т. е. использования точек *не* в конце предложения, а в сокращениях, наименованиях геометрических фигур. Во избежание подобных ошибок был создан отдельный список, куда вручную заносились все встреченные в трудах Ломоносова сокращения. Тем не менее, в тех случаях, когда сокращение попадало на границу между предложениями, избежать ошибочного деления не удавалось. Такие фрагменты были разбиты вручную при последующей вычитке конкорданса.

На третьем этапе основные трудности были связаны с неверным определением программой заглавного слова. В результате компьютерной обработки в число заглавных слов были внесены названия отрезков, части формул, – их приходилось удалить из конкорданса вручную. Однако там, где они входили в состав контекста на другое заглавное слово, мы оставляли их. Также были разбиты ошибочно объединенные фрагменты, в которых граница предложения совпадала с употреблением сокращения.

В результате получен полный латинский и русский конкордансы естественнонаучных сочинений М. В. Ломоносова, включающие в себя также имена собственные. Конкорданс опубликован на сайте www.lomonosow.iling.nw.ru. В настоящее время на основе конкорданса ведется работа по составлению «Словаря к естественнонаучным произведениям М. В. Ломоносова»; параллельно ведется работа по подготовке электронной версии Полного собрания сочинений с комментариями и примечаниями. Однако работа по составлению словоформоуказателя к естественнонаучным произведениям Ломоносова является не только этапом в осуществлении проектов, связанных со «Словарем языковой личности М. В. Ломоносова», но также представляет самостоятельную ценность как для исследователей творчества Ломоносова, так и специалистов в области языка и культуры середины XVIII века.

В. А. Бондарь

Об употреблении вариантов личных местоимений в рукописях древнеанглийских текстов

Цель данной статьи – проанализировать особенности употребления местоимений в различных рукописях отдельных памятников древнеанглийского языка.

Выполненный анализ лемм рукописных изданий древнеанглийских текстов позволяет выделить три основные группы: 1. опущение местоимения; 2. добавление местоимения; 3. употребление фонетического или графического варианта ЛМ.

Опущение местоимения может быть следствием различных причин, например, писцовой ошибкой при передаче латинского текста: в переводе Евангелия от Иоанна латинской фразе “*sed ego pono eam...*” [Jn 10: 18] в «Западносаксонских Евангелиях» соответствует древнеанглийскому “*ac læte hig...*” без ожидаемого “*ic*”. В других случаях опущение может быть следствием особенностей управления глагола. Так, в известном пассаже о Кюневульфe из «Англосаксонской хроники» в предложении “...*þæt hie hie þæs ne onmunden...*” в придаточном предложении второе “*hie*” в рукописи «А» написано сверху, но отсутствует в рукописях «В», «С», «D» и «E». “*Hie*”, которое в данном примере употреблено в рефлексивной функции при глаголе “*onmunden*” «помнить», плеонастично и, следовательно, авторы четырех рукописей не использовали его, посчитав излишним такое употребление.

Интересен пример из текста «Об утешении философией»: “...*þæt he hine næfre underbæc ne besawe...*”. В рукописи «С» вместо “*he*” находим лишь “*e*”, а рукопись «В» вообще не использует данное местоимение. Отсутствие “*he*” можно мотивировать наличием двух подряд идущих придаточных объектных предложений с субъектом, выраженным местоимением. Вполне очевидно, что в языке с относительной свободой в употреблении прономинальных субъектов, опущение подлежащего второго гомогенного придаточного предложения вполне оправдано, хотя и необязательно. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело со стилистическими предпочтениями автора. Практически аналогичный пример наблюдается в «Церковной истории английского народа»: “...*þa gemette he hit swa hal & swa gesund...*”. Однако варьирование рукописных вариантов значи-

тельно шире, чем в предыдущем примере. Так, в рукописи «Т» мы имеем "...gemette **ho**" ("e" стерто), рукописи «С», «О», «Са» сохраняют местоимение "he", а рукопись «В» опускает его.

Опущение местоимений наблюдается в:

1. **функции подлежащего:** "ic" – «Западносаксонские Евангелия»: "& nu **ic** beforan eow ahsiende...", "ic" отсутствует в рукописи «А»; "hy" — «Западносаксонские Евангелия»: "& **hy** awehton hune..." отсутствует в рукописи «А»;

2. **функции дополнения:** "hit" – «Обязанности пастыря»: "...hwæder he **hit** gedafien..." отсутствует в рукописях «Н», «С», «C₁₂»; "him" – «Западносаксонские Евангелия»: "& swæþ to **him**" отсутствует в рукописи «А», и др.

Особый случай представляет собой пример из «Мировой истории» Орозия: "& twentigra monna þe he him to fultume hæfde acoren, þæt his rædþeahteras wæren...", где в обеих рукописях «В. L., Additional 47967 Lauderdale» и «В. L., Cotton Tiberius B. I» в придаточном предложении цели после союза "þæt" пропущено ожидаемое местоимение "hie". Поскольку опущение местоименного субъекта прослеживается в обеих рукописях, можно предположить, что мы имеем дело в данном случае с примером, когда в принципе распространенное явление опущение субъекта, выраженного ЛМ, ощущалось писцами как наиболее приемлемое, не идущее вразрез с их стилистическими предпочтениями.

Особо стоит отметить рукопись «Монологов» Августина. Опущение местоименных подлежащих встречается в разных позициях: придаточных предложениях, вопросах, а также в главной клаузе сложноподчиненного предложения. Отсутствуют местоимения различного рода. В придаточных предложениях, местоимение отсутствует после союзов «þæt», «gyf», «swa», «fordam», «þonne», «þa», «þeah», «hweder», «þe», «buton», «hwi». Особенно частотно опущение после «þæt», а также «gyf».

Добавление местоимений можно рассматривать как процесс обратный опущению. Отличие между этими двумя явлениями заключается в том, что отсутствие местоимения устанавливается на основе главной рукописи близкой к «Vorlage» или с помощью сличения наиболее ранних вариантов рукописей. Так, в гимне Кэдмона первая строка выглядит так: уэссекский вариант "Nu sculon herigean heofonrices weard", нортумбрийский вариант "Nu scylun hergan hefaenricaes uard". Однако в рукописи «О» сверху после "nu" написано "we", которое также добавлено в рукописях «В» и «Са». Здесь, вероятно, следует говорить об изначальном отсутствии субъектного местоимения, о чем

свидетельствуют рукописи «Т» и «N», которые в этом аспекте согласуются с нортумбрийской версией текста¹.

Добавление может касаться как местоименных подлежащих, так и дополнений. Причины добавления местоимений те же, что и при опущении. Поскольку в древнеанглийском императив или адгортив допускал употребление глагольной формы с или без ЛМ, мы имеем следующий пример из текста «О временах года»: “Wite nu forði gif...”. В рукописи «B. L., Caligula A. xv» (так называемый второй текст “*second text*”) после глагола употребляется “*þu*”.

Некоторые глаголы, в частности глаголы говорения, могут употребляться без объектного дополнения, что не влияет на смысл высказывания, который восполняется контекстом. В «Житиях святых» Эльфрика мы имеем следующее предложение: “Abbanes þa cwæð...”. Рукопись «U» использует “*him cwæð to*”. В данном примере “*him*” – проявление стилистических предпочтений писца, который счел необходимым добавить местоимение, вполне уместное в данном случае, но по сути являющееся плеонастичным: в диалоге с Фомой ответ собеседника, несомненно, адресован именно ему. Можно предположить, что переписчик вставил ЛМ, чтобы выдержать стиль: в предыдущих и последующих примерах с глаголом «*cwæðan*» уточняется адресат, а именно “*him*”, “*to þam apostole*” и т. д.

¹ Б. Митчелл указывает на то, что в рукописях с ЛМ употребление местоимения поддерживается латинским оригиналом – “*debemus*” [Mitchell 1985: § 1515, 634]. Предположение о невыраженности местоименного субъекта, по его мнению, не находит подтверждения в ряде случаев: «Книга Бытия А» 870, «Книга Бытия А» 1098, «Книга Бытия В» 828. Если принять точку зрения, согласно которой в данном тексте изначально субъектом было “*uerc uuldurfadur*”, что находит параллели в «Уставе бенедиктеновского ордена» – “*omnia opera*”, то “*we*” в таком случае можно рассматривать как позднейшую вставку и, следовательно, писцовую ошибку. Однако как мы полагаем, отсутствие ЛМ в некоторых рукописях может отражать исходное положение. Переводчик, точно следуя за латинским оригиналом, умышленно не употребляет ЛМ, тем более что бессубъектное предложение в данном случае не нарушает правильного восприятия текста. Подобные примеры опущения субъектного ЛМ встречаются, например, в «Евангелиях из Линдисфарна» и «Евангелиях Рашворта»: [MtGl (RG) 8: 11], [MtGl (RG) и LG) 9: 2] и др.

Местоименные дополнения добавлены в следующих текстах: “*hit*” в «Западносаксонских Евангелиях» – “...mot ic him forgyfan oð seofon siþas?” добавление в рукописи «*RH*»; «Законах Альфреда-Ине» – “...& befehð þærinne mon, þonne bið se his dæl sunnig...” “*hit*” в рукописи «*H*», “*hit*” в рукописи «*B*»; “*him*” в рукописи «*RH*» «Западносаксонских Евангелиях» – “Oððe gyf he bytt fisces...”, в этом же памятнике “*eow*” добавлено после глагола в рукописи «*RH*»: “Warniað þæt ge ne oferhogian”

Субъектные местоимения добавлены в следующих памятниках: “*he*”, “*heo*”, “*hy*” в рукописи «*C*» «Мировой истории»; “*we*” добавлено в рукописи «*C*»; “*ge*” в рукописи «*A*» «Западносаксонских Евангелиях», “*he*” в рукописи «*A*» добавлено перед “*hyt*”, а в рукописи «*RH*» перед глаголом “*geseah*”. В рукописи «*RH*» того же памятника добавлено “*huo*” перед “*hine*”.

К третьей группе варьирования местоимений в рукописях относятся примеры, когда вместо одного субъектного местоимения используется вариант, который отличается по своему фонетическому или графическому облику. Одной из причин варьирования местоимений данной группы являются особенности глагольного управления. Среди примеров глаголов с различным управлением можно выделить несколько подгрупп:

а) употребление местоимения в качестве рефлексива. Некоторые глаголы требуют только определенный падеж (“*langian*” – акк., “*þyncan*” – дат.), другие употребляются с несколькими падежами (“*hungrian*” — акк., дат.) [Mitchell 1985: 428-429 § 1027]. Так, в «Западносаксонских Евангелиях» встречается пример “...þa ongan hune sýððan hingrian”, в котором рукопись «*H*» вместо “*hune*” использует “*hym*”. Аналогичные примеры: в рукописи «*C*» «Мировой истории» – “*him*” вместо “*hine*”.

б) глаголы, которые могут одновременно требовать после себя дополнение в разных падежах (акк., дат., иногда ген.): в «Западносаксонских Евангелиях» в “...þu wiðsæcst min.” в рукописи «*RH*» глагол «*wiðsacan*» употребляется с местоимением в акк. – “*me*” (данный глагол может управлять акк., ген. и дат., [Mitchell 1985 I: 461, § 1092]); «Западносаксонские Евангелия» – “...hune nan þing mare axigea.” в рукописи «*H*» “*hym*”.

Другой причиной является фонетическое развитие местоимений, в результате чего в диалекте появляется несколько вариантов. Наиболее яркий пример – позднеуэссекские варианты “*him*” и “*heom*”, “*hiom*”, которые в более поздних текстах также варьируют со среднеанглийским вариантом “*hom*”: пропо-

веди Эльфрика – “...swa swa se Eallwealdend heom ude for...” в рукописи «W» и «L» употребляется “him”.

Аналогичными примерами варьирования являются: “*him-hum*” (рукопись «H» «Западносаксонских Евангелий»), “*hi-hig*” (рукопись «A» «Западносаксонских Евангелий», рукопись «O» “*hig*”, «Ca» “*hi*” «Церковной истории английского народа»), “*hie-hy*” («Мировая история» рукопись «C», «Законы» рукопись «H»), “*hy-hi-heo*” (рукописи «C» и «H» проповедей Вульфстана), “*hig-hyg-hy-hi*” и “*heo-hy-hi*” (рукопись «D» «Англосаксонской хроники», рукопись «D» «Католических проповедей I» Эльфрика), “*hie-hi*” («Об утешении философией» рукопись «C»), “*heo-hig*” (рукописи «C» и «B» «Мартирологии»), “*hie-hy-heo*” («Законы» рукописи «H», «B»), “*hio-hi*” («Об утешении философией» рукопись «C») и др.

Одной из причин варьирования ЛМ является изменением референциальной нагрузки повествования. В наших примерах данный случай ограничивается варьированием местоимений “*ge*” и “*we*”. Чередование данных ЛМ зависит от авторской позиции: он может выбрать, в зависимости от своей интенции, ЛМ, соотносящее адресата речи с адресантом – “*we*”, либо же ЛМ, которое относится исключительно к сфере адресанта – “*ge*”. «Западносаксонские Евангелия» – “**Ge** gehyrdon þæt...” исправление “*we*” на “*ge*” в рукописи «R»; «Церковная история английского народа» — “**we** weotan þæt hit soð wæs.” “*we*” в рукописях «O», «Ca», «B», в рукописи «T» — “*ge*”.

В некоторых случаях речь идет о писцовых ошибках, допущенных в тех или иных рукописях. Например, в «Житиях святых» в предложении “Wen is þæt he wille bewitan a his menn...” рукопись «D» вместо “*is*” употребляет “*ic*”. По нашему мнению, изменение ЛМ в предложении кардинально не меняет его смысл, однако не может подходить для данного контекста из-за отсутствия мотивации при смене лица повествования: в данном пассаже речь идет о Боге, и, в частности, его отношении к людям, но не об отношении автора текста к данному вопросу. В «Западносаксонских Евангелиях» в рукописи «A» вместо “*unc*”, которое употреблено в контексте, исключающем употребление любого другого лица (в предложении речь идет о двух слепых, которые обратились к Иисусу за помощью), мы находим “*me*”, что является писцовой ошибкой. В «Об утешении философией» рукопись «B» использует “*hi*” вместо “*ge*” в предложении “forðæm **ge** nauht wið hine don ne magon”, что также является

ошибкой: в предыдущем предложении используется “*ge*”, да и сама речь адресована ко 2 лицу мн. ч.

Анафорические местоимения могут также варьировать с указательными местоимениями. «Мартирология» – “...**se** þrowade martyrdom...”, “...þæt **se** sceolde...”, “ond **he** hit sealed...” в первых двух примерах в рукописи «С» используется “*he*” вместо “*se*”, в последнем примере наоборот.

Иногда рукописное варьирование происходит между ЛМ 1 л. мн. ч. и дв. ч. Так, если в основных рукописях «Ср», «В», «С», «А», «RH» «Западносаксонских Евангелий» в предложении «...gelyfe **gvt.** þæt ic **inc** mæg...» дв. ч. выражено последовательно, то в рукописи «Н» “*inc*” заменено на “*eow*”. В «Житиях святых» Эльфрика в предложении “... þone cume **wit** to his rice...” рукопись «О» использует “*we*” вместо “*wit*”; «Мартирология» – “...hwæt swa **wit** magon...” “*we*” в рукописи «С»; «Католические проповеди II» Эльфрика – “Ic ond þis cild willað **us** gebiddan...” в рукописи «N» употребляется “*unc*”. Подобного рода исправления, как мы полагаем, следует рассматривать как позднейшие вставки, сделанные писцами, в языке которых категория двойственности отсутствовала, либо находилась на стадии отмирания.

Некоторые примеры варьирования можно объяснить употреблением вариантов местоимений различных диалектов. Так, в «Церковной истории английского народа» в предложении “...þæt **hi** for sibbe & hælo heora eðles campodon...” в рукописи «Ca» вместо “*hi*” имеем “*he*”. Рукопись «Cambridge, Kk. 3. 18» написана в XI в. – 1050 г. Кроме того, данный памятник испытал влияние англского диалекта. В «Евангелиях Рашворта» наряду с “*hi*” во мн. ч. ном.-акк. встречаем 5 примеров “*he*”. Таким образом, “*he*” в анализируемом нами примере является особенностью мерсийского диалекта. Аналогичное варьирование местоимений мн. ч. с “*he*” находим в «Обязанностях пастыря»: “*hie*” – в рукописи «С» “*he*”; в рукописи «E» “*he*”, соответствующее “*he*” в других рукописях «Католических проповедей I» Эльфрика. Два других примера в этом же памятнике представляют собой употребление “*hie (hi)*” в контексте, в котором используется местоимение ед. ч. ном. м. р. “*he*” – “*hie*” в рукописи «H» и “*hi*” в рукописи «С». Варьирование “*he*” с “*hi*” и “*heo*” находим в «Католических проповедях II» Эльфрика: “ðonne **he** bedorfte. þæt...” (“*hi*” в рукописи «D», “*heo*” в рукописи «E»).

В некоторых рукописях наблюдается варьирование “*he*” и “*heo*”: «О временах года» – “forðan þe **he** urnð”, “*heo*” в рукописи «А». Аналогичные примеры можно найти в текстах «Житиях святых» Эльфрика и др.

Варьирование местоимений в ном. с косвенными падежами представлено в ряде текстов: “*hi (hy)-hine*” – «Законы» (рукопись «Н»); «Жития святых» (рукописи «О» и «D»); в «Мировой истории» с “*hiene*” варьирует “*he*”; “*hi*” (“*hig*”) — “*heom*” в «Житиях святых» (рукопись «B» “*heom*”). Интересны примеры варьирования “*him-hi*” в «Церковной истории английского народа»: “þæt **him** man isern geloman” (“þ hi mon” в рукописях «C», «Ca»); “*him*” в рукописи «O»; “þ him mann” в рукописи «B»; в рукописи «T» данный отрывок отсутствует), “het þa broþor **him** to” (“*hi^{to}*” в рукописи «O», “*hi to*” в рукописи «Ca», “*him to*” в рукописи «B»).

Иногда можно встретить варьирование, сочетающее несколько вышеперечисленных параметров. Так, в «Западно-саксонских Евангелиях» варьирование “*hi*” и “*hyo*” в одних рукописях параллельно референциальному варьированию в других: “Ðonne **hi** eow ehtaþ” (вместо “*hi*” в рукописи «A» “*ge*”).

Библиография

Mitchell 1985 Old English Syntax. Vols. I, II. Oxford: Clarendon Press, 1985. 1126 p.

Я. В. Васильков, Н. В. Гуров

**Первый русский перевод с санскрита:
«Мохамудгара» Шанкары в переводе Г. С. Лебедева***

В 1805 г., «повергая к священным стопам Его Императорского Величества» императора Александра I свой главный труд – книгу «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов ...», Герасим Степанович Лебедев торжественно обещал «выдать» в свет еще многие и многие свои сочинения, раскрывающие перед россиянами духовное богатство Индии – бенгальскую грамматику и словарь, «грамматические таблицы, стихи и поэмы бенгальских стихотворцев», переведенные им «две драмы на российском и индийском языках».

Намерениям этим, однако, не суждено было сбыться. В своем последнем прошении на Высочайшее имя, написанном в начале 1816 г., за год до смерти, Лебедев горько жалуется на то, что старость и болезни не позволяют ему издать все его труды «Азбуку брамгенского священного языка..., краткий словарь на бенгальском гражданском и простонародном языках с предложением на российской..., несколько разговоров употребительных в общежитии, на гражданском бенгальском и народном индийском языках, переложенных на российский и английской языки, для желающих объясняться на оных» и даже свой, сделанный еще в Индии перевод с английского комедии Р. П. Джодрелла «Притворство»¹. Александр, которого в эти годы гораздо больше занимали европейские дела, решения Венского конгресса и конституционное устройство Царства Польского, велел выразить Лебедеву свое «Высочайшее благоволение», наградил его Владимирским крестом 4-й степени, но просьбу о помощи в издании лебедевских трудов предпочел не услышать. Первому отечественному индологу суждено было, так же, как и многим нашим самородным талантам, полной мерой вкусить от горького плода невостребованности.

Ощущение собственной ненужности, всеобщей глухоты к своим призывам, к изучению «Брамгенской учености» (которое,

---

* Работа выполнена в рамках проекта № 05-03-03322а, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

¹ Цитируется по: Архив востоковедов, фонд 90, № 226/2, л. 2.

по его мнению, одно только могло бы сотворить «в рассеянном по лицу земли человеческом роде союз», распространить «во вселенной истинное понятие о богопознании» и соединить «способности к восстановлению всеобщего блага») преследовало Лебедева все последние десять лет его жизни. Единственным светлым пятном на этом тусклом фоне было его знакомство и сотрудничество с Г. Р. Державиным.

О контактах Лебедева с Державиным впервые стало известно в 1963 г. из статьи М. Г. Альтшулера, опубликованной в журнале «Народы Азии и Африки». Обнаруженные М. Г. Альтшулером архивные материалы относились к последним годам жизни Г. Р. Державина и связаны с его работой над одним из последних его творческих проектов – монументальным теоретическим трактатом «Рассуждение о лирической поэзии». В этой книге (издать которую Г. Р. так и не успел) Державин намеревался собрать и проанализировать образцы поэтического творчества (в лирическом роде) всех народов мира, как современных, так и живших в глубокой древности. В рукописи «Рассуждения» и подготовительных материалах к этой книге, хранящихся в РНБ и ОР ИРЛИ РАН, мы находим отрывки из Ветхого Завета, образцы поэзии труверов и трубадуров, отрывки из древнеисландских саг, арабские касыды и даже сочинения древнекитайских поэтов эпохи Сун. Державин, в течение многих лет занимавший министерские посты, знал о том, что в Коллегии Иностранных дел переводчиком индийских языков состоит надворный советник Лебедев, «бывший 14 лет в Индии». Лебедев, немало печалившийся о судьбе вывезенных им из Индии духовных ценностей, с полной готовностью согласился помочь сановитому поэту. В марте 1815 г. он присылает Державину обстоятельную записку «О стихосложении Индийцев», в которой не только описывает разные стихотворные размеры (от 8 до 15-стопных), но и подробно рассказывает о характерной для индийской поэтической культуры манере исполнения стихов, об органической связи поэзии и музыки и т. д. Еще одна записка Лебедева, хранящаяся в архиве Державина, озаглавлена «Имена отличнейших Индийских Песнопевцев, той свет страны, где еще находятся следы древней мудрости и добродетели».

Сведениями, полученными от Лебедева, Державин поспешил воспользоваться. В рукописи «Рассуждения» ссылки на «г-на Надворного Советника Лебедева» встречаются неоднократно. Анализируя характерные для поэзии разных народов метрические системы, Державин говорит между прочим:

«У Индийцев стихи на Шомскрито – Индейском языке быва-
ют разностопные. От одной стопы простираются иногда и до 15-
ти, но более шестистопные – вот пример оных, взятый из славно-
го их вышеупомянутого стихотворца мага шри Бхарот Чондро
Рая, переведенный на русский язык г-ном надв. советником
Л-вым:

Престань искать богатств,
о бренный человек!
Но душу украшай ты добрыми
делами, ...
.....
Что жизнь твоя? Она есть
капелька воды
Которая дрожит на розовом
листочке...».

Как указывает М. Г. Альтшулер, процитированные Держави-
ным стихи взяты из хранящейся в его архиве брошюры, озаглав-
ленной «Шлоке мога мудгаро. Стихи нравоучительные». Такую
брошюру действительно можно обнаружить в 31-м томе «Архи-
ва Державина», заключающего в себе (по каталогу 1892 г.)
«сборник рукописных и печатных книг». Описывая эту брошю-
ру, М. Г. Альтшулер отмечает, в частности: «Брошюра состоит
из четырех листов. Текст начинается на обороте первого листа.
Рядом с *бенгальскими* стихами даны транскрипция и перевод на
русский язык» (Курсив наш. – Я. В., Н. Г.). М. Г. Альтшулер
справедливо указывает при этом, что брошюра «Шлоке мога
мудгаро» – это скорее всего своего рода пробный экземпляр,
отпечатанный Лебедевым специально для Державина и что
здесь мы имеем дело с первой в России попыткой напечатать
произведение индийской художественной литературы,
переведенное с языка оригинала (Альтшулер 1963: 128).

Все это, повторяем, совершенно справедливо, вопрос только
в том, – с какого языка? М. Г. Альтшулер, по-видимому, не имел
возможности детально ознакомиться с исходным текстом.
Доверившись ссылке Г. Р. Державина на авторство Бхарот
Чондро Рая, он предположительно определил данный поэти-
ческий текст как фрагмент из бенгальской поэмы этого автора
«Бидде Шундор», переводом которой действительно занимался
Лебедев (Альтшулер 1963: 127–128). Но транскрибированный и
переведенный Лебедевым текст «Шлоке мога мудгаро», хоть и
записанный бенгальским письмом, создан, тем не менее, не на
бенгальском языке, а на литературном санскрите. Иначе говоря,

поднесенные Державину «Стихи нравоучительные» оказываются **первым русским переводом с санскрита**, переводом, выполненным на 20 лет раньше перевода П. Я. Петровым «Песни Налы из Махабхараты» (опубликован в журнале «Телескоп», т. XXV, 1833)².

Вот как выглядит перевод Г. С. Лебедева:

СТИХИ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ

Престань алкать богатств, о бренный человек!
Но душу украшай ты добрыми делами;
Учись вкушать плоды от собственных трудов:
Вот средства погасить желанья похотливы. (1)

Чей сын ты, знаешь ли? и кто твоя жена?
Скажи, кто ты? За чем сюда явился?
Познал ли ты теперь превратность жизни сей?
Познай же власть, мой друг, Правителя вселенной. (2)

По что во младости гордишься суетой,
Когда в минуту смерть со всем нас разлучает?
Не лучше ль отложить к мирским забавам страсть,
И шествовать стезей, Творцом определенной? (3)

Что жизнь твоя? Она как капелька воды,
Которая дрожит на розовом листочке;
Подобна челноку, в иной плывущу мир:
Пожертвуй хоть часом ты истине священной. (4)

Уже ты без зубов, бледнеют и уста,
Трясется голова, и члены все ослабли,
Валится из твоих дрожащих посох рук;
Но ты и тут еще стяжать богатства алчешь. (5)

Рожденным будучи, ты должен умереть,
Оставить бурный свет, и спать в земной утробе;
Коль зришь ты в свете сем мечту и суету,
Так в злате ли найдешь ты щастие надежно? (6)

Ты видишь как текут ночь, вечер, утро, день,
И года времена на крыльях пролетают;
Не видишь ли как смерть разит всегда людей,
Почто ж твой алчный взор стремится лишь к богатству? (7)

² Предварительное сообщение об этом см.: Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 355–356.

Под древом жизни храм тебе назначил Бог,
Постелей шар земной, растения покровом;
В наружном блеске благ нет истинных отрад;
Доставить может их одна лишь чиста совесть. (8)

Коль хочешь угодить Создавшему тебя,
Не делай зла друзьям, не мсти врагам ты лютым;
В жестоки сварливы, ни в тихи мирны дни:
Вот правило тебе, вот истина священна. (9)

Осьм гор³ и семь морей под властью состоят
Единого Творца, создавшего вселенну;
Один лишь ими Он всесильно управляет;
Так что ж крушить тебя? Скажи о чем скорбишь? (10)

Когда един есть Бог, Создатель тварей всех;
На что же умствуешь, душою ты мятешься;
Смотря на вымыслы и хитрости других,
Стараться всегда блеснуть умом пред всеми? (11)

В младенчестве игрой твой разум занят был,
В цветущи юны дни страстям ты покорялся,
Под старость жизнь твою болезни тяготят,
Когда ж на помощь ты Творца призвать подщишься? (12)

Уста наставника гласят ученикам
Законы мудрости двенадцать наставлений;
Но кто вещания сии пренебрежет,
Что делать более осталось с таковыми? (13)

Указание на авторство данного текста, содержащееся в рукописи Державина, – ошибочно. Трудно сказать, то ли Державин не понял объяснений Лебедева по этому поводу, то ли сам Лебедев ошибался, приписывая этот текст своему любимому поэту, но Бхарот Чондро Раю (который действительно писал не только на бенгальском, но и на санскрите) эти стихи не принадлежали.

Переведенный Лебедевым и процитированный Державиным текст, озаглавленный в рукописи «Шлоке мога мудгаро», – это не что иное, как санскритский гимн «Мохамудгара» (далее – ММ), буквально «Молот заблуждения / помраченности», или «Молот, (дробящий) заблуждение». Авторство его в индийской

---

³ Разумеются планеты (примечание Г. С. Лебедева).

традиции приписывается великому философу и религиозному реформатору Шанкарачарье, жившему на рубеже VIII и IX веков. К XVII–XVIII вв. этот текст вошел в состав своего рода хрестоматийной литературы, изучение которой считалось обязательным для молодых людей высших сословий⁴.

Неудивительно, что этот популярный текст привлек внимание уже первых европейцев, обратившихся в конце XVIII века к изучению литературы и культуры Индии. В 1798 г. в первом номере журнала *Asiatick Researches*, вышедшем в Калькутте, была посмертно опубликована «диссертация» о «правописании азиатских слов латиницей» Уильяма Джонса – основоположника европейской научной индологии (Jones 1798). В качестве приложения У. Джонс поместил здесь же подлинные тексты на восточных языках, в том числе два индийских (санскритских) текста: фрагмент из «Бхагавадгиты» в графике деванагари (по изданию Ч. Уилкинса) и «Мохамудгару», набранную бенгальским шрифтом. Тексты сопровождалась переводами на английский.

Перевод ММ стал известен в Европе три года спустя, когда весь том был переиздан в Лондоне. Текст этот был сразу же замечен. Уже в следующем году 19-летний Юлиус Клапрот, в будущем – адъюнкт ориенталистики в Санкт-Петербурге и профессор восточных языков в Париже, опубликовал в альманахе *Asiatischer Magazin* (Weimar, 1802. Bd. 2: 265–268) немецкий перевод ММ, сделанный на основе перевода У. Джонса. В это же время великий немецкий философ Й. Г. Гердер, всю жизнь посвятивший исследованию различных проявлений человеческого духа в культуре разных народов, цитирует ММ в одном из своих сочинений, рассказывающих об учении брахманов (Winternitz 1962: 166). Через несколько лет Л. Ланглэ, издававший каталог санскритских рукописей, поместил там фран-

⁴ О том, насколько «органичными» для традиционной индийской образованности стали переведенные Лебедевым стихи, говорит уже тот факт, что они остаются на устах индийских интеллигентов (при этом – отнюдь не «почвеннического» толка) до сих пор. Поэт Шри Шри – апостол новой «прогрессивной» поэзии телугу, поклонник Маяковского и Лорки (одновременно – Свинберна и Рэмбо), – говоря об одном из самых знаменитых творений своих, поэме «Великий Исход» («Mahāprasthānam»), замечает как бы невзначай: «Ритм первых строф моей поэмы близок к ритму *Bhajagovindam* Шанкары...» (Telugus 2003: 273).

цузский текст ММ, также основывающийся на переводе У. Джонса (Langlés 1807: 71–72)⁵. В отличие от них Г. С. Лебедев, как мы уже говорили, переводил ММ непосредственно с санскрита. Перевод Джонса был ему известен: Лебедев ссылается на него, как всегда, полемизируя с Джонсом, в предисловии к своей «Грамматике», изданной в Лондоне в 1801 году (Lebedeff 1801: XVIII–XIX). Однако – это становится ясным при самом беглом просмотре обоих текстов – Г. С. Лебедев в своей работе был вполне независим от перевода английского ученого. При этом – и об этом нужно упомянуть непременно, – если более поздние, появившиеся в 1830–1840-х гг. европейские (французские и немецкие) переводы ММ воспроизводили различные версии текста памятника, У. Джонс и Г. С. Лебедев основывались на одном и том же совершенно идентичном кратком варианте, по-видимому наиболее распространенном в бенгальском обществе того времени.

Г. С. Лебедев, как известно, сам оценивал свои знания санскрита довольно сдержанно: говоря о том, что ему удалось «выразуметь» бенгальский язык, он одновременно указывает, что о «Шомскритском языке» ему лишь «удалось добыть сведения» (Лебедев 1805: V). Филологический анализ перевода ММ свидетельствует о том, что санскритский текст скорее всего записан на слух, причем в роли информанта выступал некий носитель бенгальского языка. Можно также предположить, что Лебедев сумел вникнуть в содержание текста благодаря знакомству с неким устным бенгальским комментарием. Этим никак не умаляется, впрочем, значение того факта, что Лебедев первым из европейцев после Джонса переводил ММ с санскритского подлинника.

По данным библиографов (Gildemeister 1847: 81), в первые десятилетия XIX века текст ММ в оригинале и в переводе

---

⁵ Для полноты картины нужно отметить, что перевод У. Джонса был известен и россиянам. В издаваемом И. И. Мартыновым журнале «Северный Вестник» было опубликовано в русском переводе несколько стихов из текста, озаглавленного «Предохранительный способ против возмущений душевных. Поэма санскритская». Публикаторы особо отмечают, что «изданием в свет на Санскритском» и «переводом на Англинский язык» этого небольшого сочинения «мы одолжены единственно Вильяму Джонсу» (Северный Вестник. Часть VI. СПб., 1805. С. 40–45).

публиковался в европейских странах едва ли не чаще, чем многие другие образцы санскритской литературы. Чем же вызвано было столь пристальное внимание культурной Европы к этому маленькому стихотворному тексту? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо, по-видимому, как можно глубже вникнуть в содержание и стилистические особенности памятника.

«Мохамудгара» («Mohanudgara») означает, как уже говорилось, «Молот, (сокрушающий / дробящий) заблуждение». Это основное название текста во всех его вариантах, и это же – название его кратчайшего варианта, двенадцати строф, сочиненных по преданию самим Шанкарой; этот вариант называется также «Двадашаманджарика-стотра» – «Гимн-двенадцатцветие». По жанру ММ определяется как гимн (*stotra*), по функции – как «наставление» (*upadeśa*).

В ряде вариантов текст известен также как «Бхаджа Говиндам» (*Bhaja Govindam* – «Возлюби Говинду⁶!»). Этими словами начинается в данной версии первая строфа, в которой отражена следующая ситуация, ставшая, согласно легенде, поводом к созданию гимна. Однажды Шанкара, прогуливаясь в сопровождении учеников по улицам священного города Варанаси, услышал, как старик-ученый бормочет затверженные формулы выкараны – грамматической науки. Пораженный, по-видимому, тем, что здесь, в городе, куда со всей Индии собирались старые и больные люди, чтобы у священных вод Ганга расстаться с телом, человек по-прежнему сохраняет интерес к мирским знаниям, Шанкара подошел к грамматисту и пропел ему строфу примерно такого содержания:

Возлюби Говинду (*bhaja govindam*), возлюби Говинду,
возлюби Говинду, заблудший глупец;
Ведь когда придет смертный час,
не защитит тебя знание грамматики!

Затем Шанкара, по преданию, произнес строфы «Двенадцатцветия». Каждый из сопровождавших его учеников произнес по одной строфе, в результате чего образовалась вторая часть гимна, известная как «Чатурдашаманджарика-стотра» («Гимн-четырнадцатцветие»). В версии «Бхаджа Говиндам» начальная строфа гимна (*bhaja govindam, bhaja govindam* и т. д.) поется после каждой из строф как сквозной рефрен.

⁶ Говинда – «Пастырь», одно из имен Вишну-Кришны.

«Двенадцатицветие» и «Четырнадцатицветие» могли исполняться устно и фиксироваться письменно либо вместе, либо по отдельности. К тому и другому может добавляться в конце подытоживающая строфа (как 13-я строфа в ММ Г. С. Лебедева). Иногда в конце приводятся несколько дополнительных строф. В стандартных современных изданиях (вариант «Бхаджа Говиндам» без записи рефрена) насчитывается 31 строфа (см., напр. Mahadevan 1980).

Из сказанного уже ясно, что текст ММ необычайно подвижен, текуч. В состав основного «Двенадцатицветия» включались разные стихи. Кто-то мог присочинить новый стих, приписав его Шанкаре или кому-то из учеников. Тот или иной стих в разных версиях мог входить в состав либо «Двенадцатицветия», либо «Четырнадцатицветия»; иногда в новой версии от одной строфы брались первые две четверти (пады), и к ним пристраивались две вторые пады от другой строфы. Текучесть текста, разумеется, вообще характерна для традиции, в которой основным является устный способ передачи, но можно также полагать, что различия вариантов в ряде случаев предопределены отбором по некоторым идейным (концептуальным) критериям.

Версия, называемая нами условно «Бхаджа Говиндам», пространная, включающая строфы и Шанкары, и учеников, с начальной строфой и с рефреном, может быть охарактеризована также как более эмоциональная, экстаичная, более «песенная» и даже «плясовая», уже потому, что за каждой строфой следует энергичный, четкий по ритму рефрен. В ней есть целый ряд стихов, начиная с 1-й строфы (рефрена), явно выражающих идеи вишнуитского бхакти, с характерно бхактистскими призывами и к почитателю Вишну-Кришны («Возлюби Говинду!»), и к самому Богу («Спаси, о Мурари⁷!» и т.д.). Есть основания поставить эту версию ММ в прямую связь с теологией и практикой вайшнавского бхакти, экстаического теизма.

Другая же группа вариантов, образующих «12-цветие» (с 13-м, итоговым стихом) – явно тяготеет к исключению (или изначально свободна от) всех такого рода бхактистских элементов, начиная с рефрена. Например, в «Бхаджа Говиндам» есть такая строфа (21):

---

⁷ Мурари – «Недруг (демона) Муры», имя-эпитет Кришны.

punar aṅi jananam, punar aṅi maranam,
 punar aṅi jananiṅaṅhare śayanam /
 iha saṁsāre bahudustāre
 kṛpāyā 'pare pāhi Murāre //

Снова рождение, снова умирание,
 снова в материнской утробе пребывание...
 Из этой сансары непреодолимой и непревзойденной,
 по милости (твоей), спаси, о Мурари!

В «Мохамудгаре» (у Лебедева стих 6) эта строфа дана в таком варианте:

yāvaj jananam tāvan maranam,
 tāvaj jananiṅaṅhare śayanam /
 iti saṁsāre sphuṅaḍoṣaṅ
 katham iha mānava tava saṁtoṣaṅ //

Где рождение, там и умирание,
 там и в материнской утробе пребывание.
 Вот так сансара полнится скверной;
 почему же ты, человек, всем здесь доволен?

На примере этого частного сопоставления видно, что, в отличие от эмоционально-теистической пространной версии («Бхаджа Говиндам»), краткая ММ по содержанию представляет собой назидание, указывающее на скверны мира и призывающее в нейтральных и абстрактных выражениях на путь спасения. Не случайно автор популярнейшего комментария на краткую ММ Сваямпракаша определял жанр этого текста как *пракарана*, в конкретном значении «учебника» философии *адвайта-веданта*.

Однако определение Сваямпракашей краткой ММ как адвайтистского текста вызвано, скорее всего, лишь тем, что, начиная с позднего Средневековья, адвайта-веданта стала философской базой большинства религиозных учений и движений в Индии. Ничего специфически адвайтистского (например, учения о том, что все есть безличностный Брахман, и об иллюзорности мира) в тексте, переведенном У. Джонсом и Г. С. Лебедевым, нет. Краткая ММ – это простые стихи об эфемерности, бренности всего мирского, о необходимости обратиться на путь спасения.

Простоту стиля ММ следует отметить особо. Наряду с коротким размером, энергичным ритмом, рифмованностью многих стихов эта простота, доходящая порой до использования грубоватых выражений, делает ММ уникальным явлением на фоне всей санскритской поэзии.

Причина популярности ММ среди просвещенных европейцев лежит, по-видимому, в своеобразной конгруэнтности этого индийского текста, его сходстве с классическими образцами европейской литературы XVII–XVIII веков и, как следствие, в его доступности для европейского читателя. Нужно отметить, что именно в кратком варианте ММ («Двенадцатицветие»), переведенном Лебедевым и Джонсом, слабо представлен «местный колорит», культурные реалии, характерные именно для Южной Азии. Откровенная назидательность ММ ассоциировалась в сознании английского читателя с поэзией Дж. Мильтона и А. Поупа, немецкого – с поэмами М. Опизца и А. Грифиуса, французского – со стихами П. Ронсара, Э. дю Белле и др. Начитанный европеец без труда мог бы обнаружить в этом тексте прямые аналогии со стихами английского поэта-мистика Эдварда Юнга, которые в это время переводились на все языки и были у всех на устах. Нет ничего удивительного и в том, что именно этот текст привлек внимание Г. С. Лебедева. Дидактизм, апеллирующий к авторитету Священного Писания, был характерен, как известно, не только для европейского, но и для российского Просвещения, особенно для тех его представителей, которых, по выражению А. С. Пушкина, отличала «странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства» (Пушкин 1978: 241) – т. е., петербургских и московских вольных каменщиков. Г. С. Лебедев не мог не усмотреть в индийских стихах те же мысли, те же образы, которые должны были быть ему знакомы с юных лет из произведений М. В. Ломоносова и В. К. Тредьяковского а также таких его современников, как М. М. Херасков и И. Ф. Богданович. Например, начальные стихи ММ, говорящие об иллюзорности бытия и тщетности человеческих усилий, могли ассоциироваться с такими строками из ломоносовского переложения 143 псалма, как

О Боже, что есть человек?
Что Ты ему себя являешь
И так его Ты считаешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
 Во тщетных помыслах проводит,
 И так вся жизнь его проходит,
 Подобно как пустая тень... (Ломоносов 1984: 65)

Еще ближе переводу Г. С. Лебедева, не только по отдельным аспектам содержания, но также по размеру и ритмике, кажутся «Стихи на Страшный суд» М. М. Хераскова (Сахаров 2004: 53–54):

Сколь Ты, о Господи, велик, непостижим!
 Все в совершенстве здесь устроено Тобою;
 За осенью зима и лето за весной,
 Час идет за часом, за ночью идет свет,
 И все в вселенной сей порядочно течет.
 Во всем мы Бога зрим, Тебя нам все являет,
 Тебя, о Боже мой, все в мире прославляет.

Ср. в переводе Г. С. Лебедева:

Ты видишь как текут ночь, вечер, утро, день,
 И года времена на крыльях пролетают;
 Не видишь ли как смерть разит всегда людей,
 Почто ж твой алчный взор стремится лишь к богатству? (7)

Можно заключить, что Г. С. Лебедев при переводе текста ММ ориентировался на образцы современной ему русской философской поэзии высокого стиля. Однако, при общей философичности и дидактизме содержания между ММ и европейской поэзией такого рода есть существенное различие. Мы уже говорили о простоте стиля ММ. Если искать аналогии стихам ММ в европейской философской поэзии эпохи Просвещения, то следует скорее обратиться к ее наиболее демократичным, стилистически сниженным формам, близким народно-песенной стихии, таким, например, как стихи Г. С. Сковороды (см., напр., его «Сад божественных песней» в кн.: Сковорода 1972).

Позволим себе дать здесь для примера перевод одной из строф ММ (у Лебедева – № 5), в котором мы попытались передать одновременно в максимально возможном приближении и ритмику, и стиль, и в целом дух этого текста:

angaṃ galitaṃ palitaṃ muṇḍaṃ
 dantavihīnaṃ jātaṃ tuṇḍaṃ /
 karadhṛtakampitaśobhitadaṇḍaṃ
 tadapi na muñcati āśābhāṇḍaṃ //

Сивый, плешивый, хворый, убогий
 Старец с клюкою бредет по дороге.
 Нет уже ни зуба у грешника в пасти,
 Но, как прежде, душу сжигают страсти.

Особо следует отметить употребление в санскритском тексте слова *tunḍam*, первичным значением которого является «клюв (птицы); морда, пасть (животного)»; в применении к человеку это звучит грубовато-уничижительно.

Таким образом, Г. С. Лебедев переводил ММ, на наш взгляд, несколько более высоким стилем, нежели того реально требовал текст. Остается сказать еще о некоторых особенностях перевода Лебедева. Мы говорили уже, что сопоставительный анализ переводов Лебедева и Джонса свидетельствует о полной самостоятельности лебедевского труда. И действительно, в целом ряде случаев мы видим, как Лебедев, скорее всего – сознательно, избирает для перевода тех или иных санскритских слов и выражений варианты, вполне соответствующие как чисто языковому контексту, так и общему настрою ММ, но в то же время никак не совпадающие с вариантами, избранными Джонсом. Например, в строфе 2 мы находим в оригинале: *saṃsāro 'yam atīva vicītram*. Джонс переводит это как «*How extremely wonderful is even this world...*». У Лебедева же мы находим: «Познал ли ты теперь *превратность* жизни сей?». Санскритское *vicītram* допускает, как известно, и то, и другое толкование. В следующей строфе читаем: *harati nimeṣāt kālaḥ sarvaṃ*. Перевод Джонса: «*All these time snatches away in the twinkling of an eye*». Лебедев же переводит: «*В минуту смерть со всем нас разлучает...*». Здесь также Джонс и Лебедев используют различные значения санскритских слов *kāla* «время; смертный час, смерть» и *nimeṣa* «мигание; миг, мгновение».

Между переводами Г. С. Лебедева и У. Джонса существует и еще одно весьма существенное отличие. Джонс бережно сохраняет в тексте все культурологические реалии, связанные с индийской мифологией и религией. В то же время в переводе Лебедева эти реалии – прежде всего, имена индийских божеств – последовательно исключаются из текста, заменяясь некоторыми общерелигиозными терминами. Например, в строфе 9: *vāñchasy acirād yadi viṣṇutvaṃ* Лебедев переводит: «Коль хочешь угодить *Создавшему тебя*». У Джонса: «...to attain the nature of *Viṣṇu*». Следующая строфа говорит о вечности вселенной и, в частности, Брахмы, Индры, Рудры и Солнца (*Brahmā-*

purandaradinakaragrāh). Джонс сохраняет все эти имена, в то время как в лебедевском переводе строфа начинается со слов «Осьмь гор и седьмь морей под властью состоят *Единого Творца, создавшего вселенну*». В следующей, 11-й строфе снова упоминается Вишну, который в переводе Лебедева именуется «*един Бог, Создатель тварей всех*». И наконец встречающемуся в 12 строфе наименованию parama Brahman («Supreme Brahma» у Джонса) в лебедевском тексте соответствует «Творец». Отношение Г. С. Лебедева к индийским реалиям становится понятным, если вспомнить, что в его главном труде «Беспристрастное созерцание...» последовательно проводится мысль о том, что индийская религия есть не что иное, как «затемненное предрассудками истинное христианство». По мнению Лебедева и христианство, и индуизм являют собою различные формы некой единой, общей для всего человечества религии. Эта идея была скорее всего внушена Лебедеву его масонскими друзьями и покровителями.

Это предположение отчасти подтверждается тем, что Лебедев вводит в перевод текста ММ некоторые характерно масонские формулы. Так в 8-й строфе первые строки читаются как *ugaramandiratarutalavāsaḥ / śauyā bhūṭalam ajinam vāsaḥ*. Перевод Джонса, близкий к оригиналу, гласит: «To dwell under the mansion of the high Gods at the foot of a tree; to howl the ground for a couch, and a hide for vesture...». Лебедев переводит эти строки как «Под *древом жизни* храм тебе назначил Бог, постелей шар земной, растения – покровом...». В оригинале санскритское *taru* «дерево» употреблено в своем обычном значении. Лебедев привносит в перевод образ «древа жизни», встречающийся в текстах Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

В Священном Писании о «древе жизни» говорится в Книге Бытия (2. 9: «И произрастил Господь Бог ... дерево жизни посреди Рая и дерево познания добра и зла»). В Притчах Соломона «дерево» не только отождествляется с «премудростью» (3. 8), но и непосредственно связывается с практической деятельностью человека, чистотой его помыслов и деяний (11. 28: «Плод праведника – дерево жизни; мудрый привлекает души»). Наконец, Откровение Иоанна Богослова упоминает дерево в главах, повествующих о Новом Иерусалиме (22. 2: «Среди улиц его – и по ту, и по другую стороны реки – дерево жизни... И листья дерев – для спасения народов»). В конце XVIII в. этот библейский образ становится особенно популярным в масонской лите-

ратуре. В сочинениях русских масонов «древо жизни» трактуется как символ высшей мудрости, сохранявшейся, по словам И. П. Елагина, «от самых древнейших веков и даже от первого человека» как таинство спасения, от которого таинства, быть может, судьба целого человеческого рода зависит» (Пекарский 1869: 109–110, Пыпин 1916: 143; ср. Харитонович 2001: 133). То, что эта формула появляется у Лебедева в переводе **индийского** текста отнюдь не случайно, становится очевидным, если мы вспомним, где – в пространстве и во времени – масоны пытались отыскать эту спасительную премудрость. По словам Елагина, эта премудрость пребывает в «училищах Пифагора, Платона и Фалеса», а также, в меньшей степени, «у любознательных индейских, китайских, арабских, друидских и прочих» (Елагин 1864; Пыпин 1916; ср. Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 353). В опубликованном недавно (Сахаров 2004: 23–24) «Изъяснении при учреждении вольно-каменщицкого общества...» – документе, в конце XVIII в. хранившегося во многих ложах, мы читаем: «... Благочестивые и молящиеся поклонялись дубовому дереву и начертанному образу Солнца ... Сих мудрых и избранных мужей находим мы под именем волхвов у персов; под именем мудрых пророкателей и Астрологов у халдеев; под именем философов у греков и римлян, Браминов у Индиан, Друидов и Бардов у Бриттян...».

В. Н. Топоров в одной из своих работ (1989: 48–49) говорит о «внутреннем притяжении» просвещенных европейцев и россиян XVIII – начала XIX вв. к высоким образцам индийской духовности. Г. С. Лебедеву, на протяжении трех десятилетий стремившемуся «обратить внимание не одних соотечичей своих, но и разностранцев» на духовное богатство Восточной Индии, удалось – одному из первых в России и в мире воплотить это «притяжение» в конкретные дела. Его работа над переводом «Мохамудгары» – еще один тому пример.

Литература

- Альтшулер 1963 – Альтшулер М. Г. Лебедев и Державин // НАА. № 5. С. 126–129.
- Гуров, Бросалина, Васильков 2006 – Н. В. Гуров, Е. К. Бросалина, Я. В. Васильков. У истоков российской индологии: научное наследие Г. С. Лебедева (1749–1817) // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию проф. А. Л. Грюнберга (1930–1995) / Отв. редактор М. Н. Боголюбов. СПб.: Наука. 2006. С. 350–359.

- Гуров в печ. – Н. В. Гуров. Новое о Герасиме Лебедеве (Почему Герасим Лебедев поехал в Индию?).
- Елагин 1864 – И. П. Елагин. Новые материалы для истории масонства. Записки И. П. Елагина // Русский Аргив. Т. I. С. 94–110.
- Лебедев 1805 – Лебедев Г. Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев. СПб.
- Ломоносов 1984 – Ломоносов М. В. Стихотворения. М.
- Пекарский 1869 – Пекарский П. П. Дополнения к истории русского масонства XVIII столетия. СПб.
- Пушкин 1978 – Пушкин А. С. Александр Радищев // Полное собрание сочинений. Т. VII. Критика и публицистика. Л. С. 239–246.
- Пыпин 1916 – Пыпин А. Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX века. Пг.
- Русское масонство 2006 – Русское масонство. М.
- Сахаров 2004 – Сахаров В. Русское масонство в портретах. М.
- Сковорода 1972 – Сковорода Г. Литературни твори. Київ.
- Топоров 1989 – Топоров В. Н. Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции: (К проблеме «индианизма» начала XIX века): I–IV // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 23. S. 33–80.
- Харитонович 2001 – Харитонович Д. Масонство. М.
- Gildemeister 1847 – Gildemeister I. Bibliothecae Sanskritae sive Recensus Librorum Sanskritorum... Bonn – London.
- Langlés 1807 – Langlés L.. Catalogue des MSS Samskrits. Paris.
- Lebedeff 1801 – Lebedeff G. Grammar of the Pure and Mixed Indian Dialects. London.
- Mahadevan 1980 – Mahadevan T. M. P. The Hymns of Śankara. Delhi. P. 33–77.
- Telugus 2003 – The Telugus. Vol. 5: Literature and Culture. New Delhi.
- Winternitz 1963 – Winternitz M. History of Indian Literature. Vol. III, pt. I. Classical Indian Literature / Translated from the German by S. Jha. Delhi – Patna – Varanasi.

А. В. Верещагина

Глаголы с изначальным мыслительным значением в языке Гомера (анализ семантических мотивировок)

Отдельную и значительную группу в гомеровском языке составляют глаголы с изначальным самостоятельным мыслительным значением. У этих глаголов можно выявить следующие семантические мотивировки (целевые начальные семантические множители) для обозначения мыслительной деятельности.

1. «Учение». К этому типу мыслительной деятельности можно отнести глагол μαιθάνω «учиться на практике», этимологическое значение которого является спорным. С одной стороны, реконструируется и.-е. *m̥dh-/men-dh-, который некоторыми этимологическими словарями приравнивается к и.-е. *men [Frisk H., 1972. Bd. 2. S. 170–171. / Voisacq E., 1923. P. 607.].

С другой стороны, более убедительной выглядит, с нашей точки зрения, версия относительно разграничения этих двух корней. [Hoffmann J. V., 1989. S. 227. / Pokorny J., 1959. Bd. I. S. 730.]. Ср. др.-инд. mēdhā ‘мудрость’, авест. mazdā ‘мысль, воспоминание’, ст.-сл. mōdъ ‘мудрый’, лит. mandrūs ‘мудрый’, гот. mundōn «замечать», алб. mund ‘имею силу, побеждаю’.

Глагол μαιθάνω в гомеровском языке употребляется в значении «учиться». Например, в Ил. VI, 444–446, когда Гектор говорит:

οὐδέ με θυμὸς ἄνωγεν, ἐπεὶ μάθων ἔμμεναι ἐσθλὸς
αἰεὶ καὶ πρῶτοισι μετὰ Τρῶεσσι μάχεσθαι
ἀρνύμενος πατρός τε μέγα κλέος ἦδ' ἐμὸν αὐτοῦ.
(букв.): Душа меня не побуждала, так как я научился быть
лучшим

Всегда и среди первых троянцев сражаться,
Добывая и отцу великую славу, и себе самому.

2. «Мнение». Эта семантическая мотивировка иллюстрируется несколькими глаголами с различными корнями. Все они содержат в себе разную трактовку мнения.

Глагол δοκέω ‘полагать, думать, казаться кому-либо’ содержит корень *deḱ-/doḱ- ‘брать, принимать’ и включает в себе доверие авторитету, то есть является глаголом мнения. Ср. др.-гр. δέχομαι ‘принимать’ лат. decet ‘подобает, приличествует’, др.-инд. *doisas из dasasyati ‘иметь почет’, а также др.-гр. δείκνυμι ‘показывать’, лат. doceo ‘обучать’. [Pokorny J., 1959. S.

189–190. / Frisk H., 1972. Bd. 1. S. 404–405. / Boisacq E., 1923. P. 194. / Hoffmann J. B., 1989. S. 70].

Следующий отрывок из Ил. XXIII, 469–472, когда Идомея обращается к аргиевцам, показывает различие между глаголами знания и мнения:

...οὐ γὰρ ἔγωγε
 εἶδ' διαγιγνώσκω. δοκέει δέ μοι ἔμμεναι ἀνὴρ
 Αἰτωλὸς γεγεῆν, μετὰ δ' Ἀργείοισιν ἀνάσσει
 Τυδέος ἵπποδάμου υἱός, κρατερὸς Διομήδης.

(букв.): «...хотя я и

Неясно различаю (распознаю). Кажется мне, муж -
 Этолиец по происхождению, а правит он аргосцами,
 Тидея, кротителя коней, сын, могучий Диомед».

Итак, с одной стороны, в этом контексте употреблен οὐ διαγιγνώσκω 'не различать, не распознавать (обычно человека)' – глагол знания, а с другой стороны, δοκέω 'казаться' – глагол, выражающий в данном случае предположение, мнение Идомеи, что он видит Диомеда.

Глагол ἤγέομαι 'вести, полагать, считать' содержит и.-е. корень *sāg-. Ср. микен. ku-na-ke-ta-i, хеттское šak- 'знать', šakhi 'я знаю', sagai 'знак', лат. sāgiō 'тонко ощущать, чуют' и sagāx 'мудрый', гот. sokjan 'искать', ирл. saigim 'что-то искать'. [Pokorny J., 1959. Bd. 1. S. 876–877. / Frisk H., 1972. S. 621–622. / Boisacq E., 1923. P. 314. / Hoffmann J. B., 1989. S. 177.].

В значении «считать, полагать» в языке Гомера этот глагол не встречается, то есть, несмотря на существование индоевропейских параллелей, в которых конкретное механическое значение «чуять, нюхать» переходит в абстрактное мыслительное значение, мы не можем с точной уверенностью (а лишь условно) отнести этот глагол к семантическому полю глаголов мыслительной деятельности. Видимо, только в более поздний период этот глагол приобретает ментальное значение «полагать, считать», что зафиксировано в словарях древнегреческого языка.

Глагол οἶω (οἴω) / οἴομαι (οἴομαι) 'думать, полагать', содержит неясную этимологию: согласно К. Бругманну, и.-е. корень *is/eis-. Его можно сопоставить с др.-инд. iṣyati 'приводить в движение'. Однако, по версии Й. Б. Хоффманна, он соотносится с лат. omen из osmen < *ois-men 'предзнаменование' [Chantraine P., 1999. P. 785–786. / Pokorny J., 1959. Bd. 1. S. 299–300. / Frisk H., 1972. Bd. 2. S. 66. / Boisacq E., 1923. P. 692.].

Несмотря на неясную этимологию, из языковых контекстов становится очевидным, что этот глагол служит для выражения

личного мнения как относительно данного момента, так и происходящего в будущем. Например, в Ил. I, 77–78:

...ὄμοσον

ἧ μὲν μοι πρόφρων ἔπεισιν καὶ χερσὶν ἀρήξειν.

ἧ γὰρ οἴομαι ἄνδρα χολωσέμεν...

(букв.): ... клятвенно пообещай,

Действительно ли готов меня ты будешь и словами, и
руками защитить.

Действительно ведь я думаю, что муж прогневется...

Глагол φαίνομαι ‘являться, обнаруживаться, казаться’ содержит и.-е. корень *bhā-, этимология которого, скорее всего, связана со светом, то есть он имеет значение «светить». Ср. др.-инд. bhāti ‘освещать’ и ‘объяснять, говорить’, а также авест. ba-nu- ‘пышность, роскошь, великолепие’, ирл. ban ‘знать’, тох. A pañi, B reñiyo ‘пышность, роскошь’ [Pokorny J., 1959. Bd. 2. S. 104–105. / Frisk H., 1972. Bd. 2. S. 982–984. / Boisacq E., 1923. P. 1010–1011 / Hoffmann J. B., 1989. S. 464–465.]. П. Шантрэн добавляет к этому списку др.-инд. bhānū ‘свет», авест. bānū ‘свет’ [Chantraine P., 1999. P. 1170–1172.].

Можно привести следующий пример употребления глагола φαίνομαι в значении «являться, казаться» (Ил. VII, 325–326), где о Несторе говорится:

...Νέστωρ, οὗ καὶ πρόσθεν ἀρίστη φαίνεται βουλή.

ὁ σφιν εὐφρονέων ἀγορήσατο καὶ μετέειπεν.

(букв.): ...Нестор, чей совет и прежде казался наилучшим.

Это им, благомыслящий, советовал и обрацался.

Глагол πείθομαι ‘быть убежденным, повиноваться, слушаться, верить’ содержит и.-е. *bheidh-. Ср. лат. confido ‘твердо полагаться, быть уверенным, надеяться’, а также гот. beidan ‘ожидаться’, др.-верх.-нем. bitan ‘ожидаться’.

Этот глагол содержит еще и сему «вера». В качестве примера на употребление данного глагола можно привести следующий отрывок (Ил. I, 33):

“Ὀς ἔφατ’, ἔδεισεν δ’ ὁ γέρον καὶ ἐπέθειτο μύθῳ.

(букв.): Так сказал, старец же испугался и послушался слову.

3. «Обучение». К данному типу мыслительной деятельности относится глагол *da / dadāw (dañnai) ‘учить(ся)’, содержащий и.-е. *dps / dens-. Ср. др.-инд. daṃsas ‘удивительный дар, искусство мудреца’ или авест. dañhah- ‘мастерство, искусство’ [Pokorny J., 1959. Bd. 1. S. 201–202. / Frisk H., 1972. Bd. 1. S. 338]. В этом глаголе заключен принцип знания, передаваемого путем обучения, как, например, это видно из комментария

Гесихия, который переводит его как διδάξει ‘обучить’ [Boisacq E., 1923. P. 160.].

Так, в значении «узнавать» этот глагол употребляется в Ил. II, 299–301:

τλήτε φίλοι, καὶ μείνατ' ἐπὶ χρόνον ὄφρα δαῶμεν
ἢ ἔτεδὸν Κάλχας μαντεύεται ἦε καὶ οὐκί.
εἶ γὰρ δὴ τόδε ἴδμεν ἐνὶ φρεσίν, ἔστε δὲ πάντες
μάρτυροι...

(букв.): Потерпите, друзья, и остановитесь на время (помедитуйте еще), чтобы мы узнали,

Истинно ли прорицает Калхас или нет.

Хорошо ведь мы это знаем в уме (во френе); вы же все являетесь свидетелями ...

В качестве примера употребления глагола διδάσκω в активном залоге приведем следующие строки из Од. VIII, 487–488: Δημόδοκ', ἔξοχα δὴ σε βροτῶν αἰνίζομ' ἀπάντων.

ἢ σέ γε Μοῦσ' ἐδίδαξε, Διὸς πάϊς, ἢ σε γ' Ἀπόλλων.

(букв.): Демодок, действительно, более всех других смертных тебя я хвалю (уважаю),

Или тебя Муза обучила, дитя Зевса, или же тебя – Аполлон.

Этот глагол встречается и в медиальном залоге, например, в выражении διδασκόμενος πολέμοιο ‘искусный в военном деле’ (Ил. XVI, 811), то есть «обученный военному делу».

4. «Поиск». Эта семантическая мотивировка зафиксирована у глагола πειράω / πειρητίζω ‘пробовать, стараться, пытаться, узнавать’ и содержит и.-е. *reFr- / reġ-. Ср. др.-гр. πείρα ‘поиск, исследование, узнавание’, др.-гр. ἔμπειρος ‘опытный’, лат. peritus ‘опытный, знающий’, лат. periculum ‘попытка, процесс’, лат. experire -iri ‘пытаться, пробовать’ [Pokorny J., 1959. Bd. 1. S. 818–819. / Frisk J., 1972. Bd. 2. S. 489–490. / Boisacq E., 1923. P. 756–757. / Hoffmann J. B., 1989. S. 341].

Например, в мыслительном значении этот глагол употреблен в Ил. I, 302–303, где он означает «разузнавать, пытаться дойти до истины». В этом отрывке Ахилл говорит Атриду:

εἶ δ' ἄγε μὴν πείρησαι, ἵνα γνῶσι καὶ οἶδε
αἰψά τοι αἶμα κελευνὸν ἐρώησει περὶ δουρί.

(букв.): Давай же, попытайся, чтобы и эти узнали:

Скоро у тебя черная кровь заструится по копьюту!

5. «Скрытое знание, утрата знания». Данный принцип мыслительной деятельности засвидетельствован глаголом λαθάνω ‘быть скрытым, оставаться незамеченным’, каузативно

‘заставить позабыть’ / λανθάνομαι ‘забыть’, содержащим и.-е. *lā- / lāi-dh [Pokorny J., 1959] или *lā-dh- / lə-dh-. Ср. тох. A lānt и B lāt-, lānt ‘уходить’, чеш. lákati ‘убегать’ и ст.-слав. lājati “ενεδρεύειν”, др.-инд. gauḥ ‘демон, закрывающий солнце’ [Pokorny J., 1959. Bd. 1. S. 651. / Frisk J., 1972. Bd. 2. S. 80. / Boisacq E., 1923. P. 554–555. / Chantraine P., 1999. P. 618-619. / Hoffmann J. B., 1989. S. 203.]

Например, в Ил. III, 418–420 о Елене говорится:

ὧς ἔφατ’ , ἔδδεισεν δ’ Ἑλένη Διὸς ἐκγεγαυῖα,
βῆ δὲ κατασχομένη ἐανῶ ἀργῆτι φαεινῶ
σιγῆ, πάσας δὲ Τρωὰς λάθειν.

(букв.): Так он сказал, Елена испугалась, рожденная Зевсом,
Шла, закрывшись серебристым светлым покровом,
Безмолвно, незаметно от всех троянок.

В этом контексте рассматриваемый глагол был употреблен в активном залоге в значении «быть скрытым» в пространстве.

В медиальном залоге глагол λανθάνομαι имеет значение “забыть”, как в Ил. I, 495, то есть «быть скрытым» в ментальном пространстве:

Θέτις δ’ οὐ λήθεται ἑφ’ ἐτμέων παιδὸς ἐοῦ.

(букв.): Фетида же не забыла просьб своего сына.

В данном случае идея «быть скрытым» в ментальной сфере реализуется как «быть скрытым от разума, внимания, забывать».

б. «Измывление, сотворение». Эту семантическую мотивировку включает в себе глагол μηχανάω ‘помыслить, выдумывать’, имеющий и.-е. корень * māgh- ‘мочь’. Ср. гот. tag ‘могу’, ст.-слав. могу, moštī, русск. могу, мочь, а также гот. mahts ‘сила, могущество’ и лат. māchina ‘уловка, хитрость’ [Pokorny J., 1959. Bd. 1. S. 695–696. / Frisk J., 1972. Bd. 2. S. 234–235. / Hoffmann J. B., 1989. S. 242.]

Так, этот глагол встречается в словах Гектора в Ил. VIII, 175–177:

γυγιώσκω δ’ ὅτι μοι πρόφρων κατένευσε Κρονίων
νίκην καὶ μέγα κῦδος, ἀτὰρ Δαναοῖσιν γέ πῆμα.
νήπιοι, οἳ ἄρα δὴ τάδε τείχεα μηχανώοντο
ἀβλήχρ’ οὐδ’ ἐνόσωρα.

(букв.): Знаю ведь я, что мне благосклонный обещал
(помавал) Кронид

Победу и большую славу, а данайцам же несчастье!

Глупцы, они же ведь эти стены помыслили

Слабыми, не стоящими внимания!

7. **«Надежда».** Эту особенность мыслительного процесса можно обнаружить в глаголе ἔλπω ‘внушать надежду’ / ἔλπομαι ‘надеяться, думать, полагать’, содержащем корень *цел-. Ср. лат. voluptas ‘наслаждение’, лат. velle ‘хотеть’ [Frisk J., 1972. S. 502–503. / Boisacq E., 1923. P. 246.].

В активном значении данный глагол имеет каузативное значение «заставлять надеяться», как например, в сочетании πάντας μὲν ἔλπει «он всех обнадеживает» (Од. II, 91).

В медиальном значении этот глагол отражает определенную степень уверенности, а также желания, чтобы свершился какой-либо факт. Так, в Ил. VII, 197–199 Теламонид говорит о себе:

οὐ γάρ τις με βίη γε ἔκων ἀέκοντα δίηται
οὐδέ τι ἰδρείη, ἐπεὶ οὐδ’ ἐμὲ νῆϊδά γ’ οὕτως
ἔλπομαι ἐν Σαλαμίῳ γενέσθαι τε τραφέμεν τε.

(букв.): Ведь никто, (хоть) и желая, ни силой против воли
меня не сдвинет (с поля),

Ни ратным искусством, потому что я не невеждой, так
Надеюсь, что в Саламине и рожден, и воспитан!

8. **«Воля».** Эта семантическая мотивировка зафиксирована в глаголе βουλεύω ‘держать совет, решать, определять, задумывать’, который является деноминативным от существительного βουλή ‘решение, воля, совет’.

Существует несколько вариантов этимологии. Во-первых, этот глагол возводят к и.-е. *цел- / цол-. Ср. др.-в.-н. wala ‘выбор’, др.-инд. vāgas ‘желание, выбор’, русск. воля, велеть, лат. volo ‘хочу’. Во-вторых, П. Шантрен объясняет его происхождение из выражения βάλλω (ἐν θυμῷ) ‘класть в душе’.

Для гомеровского языка характерно сочетание βουλὰς βουλεύειν ‘держать совет’, которое употреблено, например, в Ил. IX, 147 и Од. VI, 61, и содержит accusativus obiecti interni, который дополнительно усиливает значение глагола «советоваться».

Таким образом, можно утверждать, что лексико-семантическая группа мыслительных глаголов в древнегреческом языке не только сохраняет рефлексy (архаичных) индоевропейских эпистемологических представлений, но и обнаруживает определенные инновации (семантические мотивировки – «воля», «мнение» и т. д.).

Л. Г. Герценберг

Новые книги

1. Опубликовано две новые книги по индоевропеистике.

2. Во-первых, это своего рода введение – *Indo-European Language and Culture*. Автор – Benjamin W. Fortson IV, – ученик и сподвижник К. Уоткинза. Книга состоит из двадцати глав: Сравнительный метод и индоевропейская семья языков, индоевропейская культура и археология, индоевропейская фонология, введение в индоевропейскую морфологию, глагол, имя, местоимения и другие части речи, праязыковой синтаксис, анатолийские языки, индоиранские (отдельно индоарийские и иранские) языки, греческий, итальянские, кельтские, германские, армянский, тохарские, балто-славянские, албанский, фрагментарно засвидетельствованные языки. Книга содержит также глоссарий понятий, поглавную библиографию и индекс. Каждая глава завершается обзором литературы по данной теме и упражнениями. В главах приведены тексты на соответствующих языках с компаративистическим комментарием.

3. Во-вторых, это книга *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*; её авторы J. P. Mallory и D. Q. Adams, опубликовавшие перед этим *Encyclopedia of Indo-European Culture* (London, 1997). Книга содержит 731 страницу. В ней 26 глав – первые семь посвящены методике реконструкции, остальные – отдельным областям семантики, последняя (*Origins – The Never-Ending Story*) «История, которая никогда не закончится» – проблеме прародины.

Книга завершается тремя приложениями – обзором основных звуковых соответствий и двумя словарями: прото-индоевропейско-английским и англо-прото-индоевропейским, а также – указателями и ценнейшей библиографией.

4. Уместно упомянуть ещё одну книгу, которая появится осенью: *Indo-European Linguistics: An Introduction* (Cambridge Textbooks in Linguistics) – авторы: Torsten Meissner и James Clackson; Clackson составил себе имя книгой *The Linguistic Relationship Between Armenian and Greek* (Publications of the Philological Society, No 30), а также историей латинского языка – *The Blackwell History of the Latin Language*, написанную в соавторстве с Geoffrey Horrocks. Meissner – преподаватель Кембриджского Университета, специалист по истории греческого языка от микенского до современного, а также по *Comparative Indo-European Philology*.

Н. С. Гринбаум

Пиндар. Собственные имена (общий обзор)

Настоящее исследование собственных имен у Пиндара представляет собой продолжение предыдущих работ автора, посвященных изучению языка древнегреческой лирики¹. В частности, оно продолжает рассмотрение встречающихся у Пиндара нарицательных имен существительных². Предполагается, что изучение пиндаровских собственных имен будет способствовать расширению наших представлений о мировоззрении поэта, отношении к окружавшей его среде, предпочтительности его интересов и пристрастий. Вместе с тем мы сможем получить ряд новых и дополнительных объективных сведений о характере и специфике общественных отношений Греции VI–V вв. до н. э.

Анализ встречающихся у Пиндара собственных имен дает основание заключить, что они составляют значительную часть всей именной лексики в языке поэта. Их общее число можно признать относительно внушительным.

1. В группе «Боги и богини» представлены 52 имени, из них 22 мужских и 30 женских. Первые встречаются около 350, вторые – около 220 раз. Наиболее часто упоминаются: Зевс (187 раз), Аполлон (41) и Посейдон (21), с одной стороны, Гера (22), Афина (17) и Афродита (14), а также Музы (52) и Хариты (29), с другой. Наблюдается явное преобладание мужской линии над женской. Оно проявляется как в частоте упоминания богов и богинь, так и в количестве эпитетов, сопровождающих их имена. В то время как у Зевса 50 эпитетов, Аполлона – 20, Посейдона – 15, у богинь их меньше: у Афины и Афродиты по 6, у Геры – 3. Исключение составляют Музы – 16. Отличается и сам характер эпитетов. Мужские связаны, в первую очередь, с

---

¹ Н. С. Гринбаум. Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973; Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонид, Вакхилид). Тбилиси, 1986; Именная лексика древнегреческой лирики (рукопись, в печати, 395 с.), СПб.; Глагольная лексика древнегреческой лирики (рукопись, в печати, 390 с.), СПб.

² Н. С. Гринбаум. Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. М., 1990.

активной деятельностью и проявлением силы, женские – с заботой о мирной жизни, семейными отношениями и искусством.

2. Группа «Потомки богов» включает 37 имен. Выделяется потомство Зевса и Посейдона. Преобладают мужские имена. Боги вступают нередко в связь со смертными женщинами, богини крайне редко связывают свою судьбу со смертными мужчинами. Среди потомков богов чаще упоминаются сыновья, чем дочери. Первые называются 62 раза, вторые – 17. Вместе с тем последние сопровождаются относительно большим числом красочных эпитетов (Нереиды, Пляеды), в то время как эпитеты, характеризующие мужчин, связаны либо с их общественным положением (царь, владыка), либо с их вооружением.

3. Группой «Герои и цари» охвачены 75 имен, из них 14 героев и 61 царь. Среди героев выделяется Геракл, чье имя упомянуто Пиндаром 55 раз, а также участники похода «Семи против Фив», троянской войны и похода аргонавтов в Колхиду, имена царей рассмотрены по регионам: цари материка, островов и греческой периферии. Наибольшее внимание привлекают в этом плане Фессалия и Арголида, где встречается соответственно 8 и 11 царских имен. Ряд из них упоминается несколько раз: Пелей, царь Фтии – 10 раз, Пелий, царь Иолка – 7; Амфитрион, царь Аргоса – 8, Адраст, царь Сикиона – 6.

Среди островных можно отметить сицилийских царей Гиерона (8 раз) и Терона (5), а также саламинских царей Теламона (6) и Аякса (10). Лишь изредка упоминаются царицы: Алкмена, жена аргосского царя Амфитриона, (8 раз) и Медея, дочь колхидского царя Ээта (6). Всего имена героев и царей встречаются 286 раз, из них 108 раз имена героев и 178 – царей. Преобладают имена царей материка: они названы 98 раз, островов – 23 и периферии – 40 раз. Имена цариц попадают лишь в 17 случаях.

4. В группе «Игры и победители» содержатся 62 имени, из них 14 – победителей олимпийских, 12 – пифийских, 11 – немейских и 8 – истмийских игр. Наиболее знамениты победители колесничных гонок (упоминаются 14 раз), боксеры (8), борцы (7) и бегуны (5). Среди гоночных победителей встречаются сицилийские цари Терон из Акраганта и Гиерон из Сиракуз, среди прочих выходцы из старинных родов Эгины, Афин и Акраганта. Кроме вышеназванных видов состязаний упомянуты:

разноборье (3 раза), копьеметание (1), бег с оружием (1) и игра на флейте (1). Заслуживают внимания и спортивные соревнования мальчиков (5). Анализ имен победителей дает основание заключить, что основными центрами их подготовки были острова Сицилия и Эгина, города Фивы и Кирена.

5. В группе «Другие лица» рассматриваются 162 имени. Наиболее многочисленными оказались имена родственников победителей общегреческих игр (48), а также мифических и исторических героев (40), значительно число и женских имен (33). Реже представлены имена поэтов и музыкантов, жрецов и прорицателей. Среди мимических преобладают имена участников фиванского и троянского походов, а также похода аргонавтов. Родственники победителей игр являются в основном выходцами из генеалогического рода различных регионов. Женщины связаны, как правило, с родословной героев, их имена нередко сопровождаются положительными эпитетами.

6. Группа «Регионы, города и жители» охватывает 109 наименований. Регионы упоминаются 25 раз, города – 54 и жители – 30 раз. Среди регионов выделяется Олимпия (17 раз) и Немея (23), т. е. местности, связанные с проведением соответственно олимпийских и немейских игр. Наибольшее число эпитетов сопровождает название острова Эгина. Довольно часто упоминаются греческие города: Фивы (Беотия) и Дельфы (Фокида) – по 30 раз, Аргос (Арголида) – 15, Афины (Аттика) – 12 и Коринф (Арголида) – 8. Относительно чаще встречаются названия городов Арголиды (10 городов), Фессалии (6) и Беотии (5). Наибольшее число эпитетов у городов: Афины (9) и Фивы (4). Среди островов можно выделить Сицилию с ее городами Сиракузы (5 раз) и Акрагант (4), на периферии – Трою (13). Жителей Греции Пиндар именует эллинами (5 раз) или панэллинами (2). Из жителей городов он называет несколько раз: дельфийцев (6), афинян (4) и беотийцев (3).

7. Группа «Племена и роды» включает 66 собственных имен, из которых 16 относятся к племенным наименованиям, 15 – к родовым и 35 – к потомкам знаменитых родов. Относительно чаще упоминаются ахейцы (5 раз) и фессалийцы (4), остальные племена (ионийцы, дорийцы, эолийцы) лишь в связи с их частными поселениями в том или ином регионе. Среди древнейших родов названы Алкмениды (Афины), Клеонимиды (Фивы), Олигетиды (Коринф), Скопады (Фессалия), Эммениды

(Акрагант). С ними связаны, главным образом по мужской линии, их мифические и полумифические потомки. Лишь однажды отмечено происхождение по матери. Можно выделить потомков Эакидов из Эгины (названы 11 раз), Атреидов из Арголиды (7) и Гиндаридов из Терапны (7).

8. В группе «Горы, реки и острова» рассмотрены 70 наименований, в том числе 15 – гор, 22 – рек и 19 – островов. Выделяются вершины Фессалии: Олимп упомянут 14 раз. Среди наименований рек чаще встречаются: олимпийский Алфей (15 раз), сицилийский Акрагант, беотийский Йемен. Заслуживают внимания водные источники: Касталия в Дельфах (упоминается 8 раз) и Дирка в Фивах (4). Из островов примечательны: Делос (10 раз), Эгина (10) и Сицилия (5). Истмийский перешеек назван 21 раз.

9. Группа «Определения» охватывает 89 собственных прилагательных, сопровождающих наименования, связанные с племенной принадлежностью, географическим положением регионов, а также именами богов и героев. Наиболее многочисленными оказались определения областей (26 случаев) и городов (22). Большинство собственных прилагательных употреблено однажды, несколько раз встречаются определения: пифийский (9), истмийский (3), аргосский (3), лидийский (4). Относительно редко собственные прилагательные встречаются при именах божеств и героев: Аполлон и музы (по 4 раза); Посейдон, Афродита и Геракл (по 2). Племенная принадлежность отмечается иногда: определение дорийский – 7 раз, ионийский – 4, эолийский – 3.

Подводя итог рассмотрению собственных имен у Пиндара, следует заметить, что их число – 722 уступает, естественно, количеству встречающихся у него нарицательных имен – 1190. Однако в целом собственные имена составляют существенную часть пиндаровской именной лексики. Их анализ дает основание расширить наши представления о мировоззрении поэта, восприятии им окружающей среды, предпочтительном внимании к тем или иным ее проявлениям. Подтвержден тезис об исключительном преклонении Пиндара перед олимпийскими богами, главным образом перед их мужскими представителями и в особенности – Зевсом. Выясняется, что боги-мужчины намного свободнее вступают в брачную связь со смертными женщинами, а среди их потомков явно преобладают сыновья над дочерьми.

Значительную группу составляют имена царей, что позволяет предположить их не последнюю роль в общественной жизни. Особое внимание поэта привлекают цари Фессалии и Арголиды, т. е. регионов, которым отведено важное место в истории Греции. Значительно и число победителей спортивных игр олимпийских, пифийских, немейских и истмийских. Наиболее престижными признаются, судя по числу упоминаний, колесничные гонки. Выявлены и основные центры подготовки спортсменов – острова Сицилия и Эгина. Нередко встречаются имена родственников победителей и мифических героев, участников троянской войны и похода аргонавтов в Колхиду. Среди названий регионов чаще упоминаются Олимпия и Немея, из городов – Фивы (Беотия) и Дельфы (Фокида). Важная роль в общественном устройстве страны отведена племенным и родовым объединениям, принадлежность к ним обеспечивает прочное место в жизни. Природную среду Греции определяют многочисленные горные вершины, реки и острова, наименования которых находим у Пиндара.

Изучение встречающихся у Пиндара собственных имен обогащает, таким образом, не только наши сведения о самом поэте, но и расширяет наши представления об объективных условиях и реальном состоянии греческого общества VI–V вв. до н. э.

А. В. Грошева

О нескольких латинских названиях *борозды*

Настоящая статья посвящена рассмотрению одного синонимического ряда в латинской земледельческой лексике – нескольким обозначениям *борозды*. Будет сделана попытка проследить взаимосвязь между членами ряда с целью выявления релевантных признаков, составляющих семантический «портрет» каждого члена ряда. Синонимы в большей степени, чем другие парадигматические группировки лексики, объединены общностью экстралингвистической ситуации, к которой они относятся (за каждым синонимическим рядом стоит один и тот же фрагмент действительности). Сравнение синонимов ввиду близости их значений даст возможность выявить самые тонкие различия между ними и стоящие за этими различиями семантические свойства отдельных слов.

Среди тем, поднимаемых авторами латинских сельскохозяйственных трактатов, значительное место уделяется земледелию как одной из основных отраслей сельского хозяйства древней Италии, поскольку на протяжении своей истории римляне были земледельцами и скотоводами. Наибольшим плодородием отличались равнины Кампании, области, расположенной южнее Лация. Марк Теренций Варрон, автор трактата «О сельском хозяйстве» (*De re rustica*, сокр. *R. R.*), первую книгу своего труда целиком посвятил земледелию. О земледельческих работах он впервые упоминает в 27-й главе, говоря о четырех временах года, связанных с круговоротом солнца; весна, естественно, является началом аграрного цикла (*vere sationes quaedam fiunt* «весна – время посевов»). Но сначала необходимо подготовить землю, провести ее первичную обработку: взрезать поверхность (*terram rudem proscindere* – букв. «взрезать невозделанную землю, пар, плугом; вспахать»), чтобы вырвать с корнем выросшие на ней сорняки, прежде чем они дадут семена, которые упадут в почву. Взрезанные таким образом глыбы земли будет лучше прогревать солнце и смачивать дождь. Вспашку земли следует производить не меньше двух раз, а еще лучше – трижды. В 29-й главе Варрон детально рассказывает о трех видах вспашки: когда землю пахут *впервые* и обычно поднимают большие глыбы, это действие обозначают глаголом *proscindere*, когда *вторично* – *offringere*, что значит ‘разрыхлять,

перепаживать'. И для обозначения *третьей* вспашки имеется специальное обозначение – глагол *lirare* 'заделывать семя в борозду, бороновать'. Этот этап обработки земли коренным образом отличается от двух предыдущих: по сути дела, речь здесь идет о бороновании, когда заделывают, запахивают брошенные в землю семена (*iacto semine*): операция выполняется с помощью двух досок, соединенных с сошником плуга (он же лемех, *vomer*), и дает двойной эффект: во-первых, посеянное в борозды (*in porcis*) зерно покрывают землей, во-вторых, прокладывают канавы (*sulcant fossas*), куда может стекать дождевая вода. Но Варрон не ограничивается техническим описанием трех фаз обработки пахотной земли: он считает необходимым привести толкование двух важных земледельческих терминов, встретившихся в этой главе: *sulcus* и *porca*.

1. *Qua aratrum vomere lacunam striam facit, sulcus vocatur* «глубокий след (углубление), который оставляет на земле лемех плуга, называется *sulcus*» (один из видов борозды);

2. *Quod est inter duos sulcos, elata terra, dicitur porca* «выступающая, возвышающаяся между двумя бороздами земля называется *porca* (гряда)».¹

Рассмотрим более детально значения *sulcus*, как они приводятся в Оксфордском словаре [Glare 1864]. В качестве основного дается сельскохозяйственное значение: 'борозда для посева зерновых и др., проведенная плугом'. Катон в своем агрономическом трактате учит земледельца, как правильно проводить борозды: *Cato Agr. 61. 1 bene et tempestivo ares, sulco vario ne ares* «паши хорошо и своевременно, разными *бороздами* (т. е. разной глубины – прим. переводчика М. Е. Сергеенко) не паши». Помимо аграрных сочинений, *sulcus* в значении

¹ В словаре Я. Ильенкова «Краткая латинская синонимика» термины *sulcus*, *porca* и *lira* (о последнем речь пойдет ниже) рассматриваются в рамках одной статьи и имеют следующие толкования: 1. *sulcus, i m* борозда углубленная, проведенная плугом; 2. *porca, ae f* борозда возвышенная, которая произошла от набросанной земли; 3. *lira, ae f* обозначает то одну, то другую борозду (Ильенков: 204). Сущ. *lira* у Варрона не встречается, но есть производный глагол *lirare* (Var. R. R. 1. 29). По описанию М. Е. Сергеенко, «хлебное поле в древней Италии представляло собой ряд гребней, между которыми шли довольно глубокие борозды для стока воды; ... хлеб рос на гребнях» (Сергеенко: 117).

‘борозда’ встречается и в поэзии: Verg. Ecl. 5. 36 *grandia saepe quibus mandavimus hordea sulcis* «часто мы бросали в эти борозды крупные ячменные семена». Примечательно, что глагол *proscindo* ‘распахивать’, которым Варрон в 29-й главе обозначает первую вспашку, встречается в одном контексте с *sulcus* и в комедии Плавта «*Trinummus*», откуда следует, насколько привычными и понятными для зрителей были значения этих сельскохозяйственных терминов. В сцене сватовства хитрый раб Стасим в самых черных красках описывает поместье, которое его хозяин Лесбоник хочет отдать в качестве приданого за своей сестрой, лишая тем самым единственного источника пропитания и самого себя, и своего раба Стасима: Plaut. Trin. 524 *terra quom proscinditur, in quinto quoque sulco moriuntur boves* «когда вспахивают землю, уже на пятой борозде быки вдруг издыхают».

Когда же речь шла о посадке виноградных лоз или саженцев деревьев, термином *sulcus* обозначали ‘углубление в земле, канаву, ров’ (2-е значение): Cato Agr. 49. 2 *ponito (vineam) in scrobe aut in sulco operitoque et bene occultato* «посади лозу в яму или канаву, прикрой землей и хорошо сокрой ее утопчи». В древней Италии существовал обычай отмечать местоположение города, проводя плугом борозду (*sulcus*), которая очерчивала его границы (3-е значение)². Ссылки на этот обычай можно найти у многих авторов, например, у Тацита: Tac. Ann. 12. 24 *sulcus designandi oppidi coeptus* «была начата борозда для обозначения черты города (Рима)», а также у Варрона в трактате «О латинском языке» (Var. L. L. 5. 143); Варрон полагает, что римляне переняли этот ритуал от этрусков. Узкую канаву, ров для отвода воды или, напротив, для орошения, также называли *sulcus* (4-е значение): Cato Agr. 43. 1 *sulcos, si locus aquosus erit, alveatos esse oportet* «в сыром месте канавы следует делать корытообразными (желобчатыми)».

² «Сама пахота в античном мире, особенно первая борозда и вообще проведение борозды, имела культовое значение, т. е. была социальным институтом» // Предисловие Ю. С. Степанова к кн.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: «Прогресс», 1995. С. 2. Ср. у славян обряд *опашивания* для установления границы села или межи в поле. Так, например, на Русском Севере, на Дону на пропаханную межевую борозду сгоняли ребятишек и секли их, чтобы они помнили границу отцовского участка (Слав. древности: 1, 536).

Прочие значения *sulcus* не имеют отношения к сфере сельского хозяйства, и их следует рассматривать как переносные, например, углубление в земле, оставленное каким-либо движущимся предметом, *колея*. Поэты употребляют *sulcus* при описании следа, оставляемого бегущим по волнам кораблем. Эти образы можно рассматривать как стершиеся метафоры, которые определенно можно обнаружить в современных европейских языках («бороздить моря»), равно как и обозначение словом *borozda* морщин на лице или теле человека.

От суц. *sulcus* имеется целый ряд производных образований. Основное значение отыменного глагола *sulcare* – ‘проводить борозду (по земле) плугом, бороздить’. В 37-ой главе Варрон говорит о подготовительной стадии, которая предшествует посевам или посадкам; в зависимости от вида сельскохозяйственных культур варьируются способы подготовки: для зерновых необходимо обработать междурядья (*repastinandum*) и проложить борозды (*sulcandum*). Неоднократно встречается глагол *sulcare* у Колумеллы. В одной из глав 2-ой книги автор объясняет, как правильно следует делать борозды (*Col. R. R. 2. 2. 25*): погонщик волов должен идти по уже заранее поднятой целине (*per proscissum* – субстантивированное причастие от *proscindere*) и управлять плугом так, чтобы попеременно проводить борозды (*sulcare*) то наклонные, то прямые и сплошные, нигде не оставляя почву (*solum*) нетронутой: такую невспаханную почву земледельцы называют *scannum*³.

В соответствии с четвертым значением *sulcus* ‘узкий ров, канава’ глагол *sulcare* может означать ‘проводить ров, желоб’, например, для стока дождевой воды (*Var. R.R. 1. 29. 2 sulcant fossas, quo pluvia aqua delabatur*). Поэты охотно пользуются глаголом *sulcare* в метафорическом значении, чтобы отмечать следы, оставляемые на поверхности движущимся предметом, чаще всего, плывущим по морю кораблем или летящей по воздуху птицей. Производными от *sulcare* являются существительные:

³ *scannum, i n* ‘скамья, скамейка’. В длинном перечне предметов домашнего обихода Катон упоминает *scamna magna 3* ‘больших скамеек 3’, *scannum in cubiculo 1* ‘скамейка в спальню 1’ (*Cato Agr. 10*). В практике земледелия слово получило переносное техническое значение ‘необработанная полоса земли (между двумя вспаханными)’: название предмета домашнего быта переосмыслено как сельскохозяйственный термин.

sulcamen, inis n ‘борозда’, встретившееся единственный раз в «Метаморфозах» Апулея в обращении к Церере. По характеристике Ж. Перро, *sulcamen* вне всякого сомнения является искусственным образованием в ряду других слов на *-men* литературного характера, употребляемых этим автором (Perrot : 123);

sulcator, oris m должно обозначать исполнителя действия – того, кто проводит борозды, канавы по земле или другой поверхности. Однако в сельскохозяйственных текстах это слово не засвидетельствовано, только в поэзии. В поэме «Фиваида» Статья под именем *sulcator* подразумевается Харон, мифический перевозчик душ умерших через реку Ахеронт в царство теней.

Примечательно, что для обозначения признака предмета, разделенного на две или три части, в латинском от *sulcus* ‘борозда’ были образованы сложные прилагательные двух и трех окончаний – *bisulcis, e* или *bisulcus, a, um* ‘раздвоенный, рассеченный надвое’ и *trisulcis, e* ‘разделенный на три части’. Сочетание *bisulci lingua* ‘с раздвоенным языком’ встречаем у Плавта (Plaut. Poen. 1034) в переносном значении для характеристики лжеца, лицемера, язык которого уподобляется змеиную жалу; у Лукреция (Lucr. 2. 356) *vestigia pedibus bisulcis* ‘следы раздвоенных копыт’ (о копытах тельника). В отрывке из «Менипповых сатир» Варрона эпитет относится к названию растения: Var. Men. 578 *ponam bisulcam et crebrinodam haundinem* ‘я посажу раздвоенный и узловатый тростник’. Колумелла, перечисляя в трактате «О деревьях» способы прививки разных плодовых деревьев, указывает, что «черенки (привоя) должны быть раздвоенными» (Col. Arb. 26. 2 *surculi sint bisulci*). В «Георгиках» Вергилия, где есть сюжет об изгнании из стойла змей, представляющих опасность для скота, говорится о змее с разделенным на три части жалом (Verg. G. 3. 439 *linguis micat (anguis) ore trisulcis* «змея шевелит в пасти разделенным натрое жалом»), хотя в действительности змеиное жало раздвоено (*bisulcus*); согласно комментарию, этот обман зрения объясняется быстротой движений змеиного жала, отчего оно только кажется разделенным натрое. Словосочетание *tela trisulca* (*telum* ‘метательное оружие’ – копьё, дротик, стрела) представляет собой образное выражение для обозначения молний, которые мечет разгневанный Юпитер (напр. Ovid. Am. 2. 5. 52). Зафиксировано и прил. *dissulcus* ‘разделенный на борозды’: *dissulcus porcus* называли свинью, у которой щетина

на шее расходилась наподобие борозд (Paul. Fest. p.72 по WH : 2, 627).

Этимологическая трактовка *sulcus* по разным источникам довольно единообразна. Соответствия латинскому слову имеются в нескольких индоевропейских языках. Прежде всего в качестве аналога лат. *sulcus* этимологические словари приводят греч. ὄλκός ‘полоса, след, который оставляет плуг, поднимая лежавшее под паром поле’, глагол ἔλκω (гом. ἐλκέω) ‘тащить, волочить’ и гом. ὠλξ (< *ᾠολξ) ‘борозда’, εὐλάκα (< ἐ-Ϝ-|к-α) ‘плуг’. Значение ‘тащить’, ‘волочить’ имеют соответствующие глагольные формы в литовском (*velkù*) и славянских языках (ст.-сл. влѣкж); сюда же примыкают тох. В *sälk-* ‘тянуть’, авест. *varək* ‘тянуть’, англ.-сакс. *sulh* ‘плуг’⁴, алб. *hel’k, hek* ‘тащить’, арм. *hełg*. Для всех приведенных из разных языков соответствий латинскому *sulcus* следует реконструировать и.-е. корень **ṣuelk-*. Очевидно, что перенос значения ‘тянуть’ > ‘плуг’, ‘борозда’ объясняется особенностями земледелия, когда плуг на пашне должны были тащить животные (мулы, быки); поэтому уже и сам ‘плуг’, и проводимая им ‘борозда’ начинают обозначаться словом с исходным значением ‘тянуть’ (Гамкрелидзе, Иванов: 689, прим. 1)⁵.

Как уже сказано, в отличие от *sulcus* ‘борозда, проведенная плугом’, *porca* обозначает ‘борозду возвышенную, которая образовалась от набросанной земли’, т. е. по сути дела *грядку*, *грядку* или *гребень* (по терминологии М. Е. Сергеевко). *Porca* в этом значении встречаем уже в трактате Катона, где в короткой главке рассказывается об устройстве плодового питомника и о посадке кипариса (Cato Agr. 48). Для этого землю прежде всего

⁴ В. Порциг считал лат. *sulcus* и др.-англ. *sulh* ‘борозда’ одной из эксклюзивных италийско-германских изоглосс (№ 19), защищая свою точку зрения категорическим утверждением: «Греч. ὄλκός обозначает ‘след’, а не ‘борозду’» (Порциг: 167). Критику отбора италийско-германских соответствий в книге В. Порцига см. (Откупщиков 2004: 194–199).

⁵ Ср. строки в «Метаморфозах» Овидия, описывающие серебряный век человечества, пришедший на смену золотому, когда люди без труда добывали себе пищу: Ovid. Met. 123–124 *Semina tunc primum longis cerealia sulcis / Obruta sunt, pressi iugo gemuere iuveni* ‘Тогда впервые были посеяны хлебные семена в длинных *бороздах* и ревели бычки под тяжестью ярма’.

перекапывали на глубину в два заступа, а далее надо было сделать «грядки шириной в пять футов» (Agr. 48. 2 *porcas pedes quinos latas facito*), добавить туда навозу, измельчить земляные глыбы. *Porcam planam facito, paulum concavam* «грядку делай плоской, с небольшой впадиной», советует Катон. Семена кипариса следует сеять густо, как лен. Таким же способом сеют грушевые и яблочные семена⁶.

Во втором значении – ‘борозда, служащая для отвода воды’ – *porca* совпадает с *sulcus*: Alf. dig. 39. 3. 24 ut per *sulcos* itemque *porcas* aqua ad inferiorem (locum) veniret «чтобы вода по бороздам и также по канавкам стекала в более низкое место».

По сообщению Колумеллы (Col. R. R. 5. 1. 5), особое значение имело слово *porca* в Испании, являясь земельной мерой, обозначавшей участок земли 30 футов в ширину и 180 в длину.

Происхождение рассматриваемого термина вызывало интерес уже в античности. Варрон, помимо толкования значения *porca* (см. выше), в сочинении «О латинском языке» предлагает и свою версию происхождения этого слова, считая *porca* производным от глагола *proicio* ‘бросать вперед’: Var. L.L. 5. 39 (текст рукописей) quo ea terra iacta id est proiecta, *porca* «(там), где эта земля набросана, т. е. где она выступает (выдается), – это *porca*». Другие античные грамматиканы предлагали иную аргументацию для объяснения этимологии *porca*. Версия, представленная в словаре Феста, базируется на втором значении термина: *porcae* (мн. ч.) ‘борозды, проведенные для отвода воды’, названы так за то, что они задерживают (*porcent* < *pro-argeo* ‘задерживать, удерживать’) воду, препятствуя таким образом наносить вред посевам (Paul. Fest. 244, 6 по EM: 522). И еще одна этимология *porca* представлена у Павла Диакона (Paul. Fest. 274 19), ссылающегося на Варрона, который говорит, что *porcas*, которые образуются между двумя *sulcos*, называются так потому, что они «протягивают хлеб» (*porrigant frumentum*). Все предложенные версии объяснения являются «народными» этимологиями.

⁶ В «Менипповых сатирах» Варрона можно отметить любопытную деталь из городской жизни, для описания которой автор пользуется, тем не менее, сравнением из сферы сельского быта: (Var. Men. 535) (в переводе): «народ, прохаживаясь перед лавками (*ante tabernas*) делает борозды (*porcas*), как будто там прошли плугом».

В вопросе о наличии соответствий латинскому *porca* ‘борозда’ в других индоевропейских языках между лингвистами имеются расхождения. В Словаре Вальде–Хофмана как самые надежные соответствия для лат. *porca* (< *pṛka, возможно, первоначально *pṛkus f) приводятся только германские формы: дв.-в.-нем. *furuh* f (<*pṛkus) ‘борозда’ (нем. *Furche*), англ.-сакс. *furh* (англ. *furrow*), др.-норв. *for* ‘отводной ров, канал’; кельтские же соответствия – галло-лат. *rica* f, отмеченное у Мейер-Любке под № 7299, др.-брет. *rec* ‘sulcus’, также ново-брет. *reg* ‘бороздка, прочерченная плугом’, оцениваются как неясные, ненадежные, поскольку они могут восходить к форме *ṛiq(k)ā, отражениями которой являются др.-в.-нем. *riga* ‘линия’, нововерхн.-нем. *Riege* ‘складка на платье’. Первоначально *porca* означало ‘рытье’, ‘копание’ (так же, как *rogca* ‘свинья’ первоначально значило ‘роющая(ся)’), и поэтому оно относится к и.-е. корню *pṛk- ‘разрывать, раздирать, распахивать настежь’, от которого образованы также др.-инд. *páṛśānaḥ* ‘пропасть, ущелье, впадина’, литов. *pṛaperšis* ‘попынь’, *pṛaparsas* ‘ров, канава’, *pṛešėti* ‘свербеть, зудеть (о ранах)’, собственно ‘быть потрескавшимся, рваным’ (WH : 2, 340). В Словаре Эрну – Мейе родство латинского *porca* и указанных германских форм, а также галло-романских образований, давших франц. *gaie* (др.-франц. *goie*), пров. *rega* ‘борозда’, не подвергается сомнению; однако, по замечанию составителей словаря, «западное и.-е. слово *pṛkā распространено меньше, чем то, которое восходит к лат. *lira*» (EM: 522). Реконструируемая Гамкрелидзе и Ивановым форма *p^[h]erḱ^[h]- на основе тех же самых соответствий – латинского, кельтских (галл. *rica* ‘борозда’, валл. *rhuch* ‘борозда’) и германских, но при отсутствии древнеиндийских и литовских форм, очевидно, вызывающих у этих авторов определенное сомнение, – первоначально имела значение ‘царапать, делать в земле углубление, ямку’; в западном диалектном материале она получила значение ‘борозда’ (Гамкрелидзе, Иванов: 689).

Специального глагола от *porca* для обозначения соответствующего действия по типу *sulcus* : *sulcare* не имеется; очевидно в нем не было особой надобности. Только у Колумеллы встречается редкий префиксальный глагол *imporcio*, *ire* ‘бросать, заделывать в борозду’: Col. R. R. 2. 10. 6 *cum semen crudo solo ingesserimus, inarabimus imporcitumque occabimus* «после того как мы внесли семя в невозделанную почву, мы его запашем и будем боронить *заделанное (в землю)*». В качестве

имени сельского божества отмечено сущ. *Imporcitor, oris m* (Fab. Pict. iur. 6), хотя этим словом обозначали, вероятно, прежде всего работника, который «во время пахоты делает в поле гряды (*porcas*)» – по (Glare : 849 – Paul. Fest. p. 108M). Среди производных от *porca* отмечают встретившееся однажды у Плиния (Plin. N.H. 17. 171) *porculetum, i n* ‘поле, разделенное на гряды’. Как объясняет Плиний, этим словом обозначали виноградник, в котором интервалы между рядами посадок распахивались для посева зерновых.

Наиболее точное определение еще одного обозначения борозды – *līra* – имеется в 11-й книге трактата Колумеллы: Col. R. R. 11. 3. 21 (Est autem *līra* similis ei *porcae*, quam in sationibus campestribus rustici faciunt, ut uliginem vitent ‘*līra* похожа на ту борозду (*porca*), которую сельские жители делают в посевах на полях, чтобы избежать сырости’). Колумелла отмечает здесь некое определенное сходство между *līra* и *porca*, очевидно имея в виду, что обе борозды делают *возвышенными*, хотя не касается отличий, которые, возможно, не существенны. Но наиболее удачным представляется отрывок из 2-ой книги трактата, где в одном контексте встречаются все три обозначения борозды – *sulcus, porca, līra* (Col. R. R. 2. 4. 8) (в переводе): «сельские жители (*rustici*) называют *līrae* те же самые борозды (*porcas*), которые вспаханы так, что между широко расходящимися бороздами (*sulcos*) образуется посредине насыпь, гребень сухой земли (*simulus*) для посева зерновых». Из приведенных отрывков явствует, что как *porca*, так и *līra*, – это возвышенные борозды: их делают высокими, чтобы земля в них не пропитывалась излишней влагой. Когда в одном языке два внешне и функционально идентичных объекта имеют разные наименования, в качестве причины, объясняющей это явление, можно предполагать или диалектное различие названий, или заимствование синонима из какого-либо источника. Важно отметить, что в тексте Катона термин *līra* отсутствует.

Соответственно для обозначения действия, в результате которого образуются возвышенные борозды, *līrae*, и семя заделывается в гребни, употребляли глагол *līrare*⁷. У Колумеллы

⁷ Описание процесса дано в 29-й главе трактата Варрона, см. стр. 1 настоящей статьи.

отмечено наречие *līratim*: Col. R. R. 11. 3. 20 (*spicae*⁸) *līratim seri debent* «(дольки чеснока) следует сажать вдоль возвышенных борозд». Из числа префиксальных наиболее известен глагол *delīrare*, возникший очевидно из словосочетания *de līra* (*ire*) «сойти с борозды», т. е. «отклониться от межи при пахоте, бороновании поля»; это значение отмечено у *delīro* грамматиком П в. н. э. Велием Лонгом (Vel. GL I. 7. 73): «о быках, когда они сворачивают в сторону от нужного направления, говорят, что они *delīrare*; так же образно говорят о тех, кто с прямого пути сбивается на неправильный». Таким образом, грамматик попутно сообщает и о развитии абстрактного значения у глагола *delīro* ‘быть не в своем уме, быть безумным’⁹, которое было весьма употребительным у латинских авторов начиная с Плавта: Plaut. Amp. 727 *delīrat uxor, – atra bili percita est* «безумствует жена, возбужденная черной желчью». Близким по смыслу является значение ‘говорить в бреду, бредить’. Самой яркой иллюстрацией переносного употребления глагола *delīro*, которое по существу стало преобладающим, является строка из «Посланий» Горация, превратившаяся в поговорку: Hor. Epist. 1. 2. 14 *quidquid delīrant reges plectuntur Achivī* «за всякое сумасбродство царей расплачиваются (простые) ахейцы» (ср. аналогично в русском (из украинского?): «пань дерутся, у холопов чубы трещат/трясутся»). От глагола *delīro* возникло обратное образование – прилагательное *delīrus* ‘безумный, безрассудный, сумасбродный’, отмеченное у поэтов (Hor. Epist. 2. 2. 126 *praetulerim scriptor delīrus inersque videri*). Уже у Плавта неоднократно встречается сущ. *delīramentum, i n*, обозначающее продукт расстроенного ума – ‘иллюзия, заблуждение, вздор, бессмыслица, абсурд’: Plaut. Capt. 598 *Iam delīramenta loquitur, larvae stimulant vīgum* «Он уже несет чепуху, ларвы подстрекают его»¹⁰. Сущ.

⁸ Обычное значение *spica* – ‘колос зерновых’, но у Катона, Колумеллы, Цельса и др. этим словом обозначаются также дольки чеснока.

⁹ Об интенсивном использовании сельскохозяйственных терминов для пополнения абстрактной латинской лексики см., в частности, пример, приводимый в кн. (Тронский 1953: 116): «Сумасбродствует (*delīrat*) тот, кто выходит из борозды (*līra*)...».

¹⁰ *Larvae* – злые духи римских народных поверий, собственно, оделившиеся души дурных людей, противоположные *manes*, мучившие как мертвых, так и живых, для которых они считались причиной безумия. Выражение *delīramentum loquere* «говорить чепуху, нести

deliratio, onis f сохраняет как конкретное техническое значение: Plin. N. H. 18. 180 *ni operiantur (semina), deliratio est* «если семена не боронованы (– т. е. не покрыты землей, не засыпаны), – это означает отклонение от борозды», так и переносное, абстрактное – ‘умственное расстройство, бред; безумие’: Cic. Sen. 36 *ista senilis stultitia, quae deliratio appellari solet* «это старческое слабоумие, которое обычно называют *deliratio*». Заметно, что в данном контексте *deliratio* приобретает уже статус медицинского термина. Цельс для обозначения безумия как болезни употребляет сущ. ср. р. *delirium*: Cels. 2. 7. 18 *ubi caput vulneratum est, delirium (oritur)* «ранение в голову вызывает безумие»; и в современной медицине *delirium* – вид помрачения сознания.

В качестве соответствий лат. *lira* этимологические словари приводят др.-в.-нем. *wagan-leisa* ‘след от повозки’, ср.-в.-нем. *leis(e)* ‘след’, ново-в.-нем. *Geleise* ‘колея’; др.-прусс. *lyso* ‘гряды’, литов. *lyšė* ‘клуба’ и ст.-сл. *лѣха* ‘борозда, гряда’. С полным основанием можно говорить о «центрально-европейском» термине земледелия, сохраненном в разной степени в четырех языковых группах – италийской, балтийской, славянской, германской (Топоров: 329).

Продолжим анализ названий *борозд* в сельскохозяйственных трактатах, прежде всего в «Земледелии» Катона. В своем сочинении он не ограничивается наставлениями относительно посадок кипариса, данными земледельцу в гл. 48 (см. с. 5 наст. статьи). В конце трактата он вновь обращается к этой теме (гл. 151). Плиний так объясняет причину этого повторного обращения Катона: «Кипарис – пришелец, растет он с большим трудом, так что Катон говорит о нем подробнее и чаще, чем обо всех прочих деревьях» (Plin. N. H. 16. 139). Катон указывает также и на источник появления кипариса в Лации: первоначально его разводили эллинизированные жители Кампании, области с более теплым климатом, чем Лаций. Один из кампанцев, Маний Перценний из Нолы, изложил свою версию разведения кипариса; Катон, также имевший в Кампании хозяйство, счел необходимым привести в «Земледелии» и кампанскую инструкцию как дополнение к гл. 48, чтобы его читатели имели возможность выбора. В 151-й главе для обозначения гряды под посадки

вздор» очевидно было характерным для разговорного стиля речи (см. также Plaut. Men. 920).

кипариса неоднократно используется необычное слово *area*: Cato Agr. 151. 3 *Āreas* facito pedes latas quaternas «Грядки делай шириной в четыре фута». Это указание почти дословно повторяет сказанное в гл. 48 (*porcas* pedes quinos latas facito «сделай грядки шириной в пять футов»), но вместо *porca* употреблено *ārea*. Речь идет очевидно о несколько ином способе посадки кипариса в Кампании и, соответственно, об ином виде гряды: если *porca* значило ‘возвышенная гряда’, то *ārea* употребляли для обозначения гряды с небольшой впадиной, в которой могла задерживаться вода; возможно, это было связано с более сухим климатом Кампании по сравнению с климатом Лация. *Ārea* на участке соседствует с *sulcus*: «между грядами (*inter āreas*) делай борозды (*sulcos*), чтобы ты мог полоть траву с грядок (*de āreis*). Когда гряды (*āreae*) готовы, сей семя (кипариса) часто, так, как обычно сеют лен» (точное повторение совета в 48-ой главе). И заканчивается 151-я глава наставлением пускать воду на грядки (*in āreas*), если не будет дождей и земля будет сохнуть.

Само употребление *ārea*, *ae f* в значении ‘гряда’ нуждается в объяснении. Известно, что главное, наиболее распространенное значение *ārea* – ‘открытое место, любое свободное пространство, лишенное построек’. Существует мнение, что этим словом первоначально обозначали место вокруг алтаря (*āra*); в таком случае *ārea* по своему происхождению является культовым термином. Но сфера его употребления постепенно расширялась: *ārea* называли и свободное пространство перед храмом, и городскую или рыночную площадь, и место для строительства здания, и, по сообщению Варрона, занимаемую зданием площадь (Var. L. L. 5. 95), а также площадку для игр или спортивных занятий. Плавт (Plaut. Asin. 216) обозначает этим словом площадку для приманки и ловли птиц, на которой птицелов раскладывает корм. В сельскохозяйственных трактатах *ārea* получает специальное значение ‘ток для молотбы, гумно’¹¹,

¹¹ Для *ārea* «специализация в значении ‘ток, гумно’ является, возможно, вторичной» (ЕМ: 45). В представлении Варрона развитие значений *ārea* шло в обратном порядке: Var. L. L. 5. 38 *Ubi frumenta secta, ut terantur et arescant, ārea. Propter horum similitudinem in urbe loca rura āreae* «*Ārea* называют место, где скошенную пшеницу молотят и сушат. Благодаря сходству свободные места (пространства) в городе получили то же самое название». Трудно сказать, кто здесь прав.

как, например, в 129-й главе «Земледелия», где Катон рассказывает о постройке этого необходимого в усадьбе помещения (Cato Agr. 129 *āream*, ubi frumentum teratur, sic facito «ток, где молотят зерно, делай таким образом»); в этом значении слово находим также и у Цицерона, и у Овидия, и у Вергилия. *Ārea* ‘питомник, грядка’ имеет более ограниченное употребление, в основном, у писателей-агрономов; кроме Катона, оно встречается у Варрона (Var. L. L. 6. 64 *olitor disserit in āreas sui cuiusque res* «зеленщик рассаживает по *грядкам* разного рода овощи») и очень часто у Колумеллы (Col. R. R. 11. 3. 13 *humus refossa in āreas dividitur* ‘перекопанная земля делится на грядки’)¹². Участок, поделенный на гряды, тоже представлял собой открытое место, что, по-видимому, позволяло обозначать его термином *ārea* как совокупность грядок. Однако не исключено, что подобное употребление *ārea* следует рассматривать как одну из особенностей кампанского диалекта.

В синонимический ряд латинских названий борозд следует включить и *versus*, *us m* (или, по 2-му скл., мн. ч. *versi*, *orum* в народной речи), которое по своему происхождению является несомненно древним термином в сфере земледелия, хотя в трактовке его первоначального значения у этимологов имеются некоторые расхождения. Эрну и Мейе понимают *versus* как отглагольное образование от *verto* ‘вертеть, поворачивать’¹³, означающее буквально ‘поворот плуга в конце борозды’ и, более конкретно, ‘борозда’; по аналогии возникло переносное значение ‘строка письма’ (типа βουστροφῆδον) и затем ‘строка стихотворная’ (ЕМ: 725). Вальде и Хофман, не соглашаясь с

¹² В 10-й главе 2-й книги Колумеллы речь идет о посеве мидийского клевера, или люцерны (*Medica*); для этого предлагается приготовить грядки (*āreas*), наподобие садовых, длиной 15 и шириной 10 футов (примерно 4,5 на 3 м.) и описан весь процесс подготовки земли – от вспашки до посева.

¹³ И.-е. основа *Нцег-т^[h]– ‘вращаться’, примыкающая к семантической группе ‘колесо’, ‘круг’, ‘повозка’, реконструируется исходя из соответствий, имеющих в ряде языков: помимо лат. *verto* сюда относятся др.-инд. *vārtati* ‘вращает’, вед. *vartani-* ‘колея, путь, прокатывание’, митан. арийск. = *cartanna* ‘поворот’, осет. *wærdon* ‘арба’, гот. *waigran* ‘становиться’, ст.-сл. *vŕtĕti sę* ‘вертеться’ (Гамкрелидзе, Иванов: 546, 719). Полисемантическое лат. *versus* в сфере земледелия получило специфическое значение ‘борозда’.

трактовкой *versus* ‘поворот плуга в обратную сторону’, считают более правильным значение ‘переворачивание земли плугом и образующаяся в результате *борозда*’. Выражение *alternis versibus sulcare* ‘пахать попеременно разными бороздами’ находим у Колумеллы (Col. R. R. 2. 2. 25, см. выше); также Плинию свойственно употребление *versus* в значении ‘борозда’ (WH: 2, 763). Кроме того, *versus* было одним из терминов в латинской системе земельных мер; величина этой меры варьировалась в различных областях Лация.

Любопытный пример использования в сфере земледелия названия объекта домашнего быта в качестве технического термина, помимо упомянутого выше *scannum* (см. прим. 3 наст. статьи), представляет собой сущ. *pulvīnus, i m* ‘подушка, валик под голову, изголовье’. В своем основном значении *pulvīnus* встречается у многих латинских авторов, начиная с Плавта. Катон в 10-й главе «Земледелия» включает подушки числом 16 (*pulvīnos*) в опись постельных принадлежностей, необходимых для рабов, занятых обустройством масличного сада. Укажем еще на сообщение Плиния о том, что растение анис (*anesum*), положенный в подушку (*in pulvīno*), избавляет от бессонницы (Plin. N. H. 20. 186). Однако латиняне очень широко использовали это слово по отношению к разным объектам, хотя бы отдаленно напоминающим подушку, валик, по форме или по функции, и, как ни удивительно, *pulvīnus* проникло даже в сферу сельского хозяйства в значении ‘приподнятый пласт земли, гребень борозды’ (в поле или в саду). Так, например, Варрон, говоря об осенней посадке лилий и шафрана, в то же время не советует разводить в поместье фиалки, поскольку для них требуются высокие грядки (*pulvīnos*), которые будут размываться орошением или дождями: от этого почва оскудеет (Var. R. R. 1. 35). Если продолжить цитату из трактата Колумеллы относительно долек чеснока, которые надо сажать *liratim* ‘вдоль возвышенных борозд’ (Col. R. R. 11. 3. 20), то станет ясна цель именно такого способа посадки: *ut in pulvīnis positae minus infestentur hiemis aquis* «чтобы (дольки), посаженные в высокие грядки, меньше подвергались воздействию талых вод». Тот же автор употребляет *pulvīnus* совсем в другом контексте, где идет речь о возведении хозяйственных построек: Col. R. R. 1. 6. 13 *omnes parietum et soli iuncturae testacies pulvīnis fibulantur* «все стыки стен и пола соединяются глиняными *скрепами*» (выступающими наподобие плитуса как защита от мышей). Много подобных примеров употребления *pulvīnus* в качестве

термина архитектуры имеется у Витрувия. *Pulvīnus* относят к числу древних слов в латинском языке, однако его происхождение, несмотря на ряд выдвинутых объяснений, остается неопределенным.

Уменьшит. *pulvillus, i m* также обозначает не только ‘подушечку’, как это можно видеть в стихе Горация, у которого и отмечена впервые эта диминутивная форма (Ног. *Epod.* 8. 16 *libelli stoici inter sericos iacere pulvillos* «книжечки стоиков лежат среди шелковых подушечек»), но употребляется и как агрономический термин: *Col. Arb.* 10. 4 (*vites*) *ita ablaqueandae sunt, ut...ab inferiore (parte) pulvilli alteriores excitentur* «виноградные лозы следует так окопать, чтобы снизу поднялись более высокие бороздки» – для задержки воды и ила. Ранее, у Плавта, зафиксировано производное *pulvīnarium, i n* ‘причал, стоянка судна’. Др.-в.-нем. *phuliwi(n)* заимствовано из лат. *pulvīnus* (ср. нем. *Pfuhl* ‘пуховик, перина’). *Pulvillus* встречается и в качестве когномена: известен, например, М. *Horatius Pulvillus*.

В единичных случаях значение *борозда, грядка* наблюдается у сущ. *forus, i m* как, например, в стихотворном¹⁴ тексте Колумеллы: *Col. R. R.* 10. 92 *angustos ... foros...ducens* «проводя узкие борозды». Другие значения *forus*: 1. (на корабле) узкий проход между скамьями гребцов; 2. (в цирке, *plug.*) ряды скамеек для зрителей. Поскольку происхождение *forus* остается неизвестным, трудно судить о том, какое из приведенных значений является исходным, а какое возникло в результате ассоциации по сходству, т. е. путем метафорического переосмысления.

Литература

- Бенвенист – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Перевод с французского. М.: Прогресс, 1995.
- Гамкрелидзе, Иванов – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Ильенков – Ильенков Я. Краткая латинская синонимика. СПб., 1845.
- Откупщиков – Откупщиков Ю. В. В. Порциг о диалектном членении индоевропейской языковой общности // Индоевропейское языкознание и классическая филология–VIII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2004. С. 194–199.

¹⁴ Десятая книга трактата Колумеллы *De re rustica*, состоящего из 12 книг, в отличие от всех остальных написана не прозой, а гекзаметрами, и посвящена садам (*De cultu hortorum*).

- Сергеенко – Сергеенко М. Е. *Columella*, II, 12, 7–8 (Опыт комментария) // Вестник древней истории. 1971. № 2. С. 116–119.
- Слав. древности – Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 1, А – Г. М.: Международные отношения, 1995.
- Топоров – Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. Т. V (L). М.: Наука, 1990.
- Тронский – Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Perrot – Perrot J. Les derives latins en *-men* et *-mentum*. Paris, 1961.

Emanuele Dettori

Una proposta etimologica per gr. φῶς

An etymological suggestion for Gr. φῶς, -τός

For a long time the etymology of Gr. φῶς, -τός has been connected to aind. *b^hās-* 'light, majesty' (or to φῦναι). After some years of scepticism about the possibility to have a good etymology for φῶς, -τός that connection enjoys a revival. The aim of the present paper is to show that such an etymology is weak from a semantic point of view and to suggest a derivation from **b^heH₂-* "speak, tell"

La vicenda etimologica di φῶς ha, nei dizionari, la seguente scansione: Pott 1833, p. 194, afferma: «*bhâ* und *bhâ-s* (*lucere*) ... Vgl. S. *bhawat* St. *bhâ-wat* ... mit der Bedeutung: *excellens, dominus*. Es entspricht das Gr. φῶς (*vir*), das nicht von φύειν zu kommen scheint» (così, sostanzialmente, in Pott 1867, p. 254), che ripete in Pott 1835, p. 464, ponendogli accanto la possibilità che aveva scartato due anni prima («*bha-want* (von *bhâ* Glanz ... also: eig. Glanzbegabt, Herr) ist nicht von *bhawant* (seiend) von *bhû*, obgleich hievon *pra-bhû* (Herr) stammt, zu verwechseln ...; das Gr. φῶτ (Nom. φῶς) ist entweder jenes, oder auch dieses indem Sinne: Erzeuger (φύ)»)

Benfey 1842 si adegua a Pott, recando una etimologia a p. 102 s., «*√φα leuchten* ... wahrscheinlich = sskr. *bhâsvat* also für φῶςφोट: φῶσσοτ: φῶσοτ: φῶτ», ma anche l'altra, senza ulteriori chiarimenti, a p. 105: «(φῦ) *werden, sein* ... im sskr. *bhav-at* (eig. *seiend*) *Mann*, griech. φοφोट in φῶς». Le due possibilità (con varietà di dettagli morfologici e fonetici, alcuni non più accettabili) sono le stesse che si susseguono negli anni seguenti. Curtius 1879, p. 304, privilegia la parentela con φύω, specificando «mit Wahrscheinlichkeit wird φῶς *Mann* (St. φῶτ) als 'zeugender' hierher gezogen und a uf φοφατ = skt. *bhâvat* zurückgeführt, dasnebender participialen Bedeutung seiend auch seinen Gebrauch als ehrende Anrede hat». Così anche Prellwitz 1905, p. 499 («Held, *Mann* (Hom.): für *φῶσ-τ- zu φύω als *mannbar*»)¹. Boisacq 1938, p. 1045,

¹ Così era, sostanzialmente, in Fick 1874, p. 700, «*bhavant* eigentlich part. praes. act. von *bhu*, dann "edler Mann". φῶς ... *Mann*, Held; vgl. sskr. *bhavant* voc. *bhos* in der Anrede "edler Mann", vgl. auch sskr. *bhâva* ... *kluger Mann*, im Drama»..

invece, dà la preferenza all'altra radice, sulla scorta di Brugmann 1906, p. 536, «Ai. *bhās*-... 'Licht, Glanz, Majestät, Macht' ... W. *bhē-bhō*-; gr. φῶς ... 'Edler, Mann' war entweder mit *bhās*- stammhaft identisch und ist erst sekundär zum τ-Stamm geworden, oder es war urspr. *bhō-t», che sostanzialmente ripete². Ma la fiducia in una possibile etimologia sembra poi dissiparsi³, se Frisk 1960, II 1060, si trova a dire «'Mann', in der Trag. auch von Heroen (ep. poet. seit Il.). – Unerklärt» e Masson 1980, p. 1238, osserva ««homme, héros, mortel» (Hom., trag., poètes); jamais employé auf. [chez E. *Hél.* 1094, duel οἰκτρῶ φῶτε pour Héléne et Ménélas] ... *Et.*: Obscure. Si la flexion en dentale est secondaire, identité formelle entre le nomin. grec et skr. *bhās*- n. «lumière, éclat, majesté»...; mais du point de vue sémantique le rapprochement serait malaisé»⁴.

La questione è stata rivitalizzata da Peters 1993, pp. 101–108. Egli conduce una eccellente analisi morfologica alle pp. 104 s. (vd. anche pp. 105 s.), che lo conduce ad identificare in φῶς un nome radicale (molto meno probabilmente un tema in -τ-); precisamente un nome radicale del tipo sistematizzato da Schindler 1972b, p. 36, come un tipo al grado *o* comprendente «noms d'agent (substantifs et adjectifs), souvent avec une nuance itérative, p. ex. *pod- «ce qui foule», *bhōr*- (gr. φῶρ, lat. *fōr*) «celui qui emporte», gr. κλώψ «celui qui vole», πτώξ «se blottissant», θώψ «flottant, flotteur», ῥώψ «ce qui se penche»⁵.

² Come già Walde-Pokorny 1927, p. 122. Nessuno ricorda chela derivazione da questa radice era già in Pott e Benfey.

³ Non è indicativa la proposta di Merlingen 1955, p. 14 («'Mensch, Mann; Edler, Held; Gatte' aus *pōt*-... Wohl Dehnstufe zu WP. II 77 f. *poti*-s, 'Herr; Gatte' ... φωτ- könnte auch von *pod*-kommen»), basata su teorie di “indoeuropeo pregreco”.

⁴ Del resto né nel “Pokorny” né in Mayrhofer 1996 (che avrebbe potuto sentirsi chiamato in causa per il richiamo ad ai. *bhās*-) si ritrova φῶς.. Schindler 1972a, p. 103, commentava: «ohne Etymologie». Fanno eccezione, negli ultimi tempi, l'arrischiato e complicatotentativo etimologico di VanWindekens 1986, p. 230, e l'ipotesi di Seebold 1982–83, p. 46, buono dal punto di vista semantico ma inaccettabile da quello fonetico: φῶς dalla stessa radice di *cqwn* (cf. lat. *homo*, got. *guma*), ed esatto parallelo di lit. *žmogùs* “uomo”, sulla base di un esito in labiale del nesso «Tektal + m in Anlaut» (con inoltre allungamento di *o* e *-t* in chiusura di radice). Ma untale processoè senza paralleli.

⁵ Altri nomi radicali di questo tipo in Schindler 1972a, p. 108: θῶς, θώψ, κλώθες, σκώψ.. Ricordiamo che Schindler 1972a repertoria φῶς tra i nomi

Dal lato semantico il presupposto di Peters è che il significato più antico del termine sia “eroe, guerriero” (pp. 101 s.)⁶. Tra le radici possibili egli sceglie **b^heh₂-* “splendere, illuminare”, ovviamente nella variante apofonica **b^hoh₂-*: vuoi perché le alternative da lui individuate, **b^hat-* “colpire” o *b^hed^h-* “pungere, conficcare, part. scavare” non hanno corrispondenti sicuri né in greco né nelle lingue indoeuropee più vicine al greco, vuoi perché φώς inteso come guerriero «der immer wieder glänzt, leuchtet» (pp. 104, 105) si attaglierebbe a caratteristiche dell’eroe-guerriero indoeuropeo, in particolare a una sua sovrannaturale radianza⁷.

L’intera analisi è definita «séduisante» da de Lamberterie 1997, p. 177, e lo è senz’altro sul piano morfologico; ma, a mio parere, rimane un ostacolo semantico. Come si vede, nei dizionari etimologici si dà il significato di “uomo”, ma talvolta accompagnato dalla specificazione “eroe”, “nobile”, a volte messa per prima. E ciò avviene, sintomaticamente, perché ha collegato il termine ad ai. *bhās-* “luce, splendore, maestà, potere”. Come stiano le cose, si può già capire dal ragionamento di Peters 1993, pp. 101 s.: «φώς in Omero viene utilizzato nella gran parte delle occorrenze in maniera tale che lo si può intendere come sinonimo di ἀνήρ; in parte φωτ- funge apparentemente semplicemente come variante metrica, postvocalica, di ἀνδρ-. In alcuni, pochi passi omerici si raccomanda chiaramente una traduzione “eroe, guerriero o sim.”, piuttosto che “uomo”⁸ ... e una tale interpretazione vale anche per alcune testimonianze postomeriche. Poiché nel caso di idg. **wiH-ró-e* **h₂ner-* si osserva in molte lingue indoeuropee un indebolimento del significato dall’originario “forte”, “forte guerriero” al piatto “uomo”, si dovrà ritenere che anche nel caso di φώς il significato di “eroe, guerriero” sia il più antico, e che l’identica valenza semantica di φώς e ἀνήρ costituisca il risultato di un indebolimento semantico». Il tutto rischia di essere un *a priori* per giustificare l’etimologia prescelta. In realtà, della situazione omerica si dovrà dare un’altra lettura, più lineare. Espressioni come, ad es., *Il. 3. 219 ἀλλ’ ἀστεμφές ἔχεσκεν ἀϊδρεῖ*

---

radicali (p. 103), ma non lo classifica nella “Auswertung” finale (probabilmente in conseguenza dell’opinione che fosse senza etimologia).

⁶ Anche sull’analogia dell’indebolimento di significato di lat. *vir* e gr. *ajnhvr* in queste lingue e dei loro corrispettivi in altre lingue indoeuropee (da “forte guerriero” al semplice “uomo”).

⁷ Peters 1993, p. 105, con bibl.

⁸ Si menzionano, a partire da Ebeling, *Il. 4. 194, 21. 546, Od. 21. 46.*

φωτὶ εἰοκῶς, 14. 136 ἀλλὰ μετ' αὐτοὺς ἦλθε παλαιῶ φωτὶ εἰοκῶς e la grandissima parte delle odissiache dimostrano che la semantica di φώς equella, generica, di “uomo”; che in alcuni casi, in molti dell'*Iliade*, φώς abbia per referente un guerriero è fatto che discende naturalmente dalla materia del poema, senza alcun valore probante⁹. Anche le testimonianze postomeriche non possono essere portate a rinforzo dell'interpretazione “guerriero, eroe”: dove φώς coincide con un personaggio di tali caratteristiche è solo per ragioni contestuali (mentre sono molti i casi che vanno in direzione opposta). Il termine ha solo un certo sapore poetico (oltre a continuare a costituire una comoda alternativa metrica ad ἀνδρ-). Del resto, il fatto che φώς/φωτ-, almeno per tutto il V secolo, appare in posizione postconsonantica solo in δ 247 ἄλλω δ' αὐτὸν φωτὶ κατακρύπτων ἦϊσκε (dove ἀνδρί non funzionerebbe metricamente), ι 431 τρεῖς δὲ ἕκαστον φῶτ' οἷες φέρον· αὐτὰρ ἐγώ γε, Aesch. *Eum.* 605 οὐκ ἦν ὄμαιμος φωτὸς ὄν κατέκτανεν, Soph. *Phil.* 203 ἀναξίου μὲν φωτὸς ἐξερήσομαι (rarissime volte è a inizio di verso), dice che difficilmente il termine è stato usato per sue valenze peculiari¹⁰.

Vorrei azzardare una proposta etimologica più in linea con la valenza basilare di φώς. A questo scopo, è sempre utile la radice *b^hah₂-, ma come portatrice del significato di “dire, parlare”.. I rappresentanti della radice con questo significato conoscono anch'essi una apofonia φᾶ/φω⁻¹¹ (cf. φᾶτο/φωνή). A partire dalla analisi morfologica di Peters, φώς potrebbe definirsi come un nome radicaleal grado *o*, con funzione di nome d'agente, dal significato di

⁹ Ciò vale anche per i luoghi menzionati da Peters: *Il.* 4. 194 Μαχάονα δεῦρο κάλεσσον / φῶτ' Ἀσκληπιοῦ υἱὸν ἀμύμονος ἱπτήρος, 21. 546 Ἀγὴ νορα δῖον ἀνήκε / φῶτ' Ἀντήνορος υἱὸν ἀμύμονά τε κρατερόν τε, *Od.* 21. 46 ἐπει δὴ Διὸς υἱὸν ἀφίκετο καρτερόθυμον, / φῶθ' Ἑρακλῆα. Né è un indizio il fatto che ἰσόθεος venga usato solo con φώς e mai con ἀνὴρ (Peters 1993, p. 102 n. 71): *ἰσοθεὸς ἀνὴρ sarebbe ametrico.

¹⁰ Di nessun aiuto perla semantica è l'osservazione, fuorviante, di Vivante 1955, p. 48: «più frequentemente si trova φώς a designare semplicemente la persona nella sua consistenza fisica, il corpo in sé e per sé: K 372 ἔγχος ἀφῆκεν· ἐκὼν δ' ἡμάρτανε φωτός».

¹¹ Per -oh₂-> gr. -ω- cf., ad es., Beekes 1969, pp. 166–168, Peters 1980, pp. 1 s. n. 1 (con bibl.).

“colui che parla”¹². Una etimologia di tal genere darebbe meglio conto dell'uso del termine per significare, genericamente, “uomo”. La sua origine starebbe nella qualifica dell'essere umano attraverso una caratteristica che lo differenzia dagli animali, ovvero quella di possedere una voce articolata. Origine che non era più sentita già in epoca omerica (o, almeno, non vi sono indizi in questo senso).

Non mi è ignoto che le designazioni dell'uomo, in indoeuropeo e in greco, sono piuttosto rivolte a segnalare la dimensione “terrestre” o l'opposizione esistenziale alla divinità (vd. Meillet 1921, pp. 272–274, Seiler 1952, pp. 228–232), né lo sono i moniti di Seiler 1952, pp. 227, 232, 236, a non considerare ovvio che nel designare l'uomo le culture possano volerne segnalare le differenze dagli altri animali: tuttavia si tratta di considerazioni generali che non impediscono una diversa soluzione all'interno del greco. Vale la pena di segnalare un parallelo, che potrebbe indirizzare verso una diversa interpretazione: il latino usa *infans* per il bambino, incapace di esprimersi in maniera articolata. Una differenza categoriale non tra uomini e animali, ma all'interno del genere umano. Non costituisce sovrachia difficoltà, a mio parere, che il termine non è mai applicato esplicitamente a essere umani femminili¹³. Se si ricorda che storicamente ha la funzione di alternativa metrica a ἀνὴρ non stupisce che non designi donne.

La proposta non è del tutto nuova, anche se qui è argomentata (per quel che è possibile): Prellwitz 1897, p. 79, scriveva «dies wort könnte zwar als “glänzender”, oder als “einsichtiger” zu ai. *bhā* “leuchten, erkennen” gestellt werden, oder als “redender” zu φᾶ: φω», ma subito dopo esprimeva la preferenza per la parentela con *fuvw*, che, sola, avrebbe poi riportato nella seconda edizione del suo dizionario etimologico (vd. sopra, p. 1).

Bibliografia

- R. S. P. Beekes. *The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek*. The Hague-Paris, 1969.
Th. Benfey. *Griechisches Wurzellexikon*, II, Berlin, 1842.

¹² Per quanto riguarda la morfologia, ritengo che la dentale di φωτ- sia un ampliamento dovuto alla stessa forma di profilassi controloioato testimoniata già in epoca micenea dalla flessione dei neutri in -μα (*l-mo*).

¹³ Si possono trovare dei casi in cui indica genericamente l'essere umano: ad es., per Simon. fr. 601 Page il sonno è δαμασίφωπα, o cf. Aesch. *Prom.* 549 s. τὸ φωτῶν / ἀλαὸν γένος. Col ché non si comporta diversamente da ἀνὴρ ο ἄνθρωπος (cf. Seiler 1952, p. 235).

- E. Boisacq. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Heidelberg-Paris, 1938.
- K. Brugmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. II 1, Strassburg, 1906².
- G. Curtius. *Grundzüge der griechischen Etymologie*. Leipzig 1879⁵
- A. Fick. *Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen*. I, Göttingen, 1874³.
- H. Frisk. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. II, Heidelberg, 1960.
- Ch. de Lamberterie. in *Chronique d'étymologie grecque*, «RPh» 71, 1997, pp. 147–179.
- O. Masson, in P. Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. IV 2, Paris, 1980.
- M. Mayrhofer, *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*, II, Heidelberg 1996.
- A. Meillet, *Le nom de l'homme*, in *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris 1921, pp. 272–280.
- W. Merlingen, *Das "Vorgriechische" und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen*, Wien 1955.
- M. Peters, *Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen*, Wien 1980.
- M. Peters, *Beiträge zur griechischen Etymologie*, in L. Isebaert (ed.), *Miscellanea linguistica Graeco-Latina*, Namur 1993, pp. 93–113.
- A. F. Pott, *Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen*, I–II, Lemgo 1833–1835.
- A. F. Pott, *Wurzel-Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen*, I 1 (= *Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen*², II 2), Detmold 1867.
- W. Prellwitz, *Studien zur indogermanischen etymologie und wortbildung*, «BB» 22, 1897, pp. 76–114.
- W. Prellwitz, *Etymologisches Wörterbuch der Griechischen Sprache*, Göttingen, 1905².
- H. J. Schindler, *Das Wurzelnomen im Arischen und Griechischen*, Diss. Würzburg, 1972a.
- J. Schindler, *L'apophonie des noms-racines indo-européens*, «BSL» 67, 1972b, pp. 31–38.
- E. Seebold, *Die Vertretung der indogermanischen Labiovelare im hethitischen Anlaut*, «KZ» 96, 1982–1983, pp. 33–49.
- H. Seiler, ἀπορωποι «Glotta» 32, 1952, pp. 225–236.
- A. Walde, J. Pokorny. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, II, Berlin-Leipzig 1927.
- A. J. VanWindekens, *Dictionnaire étymologique complémentaire de la langue grecque*, Leuven 1986.
- P. Vivante, *Sulla designazione del corpo in Omero*, «AGI» 40, 1955, pp. 39–50.

В. С. Дуров

Mors в поэзии римских лириков

В римской литературе лириками в первоначальном значении этого слова являются Катулл и Гораций¹; по многим аспектам с ними сближаются представители любовной элегии Тибулл, Проперций, Овидий, хотя по нормам античной поэтики их стихотворения лирическими не считались. Названных поэтов объединяет, помимо прочего, общность некоторых тем, к числу которых относится тема смерти, проходящая красной нитью через все творчество Горация, в то время как его старший современник Катулл о смерти писать не любит. Его стихотворение на смерть ручного воробья возлюбленной, пародирующее форму плача, скорее шутивное, нежели серьезное: «А теперь он идет дорогой темной, по которой никто не возвращался» (3). Смерть воробья – лишь повод напомнить Лесбии о своей любви, что по-настоящему способны оценить только очень тонкие люди – *homines venustiores*.

Катулл не смог обойти тему смерти в самом большом стихотворении – эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды» (64)². Это – самоубийство Эгея, погребение героев Троянской войны, принесение в жертву Поликсены. Но обо всем этом поэт говорит отстраненно: гибель мифологических героев не вызывает у него каких-то особых эмоций. К тому же о гибели троянцев и Поликсены поют в пророческой песне богини Парки.

Непосредственно со смертью Катулл соприкоснулся в своей жизни дважды: когда он лишился брата, скончавшегося в поездке по Востоку, и когда у его друга Кальва умерла жена; по этому поводу Катулл написал короткую утешительную эпиграмму (96).

---

¹ В стихотворении, открывающем сборник од, Гораций говорит о своем желании быть причисленным к лирическим поэтам (*lucis vatibus* – *Carmin.* 1, 1, 35).

² Стихотворения Катулла с 62 по 116, за исключением стихотворения 63, лирическими в тесном смысле слова не являются, но по выражению чувств они едины с полиметрами, составляющими первую часть книги Катулла, чего нельзя сказать о Горации-авторе од и Горации-авторе сатир и посланий, в которых преобладает рационалистический элемент.

Смерть брата стала для Катулла тяжелым потрясением. «Вместе с тобой погребен весь наш дом; вместе с тобой погибли все наши радости»; «Песни печальные петь стану о смерти твоей», – заявляет он в посланиях к друзьям: Аллию (68, 22–23) и Горталу (65, 12). Оба послания написаны, по всей видимости, в Вероне, куда поэт, узнав о кончине брата, приехал из Рима, чтобы в родном доме разделить скорбь с близкими ему людьми. Спустя два-три года в 56 г. до н. э. Катулл посетил его могилу неподалеку от древней Трои. По римскому обычаю он совершил на могиле надгробное возлияние, написав об этом стихотворение в традиционной форме эпитафии (101).

Слов со значением «смерть» (*mors*, *letum*) Катулл старается не употреблять. Обращаясь в минуту уныния к Квинту Корнифицию, он ждет от него слов утешения «печальнее плачей Симонида» (38), лишь намекая на надгробные «френы» греческого лирика VI–V вв. до н.э. Симонида Кеосского³.

Существительное *mors* у Катулла встречается крайне редко, причем четыре раза в ученом эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды» (64, 102; 188; 247; 362), там же дважды употреблено слово *letum* (64, 149; 187). В упомянутом послании к Аллию дважды появляется существительное *mors* (68, 4; 19) и один раз – *letum* (68, 91)⁴.

У Катулла слово «смерть», как правило, не имеет при себе эпитетов. Исключения единичны: *fraterna mors* «братнина смерть» (68, 19), *mors immatura* «безвременная смерть» (95, 6), *letum miserabile* «плачевная смерть» (68, 91). Оригинальности, как мы видим, Катулл здесь не проявляет.

Катулл избегает не только существительного *mors*, но и однокоренных с ним слов. Прилагательные *mortua* (64, 153), *semimortua* (*semimortua membra* «полумертвые (от усталости) члены») (50, 15), *moribunda* «смертоносная» (по отношению к Пизавре, городу с нездоровым климатом) (83, 3), а также причастия *mortiens* (68, 21), *mortuus* (68, 48) встречаются у него лишь по одному разу. В эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды» Катулл трижды употребляет в субстантивированном значении прилагательное *mortalis* (64, 17; 168; 385), где «смертные» противопоставлены богам, например *viderunt mortales nymphas* «увидели смертные (т.е. люди) нимф» (64, 17).

³ Ср. Гораций. Оды, 2, 1, 38.

⁴ Остальные случаи: 65, 12; 76, 18; 96, 5; 101, 3.

Глагол «умирать» в личной форме у Катулла встречается нечасто: по отношению к «Анналам» Волузия (*morientur* «пусть сгинут» – 95, 7), воробью Лесбии (*mortuus est* «умер» – 3, 3) и по отношению к самому себе: *Catulle, quid moraris emori?* «Что ты медлишь умирать, Катулл?» (52, 1 и 4). Но этот вопль отчаяния вырвался у Катулла в конце 55 – начале 54 гг. до н. э., то есть в конце его творческого пути и потому не может считаться определяющим его образа мыслей. Можно еще указать на композит *letifer* «смертоносный» все в том же эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды».

Как мы смогли убедиться, лексику, связанную с понятием «смерть», Катулл использует редко: на 2309 стихов всего 37 случаев, учитывая лексику, связанную с погребением (*sepulcrum* «могила»: 64, 368; 68, 89 и 97; 96, 1; *sepultum*: 68, 22 и 99; *funus*: 64, 83; 349 и 401; *funesta*: 64, 246): 17 – в эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды», состоящем из 409 стихов; 9 – в послании «К Аллию», состоящем из 160 стихов, и 11 случаев в остальных стихотворениях. Это не удивляет, ведь в нашем представлении Катулл скорее насмешливо дерзкий, нежели скорбящий: *lascivus* «шаловливый», «игривый», как его определил Проперций (*lascivi scripta Catulli* «сочинения игривого Катулла» – Prop. 3, 34, 87), а затем эпиграмматист Марциал (*lascivam verborum veritatem* «игривая правдивость слов» – Martial. I praef. 11).

Показательно, что две трети рассмотренных случаев приходится на два больших стихотворения 64 и 68. Послание «К Аллию» написано не в Риме, а, как уже говорилось, в Вероне. Можно допустить, что и эпиллий «Свадьба Пелея и Фетиды» был создан в непривычной для Катулла обстановке, вероятнее всего, в Вифинии, где Катулл находился в 57–56 гг. до н. э. в свите наместника этой провинции сенатора Гая Меммия. Оторванный от общества римской столичной молодежи и дружеского кружка поэтов, тоскующий по пирушкам с друзьями, спорам о поэзии, по оставленным в Риме подругам, Катулл пишет в несвойственной ему манере длинные ученые поэмы «Атгис» (63), «Коса Береники» (66), «Свадьба Пелея и Фетиды», между тем как его бурная жизнь столичного шалопака выплескивалась в коротких стихотворениях, написанных по горячим следам, в которых нет, и не могло быть, места размышлениям о смерти, как в одах Горация, склонного к уединенной созерцательной жизни.

Тема смерти в творчестве Катулла является маргинальной и никак не характеризует общих установок поэта, но мировоззрение Горация во многом определяется его отношением к смерти,

о которой, насколько можно судить, он помнит всегда.

Мотив быстротекущего времени едва ли не главный в лирике Горация. «Ненавистное время мчится» (*fugerit invida aetas* – 1, 11, 7); «Время жестокое бежит» (*currit ferox aetas* – 2, 5, 13–14); «Быстротечные мелькают годы» (*fugaces labuntur anni* – 2, 14, 1–2); «Не век прекрасны розы весенние» (*non semper idem floribus est honor vernis* – 2, 11, 9–10); «Жизнь коротка» (*brevi aevo* – 2, 16, 17); «Всеразрушающее время» (*dies damnosa* – 3, 6, 45)⁵; «Бегущее время» (*fugiens hora* – 3, 29, 48) – эти мысли то и дело мелькают в одах Горация⁶. Конец для всех один: «Смертной душе не укрыться от смерти» (1, 28, 6); «Всех ожидает черная ночь и дорога к могиле» (1, 28, 15–16); «Смерть ко всем идет неожиданной» (2, 13, 19–20); «Благочестие нас не избавит от смерти лютой» (2, 14, 2–4); «Могилы ждут тебя разверстая» (2, 18, 18–19); «Ты главы из петли смертной не вызволишь» (3, 24, 8) и как заключительный аккорд – «Не надейся на бессмертие» (*immortalia ne speres*) в 4-й книге од (4, 7, 7).

В поэзии Горация жизнь и смерть неразрывно соединены, потому что Фортуна может «гордые триумфы в плач обратить похоронный» (1, 35, 3–4). Смерть – это напоминание о скоротечности жизни, отсюда призыв Горация «лови день» (*carpe diem* – 1, 11, 8), наслаждайся каждой дарованной тебе минутой (3, 8, 27). Смерть – это загробное наказание за совершенные злодеяния. Наконец, смерть – это напоминание о недолговечности земной славы.

Однако при мысли о смерти Гораций не испытывает панического страха: он наслаждается жизнью, следуя принципу «золотой середины». Смерть – это естественный закон природы, общий для всех живых существ, это – то, с чем должен примириться каждый, но только не Катулл, для которого внезапная смерть брата не вписывается в привычный порядок вещей. Для Катулла смерть не предмет для размышлений, как для Горация, который создает художественный образ смерти: он ее персонифицирует – она спешит ко всем, не разбирая, беден ли ты или богат. «Бледная ломится Смерть одною и тою же ногою в

⁵ Ср. *Tempus edax rerum* «всепожирющее время» (Овидий. *Метаморфозы*, 15, 234).

⁶ Любопытно, что и Вергилий, как замечает Сенека, никогда не говорит «дни проходят», но всегда «убегают», см. Сенека. *Нравственные письма к Луцилию*, 108, 25.

лачуги бедных и в царей чертоги» (1, 4, 13–14)⁷.

Для обозначения смерти Гораций использует то метафору (*perpetuus sopor* «вечный сон» – 1, 24, 5; *nox* «ночь» – 1, 28, 15 (ср. *Catull.* 5, 6); *dira Necessitas* «жестокая Необходимость» – 3, 24, 5), то метонимию («Прозерпина злая ничьей головы не минует» – 1, 28, 19–20). Иногда он говорит о смерти иносказательно, прибегая к перифразе: «Мы же в закатном краю будем лишь тени и мрак» (4, 7, 16–17); «В вечность изгнания челнок перед нами» (2, 3, 28). Часто синонимами смерти у него служат имена богов Прозерпины, Либитины, Орка и некоторых других: «Ты беспощадного жертва Орка» (2, 3, 24; ср. 3, 27, 50: *Orcum = mors*); «Вернее нет дворца, что ждет у жадного Плутона в конце дороги» (2, 18, 29–32); «Лучшая часть меня избежит Либитины» (3, 30, 6–7). Меркурий у Горация не только изобретатель лиры, но и проводник душ в царство мертвых (1, 10, 17–18; ср. 1, 24, 16–18). Нередко существительное *mors* сопровождается у него выразительными эпитетами, например *pallida* «бледная» (1, 4, 13), *indomita* «неумолимая» (2, 14, 4), *atra* «мрачная» (1, 28, 13), в то время как Катулл в данном случае на эпитеты скуп и оригинальности не проявляет.

Не следует забывать о том, что Гораций видел смерть воочию в двухдневном бою при Филиппах в 42 г. до н. э. Он ощутил дыхание смерти, когда в первый день марта его чуть не убило рухнувшее рядом с ним дерево: «Прозерпины царство суровое чуть не узрел» (2, 13, 21–22); «Меня, над головой обрушась, дерево чуть не лишило жизни» (2, 17, 27–28; ср. 3, 4, 28 и 3, 8, 7–8). В 24 г. до н. э. Гораций потерял близкого друга Квинтилия Вара, оплакав его смерть в оде 1, 24: «Плачу надгробному, Муза, нас научи». А в оде 2, 9 утешает поэта Валгия Руфа, опечаленного смертью юного Миста: «Зачем же льешь ты песни плачевные о милом Мисте, смертью похищенном?».

Оды Горация насыщены мифологическими именами и названиями. Поэт часто упоминает богов подземного мира: владыку царства мертвых Орка (Плутона) и его супругу Прозерпину, перевозчика теней умерших в преисподней Харона, трехголового пса Кербера, охраняющего выход из Аида, судью над

⁷ Не менее выразительно говорит о смерти Тибулл, с которым был дружен Гораций: «Скоро к нам явится Смерть, голову мраком покрыв» (1, 1, 59–60); «Мрачная Смерть, молю, жадные руки сдержи!» (1, 3, 4–5); «Смерть уж и так нам грозит, крадется тихой стопой» (1, 10, 34).

мертвыми Миноса и преступников, томящихся в Тартаре: Пирифоя, его отца Иксиона, Тития, Тантала, Сизифа, Данаид. Упоминаются реки подземного мира – Коцит, Лета, Стикс, Ахеронт⁸. Катулл о царстве мертвых вообще ничего не говорит.

Верит ли Гораций в описываемый им загробный мир? Назвавший себя «поросенком Эпикурова стада» (Послания, 1, 4, 156), он должен был разделять взгляды римского популяризатора учения Эпикура поэта Лукреция, который в поэме «О природе вещей» недвусмысленно заявил: «Ни чувства, ни жизнь без тела для душ невозможны» (3, 633); «С кончиною тела... и душа одновременно гибнет» (3, 798–799); «С нами не сможет ничто приключиться по нашей кончине» (3, 840)⁹. Лукреций, в отличие от своего вдохновителя Эпикура, учившего не думать о смерти, этого своим читателям не предлагает. Он считает, что людям нужно познавать законы природы и, размышляя о смерти, преодолеть страх перед ней.

Гораций задумывается о смерти не как исследователь материального мира, а как человек, склонный считаться со слабостями и заблуждениями себе подобных. Его житейская мудрость внушает слушателям и читателям од полное доверие. Ему, конечно, было известно мнение Юлия Цезаря, сказавшего о смерти так: «Смерть – отдохновение от бедствий, а не мука; она избавляет человека от всяческих зол: по ту сторону ни для печали, ни для радости места нет»¹⁰. Ужас, который испытывают люди перед загробным миром, нелеп. Нет никакого Ахеронта, нет ни Тантала, ни Тития, ни Сизифа, нет несчастных Данаид и Керберы, и самого Тартара нет, утверждает Лукреций (3, 978–1023).¹¹

В лирике Горация подземный мир и связанные с ним мифические персонажи – это всего лишь поэтические образы, которые сообщают его поэзии эпический размах. С примитивной

⁸ Описание подземного мира – «общее место» у поэтов-элегиков: Тибулла (1, 3, 58–80; 1, 10, 35–38) и Проперция (2, 17, 5–8; 2, 20, 29–32; 3, 5, 39–46; 3, 19; 4, 11, 15–25: здесь упоминаются Эак, Минос, Сизиф, Иксион, Тантал, Кербер).

⁹ Ср. у Проперция: «Останемся ль мы чем-нибудь за Стигийской пучиной?» (2, 34, 53); «Есть ли в подземных мирах суд божий?» (3, 5, 39); «Иль только вымысел злой несчастных людей одурманил, и за последним костром ужасов более нет?» (3, 5, 45–46).

¹⁰ Саллюстий. Заговор Катилины, 51, 20; ср. Цицерон. Речи против Катилины, 4, 7.

¹¹ Ср. Цицерон. Тускуланские беседы, 1, 10–11.

верой римского обывателя здесь нет ничего общего, как, впрочем, и с шокирующей откровенностью Овидия, сказавшего: «Выгодны боги для нас, – если выгодны, будем в них верить» (Искусство любви, 1, 637). Томящиеся в преисподней преступники в одах Горация олицетворяют собой качества, несовместимые с традиционной римской добродетелью, – коварство, сластолюбие, вероломство, клятвопреступление, предательство, обман и др. Мысли о смерти придают поэзии Горация, размышляющего о жизни и о себе, повышенную напряженность и целенаправленность.

Смерть Гораций не поэтизирует. Он говорит о ней как человек, хорошо знающий цену жизни. Никто не в состоянии избежать смерти, но память о человеке сохраняется в его делах. Так Гораций приходит к мысли о бессмертии, которая двумя десятилетиями раньше волновала Цицерона, написавшего в 44 г. до н. э. трактат «О славе». Но Цицерон решает этот вопрос несколько неожиданно для практика, каким он хотел быть в жизни. Следуя стоической концепции Панетия и Посидония, Цицерон твердо убежден в бессмертии души: «Не ты смертен, а твое тело»¹². Он не может не думать о неотвратимости смерти. Надежду на посмертную славу он ищет в философии. Воспользовавшись стоической идеей, согласно которой существующий мир по истечении длительного цикла уничтожается и рождается заново, он противопоставляет непрочность земной славы, ограниченной во времени и пространстве, долговечности славы небесной, выходящей за пределы любого цикла существования Вселенной. Именно к такой славе, и только к ней, должен стремиться каждый человек. В «Сновидении Сципиона», заключительной части трактата «О государстве», Цицерон рассказывает об особо избранных, тех, кто неустанно трудится для блага и величия своего Отечества: их ждет бессмертие и вечное блаженство в космических просторах, в сверкающих пределах Млечного Пути: «Всем, кто сохранил Отечество, помог ему, расширил его пределы, назначено определенное место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство (6, 13; ср. 1, 12). Таким представляет свое бессмертие политический деятель Цицерон.

Гораций мыслит как поэт: ему принесут славу его стихи, благодаря стихам его имя останется в памяти людей; у него есть все основания заявить *non omnis moriar* «не весь я умру».

---

¹² Цицерон. О государстве, 6, 26.

А. А. Евдокимова

Особенности языка греческих граффити Парфенона

Для выявления особенностей языка греческих граффити, найденных в Святой Софии в Киеве¹ были также проанализированы греческие граффити из византийских Афин², а также греческие граффити из Каппадокии³ и из Нубии⁴.

В данных материалах мы остановимся на византийских греческих граффити Афин и результаты проведенного анализа обобщим в следующей таблице ошибок/вариаций⁵. В первой колонке представлены графемы, которые могут друг друга заменять в ряде слов согласно тем ошибкам, которые были отмечены в выше указанных граффити из Афин, Киева, Каппадокии и Нубии. Во вторую и третью колонки таблицы вошли примеры⁶ из издания Орландоса и около каждого слова стоит номер по изданию и в случае наличия датировки, год написания граффито.

---

¹ А. А. Евдокимова. Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской (Предварительные замечания) // Индоевропейское языкознание и классическая филология—X. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб., 2006. С. 75–77

² Архм. Антонин. О древних христианских надписях в Афинах. СПб. 1874, А. С. Orlandos. Les graffiti du Parthenon. Athènes, 1973.

³ G. de Jerphanion, Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. Paris: 1925–1942.

⁴ Kubinska Jadwiga. Faras IV : Inscriptions grecques chrétiennes / Faras IV: Greckie inskrypcje chrzescijanskie. Varsovie / Warszawa, 1974.

⁵ Поскольку нормы в то время не существовало, при определении «ошибочных» или «вариативных» случаев мы руководствуемся тем написанием, которое засвидетельствовано в классических греческих текстах. Определить для каждого случая ошибка это или вариация пока не предоставляется возможным из-за недостатка датированного материала.

⁶ Все примеры даны в их оригинальной орфографии и без ударения.

	Σлучаи, при которых первая графема заменяет вторую	Σлучаи, в которых вторая графема заменяет первую
ο-ω	οικωνομος- 188, 918, 189, 893-991, Θεωδηγιος- 61, 959/ 981, 73, 1016, θεωτοκε- 88, θεωθεν- 194, Θεωδοχε- 87, 212, 231, Θεοδωρων- 87, Θεωδωρος-163, Νικωλαος- 26, σκευωφυλακος-38, σκεβωφιλακα-172, δωμεστικος- 60, 1071, βωηθι- 7, βωειθ(ει)-14, πωθητο-19, πωθουσι- 89, προικωνησε- 152, χωλοτον- 153, αμαρτολως- 163, πρεσβυτερων- 87, αγγελικων- 197, λογηκων- 197, των- 197 дважды	ετελοθη-69, 841, 126, 793, ετεληθη- 47, 160, 919, 161, 196, ετελειοθη)- 58, 1086, γεγονος- 160, 919, σοζε- 25, 87, 212, σοσον- 209 σοτηρια- 116, σοτηριον- 197, Σετεββρη- 8, 912, Αναστασο-190, 949, σο- 25, 84, 88, 133, 146, 156, 193, εν ο- 116, το- 25,27, 84, 88, , 116, 133, 144, 156, 193 δουλο- 84, 88, 144, 146, 193, Υακοβο- 33, Στεφανο- 33, Γερμανο- 146, τον-51, ταπινον- 228 πηστον- 169, 201, πιστο- 25, αμαρτολες- 29, αμαρτολου- 136, 162, 195 αμαρτολως- 163, απολειαν-50, παροντον-51, φος-52, ανο- 116, οπος- 116, ανταποδοσεος- 116, ορα- 116, πληροθην-128, δησοπη- 130, χωλοτον-153, μνησθοσην- 176, Κοσταντινου-4, Κοσταντηνου-181, 199, Θεοδωρων-87, Θεοδωρω-128, Θεοδορος-49, 147, Νηκουος-198, Ηοανου- 179
ο/ω -ου	-	-
ο-η	-	-
ω-ιο	-	-
ι-η	ημιου- 72, 595/550, επιστρεψον-41, 44, επισκοπος- 161, 919, δηακονος- 29, δηακονου-137, 207-208, ηνδ.- 8, 912, 68, 702, 160, 919, αγηωπατης- 29, παναγηα-139, αγηας- 180, Νηκιτας- 78, Νηκηταν-138, Νηκητα- 174, νηκα- 90, 103, κληνον-86a, 89 πηστων-87, πηστον- 169, 201, αξησοον-116, αναξηον-116, βασηληα-128, 130,	μνησιτιη- 18, Διμητριου- 30 (οш. в изд.), ελεισον- 52, βοιθη- 53, νηκιτας- 78, ευικοος- 86a, 89, εκλισιας- 87, δωρισε- 89, οδιγουμενους- 99, Διμητριου- 109, 140, Γριγοριον- 129, βοιθησον-144, εγκλιματων- 152, Αθινων- 172, ευλογιτος- 173,

	βασιλινα -27, ηκετας- 130, μαρτηνιανου- 137, στρατηγηος- 141, οστηριω-165, κρη(σει)- 46, κρησι- 96, αμαρτηες- 41, οτη-41,44, ιλαστητη- 41, μνησιτη- 18, μνησθειτη- 27, μνησθητη- 139, Σετεββρηο- 8, 912, ηουληω- 61, 981, 959, ιουληω- 120, 863, απριληω-126, 793, οματηα- 111, αφησην-116, 146, χαρην- 116, μνησθωσην- 170, αναψηος- 44, ευμορφιος- 6, 11, ελαχηστος-178, λογηκων-197, Ηω-37, Ηοανου-179, Φηλαρετου-27, Δημητρηος-69, 929, Μηχαηλ-100, 116, Κοσταυτηνου- 181, Επηφανη-195, Νηκονος-198, Ιωαννηκω-213	σαγινευσας-173, τι-176, τιν- 197, βοιθι-193, κημιλιον-197
ι-υ	υκετη- 25, 212, Υακοβο- 33, υλασττυ- 44, Υω- 44,	σκεβωφιλακα- 172, φιλαττε- 186
ι-ει	ετελιωθη-26, βασιλινα -27, δειακονος- 141, 591, αμαρτειον- 176	ετελιωθη-34, 693, 67,768/813, 68,702, 74, 841, 82, 779, 83, 713, 85, 819, 120, βωηθι-7, βοηθησι-14, βοηθι- 42, 43, 152, 172, 193, 863, ετελιοθη-69, 841, 126, 795, λιτουργος- 85, 819, κατελιφθι- 96, υγια-27, φισε- 134, 135, 143, ταπινου- 143, ταπινων-228 διαυλιας-160, αναδιξας- 173, λιχηναρη-199,
ι-οι	?ικετην- 171, αναξιοιου- 228	δεσπινα-16
ι-α		
η-ει	βωειθ(ει)-14, μνησθειτη- 27, βασιλινα- 27, μνησθειτι- 46	ετεληοθη- 8, 912, 47, 1121, 160, 919, 161, 919, 196, 1006, ετεληοθη- 62, 1103, 118, 121, 898, 216, 943, βοηθη- 12, 13, 30, 31, 35, 53, 136, 137, 138, 179, 195, 198, 228, βασιληα- 19, βασιληα- 27, βασηληα- 128, (там же абсолютно правильно) 130, μηζοτερος- 8, 912, φησαι-46, φησε- 206 φρουρη- 116, ης- 121, 898,

		ταπηνου- 125, 134, 135, 136, 206, δησοπη- 130, ελεη- 141, λητουργω- 168, κημιλιον- 197
η-οι		δεσπηνα- 130, 228
υ-η	φηλατε-25, ευποληγενην-33, ση- 111, συναθρυζομενους-116, πανημνητε-130, δησοπη- 130, ηποδιακονου- 179	υμαρτον- 41, υλαστυτυ- 44, ποτυρια- 210
υ-ει		βοηθυ-2, 33, 23,4, 35,5,сер. 10 в.
υ-οι	παραμοιθια- 171, δικ(αι)οσοιναι- 176	υκετη-25, δεσπυνα-87, 138, 169, 212, 231, σηναθρυζομενους-116, εκυμηθη-192, 893-991
υ-ε		
ε-ι		
ε-αι	γαινοιτο- 7, καιχαριτωμενη- 9, καιλευσον - 9,	χερετ.- 15, κε- 33, 116, τες - 41, αμαρτης- 41, 44, δωρισε- 89 (ост. в надписи сохран.), πτεσματ.- 116, σταθηνε-116, ετηματα- 128. 128, σοσε-130
αι-ει		
ει-οι	νεμοις-89	
υι-ι		
υι-υ		
υι-η	ηου-130	
η-ε	βοεθη-195	
αι-η		
υ-ου		
αυ-α		
υ-β	δευτερεβων-26, σκεβωφιλακα- 172	φευρουαριω-61,981, 187,914, ευδομαδος-146
υ-φ		
υσ-ψ		
πτ-τ	Σετεββρηο-8, 912	
πτ-μπτ	Σεμπτεμβριω-77, 921	
βρ-ρ		
θ-φ		
θ-τ	μνηστητη-18, μνηστητι-116	
υστ-στ		
υτ-τ		
υδ-τ		
υδ-υτ		
υ-μ		

Усечение одного из двойных согласных	
ассимиляция	€μ μακαρια-126, 793
γν-ν	
γγ-νγ	
γκ-νκ	α' συνκελος-59, Φρανκος-166, 1482/3
γγ-νγγ	ανγγελων-116
μνήσθητι+ Dat	19, 27, 45, 46, 54, 64, 84, 95, 98, 100, 128, 139, 165, 168, 184, 207-208, 211, 213, 219
μνήσθητι+ Gen	46 (Pit), 66, 91, 94, 117, 133
μνήσθητι+ Akk	18
βοήθει+ Dat	13, 19, 30, 38, 86b, 88, 117, 124, 133, 151, 152, 159, 193, 221
βοήθει+ Gen	2, 7, 33, 35, 53, 109, 125, 132 (?), 136, 137, 142, 179, 195, 198, 209, 220, 229
βοήθει+ Akk	14, 16, 17, 31, 32, 138, 228
βοήθησον+ Dat	28, 144, 145
βοήθησον +Gen	5, 180, 181
βοήθησει+ Dat	10
σκεπε+ Dat	25, 146
σκεπε+ Akk	89, 129, 171
φυλάττε + Dat	25, 146, 169, 186
φυλάττε+ Akk	129, 87, 171
σώζε + Dat	169, 186
σώζε+ Akk	87, 89
несогласо- вание	19, 117, 133
ι	βωηθί-7, σοτίριας-144, 6, 930-960? νικόλαος 48, 1175, Ιουίω- 48, 1175, αλληλουϊα- 145,
придыхание тонкое	έτους-47, 1121,
Придыхание густое	ό άγιωτ(α)τ(ος)-48, 1175, ό дважды -58, 1086, άμαρτολος-149, 1482
Ударение острое	μνήστητη- 18, Κοκαλάν- 31, δούλ(ο)ν- 43, "Ν(ι)κ(η)φόρος"- 47, 1121, έτους- 47, 1121 φιλομενον-51, μεγαλω- 51, αγιότατος- 57, 1030, βασιλεία- 91, Π(αναγ)ί(α)ς- 91 τά οματηα- 111, Πέτρος- 119 единственное слово в надписи, οργή σου-131, Φράγγος Κουκοπούλ(ης)- 149, 1482, Φράνκος- 166, 1482, μνησθόσην- 176, δικ(αι)όσοι(ναι)- 176, ημέρα- 177
Ударение тупое	τόν σόν, даны в сокращении, которое подразумевает тупое ударение, «τόν» как выше описано 31 дважды, 209, 228, και- 58, 1086
Ударение облеченное	Βασιλοῦν-16, θεῶθεν-194, εχθρῶν-194, αθινῶν -172, τοῦ-177

Согласно приведенной таблице можно описать целый ряд тенденций развития среднегреческого или византийского греческого языка. Однако, в данных тезисах отметим лишь некоторые из них.

Большая часть ошибок делалась при отражении гласных звуков на письме, что объяснимо изменением характера ударения и, как следствие, нечетким произношением гласных в безударных позициях.

Итацизм представлен во всем своем многообразии, особого внимания заслуживают случаи ошибочного написания «υ» и «ου», малочисленность которых в сравнении с остальными свидетельствует о неоднократно отмечаемом исследователями факте, что эти две графемы произносились до X века одинаково, как [i], а не как [i].

Ситуация вокруг дательного падежа: к сожалению, граффити, в которых встречаются глаголы употребляющиеся с дательным падежом, не датированы, так как они задают тот тип надписей, в основном молитвы, в которых дата не предусматривается, но несмотря на это, можно обозначить общую тенденцию.

Дательный	Родительный	винительный
51,7 % (45)	29,9 % (26)	18,4 % (16)

Из цифр видно, что в данном регионе в случае замены дательного падежа предпочтение отдается родительному.

Диакритические знаки употребляются в граффити довольно редко и носят спорадический характер, эту же тенденцию отмечают и исследователи папирусов. Особенно любопытно, что, несмотря на введенное в IX веке для писцов правило⁷ в обязательном порядке под страхом наказания ставить все диакритические знаки в рукописях, даже авторы минускульных граффити, написанных явно после IX века, не соблюдают это правило.

При разборе приведенных примеров с употреблением тремы выяснилось, что трема в данном регионе обозначала не отдельное произношение гласного [i] в дифтонгах, а какое-то качество этого звука.

⁷ См. Б. Л. Фонкич. Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг. М., 1999. С. 28–46

В таблице представлены примеры спорадического употребления ударения и придыхания, однако есть 4 граффити XII–XIV, в которых осуществляется попытка последовательно оформить их диакритическими знаками:

“δοῦλον Πέτρον τον ἀμαρτ(ωλον) ἀμῆν αμα”- 24 в этом примере “δοῦλον” вместо облеченного имеет острое ударение, некоторые ударения и придыхания пропущены.

“Νικῶλ(αος) ἱερεὺς καὶ δευτερέων ἀγιωτ(α)τ(ης) μ(ητρο)πωλ(εως) ἀθήν(ων) μ(η)ν(ι) οιουλήω” 26, 1314 – здесь “ἀθήν(ων)” имеет острое ударение вместо облеченного, к тому же оно поставлено не на тот слог, ср. 172, пример дан в таблице.

Другие два примера, кроме пропусков ударений и придыханий не содержат ошибок:

“ἐτελειώθ(η) ἐν κυριῳ ο ἀγιωτ(α)τ(ος) ἡμῶν μ(ητ)ροπο(λι) τῆς κῦρ Λε(ων) ο Ξηρὸς μ(η)ν(ι)

(ια)ννουαρ(ιω) ιη´ ημέρ(α)”- 39, 1153

“ἐτελειώθ(η) (εν) κυριῳ ο ἀγιωτ(α)τ(ος) ἡμῶν μ(ητ)ροπο(λι)τῆς κυρ Γεωργ(ιος)”- 40, 1160,

Таким образом, собранный материал не только обозначает основные тенденции развития среднегреческого языка, но и показывает, какие случаи вариативного написания были распространены в этом регионе и позволяет судить об общем уровне грамотности прихожан христианского храма Парфенона.

О падежном маркировании предикатива в латыни и древнегреческом: семантика или прагматика?

Предикатив может выражаться различными способами, например, в славянских – номинативом и инструменталисом, в латыни и древнегреческом – обычно номинативом, как и подлежащее, что является общеизвестным фактом¹. В самом деле, достаточно посмотреть на хрестоматийные фразы:

- 1) *Historia est magistra vitae* (История – учительница жизни),
- 2) *Octavianus consul templa refecit* (Октавиан, будучи консулом, восстановил храмы),
- 3) *Cicero consul creatus est* (Цицерон был избран консулом),

чтобы в этом убедиться. Стоит отметить, что предикатив употребляется в номинативе не только в классических конструкциях с составным именным сказуемым (1), но и в конструкциях с эллипсисом копулятивной связки (2) и в *Nominativus Duplex* (3). То же самое наблюдается и в древнегреческом языке.

Однако в латыни и древнегреческом есть случаи, когда предикатив выражается не номинативом. На них мы и хотим остановиться.

1. Рассмотрим конструкцию *Accusativus duplex*, т. е. аккумулятив дополнения с аккумулятивом имени сказуемого, которая получается, если заменить пассив на актив в конструкции *Nominativus duplex*. Проведем эту процедуру с примером № 3:

- 4) *Romani Ciceronem consulem creaverunt* (Римляне избрали Цицерона консулом).

Подлежащее *Romani* стоит, как ему и положено, в номинативе, а имя сказуемого *consulem* – в аккумулятиве, что, на первый взгляд, противоречит базовому тезису о номинативе как падеже предикатива. Мы полагаем, что в предложениях с *Accusativus duplex* имеет место каузативная трансформация, представляю-

---

¹ Плуноян В. А. Общая морфология. М., 2000. С. 170.

шая собой частный случай повышающей актантной деривации². Глаголы, управляющие этой конструкцией, по своей семантике оказываются либо выразителями физической каузации (фактивны «делать, выбирать кого кем, что чем»), либо выразителями опосредованной, или вербальной, каузации (это декларативы «называть, считать кого кем, что чем»). Преобразуя двойной номинатив в двойной аккузатив, мы меняем не только залог глагола, но и саму языковую ситуацию: в ней появляется новый участник (Romani) с ролью агенса-каузатора, который, как и полагается наиболее активному участнику ситуации, вытесняет Cісего с позиции выражаемого номинативом грамматического подлежащего, но не меняет при этом его семантической функции субъекта состояния, или логического субъекта. При такой интерпретации *consulem* оказывается предикативом логического субъекта и принимает его падеж, т.е. аккузатив.

Получается, что правило падежа предикатива требует более корректной формулировки: *падежом предикатива является не номинатив, т.е. падеж грамматического подлежащего, а падеж субъекта того состояния, которое выражается предикативом*. Кроме того, можно заметить, что и номинатив при активном залоге является не падежом субъекта, а падежом наиболее высоко стоящего в иерархии агентивности участника ситуации, который и занимает позицию грамматического подлежащего.

Подобная переформулировка позволяет непротиворечиво объяснить не только *Accusativus duplex* и вышеприведенные «классические» примеры, но и некоторые другие случаи падежного маркирования предикатива, например, следующий, который, на первый взгляд, кажется парадоксальным.

2. Речь идет об именной части при инфинитиве. Грамматики латинского языка утверждают, что, когда инфинитив употребляется в роли дополнения (т.е. является частью составного глагольного сказуемого), имя при нем ставится в номинативе³. На самом деле, это вполне соответствует сформулированному выше правилу:

² Плунгян В. А. Общая морфология. С. 209 сл.; Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. С. 432.

³ См., например: Боровский Я. М., Болдырев А. В. Учебник латинского языка. Изд. 4. М., 1975. С. 162.

5) *Cato bonus esse malebat, quam bonus videri* –

Катон предпочитал быть, а не казаться порядочным.

Катон является субъектом, следовательно, падеж предикатива «порядочным» согласован с ним в номинативе.

3. Работает данное правило и для некоторых безличных глаголов, при которых субъект состояния ставится в дативе, а предикатив также может выражаться дативом. Так, при *licet* имя инфинитива нередко ставится в дативе, подчиняясь *attractio casus*⁴:

6) *Quieto tibi licet esse* (Pl. Epid. 338) – Тебе позволено быть спокойным («спокойному»);

7) *Licuit esse otioso Themistocli* (Cic. Tusc. 1, 33) – Фемистоклу дозволялось быть праздным («праздному»).

Субъект обозначаемого предикативом состояния употреблен в дативе, следовательно, и предикатив ставится в дативе, т.е. в падеже логического субъекта, а не в падеже грамматического подлежащего, которое отсутствует, т.к. предложение безличное.

Похожую ситуацию мы видим в древнегреческом, с той лишь разницей, что в греческом сильнее работает аттракция, а управление глаголов еще разнообразнее, чем в латыни, и логический субъект может быть выражен также генетивом с соответствующим падежом предикатива⁵.

8) *Δέομαι σου προθύμου εἶναι* – Прошу тебя быть благосклонным (с генетивом имени сказуемого по аттракции с генетивом лица).

Данное правило актуально и для трактовки падежей в *Accusativus cum Infinitivo*, где логический субъект в аккузативе определяет падеж предикатива.

4. Однако есть случаи, для которых интерпретация падежа предикатива остается проблематичной.

4.1 Если аттракция не действует, то падежом предикатива при логическом субъекте в дативе или генетиве будет аккузатив. Например,

9) *Is erat annus, quo per leges ei consulem fieri liceret* (Caes. B.C. 3, 1, 1) – Год был такой, что ему по

⁴ Kühner R., Stegmann C. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. Zweiter Teil: Satzlehre. Darmstadt, 1971. Bd. I. S. 679.

⁵ Kühner R., Gerth B. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Satzlehre. Teil I–II. Leverkusen, 1955. S. 24–27.

законам дозволялось стать консулом (consulem – Acc.)⁶.

10) Ἐρετριέες Ἀθηναίων ἐδεήθησαν σφίσι βοηθοὺς γενέσθαι (Hdt. 6, 80) – Эретрийцы просили афинян стать для них заступниками (с аккумулятивом имени сказуемого без аттракции с генетивом лица);

11) Συμβουλεύω σοι προθύμῳ εἶναι (πρόθυμον εἶναι) – Советую тебе быть благосклонным (предикатив в дативе по аттракции либо в аккумулятиве без нее).

4.2 Вторым проблемным случаем являются примеры с отсутствующим логическим субъектом.

12) Bonum esse praestat, quam bonum videri. – Порядочным лучше быть, чем казаться. (Предикатив «порядочным» при инфинитиве стоит в аккумулятиве).

Таким образом, видно, что если при инфинитиве есть предикатив, то он стоит в том же падеже, что и логический субъект (по *attractio casus*), как и в других случаях, либо в аккумулятиве. Именно последний факт и нуждается в дополнительном объяснении.

Не в каждой грамматике можно найти хотя бы попытку объяснить это явление, однако если такие попытки делаются, они обычно сводятся к одному и тому же: если предикатив стоит в аккумулятиве, это значит, что он согласован с подразумеваемым субъектом в аккумулятиве, иными словами, перед нами «скрытый» *Accusativus cum Infinitivo*.

13) Diligi et carum esse iucundum est (Cic. Fin., 1, 53) – Быть любимым и дорогим приятно. (Здесь *carum* поставлено в аккумулятиве ед. числа муж. рода, так как согласовано подразумеваемым «человек»)⁷.

14) Φιλάνθρωπον (sc. τινά) εἶναι δεῖ – Должно быть человеколюбивым (подразумевается «кому-либо» в аккумулятиве)⁸.

⁶ Menge H. Repertorium der lateinischen Syntax und Stylistik. Bearb. von A. Thierfelder. 20. Aufl. Darmstadt, 1993. P. 280.

⁷ Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. СПб., 1998. С. 297.

⁸ Smyth H. W. Greek grammar. Harvard University Press. Cambridge, MA, 1968. P. 440.

15) Δρῶντας γὰρ ἢ μὴ δρῶντας (sc. ἀνθρώπου) ἥδιον θανεῖν – Приятнее умереть действуя, чем бездействуя (подразумевается «людям»);

16) Non facile est (sc. aliquem) esse temperantem. – Нелегко быть сдержанным (кому-либо)⁹.

Эрну и Тома подчеркивают, что в подобных конструкциях инфинитив всегда оказывается при безличном выражении, от которого, действительно, может зависеть Accusativus cum infinitivo. Однако среди нескольких десятков примеров, которые нам встретились, все же нашелся один, с трудом поддающийся такой интерпретации:

17) Non esse cupidum pecunia est – Не быть жадным – это богатство. (Едва ли можно представить себе скрытый инфинитивный оборот, зависящий от выражения pecunia est).

Однако, даже если не принимать во внимание последний пример, а остальные объяснять эллипсисом логического субъекта, все равно возникает вопрос: почему в случае опущения этот субъект все же мыслится в аккумулятиве, а не в дативе или генетиве, даже если конструкция зависит от глагола, допускающего двойное управление, как в примерах 7–12? Что есть в аккумулятиве такого, что при каждом удобном случае языки выбирают именно его там, где логический субъект не выражен и, следовательно, не может оказать влияние на выбор падежа предикатива, либо даже там, где он выражен, но не номинативом, а дативом или генетивом?

5. Здесь необходимо отметить, особый статус аккумулятива как падежа. Мюллер еще в 1908 году выпустил монографию¹⁰, в которой посвятил 170 страниц аккумулятиву и чуть меньше одной – номинативу. Хирт¹¹ писал: «Аккумулятив исконно является das Mädchen für alles (служанкой для всех). Он стоит там, где другие падежи не употребляются». Происхождению и истории развития винительного падежа в индоевропейских языках посвятила ряд работ А. В. Десницкая.¹² Интересную статью посвятил аккумуля-

⁹ Ernout A., Thomas F. Syntaxe latine. 2-ème ed. Paris, 1953. P. 259

¹⁰ Müller C. F. W. Syntax des Nominativs und Accusativs im Lateinischen. Leipzig, 1908.

¹¹ Hirt H. Indogermanische Grammatik 6. Syntax 1. Heidelberg, 1934. S. 87.

¹² А. В. Десницкая. Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Наука, 1984. С. 70–124.

тиву А. Мурхауз¹³: исследуя «странные», периферийные употребления этого падежа, он пришел к выводам о «высокой степени его независимости от остального предложения» (с. 211) и о «выдающемся положении аккузатива в лингвистическом сознании» (с. 218). Однако подобные выражения, какими бы экспрессивными и интуитивно убедительными они ни были, к сожалению, ничего не объясняют. А между тем собранные Мурхаузом примеры «неожиданного» употребления аккузатива в периферийных значениях, выходящих за пределы стандартных синтаксических функций этого падежа, требуют объяснения. Рассмотрим некоторые из них:

-употребление аккузатива в клятвах:

18) νῆ Δία, νῆ τοῦ θεοῦς – клянусь Зевсом, клянусь богами

-в драме, когда в аккузативе ставится имя лица, к которому обращаются в резкой или грубой форме:

19) σὲ δῆ, σὲ τὴν νεύουσαν εἰς πέδον κάρα,
φῆς ἢ καταρνῆ...;(S. Ant. 441f.) – Ты, ты, поникшая головой, скажи или опровергни... (обращение Креонта к Антигоне);

-в функции приложения:

20) ... (σε) ἢ τις Ἀχαιῶν
ρίψει χειρὸς ἔλῶν ἀπὸ πύργου, λυγρὸν ὄλεθρον
(Il. 24.734 f.) – Или тебя кто-нибудь из данайцев сбросит, схватив за руку, с башни – ужасная гибель;

-в начале фразы, где слово в аккузативе обозначает лицо или вещь, о которых идет речь, но затем оно оказывается в условиях синтаксической неопределенности, «зависания», и предложение как бы обрывается на этом слове:

21) μνηστῆρας μὲν ἐπὶ σφέτερα σκίδνασθαι ἄνωχθι·
μητέρα δ', εἴ οἱ θυμὸς ἐφορμάται γαμέεσθαι,
ἄψ ἴτω (Od. 1. 274 ff) – Прикажи, чтоб женихи разошлись по своим домам, мать же (аккузатив), если к замужеству у нее лежит душа, пусть назад идет;

-в предложениях с анаколуфом:

22) τὸν δὲ Μάνην, δανείσας ἀργύριον Ἀρχεπόλιδι...
ἐπεὶ οὐχ οἶός τ' ἦν αὐτῷ ἀποδοῦναι ὁ Ἀρχεπόλις
οὔτε τὸν τόκον οὔτε τὸν ἀρχαῖον ἅπαν,

¹³ Moorhouse A. C. The role of the accusative case // In the footsteps of R. Kühner. Proceedings of the International Colloquium... Amsterdam, 1988. P. 209–218.

ἐναπετίμησεν αὐτῷ. (D. 53. 20) – Что касается Мана, одолжившего денег Археполиду... (в тексте анаколупф «одолжив денег»)...поскольку Археполид был не в состоянии уплатить ему ни проценты, ни основную сумму, то расплатился с ним по-другому...

-в пролепсисе:

23) ὅστις ποθ' ὑμῶν Λάιον τὸν Λαβδάκου κάτοιδεν ἀνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο... (S. OT 224 f.) – Всякий из вас, кто знал букв. «Лайя, сына Лабдака», а по смыслу – из-за какого мужа погиб Лай, сын Лабдака...

К этим примерам можно добавить и хорошо известный *Accusativus exclamationis*.

Мы полагаем, что для объяснения всех этих «странностей» нам недостаточно представления только о синтаксических функциях аккузатива, но потребуются привлечь и прагматические отношения: оказывается, что, с точки зрения прагматики, выделенные Мурхаузом слова в аккузативе представляют собой различные типы фокуса – либо фокуса, понимаемого как рема высказывания, либо фокуса контраста; то есть греческий язык пользуется аккузативом не только для выражения ролевых характеристик (например, пациенса), но и прагматических, где ролевая трактовка аккузатива не работает. Аналогичные примеры приводят Эрну и Тома для латинского языка¹⁴.

Интересно, что подобные функции аккузатива есть и в английском (конечно, только для местоимений). Например,

24) It's me.

25) Us, the Browns, never do such things.

б. Теперь вернемся к проблеме падежа предикатива. Если аккузатив маркирует члены предложения с прагматической функцией фокуса, может возникнуть встречный вопрос: почему он не всегда используется в предикативной функции, и в стандартном предложении, где субъект выражен номинативом, уступает место номинативу? – Дело в том, что разные языковые уровни (синтаксический, семантико-ролевой и прагматический) конкурируют друг с другом, и там, где есть субъект в номинативе и логический субъект совпадает с грамматическим, падеж предикатива определяется синтаксическим (и семантическим) согласованием с субъектом. Если же логический субъект не

¹⁴ Ernout A., Thomas F. *Syntaxe latine*. P. 23–24.

выражен (то есть предикативу не с чем согласовываться), на первый план выходят прагматические отношения, и в ход идет аккумулятив как падеж фокуса. Случаи с логическим субъектом в дативе и генетиве представляются «промежуточными» или «конкурентными»: синтаксический субъект отсутствует, но логический (семантический) субъект имеет место. Логично, что в данной ситуации наблюдается нестабильность в падежном маркировании предикатива: доминирует либо прагматика (аккумулятив), либо семантика (падеж логического субъекта состояния).

Таким образом, видно, что в классических языках падежное маркирование представляет собой не чисто ролевое явление, а кумулятивно выражает ролевые и прагматические функции, хотя и с доминированием первых.

С. В. Иванов

Описание антихриста в ирландской апокрифической литературе*

This paper deals with the description of Antichrist's physical appearance as he is portrayed in the Irish apocryphal tradition. Such detailed and extended descriptions are unparalleled in the extant Latin sources. Meanwhile, we do have a portrait of Antichrist in a Coptic text of the "Apocalypse of Elijah" which shows striking similarities with the Irish material. However, one cannot suppose any direct link between Coptic and Irish worlds. The Coptic text is a translation from the Greek original now lost, but the transmission of Greek manuscripts to the Irish soil is very poorly attested. Furthermore, there is an indirect evidence in the form of Latin citations incorporated into one of the Irish texts in question which may give rise to a suggestion that the tradition of portraying Antichrist may have existed in Latin sources. This is corroborated by some recent researches that have revealed a Latin text (presumably, from Xth cent.) containing a description of Antichrist very similar to the Irish evidence. Thus, it would be reasonable to suggest that the Irish tradition is derived from some lost Latin texts which in their turn may have been translated from Greek. Therefore, the Coptic Apocalypse and the Irish material are evidence for two extinct branches of apocryphal tradition.

Ирландская апокрифическая традиция имеет важное значение по нескольким причинам, на которые неоднократно указывали ее исследователи (Herbert, McNamara 1989: xxvii). Прежде всего, как и всякая местная литературная традиция, она может служить свидетельством заимствования и адаптации различных литературных христианских источников и сохранять особые их редакции, способные прояснить соотношение различных вариантов того или иного произведения. К этому же ряду следует отнести и сочинения, возникшие собственно на ирландской почве, но содержащие материал, известный по латинским и греческим апокрифам. Кроме того, по словам Мартина Мак-Намары, «на ирландском языке до нас дошел богатейший апокрифический материал, превосходящий по объему любую другую местную европейскую апокрифическую традицию» (McNamara 1975: 1). Помимо этого, ирландские апокрифы при-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента МК-100.2007.6

обретают особую важность в свете того, что, как предполагают многие ученые, они могут свидетельствовать о связи ирландского христианства и ирландской христианской литературы с восточными источниками греко-сирийского происхождения (возможно, через вестготскую Испанию) (Herbert, McNamara 1989: xxvii; McNamara 2003). В этой работе далее, в частности, мы отметим один случай, который может косвенно свидетельствовать в пользу справедливости такой точки зрения.

Избранный нами предмет, на наш взгляд, поможет наглядно представить своеобразие ирландской апокрифической традиции и те сложности, которые она ставит перед исследователем. Важнейшая из этих трудных задач – определить связи того или иного ирландского произведения с другими традициями, прежде всего, конечно, латинской и греческой. Эта задача подчас существенно осложняется самим характером ирландских источников. В Ирландии наряду с богатой переводной литературой, допускающей прямое соотнесение определенного сочинения с тем или иным латинским аналогом, создавались произведения оригинальные, компилирующие или весьма вольно пересказывающие содержание апокрифических легенд, так что речь может идти лишь о сопоставлении мотивов, но не об обнаружении прямых источников. В дальнейшем мы будем говорить именно о такого рода материалах.

Описание антихриста содержится в следующих ирландских текстах: в «Проповеди об архангеле Михаиле» из Пестрой книги, стихотворении «О конце света», трактате «Две печали Царства Небесного» (ДПЦН) и в «Трактате об антихристе» из Лисморской книги. Мы опускаем некоторые другие сочинения, в которых затрагивается тема антихриста, но не дается описания его внешности.

Прежде всего, в контексте уже упоминавшейся ранее проблемы сопоставления ирландской и латинской традиций, обращает на себя внимание тот факт, что в наиболее распространенных на латинском Западе источниках, включая как апокрифические, так и святоотеческие, мы не найдем подробного описания наружности антихриста. Так, например, хотя Ж. Доттен отмечает параллели с произведениями Адсона, псевдо-Ипполита или псевдо-Августина (DBFN: 350–351), мы не встретим в них подобных описаний, при том, что в отношении других мотивов, присутствующих в ирландской литературе, найти такие соответствия оказывается возможным. Сравним,

например, отрывок из пользовавшегося большой популярностью трактата Адсона:

«Как говорят наши учителя, антихрист родится из народа иудейского из колена Данова...

Родится же он от соития отца и матери, как и другие люди, а не от одной девственницы, как говорят некоторые [вар.: и не от епископа и монахини, как утверждают некоторые в ослеплении, а от грязнейшей распутницы и жесточайшего негодяя]...

Он также сотворит множество знамений и чудес, великих и неслыханных. Он сведет ужасный огонь с неба, заставит деревья внезапно цвести и сохнуть, море волноваться и внезапно успокаиваться, естество обращаться в разные формы, воды сменить свое течение, воздух дрожать от ветров и многих бурь, и также прочие чудесные и удивительные вещи, воскрешать мертвых на глазах у людей, чтобы прельстить, если возможно, и избранных...

Тогда будут посланы в мир два великих пророка, Илия и Енох, которые защитят верных божественным оружием от нападения антихриста и наставят их и укрепят и подготовят...» (PL, CI, col. 1292–1297).

Сходные мотивы наблюдаются в латинской редакции Откровения Мефодия Патарского и Видении Даниила (Истрин 1897: II, 82):

«После этого придет сын погибельный и (...) и сотворит множество чудесных знамений по земле, так что слепые прозреют, хромые пойдут, глухие услышат и мертвые как бы воскреснут, (...) чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Придет он в Иерусалим и сядет в храме Божиим, (...) ибо будет человек от мужского семени, сын женщины из колена Данова. И будет он лжец и обманщик и коварством соблазнит многих. После этого пошлет Господь двух верных слуг, Еноха и Илию, которые по его слову будут сохранены (от смерти) для обличения этого врага».

Б. О'Кив на примере одного позднего ирландского стихотворения выделяет следующие мотивы, характерные для ирландских текстов, описывающих явление антихриста: 1) антихрист – сын своей сестры, зачавшей его от отца, епископа, который возлег с ней в Страстную Пятницу; 2) У антихриста плоское лицо с одним глазом; 3) Он обладает чудесной властью и может сотворить золото из травы и испражнений и вино из воды; в целом, он может сотворить все чудеса, которые сотворил Христос, кроме воскрешения мертвых (Ó Cuív 1973: 89).

Теперь рассмотрим собственно материалы ирландской традиции, а именно отрывки из четырех текстов, перечисленных нами выше. В Проповеди об архангеле Михаиле из Пестрой книги говорится:

«Знайте же, что придет вновь Михаил, чтобы помочь роду людскому. А антихрист человек, который родится в конце света. Родная сестра ему самому мать. Седая прядь посреди его лба, один глаз в голове посреди этой пряди. Одна бровь над ней, которая идет от одного уха до другого над его глазом. Все тело его плоско, его ноги тоже (т. е. нет колен). Тащит он деревья из корней и ставит их верхушками в землю и стволами вверх и возлагает листву с плодами на корни и на стволы деревьев. Сотворит он золото и серебро из навоза и дерьма лошадей и верблюдов и изо всяких прочих отбросов и принесет неверие в мир. Не тонет он в воде, не горит в огне, не берет его железо. Илья же и Енох до сих пор находятся при жизни в Раю; получают они большие крылья, чтобы отправиться на битву с антихристом; не будет им в этом пользы, ибо будут они убиты». (Passions, 7268–7280)

Далее, с этим описанием весьма сходен отрывок из Лисморской книги:

«Господь сказал, что он [антихрист] родится в Вифлееме от распутницы из колена Данова и что он будет воспитываться в Карбубане и что будет жить в городе Безасте. Его тело будет 600 локтей в высоту и 40 в ширину, у него будет один глаз, выступающий из лба, а лицо будет плоское, а рот до груди. У него не будет ни верхних зубов, ни коленей, а подошвы его ног будут круглы, как колеса. У него будут ужасные черные волосы, и три огненных столба дыма будут исходить из его носа и рта, подобно пламени огня». (Herbert, McNamara 1989: 149)

Более развернутое описание, по-видимому, опирающееся на только что цитированное, по поздней рукописи (XVIII в.) приводит Ж. Доттен (DBFN: 354–355):

«Таков будет этот человек: шестьсот локтей в высоту его тело и сорок локтей в ширину; и он велик, страшен и ужасен. На голове у него волосы мягкие, гладкие, темные, густые. У него будет один глаз в голове и черное дьявольское лицо, брови густые, как грива. На голове у него одно ухо, а большой глаз быстрый, сверкающий. И дым темного смрадного огня валит из ноздрей его носа и пламя огня из единственного уха в его черной и ужасной голове; совершенно гладкая его челюсть ужасного цвета; в верхней челюсти нет зубов; одно ребро боль-

шое и высокое в его груди. Два больших ребра в его левом боку. И у него не будет колен, а подошвы ног так же гладки и круглы, как колеса. <...> И будет воскрешать мертвых. Он будет вырывать деревья с корнями и поставит корнями вверх и возрастит на них прекрасные плоды своим дьявольским могуществом».

Отрывок из ДПЦН сообщает (DBFN: 387):

«(...) дьявол в образе человеческого, этот антихрист, будто бы чтобы принести веру в этот мир приходит он. Епископ зачнет [его] со своей дочерью в пятницу. И говорится вот что: что не делал Христос на земле чуда, которого бы он не сотворил, кроме воскрешения мертвых, но кроме того был он полон разврата и несправедности. Лет ему 33 года с половиной, как был возраст Христа. Меняется надпись в его лбу, вот знак, что будет на нем. Каждый, кто не поверит в него, будет убит его мечом. Ибо вот что говорил он: что он сам Сын Божий и что это его возвещали пророки. И сходит с небес Михаил, чтобы сокрушить его, и поражает он его мечом».

И, наконец, в стихотворении, изданном Куно Майером, мы находим следующий отрывок (Meuer 1912: II. 21–24):

«Придет сын (?) в мир / с великой силой / муж сильный и мудрый / сестра будет его матерью.

Дочь, что зачнет его от своего отца / как змея / через злое дело родится сын / в городе.

Один зуб, как мне известно / лагерь за стенами / шесть пальцев на тонких ногах / согласно тайнствам.

Муж ужасный могучий, бич ада / правдива моя речь / лжец черный и быстрый / и седина (седая прядь) изо лба».

Признаки антихриста, сообщаемые в этих текстах, можно обобщить в виде таблицы: плюсом «+» мы будем обозначать наличие данного признака, минусом «-» его отрицание.

Из данной таблицы с очевидностью следует, что, с одной стороны, ирландская традиция описания антихриста не укладывается в рамки латинской, известной прежде всего по трактату Адсона, а с другой, не гомогенна сама по себе. Хотя некоторые тексты обнаруживают сходства с мотивами, зафиксированными в латинских сочинениях, эти сближения носят, в общем-то, тривиальный характер и касаются таких расхожих представлений, как происхождения антихриста из колена Данова, места его рождения, необыкновенной чудотворной силы. Вместе с тем, нет ни одного ирландского текста, в котором сочетались бы все отмеченные нами детали. Более того,

есть один пример полного расхождения – в ДПЦН недвусмысленно заявляется, что антихрист не может воскрешать мертвых, в то время как поздний вариант «Трактата об антихристе» утверждает, что ему подвластно и это чудо. Впрочем, так как эта редакция зафиксирована в рукописях не ранее XVIII в., имеется вероятность, что эти дополнительные детали были внесены редактором, знакомым с другими вариантами легенды, чем те, которые бытовали на ирландской почве в эпоху раннего Средневековья. Отметим, что и у Адсона, и в Откровении Мефодия Патарского среди чудес, которые сотворит антихрист, присутствует и воскрешение мертвых.

	Проповедь об архангеле Михаиле	Отрывок из Лисморской книги + вар. XVIII в.	ДПЦН	стихотв. «О конце света»
родится в Вифлееме от распутницы из колена Данова		+		
сестра ему мать	+		+	+
один глаз	+	+		
нет коленей	+	+		
седая прядь на лбу	+			+
одна бровь	+			
шесть пальцев на ногах				+
нет верхних зубов / один зуб		+		+
меняется надпись на лбу			+	
воскрешает мертвых		+	-	
сотворяет золото и серебро из испражнений	+			
переворачивает деревья и заставляет их цвести	+	+		

Тем не менее, общим для всех этих ирландских текстов является то, что во всех них отмечается та или иная деталь, относящаяся к описанию внешности антихриста. Наряду с этим важно обратить внимание на то, что в трех сочинениях говорится о кровосмесительной связи его родителей. Естественно, может возникнуть предположение, что мы имеем дело с местной ирландской традицией, сложившейся в отрыве от континентальной. Однако, если мы расширим круг сопоставлений и не будем ограничиваться латинскими источниками, мы увидим, что это не так.

В связи с ирландскими описаниями антихриста, как нам представляется, крайне важную информацию можно почерпнуть из одного текста, относящегося к совсем другой ветви христианской традиции, а именно из коптского Апокалипсиса Илии¹, в котором нас будет прежде всего интересовать следующий отрывок (Изречения: 217):

«Сын же беззакония прежде всего станет в месте святом. <...> Он заставит хромых ходить, глухих слышать, немых говорить, слепых видеть, прокаженных он очистит, больных исцелит, (из) одержимых демонами изгонит их. Он умножит перед всеми свои знамения и чудеса. Он совершит деяния, которые Христос совершил, за исключением лишь воскрешения мертвых: по этому (признаку) вы узнаете, что он – сын беззакония, потому что он не может дать душу.

Вот его признаки, я сообщу (их) вам, чтобы вы узнали его. Он <непонятное слово> немного, молодой, тонконогий, одно пятно седое спереди на голове его, плешивый, брови его доходят до ушей, и пятно проказы спереди на его руках. Он будет изменяться перед вами. То он будет стариком, то снова молодым. Он будет изменяться во всех признаках, но признаки своей головы он не изменит. Благодаря этому вы узнаете, что он сын беззакония».

Как мы видим, этот отрывок проявляет черты сходства с ирландской традицией: то, что говорится здесь о невозможности воскрешения мертвых, практически дословно совпадает с фрагментом из ДПЦН, приведенном нами выше: «И говорится вот что: что не делал Христос на земле чуда, которого бы он [антихрист] не сотворил, кроме воскрешения мертвых». Также весьма показательным совпадением является совпадение деталей описания внешнего облика антихриста – как и в «Проповеди об архангеле Михаиле», в коптском тексте у антихриста одна бровь, и, как в той же Проповеди и стихотворении «О конце света», на лбу у него седая прядь. Кроме того, с ирландской традицией коптский текст сближает и само наличие описания внешности антихриста, отсутствующее, как мы уже указывали, в латинских источниках.

Естественно, такие сходства нельзя объяснять случайностью. С другой стороны, вряд ли можно предполагать существование прямого сообщения между Египтом и Ирландией, и уж

---

¹ За консультации по этому тексту я приношу свою искреннюю признательность А. Л. Хосроеву.

совсем невероятным представляется, чтобы ирландцам был знаком коптский язык. Таким образом, скорее всего, следует обратиться к греческому оригиналу Апокалипсиса Илии, с которого был сделан коптский перевод, но положение осложняется тем, что сам греческий прототип был утерян, хотя в существовании его не приходится сомневаться, поскольку он упоминается, например, в Панарионе Елифания Кипрского и, кроме того, от него сохранились незначительные фрагменты. В дошедшей до нас форме Апокалипсис датируется III веком н. э. Предположение, что источником некоторых черт ирландской традиции послужил греческий текст, кажется не столь невероятным. Однако, как пишет Дэвид Франкфуртер, посвятивший один из разделов своей книги об Апокалипсисе Илии рассмотрению ДПЦН, «нам практически ничего неизвестно о хождении рукописей между греческим миром и Ирландией» (Frankfurter 1993: 54).

Впрочем, более обоснованным нам кажется другое решение вопроса. Как отмечает Мартин Мак-Намара (McNamara 2003: 90), в ирландском тексте из Лисморской книги, отрывок из которого приведен выше, сохранились вкрапления в виде латинских фраз, указывающие на то, что этот текст может являться переводом с латыни (например: *Sexcentum cubitos in longitudinem corporis sui. Oculum unum in fronte ejus. Et fumus de naribus. Nec genua habebit, etc.* – DBFN: 354–355). Кроме того, тот же ученый обращает внимание на латинский текст X в., изданный Бернхардом Бишофом, который Бишоф считает древнейшим текстом об антихристе на западе и в котором содержится следующий отрывок (McNamara 2003: 91):

«Ученики сказали Иисусу: «Господи, скажи нам, каков он будет?» Иисус сказал им: «Рост его будет девять локтей. У него будут черные волосы, торчащие, как железная цепь. Во лбу у него будет один глаз, сияющий, как заря. У него будет большая нижняя губа, но не будет верхней. На руке его мизинец будет длиннее [других пальцев]; левая нога у него будет шире [другой]».

При том, что в этом латинском тексте с ирландскими описаниями антихриста напрямую соотносится лишь указание на его одноглазость, очевидно, что по общему духу текст вполне соответствует ирландскому материалу, подчеркивая внешнюю уродливость, инаковость антихриста. Напрямую связывать этот фрагмент с ирландской традицией, видимо, нельзя, поскольку этому препятствует не только незначительное число сходжений

(с коптским Апокалипсисом Илии их гораздо больше), но и датировка памятника – очевидно, он, например, никак не мог повлиять на ДПЦН, который также датируется X–XI вв. Тем не менее, сам факт его наличия имеет большое значение, так как он показывает, что описание внешности антихриста присутствовало в латинской традиции. Видимо, вполне уместным будет выглядеть предположение, что традиция описания антихриста и его деяний, в том виде, в котором она представлена в ирландской апокрифической литературе, бытовала не только в восточнохристианском мире, но была известна и в западном латинском христианстве, о чем свидетельствуют как этот текст, так и уже упоминавшиеся нами латинские вставки в ирландском тексте из Лисморской книги.

Возможно, существовала и какая-то не сохранившаяся латинская версия Апокалипсиса Илии. В таком случае, подобно тому, как греческий оригинал знаком нам по коптскому переводу, так и латинский перевод известен нам по мотивам, представленным в ирландской передаче. На данном примере можно видеть, что если ирландское христианство и ирландская христианская литература и была связана с восточными источниками, то связь эта была иногда весьма опосредована. Мы взяли, возможно, крайний случай, когда между дошедшими до нас ирландской традицией и коптским текстом отсутствуют два промежуточных звена – греческий оригинал и латинский перевод, но от этого он, на наш взгляд, становится только показательнее.

Повторим, что, вероятнее всего, именно какие-то не дошедшие до нас латинские источники и послужили непосредственной основой ирландской традиции, которая, вслед за их исчезновением, осталась важнейшей свидетельницей их существования. Вместе с тем, сохранившиеся восточные тексты позволяют нам, как кажется, лучше представлять, о чем говорят ирландские апокрифы. Так, например, в *Leabhar Breac* и в стихотворении «О конце света» говорится, что на лбу у антихриста есть *tom líath*. Доттен передает *tom* как *protubérance* «выступ, выпуклость, шишка». Между тем, кроме того что в (DIL T-243) указывается значение «прядь, пучок (о волосах)», издатель коптского Апокалипсиса Илии Георг Штейндорфф переводит соответствующее место *indem vorn auf seinem Kopfe eine Stelle von weissem Haar ist* (Steindorff 1899: 91), и та же черта выделяется в среднеирландском стихотворении, приводившемся нами выше.

Благодаря ирландским источникам мы знаем, что внешности антихриста ирландцы придавали большое значение и что в их глазах это был важный предмет. По-видимому, им было мало тех неопределенных указаний, которые дает патристика, а нужны были точные сведения, как узнать антихриста, когда он придет в мир. С другой стороны, данный пример показывает, что предположение об особых связях ирландской христианской литературы с традициями восточного христианства, вероятно, иногда лучше понимать в том смысле, что в Ирландии, как и в других периферийных областях христианского мира (в коптском, армянском, сирийском и т. д.), могли сохраниться переводы таких греческих и латинских произведений, которые не дошли до нас в оригинале.

Библиография

- Изречения – Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке. Введение, перевод с коптского и комментарии А. И. Еланской. СПб., 2001.
- Истрин 1897 – Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897.
- DBFN – Dottin G. (ed.) Deux Chagrins du Royaume du Ciel // *Revue Celtique*, 21, 1900, pp. 349–388.
- DIL – Dictionary of the Irish Language / ed. E. G. Quin. Dublin, 1983.
- Frankfurter 1993 – Frankfurter D. Elijah in Upper Egypt. The Apocalypse of Elijah and Early Egyptian Christianity. Minneapolis, 1993.
- Herbert, McNamara 1989 – Herbert M., McNamara M. Irish Biblical Apocrypha. Selected texts in translation. Edinburgh, 1989.
- McNamara 1975 – McNamara M. The apocrypha in the Irish church. Dublin, 1975.
- McNamara 2003 – McNamara M. Apocalyptic and eschatological texts in Irish literature: oriental connections? // *Apocalyptic and eschatological heritage: the Middle East and Celtic realms*, ed. M. McNamara, Dublin, 2003. Pp. 75–98.
- Meyer 1912 – Meyer K. (ed.) Ein altirisches Gedicht über das Ende der Welt // *Zeitschrift für Celtische Philologie*, 8, 1912, pp. 195–196.
- Ó Cuív 1973 – Ó Cuív B. Two items from Irish apocryphal tradition // *Celtica*, 10, 1973, pp. 87–113.
- Passions – Passions and Homilies from the Leabhar Breac, ed. Atkinson, 1887.
- PL – *Patrologia Latina*, ed. J. P. Migne.
- Steindorff 1899 – Steindorff G. Die Apokalypse des Elias. Eine unbekannte Apokalypse und Bruchstücke der Sophonias-Apokalypse. Leipzig, 1899.

M. N. Kazanskaya

**« *Quod quaeris, 'quare' non habet ullus amor* » :
l'emploi de '*quare*' chez Properce**

La manière d'introduire la réponse à une question posée par l'adverbe « *quare* » n'est pas rare chez les poètes romains. Cependant l'utilisation de ce mot qui est presque formulaire chez Properce est bien différente de l'utilisation de « *quare* » par les autres poètes.

Premièrement, il utilise ce mot régulièrement au début de l'hexamètre, et toujours en combinaison avec la diérèse après le premier pied. La seule exception est le pentamètre suivant, où « *quare* » ne joue pas son rôle syntaxique habituel :

quaeris, Demophon, cur sim tam mollis in omnis?
quod quaeris, 'quare' non habet ullus amor. (II, 22, 13–14)¹.

Il y a six exemples de « *quare* » dans sa fonction de formuler les conclusions de l'élégie chez Properce², et tous se trouvent dans les deux premiers livres :

quare, quid possit mea Cynthia, desine, Galle... (I, 5, 31)

quare, dum licet, inter nos laetemur amantes... (I, 19, 25)

Dans les quatre premiers cas, le mot « *quare* »³ est toujours séparé de la partie principale de la phrase par une proposition

¹ Il est bien caractéristique de Properce de jouer sur leur ressemblance phonétique « *quare* » et « *quaerere* » (qui est aussi une expression formulaire utilisé en combinaison avec la diérèse après le premier pied – Properce évidemment rapprochait dans une certaine mesure ces deux formules) :

quod quaeris, 'quare' non habet ullus amor. (II, 22, 14).

quare, quid possit mea Cynthia, desine, Galle,
quaerere: non impune illa rogata venit. (I, 5, 31–32).

² I, 5, 31–32; I, 9, 33–34 ; I, 19, 25–26; II, 16, 7–8 ; II, 16, 55–56 ; II, 23, 33–34.

³ Contrairement aux autres poètes Properce n'utilise « *quare* » que dans des cas de coordination, et jamais dans des phrases interrogatives.

subordonnée (« *dum licet* », « *si sapiis* », « *si pudor est* » etc.), et le verbe, soit dans la forme de l'impératif, soit dans la forme de subjonctif d'exhortation, se trouve dans la deuxième moitié de l'hexamètre. Les deux derniers exemples se ressemblent beaucoup, mais sont bien différents des exemples précédents :

quare ne tibi sit tanti Sidonia vestis... (II, 16, 55)

quare ne tibi sit mirum me quaerere vilis... (II, 24, 9)

« *Quare* » n'est pas séparé par une proposition subordonnée, le verbe est placé presque immédiatement après la conjonction. En outre, il ne s'agit plus d'un conseil, mais d'une prohibition. On ne trouve cette construction chez les autres poètes augustéens, et il semble que cette invention de Propertius n'était pas la plus réussie (Propertius renonce à l'utiliser lui-même après II, 24)⁴.

Le fait que Propertius utilise « *quare* » seulement dans les deux premiers livres suggère qu'au début cette construction était un emprunte. Et en effet, on trouve chez Catulle deux passages qui ressemblent beaucoup aux fins de l'élégie I, 5 et I, 9 chez Propertius :

*quare, quid possit mea Cynthia, desine, Galle,
quaerere: non impune illa rogata venit.* (I, 5, 31–32)

*quare desine, dum licet pudico,
ne finem facias, sed irrumatus.* (Cat., 21, 12–13)

*quare, si pudor est, quam primum errata fateri:
dicere quo pereas saepe in amore levat.* (I, 9, 33–34)

*quare, quidquid habes boni malique,
dic nobis: volo te ac tuos amores
ad caelum lepido vocare versu.* (Cat., 6, 15–17).

Les demandes sont très proches : dans le premier cas, c'est une demande d'arrêter de solliciter l'objet de l'amour des deux poètes (Cynthia et le « *puer* » respectivement) ; dans le deuxième cas, de raconter franchement son état amoureux (seulement, dans le cas de

⁴ Dans le troisième et quatrième livre il cherchera des nouveaux moyens de conclusion de l'élégie. Par exemple, le schéma de la trithémimère en combinaison avec la hepthémimère (ou la coupe bucolique) dans le dernier où, plus souvent, avant dernier distique, sera utilisé assez souvent pour une conclusion énergique.

Properce, c'est un conseil de raconter tout à la fille, tandis que Catulle demande à Flavius de raconter ces amours à lui-même)⁵. Chez Catulle ces deux phrases avec « *quare* » se trouvent à la fin absolue de poème. Il est caractéristique que Properce reprenne une telle construction non pas de la poésie hexamétrique ou de distique élégiaque de Catulle, mais de ses hendécasyllabes : il prend beaucoup de la tradition précédente, mais veut établir ses propres usages dans l'élégie⁶.

On peut donc dire avec un grand degré de certitude qu'au début la formule de « *quare* » s'établit chez Properce à partir de Catulle. Il

⁵ Il y a des correspondances très intéressantes dans les sujets de ces deux paires de poèmes, qui n'ont pas été remarquées. Dans le poème 21 Catulle reproche à son ami Aurélius le fait de solliciter son objet d'amour, un « *puer* » : « *pedicare cupis meos amores* » (v. 4) ; Properce reproche à son ami Gallus de faire la cour à Cynthia. Dans le poème 6 Catulle soupçonne que son ami Flavius a une affaire reprochable, et ne la raconte pas au poète pour cette raison ; Properce sait que Ponticus, son ami et poète lui aussi, a finalement tombé amoureux, et lui donne le conseil d'être franc dans l'amour. Il est suggéré que la passion de Ponticus elle aussi n'est pas tout à fait respectable (bien que l'expression « *ecce iaces supplexque venis ad iura puellae, /// et tibi nunc quaevs imperat empta modo.* » est plus douce que « *verum nescioquid febriculosi /// scorti diligit: hoc pudet fateri* » chez Catulle). Il faut remarquer aussi l'importance de la poésie dans ces deux poèmes : Catulle veut savoir les détails de l'affaire de Flavius pour les « *ad caelum lepido vocare versu* » ; chez Properce, il est souligné que Ponticus était un poète (apparemment, un poète épique, et maintenant qu'il a tombé amoureux, il doit apprendre d'écrire des « *tristes libellos* », c'est-à-dire des élégies).

⁶ Dans son article sur le distique élégiaque chez Catulle, Sedgwick montre qu'il ne faut pas considérer l'art de Catulle dans ses distiques comme inférieur à celle de ses hendécasyllabes, et s'il y a moins de raffinement chez lui que chez les poètes élégiaques de l'époque augustéenne, c'est parce qu'il appartient à une autre époque : "The fact is that Catullus comes not at the beginning but at the end of a period. Instead of looking forward to Ovid we should look back to Plautus and Ennius. <...> here we are at the development of dactylic verse which only ended with Catullus. After Catullus' death there was a complete break with the tradition." (Sedgwick W. B. *Catullus' Elegiacs // Mnemosyne*, 3 (1950). P. 65). Properce sentait, sans doute, cette rupture dans la tradition et comprenait qu'il fallait établir des nouvelles approches au distique élégiaque, et cela explique le fait qu'il utilise des éléments de la poésie hendécasyllabique à la préférence de la poésie dactylique.

continue à l'utiliser à la fin absolue de l'épigramme pour formuler les conclusions pratiques à tirer de ce qui a été dit dans le poème, et toujours en forme d'un conseil au destinataire de l'épigramme (qui n'est plus un ami, mais pour la plupart Cynthia⁷). Cette formule évolue chez lui, et après I, 19⁸, qui est tout à fait encore dans la tradition, elle change assez radicalement. Dans II, 16 elle est utilisée deux fois : la première fois à la fin de première partie de l'épigramme (*quare, si sapis, oblatas ne desere messes /// et stolidum pleno vellere carpe pecus* – vers 7–8) et est un conseil ironique ; et à la fin de l'épigramme, mais déjà en forme de prohibition (voir ci-dessus). Les deux distiques commençant par « *quare* » constituent ainsi un certain encadrement épiphorique de l'épigramme. Et après II, 24, 9, aussi au milieu de l'épigramme, on ne trouve plus cette formule chez Propertius.

Il y a un dernier point qu'il faut noter à propos de cette formule. Dans les vers commençant par « *quare* » c'est plutôt la hémistiche et non la penthémimère qui est prépondérante dans l'hexamètre⁹ :

quare, | dum licet, inter nos || laetemur amantes... (I, 19, 25)

quare, | si sapis, oblatas || ne desere messes (II, 16, 7)

On voit que Propertius évite même de placer un intermot après le temps fort du troisième pied dans ces deux exemples. Comme il était déjà dit, la diérèse après le premier pied paraît beaucoup plus souvent

⁷ A l'exception du destinataire douteux du début de l'épigramme II, 24 qui commence par une réplique d'un personnage qui n'est pas nommé. Après le vers 17 le destinataire de l'épigramme est manifestement Cynthia, ce qui a conduit beaucoup de éditeurs de couper cette épigramme en deux, ou même en trois parties.

⁸ *quare, dum licet, inter nos*

laetemur amantes:

non satis est ullo tempore longus amor. (I, 19, 25–26)

Il y a des différences avec les deux premiers exemples (comme, par exemple, l'utilisation du subjonctif au lieu de l'impératif, et de la première personne de pluriel, au lieu de deuxième personne singulier) ; mais en essence c'est toujours une conclusion tirée de contenu de l'épigramme en forme du conseil qui concerne, bien sûr, le poète et Cynthia, mais qui est donné surtout à lui.

⁹ Et dans le cas de I, 5, 31, la coupe bucolique : « *quare, | quid possit mea Cynthia, | desine, Galle* ».

en combinaison avec la penthémimère, et la préférence de Propertius pour des coupes de la deuxième moitié de l'hexamètre dans ce cas est tout à fait remarquable. Peut être, cela s'explique par la volonté de donner plus de poids à « *quare* », mais il est aussi possible que ce sont des vestiges de la provenance de cette formule de la poésie hendécasyllabique.¹⁰

---

¹⁰ Il y a aussi un cas très ambigu de la diérèse après le premier pied chez Propertius :

quam tibi – ne viles isti videantur ocelli... (I, 15, 33)

Cette rupture de la phrase juste au début de l'hexamètre, bien que présentée dans tous les manuscrits, a beaucoup troublé les éditeurs, et il y a très peu des éditions qui conservent cette leçon. Il est vrai qu'une asyndète tellement abrupte est sans précédent. Le plus souvent elle est remplacée par « *tam tibi* » (conjecture de Madvig), « *tam mihi* » (Palmer) ou par « *nam tibi* » (dans l'édition de Rothstein) qui reconstituent le cours logique de la phrase. Phillimore qui est extrêmement prudent dans son édition conserve la leçon « *quam tibi* » ; mais dans un article, il propose de la remplacer par « *quare* » en citant comme des parallèles les exemples examinés ci-dessus. Voici son explication : “The stages of corruption may be supposed to have been *quare* : *quate* : *quam te* : *quam tibi*” (Phillimore, J. S. Notes on Propertius // CR 25 (1911), p. 135). Mais cela ne coïncide pas du tout avec l'usage de “*quare*” chez Propertius, comme on l'a déjà vu. Il est donc plus prudent de laisser l'abrupt « *quam tibi* » comme un hapax dans l'épigramme romaine.

Н. Н. Казанский

**Микенский комментарий к описанию стад Гелиоса
(Od. XII, 127–136)**

Описание острова Тринакрии, которое содержится в пророчестве Кирки, включает в себя описание стад, которые пасутся на острове, причем число коров и овец (баранов) составляет семь стад по пятьдесят голов.

После увидишь ты остров Тринакрию. Много пасется
Там Гелиосовых жирных овец и коров тихоходных, –
Семь овечьих прекраснейших стад и столько ж коровьих.
130 По пятьдесят в каждом стаде голов. Они не плодятся,
Не вымирают. Пасут их прекрасноволосые нимфы.
Имя одной Фаэтуса, другой же Лампетия имя.
Их Гелиос Гиперион с божественной прижил Неэрой.
Выкормив их и родивши, почтенная мать их послала
135 Жить на Тринакрию остров, в большом от нее отдалении,
Чтоб стерегли там отцовских овец и коров тихоходных.
Если, о родине помня, ты рук на стада не наложишь,
Все вы в Итаку вернетесь, хоть бедствий претерпите много.
(Пер. В. А. Жуковского)

Для микенского времени мы знаем о существовании стад, состоящих из одних баранов (ср. PY Cc 665 ne-wo-pe-o , po-ti-ni-ja OVIS^m 100 SUS 190 «для владычицы местности Н. – 100 баранов и 190 свиней»; PY Cn 40.8 ma-go-pi , pa-go , go-ko , pa-ra-jo OVIS^m 150 «в местности М. во владениях Р. старых баранов 150»; PY Cn 131.2 pa-go , pi-me-ta , X OVIS^m 200 «во владениях П. баранов 200» и другие многочисленные контексты). Известно также, что числа в микенских объединениях людей или животных обычно кратны десяти. Так, среди табличек, перечисляющих силы, собранные для охраны морских границ Пилосского царства, численность отрядов повсюду исчисляется в десятках. При описании стад того или иного владельца микенские таблички указывают точное число голов, что связано с появлением приплода. Между тем о стадах Гелиоса известно, что в них животные не плодятся и не дохнут (γόνος δ' οὐ γίνεταί αὐτῶν, / οὐδέ ποτὲ φθιύουσιν). При стадах имеются два пастуха, в роли которых выступают нимфы Фаэтуса и Лампетия,

генеалогия которых (они обе дочери нимфы Неэры и Гелиоса Гипериона) излагается достаточно подробно. В классическое время «Гелиос Гиперион» мог пониматься как патронимик, но для более раннего времени явно речь должна идти об эпитете – «Всевышнее Солнце», причем эпитет Солнца, стоящий в сравнительной степени, находит параллели в других индоевропейских традициях, хотя в самом микенском Солнце как божество в дошедших до нас текстах не упомянуто. Эпитеты дочерей Гелиоса совершенно прозрачны этимологически и соотносятся, как отмечает Хойбек, с природой солнечного света¹. Вообще последний комментарий к «Одиссее» не трактует всё это место в целом, ограничиваясь комментарием лишь к отдельным словам. В частности, для ἐπιποιμένες сообщается, что это гапакс, соответствующий слову ποιμένες, и предлагается список слов, в которых наблюдается та же словообразовательная модель – ἐπιμάρτυρος < ἔπι μάρτυρος, ἐπίουρος, ἐπιβουκόλος, ἐπιβώτορι ν 222, ἐπίστωρ φ 26². Между тем, в изданиях, где принято такое чтение, всё же указывается возможность и иного толкования. Например, в издании П. фон дер Мюлля³ отмечается, что вместо ἐπιποιμένες возможно ἐπι (melius ἔπι) ποιμένες и предлагается сравнить ἐπιποιμένες с ἐπιβουκόλος в Od. III, 422. Во всех более ранних изданиях, например в комментарии Амеиса, также дается отсылка на комментарий, в котором сообщается по поводу слова ἐπιμάρτυρος: «ein Zeuge darüber, indem die ursprünglich sinnliche Bedeutung des ἐπί einen malerischen Zusatz zur Vollständigkeit der epischen Veranschaulichung gibt»⁴. С точки зрения словообразования гомеровских композитов мы

¹ «The poet gives the nymphs 'significant' names of similar meaning appropriate to their father's nature: 'Shining', 'Radiant'» (A. Heubeck. A Commentary on Homer's Odyssey. Vol. II. Books IX–XVI by A. Heubeck, A. Hoekstra. Oxf.: OUP, 1989. P. 126).

² E. Risch. Wortbildung der homerischen Sprache. 2. Aufl. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1974. S. 214. Э. Риш опирается при этом на исследование Ману Лоймана, который специально разбирает примеры на превращение наречия в приставку следующего слова типа βοῶν ἐπιβουκόλος ἀνήρ < βοῶν ἐπι βουκόλος ἀνήρ (M. Leumann. Homerische Wörter. Basel: Verlag Friedrich Reinhardt, 1950. S. 92 ff.).

³ Homeri Odyssea / rec. P. von der Muehll. Ed. tertia. Stuttgart; Lipsiae: Teubner, 1962 (1993).

⁴ Homers Odyssee / für den Schulgebrauch erklärt von K. F. Ameis. 5. Aufl. von C. Hentze. Leipzig: Teubner, 1872. S. 20.

имеем возможность выбора интерпретации, причем представляется совершенно необязательным в интересующем нас тексте принимать единожды засвидетельствованное слово в качестве исконного. Разумеется, ни раньше, ни позднее мы не встретим в греческой культуре пастушек, которые присматривали бы за стадами быков или коров, но то, что пастухи назывались просто пастухами, а начальное ἔπι можно рассматривать как приставку глагола ἔπεισι в тмесе, кажется совершенно очевидным и позволяет элиминировать из греческого языка слово ἔπι ποιμένες. Для микенского времени мы располагаем несколькими контекстами, в которых упоминаются пастухи, приглядывающие за стадами. Четыре из них стереотипны (PY Ae 27, Ae 134, Ae 108, Ae 489) и строятся по формуле «имя собственное, козий пастух/пастух, над, имя владельца стада, четырехногие (скот), надзирающий», например,

PY Ae 134 .a o-ro-me-no

ke-ro-wo , ro-me , a-si-ja-ti-ja , o-pi , ta-ra-ma-o qe-to-ro-po-pi

«Кервон, пастух в Азии, присматривающий за скотом Тарама – 1 человек».

Раздельное написание приставки в микенских текстах не является чем-то исключительным (cf. a-ro¹ keka-u-me-no), поэтому и в случае с пастухами-нимфами мы можем опереться на подобные написания, которые подталкивают нас к тому, чтобы элиминировать гомеровский гапакс. В любом случае сходство между микенскими текстами и пассажем из «Одиссеи» позволяет предполагать древность этого особняком стоящего сюжета.

Безусловно, к числу чисто мифических черт относится постоянство численности стад Гелиоса, которое обеспечивается, в частности, тем, что животные не гибнут. В комментариях специально отмечается, что οὐδέ ποτέ следует понимать как and yet never, за которым следует форма, достаточно редкая, глагола φθιύθω. Этот глагол является исключительно поэтическим и употребляется только в презенсе и в имперфекте. При этом обычно⁵ морфологически его членят φθιν-ύθω. На самом деле, поскольку известен глагол φθίω, представленный также у Гомера, и глагол φθίνω с тем же значением и с двумя вариантами долготы корневого гласного, можно предполагать, что в основе лежит корень φθι-, к которому добавлен суффикс -ιν-,

⁵ H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones. A Greek-English Lexicon. With a revised Supplement. Oxford, 1996.

отраженный также в глаголе φθίνω с долгим корневым гласным (из φθίνω). Глагол φθινύθω употребляется как транзитивно в значении «опустошать, истреблять запасы», так и интранзитивно со значением «гибнуть». Следует специально отметить, что появляющийся после суффикса формант -θ- до сих пор настоящего объяснения не получил. Впрочем, такого рода дентальное расширение в греческих глаголах известно. Таким образом, для презенса обнаруживаются три формы, которым в футуруме соответствует φθείσω и φθίσω, в аористе ἔφθεισα и ἔφθισα, в перфекте ἔφθικα. Все эти формы употребляются с приставками, а также имеются медиопассивные формы.

При анализе существенно обратить внимание на употребительную форму, в ходе истории греческого языка превратившуюся в субстантив – φθιτός, где по всем правилам мы находим нулевую ступень огласовки корня. Эта форма широко представлена в поэзии во мн. числе и означает «мертвые». По данной модели были образованы также прилагательные с отрицательной частицей в начале ἄφθιτος.

В классическом санскрите однокоренной глагол также засвидетельствован в трех разных формах, принадлежащих I, V и IX классам (kṣáyati, kṣínóti, kṣínāti)⁶. В отличие от греческого перфект представлен с удвоением cikṣāya.

Найденный в 80-х гг. в Фивах текст микенского времени TH Wu 75 содержит форму причастия перфекта e-qi-ti-wo-e с суффиксом в той форме, которая была известна и раньше. Речь идет о подвеске-ярлычке в виде глиняной пирамидки, целая серия которых (TH Wu 44 – Wu 99) была опубликована Ж.-П. Оливье, Х. Питеросом и Х. Меленой⁷. Форму e-qi-ti-wo-e К. Ройх (Ruijgh) сразу же определил как part. perf. act. от глагола φθίνω /eg^whdhi-woh-es/. Сам этот корень хорошо известен в микенском греческом благодаря женскому имени a-qi-ti-ta, интерпретированному А. Хойбеком (Heubeck) как Ἄφθιτα. Этому имени собственному в связи с известной формулой «невянущая слава» посвятил отдельное исследование Э. Риш (Hist.

⁶ В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1978. С. 181.

⁷ Christos Piteros, J.-P.Olivier, José Melena. Les inscriptions en linéaire B des nodules de Thebes (1982): la fouille, les documents, les possibilités d'interprétation // Bulletin de correspondance Hellénique, 1990. Т. 114. P. 103–184.

Spachforschung. Bd. 100). При этом предполагается унаследованная укорененность эпитета в микенском греческом, причем столь основательная, что имя женщины воспринималось скорее уже не как «невянущая», а как «славная».

Короткий текст Wu 75 включает всего два слова: идеограмму для свиньи SUS^m и форму двойственного числа от причастия перфекта e-qi-ti-wo-e. Совершенно отчетливый показатель множественного числа (или же двойственного) определил интерпретацию текста «(2+porcs) que les circonstances ont fait déperir, mort d' épuisement, détruits (par la sechesse)»⁸. Это толкование, как кажется, лучше заменить, исходя из гомеровского значения «гибнуть». Тем самым, приходится постулировать, что ярлык относился к двум свиным тушам.

Заметим, что формы причастия перфекта находят параллели в пилосских текстах, где также при склонении древнего суффикса перфекта не происходит усиления основы с помощью суффикса -t⁹.

Суффикс, который выделяет перфектные причастия, уже для микенского времени стоит особняком в системе греческого глагола, поэтому его появление определено свидетельствует о том, что основа слова представляет собой основу именно перфекта. Как можно видеть, эта перфектная основа образована не с помощью удвоения, а путем присоединения начального e-, что хорошо представлено в греческом языке I тыс. до н. э., начиная уже с поэм Гомера, у которого встречаются по меньшей мере несколько из перечисленных форм. П. Шантрэн определяет их как перфекты без удвоения, распространенные во всех греческих диалектах и включающие в свое число также форму

⁸ Chr. Piteros, J.-P. Olivier, J. Melena. Les inscriptions en lin. В ... Р. 156.

⁹ В недавней статье Л. Г. Герценберг предложил свести воедино формы перфектного причастия и причастия на -nt- (Л. Г. Герценберг. К реконструкции праиндоевропейских активных причастий перфекта // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. II, ч. 1. СПб.: Наука, 2006. С. 5–10). Микенский материал это решение проблемы не подтверждает, однако для форм, представленных в греческих диалектах I тыс. до н. э. влияние форм причастия на -nt- на формы причастия перфекта либо прямо засвидетельствовано, либо выглядит вполне правдоподобным в условиях, когда в пределах одного слова мужской и женский род перфектных причастий уже не могли восприниматься носителями языка как содержащие вариант одного и того же суффикса.

медиального перфекта от интересующей нас основы $\xi\phi\theta\iota\tau\omicron$ ¹⁰. Следует сказать, что и сам этот глагол, имеющий в презенсе несколько вариантов основы, в форме перфекта в греческой литературе не известен. Однако приведенная гомеровская форма свидетельствует о том, что когда-то формы перфекта этого глагола употреблялись шире, чем в классическое время, а представленная в одной из рукописей Диоскорида форма $\xi\phi\theta\iota\kappa\alpha$ может продолжать эту раннюю традицию.

Как можно видеть из разбора приведенных форм, в греческом языке II тыс. до н. э. уже благополучно сосуществовали несколько способов образования перфекта. Наряду с удвоительным перфектом встречается перфект без удвоения и без начального приращения и вместе с тем появляются формы, которые прямо свидетельствуют о древности образования основ перфекта с помощью частицы, очень сильно напоминающей аугмент.

Как мы знаем, в праиндоевропейском языке существовала частица *e-, имевшая, судя по всему, местоименное происхождение, и во всех языках, где она представлена (в санскрите, древнегреческом, армянском), маркирующая прошедшее время. Можно специально отметить, что эта частица противопоставлена другой (*ni), которая может появляться и в качестве суффикса, показывающего отнесенность действия к настоящему актуальному (*-n-). Эта дополнительная дистрибуция двух морфем показывает ярче всего принадлежность форм, начинающихся с аугмента, к плану прошедшего, исключаящую любую попытку интерпретации действия как происходящего в настоящем. Вместе с тем, когда речь идет о системе перфекта, ситуация меняется в значительной степени, поскольку в греческом языке значительная часть перфектных форм передает не действие в прошлом, а результат этого действия в настоящем: $\pi\acute{\iota}\pi\tau\omega$ 'я падаю', $\pi\acute{\epsilon}\pi\tau\omega\kappa\alpha$ 'я лежу в результате падения'. Совершенно ясно, что перфект, маркированный с помощью частицы, напоминающей аугмент, мог появиться лишь тогда, когда часть глаголов стала допускать интерпретацию форм перфекта как обозначающих, в первую очередь, действие, произошедшее в прошлом, но имеющее результат в настоящем. Такого рода семантические сдвиги в рамках древнегреческой глагольной системы, насколько мне известно, всегда датировались намного

---

¹⁰ П. Шантрэн. Историческая морфология древнегреческого языка. М., 1953. § 214, с. 188.

более поздним временем, чем микенское. П. Шантрен писал о формировании древнегреческой глагольной системы едва ли не на наших глазах, показывая, как глагольные формы, еще у Гомера выступающие изолированно, постепенно входят в жесткую глагольную систему, получающую свое завершение к V в. до н. э. Также и И. А. Перельмутер рассматривал греческую глагольную систему с точки зрения присущих ей залоговых оппозиций как достаточно позднюю¹¹. Микенский материал, в том числе и отражающий индоевропейский глагольный корень *d^hg^{uh}ei-¹², как будто бы показывает, что свойственная древнегреческому языку исключительно сложная глагольная система начала формироваться раньше, чем это предполагалось до сих пор, а сопоставление микенских хозяйственных контекстов с гомеровским описанием стад Гелиоса позволяет увидеть лексическую преемственность в истории греческого языка на рубеже II и I тыс.

---

¹¹ И. А. Перельмутер. Залог древнегреческого глагола. СПб.: Ноах, 1995.

¹² H. Rix (Hgg.). Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen. Wiesbaden, 1998. S. 131–133; LIVAdd. S. 40–41.

А. Б. Карасев

Сакраментальнейшие из чисел и их значения в идиомах индоевропейских языков

С. А. Аверинцев назвал число 3 сакраментальнейшим из чисел (Аверинцев 1990:179).

Характеризуя главные параметры макрокосма («один» – это небо, «два» – это земля, «три» – подземное царство), «3» выступает в роли совершенного числа. Этим вызвана его частотность при обозначении «полного набора» различных сущностей: обожествленная троица, трехглавый дракон, трехликий пес и т. д. В латинском заклинании против Плотия (I в. до н.э.) заклинательница обращается к Прозерпине: *Me mittas arcessitum sanem **tricipitem**, qui Ploti cog eripiat* – выставь на выклик мой пса трехликого, да вынет он сердце Плотиево (пер. М. А. Гаспарова). Сравним в кельтской мифологии, скорбная элегия Дейдр:

Три льва, сошедшие с Холма Пещеры,

Три цветоча британских жен,

Три сокола из Слив Гвильюн.

(Кельтская мифология 2002: 220).

Триада в мифологии ирландских кельтов – это трое богов, покровителей ремесел: Гоибниу – бог-кузнец, Крейдхн – патрон медников и жестянщиков и Лухтейн – бог-плотник (Там же: 495, 538, 550).

В идиомах индоевропейских языков число 3 выражает разные значения, которые обусловлены когнитивно, то есть определяются многовековым опытом человека, его знаниями об окружающем мире. Назовем три основных значения числа 3 в идиомах: 1) «необходимое и достаточное число». Лат. **tres** faciunt collegium, ср. *triumvir* – член тройки; в испанском историзм *tres* – городской советник, рехидор (один из трех) (Нарумов 1988). 2) «Значительное, большое число». Лат. наречие *terque quaterque*, англ. *when three know it, all know it*.

Если число «три» соединяется с образом человека (*triumvir*), то создается представление о достаточном для определенных целей количестве выбранных лиц, например, лат. *triumviri rei publicae constituendae* – «триумвиры по учреждению государственного строя». Если же число «три» соединяется с образом мелкой монеты, то создается представление о ничтожном, мелком человеке, например, у Плавта: *homo trioboli esse* – «быть

никуда не годным человеком» (Дворецкий. 1031); non tressis esse – «не стоить ни гроша» (где tressis из tres+as) – у Персия Флакка (Дворецкий, 1029); ср. в исп. de tres al cuarto – «ничтожный, захудалый, самый заурядный», досл. «на три четвертака». Процессу концептуализации в ходе формирования таких идиом подвергается образное представление, служащее источником ее значения (Беляевская, 2002). Концептуальный фокус фразеологизации здесь задается семантикой компонентов *obolus*, *as* в латинском и *un cuarto* «медная монета» в испанском. Таким образом, число «три» в идиомах может выражать третье значение – 3) «незначительный».

Соединяясь со словами, имеющими отрицательную коннотацию, компонент *tri-* в латинском языке втрое увеличивает эту коннотацию и образует идиомы, стоящие в ряду бранных выражений. Так, у Плавта *tri-fur* «всем ворам вор», *tri-venefica* – «ведьма из ведьм», ср. у Плиния Старшего *tri-parcus* – «невероятно скупой».

Числительное «три» в испанском связано с наречием степени «очень», например, *con tres luegos* – «очень быстро».

Числительное «третий» в английском выражает отношение к большой длительности чего-либо. Так, идиома *bet the third degree*, употребляемая в речи полицейских в США, означает “to be questioned in great detail for a long period” (подвергаться длительному и тщательному допросу) (Spears 1991). Числительное «три» в народном языке, в сленге, создает метафору, которая выполняет стилистическую функцию, придавая идиоме эмоциональную выразительность. Так, аргентинский писатель У. Васт употребляет выражение *algo así como tres vuelos de perdices* «на расстоянии примерно трех перелетов куропатки» (Степанов 1973). Примером сленгизма является англ. оборот *three sheets in the wind* – метафора со значением «быть вдрыз пьяным» (Кунин 1973).

Сакральной была и семантика числа 6 (3x2). В английских идиомах число 6 выражает значение «достаточно большой». Так, в англ. *deep-six* передает значение достаточно большой глубины (Spears 1991; Кунин 1998). В речи современных американцев «to deep-six» употребляется вместо «to dig deep-six» («глубоко закопать»). Представление о большом росте человека в английской литературе также создается с участием слова «шесть» (3x2). Так, у Конан Дойла: *A man entered who could hardly have been less than six feet, six inches in hight, with*

chest and limbs of a Hercules – «Вошел человек геркулесова сложения, не меньше шести футов и шести дюймов ростом».

О сакральном значении числа 9 (3x3) в произведениях германского эпоса и употреблением слова *nine* в английских идиомах нами уже сообщалось (Карасев 2002).

Наконец, число 12 (3x4) было одним из наиболее употребительных мифологических шаблонов в архаических сообществах. Существуют 12 знаков Зодиака (ср. *duodecim astra* у Вергилия и *duodecim signa* у Овидия), 12 месяцев года, 12 богов пантеона и т. п. У римлян были законы 12 таблиц, Цицерон называл их одним словом *duodecim*. Апулей говорил *duo-denus* (двенадцатикратный) *labor Herculeus*, Аврелий Амброзий (IV в. н. э.) употреблял слово *duo-decajugum* – запряжка в 12 лошадей. В мифологии ирландских кельтов мы видим 12 горных вершин Ирландии, 12 самых больших озер и 12 главных рек (Кельтская мифология: 93). В одной из легенд, связанных с образом Кухулина, герой вступает в бой сразу с 12 врагами и побеждает их (Там же: 497).

В германских языках обнаруживаются следы двенадцатичной системы счисления, сравн. 120 – «большая сотня» и 1200 «большая тысяча». По мнению Ф. Зоммера, «большая сотня» в германских языках – это конечная ступень десятичного ряда, его продолжение за пределы «100» и «110». Наличие данной ступени связано с особой значимостью «двенадцати» в германских языках (Сравн. грам. герм. яз. 1963).

Выдающийся богослов и философ св. Максим Исповедник (580–662), давая восемь толкований числа 12, расщепляет это число на составные части, объясняя божественную сущность каждого из них. Рассмотрим три из восьми толкований числа 12, данных Максимом Исповедником: 1) число двенадцать выражает **принципы времени или природы**, поскольку состоит из сложения пяти и семи; 2) число двенадцать означает **возможно полное познание причин и следствий**, ибо двойца, прибавленная к десятке, производит число двенадцать. **Десятка** же – это Господь Иисус и Бог всяческих. И десятка есть **единица**, как граница ограничиваемого, окружность лежащего и **предел всякого числового завершения**; 3) число двенадцать означает Божественную сущность из-за того, что та проявляется через число «три».

Интересно, что именно числа 1, 7, 9 в идиомах европейских языков создают фразеологический фрейм с общим рамочным значением «быть прекрасным». Так, в английском, с числи-

тельным **one** и **first** встречаются фразеологизмы the one and only «единственный, неповторимый, несравненный, великолепный»; one in a thousand «очень редкий, один на тысячу»; the first among equals «первый среди равных», сравн. лат. primus inter pares. С числительным **nine**: be dressed up to the nines, to crack on up to the nines (америк.), to be on cloud nine. С числительным **seven**: in seventh heaven, in sevens and elevens «все прекрасно, все в порядке». В испанском со значением «отлично, превосходно» используется идиома **al siete** (сравн. el siete «семерка», карта); **de primera** (сравн. primera – разновидность игры в карты или карточная взятка, достаточная для выигрыша); tocarle **el seis doble** «посчастливиться, повезти», comer donde dan las doce – «быть ловким, расторопным, не упускать своей выгоды».

Число «12», так же, как и число «9» в английских идиомах передает значение «большого количества» чего-либо. Причем в английских идиомах число двенадцать выражается не только числительным twelve, но и существительным dozen или dozens, сравн. в русском «дюжина», например: by the dozens – many, by some large, indefinite number (Spears 1991: 44).

Это же значение передают числа 9, 7 и 12 в испанских идиомах. Так, в испанском andar novenas – «ходить в церковь девять дней подряд». Исп. novena – девять дней после смерти как определенный, значительный срок восходит к древнейшему представлению о троекратно трех днях. Этот христианский образ девятины своими истоками уходит к обычаям древних римлян. Так, novendiales feriae (Цицерон) – девятидневное празднество, устраивавшееся для умилоствления богов в случае зловещих предзнаменований; pulveres novendiales (Гораций) – пепел, погребавшийся на девятый день после кремации, cena novendialis (Тацит) – поминальный пир (Дворецкий: 677).

В значении «большой штраф» в испанском употребляется слово **setena** – штраф в семикратном размере (Нарумов, 698), сравн. pagar con las setenas «понести наказание сверх меры, жестоко поплатиться». Слова por **siete** или más de (или que) **siete** «слишком много, чрезмерно» входят в идиомы: comer más que siete, comer por siete – «много есть – есть за троих, объедаться, есть за семерых»; comer, beber más que siete – «есть, пить за семерых»; hablar más que siete – «болтать без умолку». Особого внимания заслуживает междометный фразеологизм ¡la gran siete! – «Ну и ну! Надо же!» (Нарумов: 702). Идиома **a docenas** в испанском может означать «дюжинами, сколько влезет, часто, то и дело».

Толкования числа 12 и входящих в него составных частей (3, 6, 7, 9), данные в VII веке св. Максимом Исповедником, соотносятся с общим значением «быть счастливым», «быть прекрасным», «быть большим» в латинских, английских и испанских идиомах.

Интересно представление о числах 9 и 12, которое существует у современных жителей острова Шри-Ланка, более 10 млн. жителей которого говорят на индоевропейском сингальском языке, относящемся к индоарийской группе (Широков 1985: 167). 9 и 12 считаются у современных ланкийцев счастливыми числами. Умножение 9 на 12 дает число 108 – таково количество бусин в буддийских четках. Число 1008, полученное добавлением нуля на месте десятков, фигурирует в различных священных текстах для обозначения приблизительной множественности (сравн. в испанских идиомах 1000 и 1). Если в книге о буддизме окажется 108 или 1008 страниц, это считается добрым знаком (Всемирный следопыт, №3, 2007).

Литература

Аверинцев 1990 – Аверинцев С. С. Девять чинов ангельских // Мифологический словарь – М.: Советская энциклопедия, 1990.

Беляевская 2002 – Беляевская Е. Г. Проблема сложения смыслов при формировании семантики идиом // Материалы международной школы семинара по когнитивной семантике. Тамбов. Изд-во ТГУ, сент. 2002. С. 4-6.

Всемирный следопыт 2007 – Всемирный следопыт // Шри Ланка, 2007, №3. С. 75.

Дворецкий 1976 – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: «Русский язык», 1976.

Карасев 2003 – Карасев А. Б. Несобственные значения числительного «девять» в английском языке и римские культурные традиции // *Colloquia classica et indogermanica* III. СПб.: Наука, 2002. С. 403–406.

Кельтская мифология 2002 – Кельтская мифология. Энциклопедия. М.: ЭКСМО, 2002.

Кунин 1973 – Кунин А. В. О нормативном стилистическом использовании фразеологических единиц // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 73. М.: Живой язык, 1998.

Кунин 1998 – Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Живой язык, 1998.

Максим Исповедник – Максим Исповедник. Избранное толкование из *Ambigua*. Пер. и примеч. И. В. Фокиной // ВДИ. №3, 2006. С. 235–250.

Нарумов 1988 – Испанско-русский словарь / под ред. Б. П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988.

Spears 1991 – Spears R. A. American Idioms Dictionary. Lincolnwood, Illinois, USA: National Textbook Company, 1991.

Сравн. грам. герм. яз. – Сравнительная грамматика германских языков. Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 3.

Степанов 1973 – Степанов Г.В. Функционально-стилистические расхождения в испаноязычном материале // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, вып.73 М., 1973. С. 88–91.

Широков 1985 – Широков О. С. Введение в языкознание. – М.: МГУ, 1985.

Т. А. Карасева

Древнейшие фалисские надписи на керамических сосудах

В предлагаемом докладе обращается внимание исследователей на три (среди прочих) важные особенности древнейших фалисских надписей на керамических сосудах. Надписи датируются VII-V веками до н.э. Эти особенности следующие:

- I. Окончание род.п. ед.ч. тематического окончания -osio.
- II. Заимствование греческих названий сосудов.
- III. Полиптон (то есть повторение одного слова в разных падежах).

I. Окончание род.п. -osio встречается в надписях на сосудах VII–V вв. до н. э. (Giacomelli 1963):

1. ekokaisiosio 'ego Caesii', CIE, 8163;
2. ecoqutoneuotosio 'ego quton Evoteni'; N. Sc., 1935, 239;
3. aimiosioeqo 'ego Aemii'; Rev. d. Et. Lat, 30, 1952, p.121.

Обсуждению этих форм родительного падежа тематического склонения и соотношению между род.п. на -osio и род.п. на -i посвящена обширная литература. До открытия в 1978г. надписи из Сатрика считалось, что флексия -osio, родственная др.-инд. -asya, авест. -ahya, арм. -оу, греч. гом.-эол. -ою, восходящая к *-osio, из италийских языков встречается только в фалисском. Слова Popliosio Valesiosio в латинской надписи из Сатрика снова обратили внимание на исследователей к родительному падежу на -osio (Карасева 1999, там же библиография; Карасева 2006). Главным в объяснении этой формы, по нашему мнению, является следующее: 1) к именительному падежу на -os добавилась местоименно-указательная частица *io (ср. др. инд. uas, ya, yad) (ср. Широков 1983); 2) форма именительного падежа вошла в архаическую конструкцию «дом – отец (имя собственное) его», 3) все три фалисских примера на -osio – это стоящие в надписях на кувшинах рядом с личным местоимением ego имена собственные, которые входят в формулу типа: «я – Цезий – его».

II. Во второй из приведенных выше фалисских надписей мы видим слово quton из др. гр. κωθων. Как указывает Н. С. Гринбаум (Гринбаум 2006), κωθων 'фляга' встречается у Архилоха (5 А. 6), у Аристофана (Eq. 600) и в исторической прозе у Ксенофонта (Суг. 1,2,8). «Колония фалисская основана аргивянами», — говорит со ссылкой на Катона Плиний, об этом

же упоминает Овидий, и это подтверждается открытием в Фалериях греческой керамики, датируемой 850–800 гг. до н.э. (Altheim 1951). Наличие в Фалериях греческой керамики и существование там с древнейших времен греческого населения определяло возможность заимствования греческих названий керамических сосудов в язык фалисков.

Рассмотрим начало еще одной фалисской надписи на кувшине, которую в свое время исследовали Е. Феттер (Vetter 1939) и В. Пизани (Pisani 1953). Е. Феттер представил надпись так: [VT] E P E A Z I E P [xx] L E P E K A P E-N A. В книге Пизани она выглядит следующим образом: e pea zie pie **lere** kapena rufia vale eti aves salvetē sociaī. Буквы в надписи начертаны слева направо. Это текст VII–VI вв. до н.э., продолжение которого здесь мы не будем рассматривать. В. Пизани так перевел эту надпись на латинский язык: ‘In pia die pie **vive**, Capena, Rufia, vale et aveas; salvetē sociae!’ Обратим внимание на слово *lere*. По мнению В. Пизани, *lere* – императив от корня **ler-*, родственного корню нем. слова *leben*, отсюда перевод ‘*vive*’. Мне представляется, что начало этой надписи (если не учитывать 2 первые буквы, которые читаются неясно), содержит название сосуда, происходящее из греч. *δέλας* ‘кубок’ (ср. микенское *di-ra*). Как указывает Н. С. Гринбаум (2006: 48), *δέλας* дважды встречается у Стесихора (181 и 185), поэта, жившего в конце VII – первой половине VI в. до н.э., который родился и творил в Сицилии. Кроме того, *δέλας* встречается у Гомера в значении чара, чаша, стопа (Краузе 1896).

Одинокое сильноконечное *d* в итальянских диалектах переходило в *l*. Ряд слов вошел в латинский язык со звуком *l* вместо этимологически ожидаемого *d*: *levir* ‘деверь’, ср. др. инд. *devár*, гр. *δαίρ*; *lacri/uma*, арх. *dacri/uma* (Ливий Андроник, Р. Ф. 60.5) ср. греч. *δάκρυ* и др. Многие исследователи усматривают здесь сабинское диалектное влияние (Тронский 2001: 137). Аналогичный диалектный переход *d*→*l* имел место и в греческом языке: *ῥόδυσσευς* → *ῥολυσσευς*, откуда латинская форма *Ulises*. Можно предположить, что в говоре *Civita Castellana* (где была найдена приведенная надпись) в VII–VI вв. до н.э. существовало слово, восходящее к греческому названию кувшина (чаши с ручками) *δέλας* или *λελας*; слово среднего рода, оформленное флексией *-e*, вполне могло стоять в фалисской надписи на сосуде для вина. В латинский язык вошло слово *lepista* (*lepesta*, *lepasta*, *-ae*, *f.*): *genus vasis aquarii*, PF; 102, 14, заимствованное из греч. *λελαστῆ*, о нем упоминает Варрон (L. L.

5, 123). Учитывая это, начало рассматриваемой надписи можно было бы перевести так: в день благой чаша (для вина) прекрасная (или добрая, дорогая). Далее имя собственное Капена означает имя владелицы сосуда. Правда, неясно, была ли эта владелица одна или их было две (Capena Rufia), поскольку сначала формы *vale et aveas* стоят в единственном числе, а за ними *salvete sociaī* – во множественном.

III. Геродиан в трактате Περὶ σχημάτων (De figuris) пишет, что «полиптот – это, когда либо антономасия (замена имени эпитетом), либо мы ставим слово, изменяя имена во всех падежах (Поплавская 2006). Автор приводит в качестве примера четыре падежа имени Леофил у Архилоха (fr. 115 w), три падежа имени Клеобул у Анакреонта (fr. 359). Эта стилистическая особенность, используемая греческими поэтами VII–V вв. до н. э., наблюдается и в языке фалисков.

На разрисованном сосуде для вина из Civita Castellana VII–VI вв. до н.э. стоит надпись, часть которой была приведена мною выше в I. 2. Полностью эта надпись выглядит так (Pisani 1953: 349, № 152):

a) pro pramod pramed umom pramo e pramed umom:
pramod: pro pramo [ea] pramod umo [m].

b) eco quto [ˈ]euotensio titias duenom duenas salve xx d
Voltene.

Часть а) В. Пизани переводит на латинский язык так: ‘pro prandio promet umorem, in prandio promet umorem; pro prandio (pramod: pro с постпозицией) in prandio, a prandio umorem. Г. Джакомелли (Giacomelli 1963: 44, 45) отмечает, что первое слово обычно читается *propramod*; последняя буква кажется скорее похожей на *m*, первая часть латинского *prandium* должна означать “*primo, presto*”. С моей точки зрения, в надписи а) нет глагола, который В. Пизани переводит на лат. яз. как *promet*, а есть слово, родственное лат. *primus* и лит. *pirmas*, которое повторяется семь раз. Прилагательное *pramos* выступает здесь в значении «первый», то есть «лучший, прекрасный», а не в значении «завтрак», предлагаемом В.Пизани (*pramod* abl. ‘dopo il pranzo’).

Pramos в значении «прекрасный» является или эпитетом слова *umom* (влага, вино), или эпитетом к слову со значением «кувшин», или заменяет имя человека, или в форме отложительного падежа выступает в функции наречия. Полиптот прилагательного *pramos*:

1. *pro pramod* – abl. s. на -od (за кого или на пользу кому);
2. *pramed* – abl. s. на -ed или наречие;

3. *umom* *pramo* – вероятно, *nom. s.*, где *pramo* – определение к *umom* (= лат. *umor*);
4. *eramed* – *abl. s.* на *-ed* – из прекрасного (кувшина);
5. *pramod* – *abl. s.* на *-od* или наречие;
6. *pro pramo* – вероятно, *abl. s.* на *od* («для кого» или тост «за кого»);
7. *pramod* – *abl. s.* на *-od* или наречие.

Таким образом, *pramed*, с моей точки зрения, не глагольная форма, а форма отложительного падежа с тембром *-e* (Тронский 2001: 155), ср. наречие *geded* в посвятительной надписи из Фалерий конца II в. до н. э. (I 2 365). Рассматриваемый фалисский текст дает нам прекрасный пример чередования древних форм отложительного падежа от прилагательного 2-го склонения, на *-od* и на *-ed*. Образование наречий на *-ed*, *-od* имеет общеиталийское распространение: *оск. amprufid* (< * *-ed*) ‘*improbe*’, *amiricatud* (<* *-od*) ‘*immercato’. В латинском языке следствием такого чередования является функционирование дублетных образований: *rare-raro*, *tute-tuto*, *certe-certo*.

Часть b) также содержит полиптон: *duenom duenas* и переводится Г. Джакомелли на латинский язык так: *ego κωθων Evoteni, Titiae bonum bonae; salve per me Voltene*. Эту трактовку я принимаю. Первый раз эпитет *duenom* согласуется с греческим заимствованием *quon*, второй раз эпитет *duenas* согласуется с именем владелицы сосуда *Titias* и стоит в род. п. с древним окончанием *-as*.

Сопоставим приведенные особенности фалисских надписей на сосудах VII–V вв. до н. э. с особенностями древнейших латинских надписей этого же периода.

I. Окончание род. п. тематического склонения *-osio* представлено в латинской надписи из Сатрика VI в. до н. э., а также в виде *-oeo* во фрагменте из *Анналов Энния*: *Metioeo Fufetioeo* («*Анналы*», 126=Quint. I 5,12). Лицо, форму имени которого Энний обозначил таким окончанием, был диктатор в Альба Лонге, живший в VII в. до н. э. След окончания *-osio* → *oio* виден в латинском местоименном склонении. Следует подчеркнуть, что как в фалисских, так и в латинских текстах род. п. на *-osio* употребляется только в именах собственных и только в значении *gen. possessivus*.

II. Греческие слова встречаются как в древнейших фалисских надписях на сосудах VII–V вв. до н. э., так и в древнейших латинских надписях: это *quois* рядом с именами *Castorei Podlouqueique* в надписи из Мадоннетты близ Лавиния (конец VI–V в.

до н. э.) и, возможно, *gerai* от гр. *γέρας* ‘почетный дар’ в надписи из Сатрика, датируемой концом VI в. до н.э. (Карасева, 1996).

III. Полиптон эпитетов или слов, заменяющих имя собственное, мы видим также и в латинской надписи на так называемой вазе Дуэноса (вероятно, VI–V вв. до н. э.). Это то же самое слово *duenos* (nom. s.) и *duenoi* (dat. s.) в латинской надписи, что и *duenom* (nom. s.), *duenas* (gen. s.) в фалисском тексте.

Все три разобранные особенности древнейших фалисских и латинских надписей свидетельствуют о знакомстве (в той или иной степени) как жителей Фалерий, так и некоторых жителей Рима, Лавиния и Сатрика в VII–V вв. до н. э. с языком и материальной культурой греков.

Литература

- Altheim, 1951 – Altheim F. *Geschichte der lateinischen Sprache*. Frankfurt M., 1951.
- Giacomelli, 1963 – Giacomelli G. *La lingua falisca*. Firenze, 1963.
- Гринбаум, 2006 – Гринбаум Н.С. Бытовая лексика древнегреческой ранней лирики // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – X*. СПб, 2006.
- Карасева, 1996 – Карасева Т. А. Лингвистические загадки латинской надписи из Сатрика // *Вестник МГУ, сер. 9, филология*. 1996, № 6. С. 119–128.
- Карасева, 1999 – Карасева Т. А. Две флексии родительного падежа -e/o-основ в италийских языках // *Вопр. филологии*. 1999, №1.
- Карасева, 2006 – Карасева Т. А. Модели образования форм родительного падежа единственного и множественного числа основ на -e/o- в италийских языках // *Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте*. V межд. конф. по ср.-истор. языкознанию. МГУ, 2006. С. 44–46.
- Краузе, 1896 – Краузе Вл. *Гомеровский словарь*. СПб, 1896.
- Pisani, 1953 – Pisani V. *Le lingue dell'Italia antica oltre il latino*, Torino, 1953, vol.4, p.351, № 153.
- Поплавская, 2006 – Поплавская Л. Б. Образ Анакреонта в поздней античной традиции // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – X*. СПб, 2006.
- Тронский, 2001 – Тронский И. М. *Историческая грамматика латинского языка*. Изд. 2-е, М., 2001.
- Широков, 1983 – Широков О. С. *История греческого языка*, М., 1983.
- Vetter, 1939 – Vetter E. *Glotta*, XXVII, 1939, 3/4 H., S. 145–156.

Н. Л. Кацман

Межпредметные связи курса латинского языка с профилирующими лингвистическими дисциплинами на факультете французского языка

Отличительной особенностью курса латинского языка как учебного предмета языкового вуза является двойственный характер его изучения: *теоретический* обусловленный профессиональной направленностью обучения, и *практический*, определяемый спецификой учебного предмета «иностранный язык», что предполагает обучение (в тех или иных пределах) коммуникативной деятельности на данном языке.

В настоящем сообщении будут рассмотрены пути реализации одного из аспектов *теоретических* задач курса, а именно его координации с другими лингвистическими дисциплинами, изучаемыми на факультете французского языка, т. е. прежде всего, с самим французским языком, особенно в плане лексических сопоставлений, а также с теоретическими лингвистическими дисциплинами («Введение в языкознание», «История французского языка» и др.). Такой подход требует серьезной работы по установлению межпредметных связей между латинским языком и этими курсами, выявления областей соприкосновения и органичного включения их в материал самого латинского языка.

Во вводной лекции студентам сообщаются необходимые сведения о принадлежности латинского языка к италийской ветви индоевропейской семьи языков (объясняется и само это понятие), дается краткий очерк истории развития латинского языка и возникновения на его основе романских языков, одним из которых является французский. Таким образом, уже на первом занятии студенты подготовлены к восприятию лексических сопоставлений, которые можно вводить с самого начала курса, объясняя при этом различие между словами общего индоевропейского корня, с одной стороны, исконно французскими словами, т. е. теми, которые являются результатом естественного развития латинской лексики на территории древней Галлии, и латинизмами – книжными заимствованиями разных периодов, – с другой. Задача облегчается тем, что в словарных статьях лексического минимума тех учебников, по которым ведется преподавание латинского языка в большинстве языко-

вых вузов нашей страны (6, 10), существует определенная система шрифтов и помет для разграничения этих типов слов. Анализ лексических параллелей позволяет обратить внимание студентов на то, что исконная лексика в большинстве случаев существенно отличается от своего латинского прототипа, тогда как заимствования, как правило, очень близки к нему, е. г. *la chose* и *la cause* < *causa*; *la biche* и *la bête* < *bestia*; *champ* и *camp* < *campum*; *raison* и *ration* < *rationem* (поясняем при этом, что развитие идет от основы, представленной в аккумулятиве, единственном падеже, который сохранился в поздней латыни после разрушения системы склонения); омонимы: *le ras* и частица *ras* < *passus* (как из существительного развилось значение частицы *будет* объяснено при изучении IV склонения). Естественно, мы не можем объяснять всех закономерных фонетических процессов, которые привели к существенному изменению фонетического облика многих слов исконной лексики, е. г. *eau* < *aqua*; *lieux* < *locus*; *faillir* < *fallere* etc., но считаем полезным показать это на тех примерах, которые, с одной стороны, не потребуют много времени для объяснения, с другой, – охватывают большое количество слов в разных частях речи. Это, например, переход начального *ca* > *ch*: *causa* > *chose*; *capra* > *chèvre*; *santare* > *chanter* etc.; развитие в народной латыни протетического гласного перед *s-impurum* – сочетанием *s* + согласный, в результате которого *s* выпало, а гласный *e* получил accent aigu или circumflex: *schola* > *école*; *scribere* > *écrire*; *stadium* > *étude*; *studere* > *étudier* etc., что позволит в дальнейшем уже не объяснять аналогичные фонетические изменения в формах имперфекта и причастий, образовавшихся во французском языке от латинского глагола *stare*; отметим также, что тот же процесс был характерен для латинских слов, начинавшихся с *e* + согласный: *estis* > (*vous*) *êtes*. При изучении лексики полезно также устанавливать везде, где это возможно, закономерные соответствия между формой латинского слова и современного французского. Так, в словах I склонения конечное лат. -*a* дало во франц. -*e muet* (*terra* > *la terre*); при этом конечное -*ria* > -*oire* (*memoria* > *memoire*); -*entia*, -*antia* > -*ence*, -*ance* (*patientia* > *patience*, *substantia* > *substance*). Слова III скл. на -*tas*, *tatis* дали во франц. слова на -*te* (*veritatem* > *vérité*); слова на -*tio*, *tionis* во многих случаях привели к образованию этимологических дублетов, как было показано выше; слова на -*os*, *oris* и -*or*, *oris* дали во французском слова на -*eur* (*florem* > *fleur*; *dolorem* > *douleur*), но перешли в категорию женского рода. Это наиболее

распространенные модели. Установление таких соответствий сближает латинский язык с современным французским, повышая тем самым интерес к латинскому языку, способствуя более прочному усвоению лексики обоих языков и развивая способность выводить не только значение, но и словарные формы латинского слова на основе знания французского, а также *vice versa*.

Изучение II склонения дает возможность объяснить исчезновение среднего рода во французском языке: обратив внимание студентов на то, что *nom. sg.* имен первого склонения и *nom., acc. pl.* имен среднего рода второго склонения маркируются одинаковым показателем *-ā-* краткое и потому внешне неразличимы, объясняем, что те слова, которые чаще употреблялись во мн. числе перешли в категорию имен женского рода, как *joie < gaudia (pl.)*; те же, которые чаще употреблялись в ед. числе, стали восприниматься как слова мужского рода, поскольку в *acc. sg.* имели одинаковое окончание *-um*; так *le péril < periculum (sg.)*. Мы покажем также, что слова, которые были одинаково употребительны в обоих числах, оказались источником этимологических дублетов: *le grain < granum (sg.)*, *la graine < grana pl.)*; *le cerveau < cerebellum (sg.)*, *la cervelle < cerebella (pl.)*.

Изучение II склонения позволит нам объяснить, почему все названия деревьев, как и само родовое их обозначение *arbor*, которые в латинском языке были женского рода, перешли во французском языке в категорию имен мужского рода. Для этого нам надо будет рассказать студентам о том, что в народной латыни позднего периода происходило явление унификации грамматического рода по окончанию, а окончание *-us* ассоциировалось со словами мужского рода. По этой же причине слова IV скл. женского рода: *pugus, socrus* перешли в I скл., заменив окончание *-us* на *-a*, которое воспринималось как показатель женского рода. При изучении IV и V склонений объясняется также происхождение отрицательных частиц *rien* и *pas* из выражений, в которых существительные *res* и *passus* были дополнениями при отрицательной форме глагола *facio*: *non facio rem > Je ne fais rien* и *non facio passum > Je ne fais pas*.

При изучении типов спряжения глаголов прежде всего устанавливаются регулярные соотношения, сохранившиеся в современном французском языке: глаголы 1-го спр. на *-age* дали глаголы 1-й группы на *-er*, а глаголы 4-го спр. на *-ire* – глаголы 2-й группы на *-ir*: *ornare > orner*; *dormire > dormir*. Латинские

глаголы 2-го спряжения в норме дали во французском языке глагол 3-й группы с инфинитивом на -oir: movere > mouvoir, debere > devoir; вместе с тем целый ряд употребительных глаголов развивались по типу 4-го спряжения: tenere > tenir, florere > florir; то же относится и к глаголам 3б спряжения: morior > mourir. С другой стороны, часть глаголов 2-го спряжения представлена во французском языке инфинитивами на -re, что является нормой для глаголов 3-го спр. (mittere > mettre; defendere > défendre). Представляется необходимым объяснить причины этих явлений. В первом случае это произошло из-за фонетического совпадения флексий 1-го лица ед. числа: -eo и -io одинаково звучали в народном произношении как -jo, ибо гласные -e и -i находились здесь в положении зияния». Во втором случае было много причин, обусловивших такое развитие. Нам представляется необходимым указать одну: перенос ударения с конечного звука основы ē долгого на корень, в результате чего глаголы переходили в 3-е спр., поэтому respondere > répondre; ardere > ardre etc.

Целый ряд других сведений, связанных с современным французским языком, студенты узнают попутно, как бы мимоходом. Например, то, что во французском языке нет глагола «стоять», потому что глагол stare «подарил» свои формы глаголу esse, а сам исчез; что супплетивизм глагола aller является результатом слияния трех латинских глаголов: ambulare (предположительно), vadere и ire; что глагол ire стал составной частью формы future simple и мн. другое.

Все эти сведения, связывая латинский язык с современным французским, имеют непосредственное отношение к курсам «История французского языка» и «Введение в романскую филологию», готовят почву для адекватного их восприятия.

Однако из всех *теоретических* лингвистических дисциплин латинский язык более всего связан с курсом «Введение в языкознание». Это объясняется не только тем, что оба предмета входят в число общеобразовательных лингвистических дисциплин, но также и условиями обучения, поскольку обе дисциплины изучаются одновременно на первом курсе и обе в самом начале учебы вводят студента в методы и проблемы изучения языка. Помимо того, что само по себе изучение латинского языка, проводимое на основе трилингвистического сравнения (латинский – изучаемый иностранный – родной) содействует расширению лингвистического кругозора учащихся и развитию у них абстрактного грамматического мышления, оно, если курс

сознательно ориентирован на эту задачу, дает богатейший иллюстративный материал для курса «Введение в языковедение» по всем аспектам языка. Представляется небесполезным акцентировать внимание преподавателей на методической стороне этого вопроса, а именно – на необходимости прямой увязки тех общезыковых явлений, фактов, закономерностей, которые выявляются при изучении латинского языка, с курсом «Введение в языковедение». Если не фиксировать на этом внимание учащихся, мало кто из них, как показывает практика, делает это самостоятельно. Отдельные факты и даже целые системы существуют в сознании студента лишь в контексте того учебного предмета, на котором о них было сообщено.

В самом курсе латинского языка все общезыковые явления вводятся в той последовательности, в которой они могут быть привлечены для объяснения конкретного материала, изучаемого на данном этапе, в конечном счете, в последовательности, определяемой изучением грамматики, поскольку в латинском языке именно грамматика, в силу своей исключительной организующей способности, в методическом плане подчиняет себе все другие аспекты языка и одновременно демонстрирует тесную связь между ними. Однако, для удобства рассмотрения, предлагаем анализ ряда примеров по аспектам.

В области фонетики это, прежде всего, понятие «фонема» и отличие ее от звука. Это помогает объяснить фонологическую значимость количественных различий в системе латинского вокализма и важность постановки знака количества в словах, которые в нашем современном произношении звучат как омофоны. Например, в пословицах: *ab ovo usque ad mala* и *sēro venientibus ossa* отсутствие знака долготы в словах *māla* и *sēro* значительно затрудняет их понимание. На таких доступных примерах можно объяснить студентам понятия «фонологические различия» и «минимально противопоставленные пары». В других случаях понимание фонологической значимости правильного произношения помогает избежать тех ошибок в озвучивании (даже в речи «про себя»), которые могут привести к неправильному пониманию. Примером может служить т. н. «аканье» – следствие интерферирующего влияния русского языка. Такие минимально противопоставленные пары как *orator* – *arator*; *vocare* – *vacare*; *obduco* – *abduco* и др. наглядно демонстрируют, что ложный для данного слова, но сам по себе значимый акустический образ может привести к ложным смысловым ассоциациям.

Привлечение явлений исторической фонетики, необходимое для понимания и, следовательно, более прочного усвоения морфологической системы классической латыни, служит одновременно «мостом», соединяющим латинский язык с другими лингвистическими дисциплинами, в частности, с курсом «Теоретическая фонетика». Так, в именной и глагольной системах классической латыни представлены результаты всех видов ассимиляции: в системе согласных: а) полная регрессивная ассимиляция, более всего распространенная в латинском языке: *cessi* (perf.) < *ced* + *si*; *affero* < *ad* + *fero*; б) частичная регрессивная ассимиляция (оглушение): *scripsi* < *scrib* + *si*; *rex* < *reg* + *si*; в) полная прогрессивная ассимиляция: *velle* < *velse; д) частичная ассимиляция по месту артикуляции: *eumdem > *eundem*, *humc > *hunc*; е) полная регрессивная ассимиляция гласного звука *memordi > *momordi*; *peposci > *poposci*.

Изучение фонетических законов латинского языка позволяет показать, что они проявляются с такой же неизбежностью, как любые физические законы; кажущиеся их нарушения всегда объясняются действием других причин. Это можно продемонстрировать на примере редукции краткого гласного в открытом срединном слоге. Объясняя этот закон, необходимо сделать оговорку: «все краткие гласные в открытом срединном слоге переходят в *ĭ* краткое во всех случаях, кроме позиции перед *g*». Потому что в этой позиции действует другой закон: *ā* краткое перед *g* переходит в *ĕ* краткое (остальные гласные не изменяются): *dāre* > *tradĕre*; таким образом, мы объясняем студентам, что глаголы, производные от *dāre*, перешли в III спряжение, потому что это единственный глагол I спряжения с основой на *ā* краткое; другие производные глаголы не меняют тип спряжения. Касаясь нарушения того же закона редукции в словах типа *hiems*, *hiĕmis*; *paries*, *pariĕtis*, обращаем внимание студентов на диссимилирующее влияние предшествующего *ĭ*. При рассмотрении кажущихся отклонений от действия закона ротацизма прежде всего напоминаем студентам, что все фонетические процессы, результаты которых отразились в языковых нормах классической латыни, происходили в разные периоды истории латинского языка и имеют свои хронологические пределы. Так, действие закона ротацизма прекратилось к началу IV в. до н. э., поэтому интервокальное «*s*» оказалось в словах, заимствованных из других языков в более поздние периоды (е. г. *philisophus* из грч.); в словах, в которых произошло упрощение двойного «*s*» в одно, также после прекращения действия закона ротацизма (е. г.

causa < caussa); наконец, существовало такое явление как *предупредительная этимологическая реакция носителей языка*, в силу которой сохранялось начальное “s” корня, несмотря на то, что оказывалось в интервокальном положении (e. g. pro-sum, de-sum).

При изучении латинской *грамматики* мы имеем возможность объяснить различие между языками синтетического и аналитического строя, показать, что ни тот, ни другой в чистом виде не представлены в реальных языках и что можно говорить лишь о преобладании в языке тех или иных структур. Применяя по отношению к латинскому языку определение, данное И. М. Тронским древним индоевропейским языкам, что они были «по преимуществу синтетические, притом суффицирующие и флективные», указываем вместе с тем и на наличие в нем аналитических структур. Отмечаем структурную близость латинского языка к русскому, сравниваем его также с французским, который, пользуясь определением И. М. Тронского, можно назвать «по преимуществу» аналитическим, но все же с большим количеством синтетических форм в глагольной системе. При анализе морфологической структуры различных групп латинских глаголов особое внимание уделяется инфиксу, который определяется как внутрикорневая морфема, служащая для образования основы инфекта от глагольного корня. Предлагаем студентам выписывать глаголы с инфиксами по мере того как они встречаются в нашем курсе (*vincō, relinq̄uo, tango* etc.; *gumpō*, где по фонетическим причинам – перед губным звуком возникает алломорфа: $n > m$). Эти примеры студенты могут использовать в качестве иллюстративного материала на семинарах по курсу «Введение в языкознание». На примере глаголов с инфиксами можно показать, в частности, действие закона *аналогии* в языке; так, у глагола *pingo* инфикс проник и в основу перфекта (*pinxi*), а у глагола *conjungo* – во все основы (*conjunxi, conjunctum*).

Некоторые общезыковые проблемы неизбежно возникают и в определенной степени рассматриваются при обучении чтению. В области лексики, это относится, в частности, к соотношению многозначности слова и его контекстуальному, подчас окказиональному, значению, в результате чего возникают фразеологизмы, например, *supplicium sumere de + abl.* «казнить» (букв. «брать наказание с кого-то»). С точки зрения обучения чтению очень важно фиксировать внимание студентов на наличии в латинском языке *омонимов*, приучать их грамотно

работать со словарем, обращая внимание на сведения этимологического характера, содержащиеся в словарной статье, например: *comparo* [com – paro] и *comparo* [com + par]. Полезно при этом объяснить, что бывают разные виды омонимов: *лексические*, относящиеся к одной и той же части речи (как в данном случае); *лексико-грамматические*, принадлежащие к разным частям речи, например, *vis* – существительное и *vis* – 2 л. ед. ч. глагола *volo, volui, – , velle*; чисто *грамматические*, т. е. разные формы одного и того же слова, которые встречаются с самого начала курса. Само собой разумеется, что все эти сведения относятся в равной степени и к другим языкам.

Таким образом, преподавая латинский язык, мы стремимся к тому, чтобы органически включить в наш курс те сведения из программного материала по другим лингвистическим дисциплинам, которые, с одной стороны, повышают научность изложения материала самого латинского языка, с другой, – способствуют постижению его в тесной связи с другими лингвистическими дисциплинами. Реализация поставленной задачи требует проведения большой подготовительной работы по выявлению областей соприкосновения с этими дисциплинами, чтобы различного рода явления и закономерности общелингвистического характера не выхватывались случайно и бессистемно, а были заранее отобраны и чтобы сам факт их введения и «место» введения в курс латинского языка были научно и методически обоснованы. Важно также, чтобы при этом соблюдался принцип «*Est modus in rebus*», т. е., чтобы отбирались только те явления, которые органически «вписываются» в курс латинского языка, не нарушая его цельности.

Нам представляется, что такой подход повышает и престиж курса латинского языка в глазах студентов, и его объективную пользу в деле профессиональной подготовки специалиста по иностранным языкам.

Литература

1. Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. Введение в романскую филологию. М., 1987 (ч. 2, разд. 1, гл. 1, 2; ч. 3, разд. 1).
2. А. Н. Дынников, М. Г. Лопатина. Народная латынь. М., 1975 (гл. 2).
3. Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф. История французского языка. М., 1976 (гл. 1, 4).
4. Н. Л. Кацман. Методика преподавания латинского языка. М., 2003 (ч. 1, гл. 1, 2).

5. Н. Л. Кацман. Актуальные проблемы методики преподавания латинского языка в системе высшего лингвистического образования на современном этапе. Сборник научных трудов, вып. 347. М., МГПИИЯ, 1989.
6. Н. Л. Кацман, З. А. Покровская. Латинский язык. М., 2006 (изд. 6-е; др. изд.).
7. Н. Г. Корлэтяну. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М., 1974 (ч. 2, гл. 1, 2).
8. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960 (гл. 6, 7, 10 – 15).
9. И. Г. Шенгелия. Народно-разговорная латынь. Тбилиси, 1962 (ч. 3).
10. В. Н. Ярхо (под ред.) Учебник латинского языка. М., 2003 (изд. 7-е и др. изд.).

A. Keidan

Word boundaries in Pāṇini and Avesta: a linguistic view

I. Introduction

When the theories of the grammatical traditions of the Antiquity (such as Pāṇini's grammar in the Ancient India) and those of contemporary linguistic studies seem to match up, in most cases it is only a coincidence, due to the fact that a science of language has to answer the same questions in every period of time, so that some solutions could be found on the same logical ground, both in the traditional linguistics and in the modern studies. Indeed, some theoretic gaps between the ancient approach to the language and modern linguistics always remain strikingly evident, although, at first sight, the results may appear as similar. The most important difference between the two methods consists in a difference of their main purpose: Pāṇini wants to *teach* correct Sanskrit (but the question has been largely debated, cf. Cardona 1997, 543ff.), whereas modern linguists usually try to establish the laws governing the growth and the functioning of the Language *in general* or, as in the case of the IE studies, that of a highly abstract and fictitious linguistic entity, which could not have any practical use.

Thus, for example, as shown by Cardona (1992) in his investigation on Pāṇini's treatment of *Lex Bartholomae*, what Indian Grammar says about the underlying form of the double aspirate stems (like *bhudh-* 'to wake') is only apparently matching with the nowadays diachronic reconstruction of such stems. In fact, in Pāṇini's view, this is a logically deduced, abstract phonological form, which was no way conceived as a really existing form, but served as a starting point for further morphonological transformations bringing ultimately to the correct phonetic form found in the actual language. In modern historical linguistics, instead, the stems with two aspirates are reconstructed as belonging to a more or less "real" linguistic form ascribed to a reconstructed PIE stage.

In this paper I will investigate some aspects of Pāṇini's theory of the word boundaries (in terms of *external sandhi*), in comparison with what the modern Indo-European studies say on this topic and, furthermore, with the state of affairs in the orthography of the sacred books of *Avesta*. As I will try to show, the two ancient grammatical

traditions, the Pāṇinian one and that of native Avestan philologists, gave two very similar conceptions concerning this problem, in both cases sharply distinguishing from what the modern historical linguistic studies say about it.

II. Case endings in *-bh-* and *-su*

As acknowledged by many scholars, in the history of the Indo-Iranian languages (and, more in general, in the PIE) there was a period in which the paradigm of the singular number was more developed than that of the plural (not to speak about the dual). For instance, the plural was lacking of several oblique case-endings. For instance, the case endings in **-bh-* and the locative suffix **-su*, which appears in “standard” Vedic (and Avestan) as almost completely unverbated declensional terminations, in this earlier period may have been a kind of unbound morphemes, namely adpositions (i.e., pre- or postpositions). Furthermore, a few examples of the unbound use of such case-endings are to be found in the *Veda* as well. Thus, *RV* VIII.11.1 reads *devé mārtyeṣu* ‘among the gods [and] in the men’: what we find here are two nouns terminating with *-e* followed by a unique loc.pl. ending *-su* (see Bartholomae 1888, 583; however, his reading of this passage of *Ṛgveda* is debatable, cf. Oldenberg 1912, 87). This ending seems to act just like a postposition that governs an entire NP, similarly to what is found in *RV* VII.1.19 *dāme [...] vāne ā* ‘in the houses [and] the woods’ (for the sake of clarity, some of the sandhi are undone), with postposition *ā* governing a conjunction of two locatives (still a Bartholomae’s reading). Instead, in Classical Sanskrit the oblique endings in *-bh-* and the loc.pl. ending *-su* are no longer detachable from the noun and are to be considered as true case terminations.

However, even in Classical Sanskrit, in the neuter stems in sibilant and some of those in palatal the *-bh-* and *-su* endings were clearly attached to a nom.sg. form instead of the regular declensional stem. E.g., *samrāj-* ‘king’ followed by the ending *-bhyas* gives the form *samrāḍbhyas*, with *rāḍ-* virtually identical to the nom.sg. case-form of this word in a voiced context (e.g. *samrāḍ bhāvati* ‘[he] becomes a king’). Instead, if the ending were attached directly to the declensional stem as in the rest of the paradigm, the word form would have been **samrāgbhyas*. Furthermore, *manas-* ‘thought’ gives *manobhyas* apparently from nom.sg. *mano* (so, with the external sandhi of *-as* in voiced context), instead of the regularly expected form **manadbhyas* (stated by Brugmann and Delbrück

1897–1916, v. I, §830a; such a sandhi is attested e.g. in *RV* I.6.3 *uṣádbhir* from *uṣás* ‘dawn’; however, Debrunner and Wackernagel 1929, §150 regard *-bh-* < *-sbh-* as analogical and innovated). In Avestan we can observe some other instances of nom.sg. functioning as stem, e.g. *vayžiḥbiš* ‘with words’ from nom.sg. *vaxš* instead of the stem form *vač-*, see Hoffmann and Forssman (1996, 116).

In the other declensional types the phenomenon is more opaque, or completely non-existing. Thus, the feminine stems in *-ā* are ambiguous, being their nom.sg. the same as the bare stem: *devābhyas* from *devā-* ‘goddess’, nom.sg. *devā*. In many other declensional stems the *-bh-* and *-su* endings are regularly attached to the bare stem: *patibhyas* from *pāti-* ‘lord, master’ (cf. nom.sg. *patih*, *patir* in voiced context). Lastly, in the thematic declension we can observe an innovated stem in *-e-* influenced by the plural forms of the pronouns: *devebhyas* from *deva-* ‘god’, nom.sg. *devaḥ* (*devo* in voiced context), cf. *tebhyas* ‘to/from them’ from *sa-* ‘he’, cf. Brugmann and Delbrück (1897–1916, v. II, §277).

Some other facts from Sanskrit and other IE languages corroborate the hypothesis of a later origin of these case-endings from ancient unbound morphemes, as well.

1. To begin with, no such endings are found in Hittite, that is the most early attested of the IE languages. This led some scholars (see a summary in Szemerényi 1972, 150) to conclude that the endings in *-bh-* and *-su* entered the nominal paradigm during the so-called “fourth period” in the history of the PIE, when the Hittite branch was already separated from the rest of the *Stammbaum*.

2. Neither in the remaining IE languages these morphemes became always true case-endings. The endings in *-bh-* are found in: Indo-Aryan, Iranian, Armenian, Greek, Italic, and Celtic (besides some other minor languages). Balto-Slavic and Germanic languages show almost regularly endings beginning with *-m-* in the corresponding case forms (in Germanic, however, a preposition tracing back to the morpheme in **bh-* is preserved), cf. Brugmann and Delbrück (1897–1916, v. II, 119).

3. In the Greek language the case-endings in *-bh-* never entered the nominal paradigm completely. The only form of the IE morpheme attested in Greek is *-φι(v)*, which is usually employed in what appears as a polysemic oblique case-form of the plural, e.g. Mycenaean *po-pi* ‘with/on/by feet’ (read *πῶπι*). Furthermore, the termination *-φι* occurs in Mycenaean exclusively with consonantal stems and feminine *ā*-stems (see Lejeune 1958, 167). In the Homeric Greek *-φι(v)* ending has been expanded also to the thematic declension, and to the singular

(cf. Homer φ 295 Ἴλιόφι ‘from Ilium’, and so on). However, the singular interpretation is debatable: an adverbial reading is almost always admissible since in the post-Mycenaean period this formations were semi-adverbial, and not inflectional, in nature.

4. Moreover, in some declensional types the case-endings in *-bh-* and *-su* could bring no accent in Vedic, even if stressed flections were required, cf. Sanskrit *mahádbhis* but *mahatá*. The Greek case-ending *-φι* does not bring the accent at all, cf. *ναῦφι* but *νηός*. So, they could be considered as having entered the paradigm in a later period, when the accentual pattern of the noun declension underwent a complete reorganization, cf. Kuryłowicz (1935, 209).

5. In addition, such an accentual feature is also shared by many derivatives: Greek *λευκός* ‘white’ but *λεῦκος* ‘white fish’, Vedic *kṛṣṇá* ‘black’ but *kṛṣṇa* ‘Krishna’, which leads us to the conclusion that the forms in *-φι* were perceived as derivatives, «[...] simplement des *adverbes dérivés de thèmes nominaux*, et non pas des cas au sens propre du mot» as says Kuryłowicz (1935, 167).

6. In Avestan, the initial *-b-* of these case-endings is almost always preserved from being lenited into *-β-*, as if it stood at the beginning of a separate word, and not in internal position, see De Vaan (2003, 351fn435).

7. No other case termination begins with a bilabial stop: this puts the *-bh-* terminations in a particular position, cf. Meillet (1937, 298).

8. There are other such semi-adverbial particles in the IE languages, which never became case-endings (as those found in Greek *οὐρανόθεν* ‘from heaven’, *οὐρανόθι* ‘in heaven’), or entered the inflectional paradigm only in a later period (such as Sanskrit *-tas* in *mukhatás* ‘from the mouth’, cf. also the next point).

9. The history of the Indo-Aryan is a continuing rebirth of case-endings: the phonetic erosion of the end of the word was contrasted by creating new case inflections from former adverbial morphemes, cf. Pischel (1981, §369) for Prakrit abl.pl. ending *-himto* from *-bhi(s)* plus the already mentioned particle *-tas* (a very similar agglutination process had taken place also in Avestan: cf. the loc.pl. case ending *-huuā* going up to the original suffix plus the postposition *ā*). Eventually, this process generated the present day system of three different “layers” of case-endings clearly visible in the Modern Indo-Aryan languages, cf. Masica (1991, §8.4).

To sum up, the case forms in *-bh-* (and, to a certain degree, also those in *-su*) represented, in the earliest IE languages, not exactly flectional, but rather adverbial forms, very polysemic from the

functional point of view, and with survival of a free use. To say it with Bartholomae (1888, 581), «Es ist zweifellos, dass hier *bhiṣ*, [*bhyas*], *su*, *su* vom sprechenden deutlich als bildungselemente empfunden wurden». Such originally adverbial morphemes entered the inflectional paradigm properly only in a later period, not in the whole IE domain, and not always to the same degree. In particular, in Vedic these terminations were definitively unverbated when the category of declensional stem was no longer alive, and thus were attached to the nom.sg. form (in its voiced sandhi variant) functioning as a new stem.

III. Pāṇini's point of view

Let us see now what Pāṇini's Grammar says about the *-bh-* and *-su* case endings, and which differences exist between the Ancient Indian point of view and that of modern linguistics. In the *sūtra* 1.4.14 Pāṇini gives the definition of the category of *pada* 'word', or, better, 'basic word form'. The rule says: *suptiṅantam padam* 'what ends in *sUP* or in *tiṅ* is *pada*'. This means that those elements which terminate with one of the declensional endings belonging to one of the two sets: *sUP* 'nominal endings' (listed in the *sūtra* 4.1.2) and *tiṅ* 'verbal endings' (listed in the *sūtra* 3.4.78) are considered as *pada*. The terms *sUP* and *tiṅ* are *pratyāhāra* 'artificial technical terms', i.e. they are abbreviations obtained by compounding the first and the last member (in their abstract shape) of the list itself.

What is unusual with Pāṇini's concept of *pada* is that he considers as *complete* a word-form not necessarily provided with the declensional ending. This is stated in the subsequent *sūtra* 1.4.17 *svādiṣv asarvanāmasthāne* 'what precedes *su* etc., excluding the *sarvanāmasthāna* set, is also considered *pada*'. Here, by the term *svādi* 'beginning with *su*', Pāṇini defines a group of nominal endings, among which there are those beginning with *-bh-*, such as *-bhiṣ* (instr.pl.), *-bhyas* (dat.pl. and abl.pl.), *-bhyām* (instr.du, dat.du and abl.du), and the loc.pl. ending *-su*. Therefore, Pāṇini considers as *pada* also the word-forms deprived of such case-endings. On the boundary between certain types of nominal stems and these terminations some apparently external sandhi phenomena (i.e. euphonic transformations depending on the position of the word in the utterance) can, indeed, be observed.

At first sight, such a twofold definition of 'word' would be perfectly fitting with the modern Proto-Indo-European reconstruction: a stem being considered as a word even without the case endings attached seems to imply that, in Pāṇini's view, the

terminations in *-bh-* and *-su* were free morphemes. However, the conception of *pada* does not entail any consequence on Pāṇini's theory of lexical semantics and syntax (*pace* Cardona 1997, 42): he does not in fact consider forms like *raḍbhyas* as a merging of two different semantic items, or two different syntactical units, two "words". For nowhere in his Grammar the morphemes in *-bh-* and *-su* are stated to be *padas* themselves.

The concept of *pada* is purely phonological—if not completely abstract and procedural—in nature. It is only a "descriptive trick" used by Pāṇini in order to account, in a wholly synchronic manner, for the—real or apparent—external sandhi phenomena involving some consonantal stems and the following case-endings.

IV. Evidence from Avesta

In Avestan the loc.pl. ending *-huuā* is preceded by a period in writing, as if it were a compound; the compounds, indeed, were written with a period splitting the members thereof. This features of Avestan seem to prove the late origin of this case ending, which would be still a semi-autonomous lexical item in documented period, perceived by the speakers as a compounded stem, and not a grammatical morpheme. However, this interpretation is false.

In fact, the text of *Avesta* had undergone what was defined as a redactional compound split, which was often made on an etymologically wrong ground, cf. Narten (1986, 275). The ancient Iranian philologist, or the *diasceuasts*, as Hoffmann (1958, 8) calls them, reshaped the text of *Avesta* splitting graphically the members of the compound words. The split was marked by writing a period, but also by restoring artificially the nom.sg. case form in the first member of compound (*druxš.manah-* 'liar' instead of **druj.manah-*), or by introducing the "composition-vowel" (Bartholomae 1894-95, 150) *-ō* at the end of the first member, by analogy with the nom.sg. of stems in sibilant and those of the thematic declension, cf. De Vaan (2003, 434).

The actual criterion used by Avestan diasceuasts in order to individuate the compounded items was simply that of the possible autonomous occurrence, without any consideration of meaning. As a consequence, since loc.pl. *-huuā* coincided with pronoun *huua-* 'this', the decision was made to mark this case ending with a period and a preceding *-ō* as if it was a second member of a compound (e.g. *təmō.huua < təmah-* 'darkness', *xšapō.huua < xšapan-* 'night'). That this was no way based on a true etymological analysis is proven by the fact that many other nominal and verbal terminations (e.g. *aošō.tara-* comparative of *aoša-* 'harmful'), or even word fragments wrongly

considered as morphemes (e.g. instr.pl. *drəguuō.dəbīš* < *drəguuant-* ‘deceitful’, noticeably not *°.bīš*) were marked in the same way, see De Vaan (2003, §22.5).

V. Conclusion

We can see now that two different ancient philological traditions, that of *Vedas* and that of *Avesta*, reached the same results independently. They both managed with a sacred text that had to be preserved from the corruption of the time, being no more natively spoken the languages in which the two books were written. In both cases, this process brought to an etymologically wrong analysis, which however was necessary in order to account for the orthoepy of the ritual recitation.

The main difference is that Pāṇini limited himself in endorsing the results of the *padapāṭha* analysis (which predated him), when he introduced his merely artificial and descriptive concept of *pada*. The Avestan philologist, instead, had gone further in reshaping analogically the members of compounds, and in individuating wrong compounds. In any case, the two ancient tradition in consideration are completely different, as far as the general approach is concerned, from the modern diachronic analysis of the Indo-Iranian languages. Any coincidence is only fortuitous.

Reference

- Bartholomae, Ch. 1888: “Die arische flexion der adjektiva und partizipia auf nt-”, *KZ* 29: 487–586
- Bartholomae, Ch. 1894–1895: “Vorgeschichte der Iranischen Sprachen”, in Geiger, W. and Kuhn, E. (eds.), *Grundriss der Iranischen Philologie. I.1*, Strassburg
- Brugmann, K. and Delbrück, B. 1897–1916²: *Grundriss der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Strassburg
- Cardona, G. 1992: “Indian grammatical traditions and historical linguistics”, in Polomé, E.C. and Winter, W. (eds.), *Reconstructing Languages and Cultures*, Berlin, New York, 239–259
- Cardona, G. 1997². *Pāṇini. His Work and its Traditions. I. Background and Introduction*, Delhi
- De Vaan, M. 2003: *The Avestan Vowels*, Amsterdam, New York
- Debrunner, A. and Wackernagel J. 1929: *Altindische Grammatik. III.1 Deklination der Nomina, Zahlwörter—Pronomina*, Göttingen
- Hoffmann, K. 1958: “Altiranisch”, in *Handbuch der Orientalistik. I.IV Iranistik*, Leiden — Köln

- Hoffmann K. and Forssman B. 1996: *Avestische Laut- und Flexionslehre*, Innsbruck
- Kuryłowicz J. 1935: *Études indo-européennes. I*, Cracow
- Lejeune, M. 1958: “La désinence -φι en mycénien”, in *Mémoires de Philologie Mycénienne*, 159–184
- Narten, J. 1986: “Zum Vokalismus in der Gatha-Überlieferung”, in Schmitt R. and Skjærø P.O. (eds.), *Studia grammatica iranica. Festschrift für Helmut Humbach*, München, 257–278
- Masica, C. P. 1991: *The Indo-Aryan languages*, Cambridge
- Meillet, A. 1937: *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*, Paris
- Oldenberg H. 1912: *R̥gveda. Textkritische und exegetische Noten. Siebentes bis zehntes Buch*, Berlin
- Pischel, R. 1981²: *A Grammar of the Prākṛit Languages*, transl. from German by S. Jhā, Delhi
- Szemerényi, O. 1972: “Comparative Linguistics”, in Haugen, E. and Winter, W. (eds.), *Linguistics in Western Europe* (CTL 9), The Hague, Paris, 119–195

М. Л. Кисилиер

Рифма и греки. Заметки переводчика*

Вопрос о том, как современные греки относятся к собственной поэзии, встал передо мной внезапно и изначально носил исключительно практический характер – в течение года при содействии поэта Линоса Иоаннидиса я переводил стихотворения Арсения Тарковского на новогреческий язык¹ и в процессе работы многократно советовался со своими друзьями из Греции, в частности в связи с подбором рифм. Греки, к которым я обращался за советом, либо имели филологическое образование, либо профессионально занимались литературной деятельностью, в т. ч. поэтическим творчеством, либо были ценителями и знатоками греческой поэзии.² Несмотря на это, они не только оказались не в состоянии мне помочь, но однажды даже предложили в качестве рифмы *Ιβάν* ‘Иван’ и *πουθενά* ‘нигде’. Вместе с тем, мои попытки зарифмовать слова типа *γέρνει* ‘наклоняется’ и *φτέρνες* ‘пятки’ резко и единогласно критиковались: по мнению большинства моих греческих друзей, *γέρνει* и *φτέρνες* – не просто неудачная, плохая рифма, это совсем не похоже на рифму.

Вначале я объяснял подобные комментарии тем, что греки воспринимают стихи не на слух, а лишь зрительно, что, с одной стороны, могло затруднять устный подбор рифмы, а с другой стороны, – приводить к неприятию нестрогой рифмы: действительно, на графике окончания *-ει* и *-ες* мало похожи друг на друга. Однако, данное объяснение, даже если оно в какой-то мере и релевантно, не является единственной и основной причиной того, что греки воспринимают рифму иначе, нежели, например, носители русской культуры.

Не вдаваясь глубоко в научную проблематику, отмечу, что греки знакомы с рифмой более пяти столетий: она появляется уже у критского поэта Стефана Сахликиса (XIV в.), ориентиро-

---

* Выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-268.2007.6.

¹ 25 переводов стихотворений А. Тарковского приняты для публикации в издательство «Индиктос» (Афины).

² Следует, правда, оговориться, что речь здесь не идет о греках, профессионально занимающихся изучением метрики и поэтики.

вавшегося на поэзию вагантов³. По словам самого Сахликиса, его стихи распевали школьники [N111–112], однако, скорее всего, речь, как указывает характер различий между сохранившимися рукописями, идет о нерифмованных стихотворениях [Федченко 2004: 49].⁴ Можно также отметить, что в среднегреческой поэзии (сюда я отношу и произведения Корнароса) рифма, прежде всего, присутствует в текстах переводных и переработанных или созданных под итальянским влиянием.

Греки, по-видимому, воспринимали рифму как чужеродное явление. Казалось бы, ситуация изменилась при Дионисии Соломосе (1798–1857), привнесшего дух и голос Италии в греческую поэзию и благодаря этому ставшего греческим национальным поэтом. Соломос разрушил старую систему стихосложения, при которой обычная строка состояла из четырех метрических слов⁵ [Mackridge 1990: 203–206]. Кроме изменения в просодико-синтаксической структуре стиха, Соломос стал активно использовать рифму, хотя и отказался от нее в третьем, наиболее, по моему мнению, поэтически сильном варианте «Свободных осажженных». За поддержку революции и написание Национального Гимна, греки все простили Соломосу – и плохое знание греческого, и незаконченные стихи, и... рифму. Но то, что простили Соломосу, до сих пор не могут простить другому поэту, Костасу Паламасу (1859–1943), сочинявшему, в основном, рифмованные стихи.⁶ Его традиционно считают

³ Я не учитываю одиночные гомеотелевты, использовавшиеся в качестве особого стилистического приема еще древними греками.

⁴ Известны случаи включения рифмованных текстов в греческую устную традицию, в частности – это произведения Винченцо Корнароса «Эротокрит» и «Жертвоприношение Авраама» (XVII в.). Оба текста в устном варианте были распространены в грекоязычном мире, к сожалению, правда, неясно, сохранялась ли при этом рифма; например, в песнях приазовских греков про Авраама и Исаака рифма сохранена, однако Демьян Бгядица, который и превратил в 1902 г. «Жертвоприношение...» в песни приазовских греков, несомненно, находился под сильным влиянием русской поэзии.

⁵ Очевидно, подразумеваются слоговые комплексы, объединенные единым ударением (своеобразный стиховой аналог фонетического слова).

⁶ Не исключено, что его рифмы могли стать одной из тех основ, на которых строятся тексты современных греческих песен, в т. ч. эстрадных; ср., напр., повтор/омонимичное употребление притяжа-

т. н. *случайные* рифмы у раннего Жуковского, упомянутые Ю. Н. Тыняновым: *небес – сердце, погибнет – возникнет, горит – чтить, сыны – львы, великосердый – превознесенный, неправосудной – неприступной* и проч. [Тынянов 2007: 18]. В стихотворении Пашардиса присутствует лишь одна строгая рифма *αληθινή – φωνή* (стк. 3–4), однако ее нельзя рассматривать как рифму, если признать, что Пашардис задумывал писать белым стихом.¹⁰ Аналогичным образом не вполне удачная рифма будет безошибочно восприниматься как рифма в изначально рифмованном стихотворении:

(2) Ένα όνομα στον ουρανό¹¹

στην Άννα μου

Πού να σε βρώ, καρδιά μου
στον άδειο **ουρανό**;

Αυτός ο νους που έχω
δεν φτάνει και **πονό**!

Σπόρους μετρώ στο χώμα
να φαν τα **πετεινά**,
φτιάχνω το όνομά σου
όλα τα **πρωϊνά**.

10 Πού να σε βρω, καρδιά μου
στον άδειο **ουρανό**;

Αφού κι ο Θεός που έχω
δεν στέργει να τον **δω**.

Αχ! στρέφομαι επάνω,
ψηλά **κοιτώ**,
πουλιά ανεβάζουν, το όνομά
σου στον **ουρανό**.

Имя в небе

моей Анне

Где ты сейчас, родная,
в пустынной вышине?
Мой разум... он бессилен,
от боли спасенья нет!

Я зерна на землю сыплю
и голубей зову,
имя твоё сложила –
день ещё проживу.

Где ты сейчас, родная,
в пустынной вышине?
Мой бог... он не смягчится,
не спустится ко мне.

Я голову запрокину,
и видно мне,
как имя твоё с голубьями
кружится в вышине.

Первые две строфы в (2) указывают на характер рифмы в рамках всего стихотворения – рифмуются четные строки (рифмы выделены жирным шрифтом), причем рифмовка в них строгая. В следующих двух строфах рифмовка не столь без-

¹⁰ Ю. Н. Тынянов приводит «безукоризненные рифмы» из белых стихов Жуковского (*сооружены – обложены, рек – берег*), замечая, что они не являются рифмами, поскольку они не обладают конструктивными функциями [Тынянов 2002: 19].

¹¹ Автор неопубликованного стихотворения – Васа Солому Ксансаки. Перевод публикуется впервые.

укоризненна: *ουρανό* – *δω* (стк. 10–12) и *κοιτώ* – *ουρανό* (стк. 13–14), однако эти пары, благодаря строгим рифмам в начале стихотворения, однозначно воспринимаются как рифмы.

Строки в последней строфе (13 и 14) выбиваются из общей картины: во-первых, они длиннее остальных строк, во-вторых, их две, а не четыре, и они рифмуются друг с другом, а не через одну как в остальном стихотворении. Строго говоря, эти строки можно было бы представить следующим образом:

- (3)   *Αχ! στρέφομαι ἐπάνω,*
                   ψηλά κοιτώ,
                   πουλιά ανεβάζουν,
                   το όνομά σου στον ουρανό.

Тогда бы и здесь рифмовались только четные строки, однако в этом случае становится более очевидным, что лишь строка *Αχ! στρέφομαι ἐπάνω* не выбивается из общего размера; две последующие строки короче, а последняя – длиннее. Подобное изменение ритма в конце стихотворения, несомненно, оправдано и вообще широко распространено в европейской поэзии – ведь на последнюю строфу приходится кульминация стихотворения. Видимо, появление двух зрительно значительно более длинных строк вместо четырех, отличающихся только метрически, служит именно для того, чтобы привлечь внимание (взгляд) читателя. Использование подобного приема свидетельствует о том, что автор в большей степени рассчитывает на зрительное восприятие, хотя и использует (сознательно или неосознанно?) ритмические средства выделения.

Впрочем, вернемся к стихотворению Пашардиса (1). Можно предположить, что и тут восприятие отчасти зависит от деления на строки в самом начале. Представим первую строку следующим образом:

- (4)   *Σαν ήτανε παιδί*
                   αγάπηγε πολύ

При таком делении наблюдается некое подобие рифмы, подкрепляемое последними словами двух следующих строк *αληθινή – φωνή* (стк. 3–4), а также концовкой *σκληρά – πια* (стк. 7–8).¹² В этом случае можно было бы утверждать, что сти-

¹² Предположительные рифмы выделены в примере (1) жирным шрифтом.

хотворение Пашардиса рифмованное, хотя рифма в основном свободная и не затрагивает строк 2, 5, 6.¹³

Трудно судить о том, насколько осознанно Михалис Пашардис делит или не делит на строки, и вообще насколько осознанно происходит деление на строки в современной греческой поэзии. С одной стороны, последняя строфа в стихотворении Васы Солому Ксансаки (2) говорит в пользу сознательного деления на строки. Это подтверждает и Ю. Н. Тынянов, в сущности, приходя к выводу, что деление на строки, не совпадающее с границами предложения или вообще синтаксическими границами, – это возможно, один из основных формальных критериев того, что перед нами поэтический текст, а не прозаический [Тынянов 2007: 44–54].

С другой стороны, в современной греческой поэзии наблюдается ярко выраженная тенденция к слиянию прозы и стиха: см., например, отдельные стихотворения Линоса Иоаннидиса, где длина строк определяется исключительно шириной страницы [Ιωαννίδης 2001: *passim*].

Данные факты, как мне кажется, свидетельствуют о том, что современная греческая поэзия – это уже поэзия не Кавафиса, Сефериса или Элитиса. Это поэзия, которая пошла за Энгонопулосом и Сахтурисом, причем, увы, не столько в богатстве изобразительных средств, сколько в отрицании формы. Приведет ли этот путь к полной деградации греческой поэзии или же из этого «гадкого утенка» родится что-то принципиально — покажет время.

Библиография

- Тынянов Ю. В. Проблема стихотворного языка. М., 2007.
 Федченко В. В. Стихотворения Стефана Сахликиса. Дипломная работа. СПбГУ, 2004.
 Ιωαννίδης Α. Οι περιπέτειες ενός προσκυνήτη. CD. Αθήνα, 2003
 Ιωαννίδης Α. Ο χρόνος του απρόσμενου καιρού. Λευκωσία, 2001.
 Mackridge P. H. The Metrical Structure of the Oral Decapentasyllable // Byzantine and Modern Greek Studies 14. 1990. P. 200–212.
 Παλαμάς Κ. Δεν ξέρω παρά να τραγουδώ. Δεκαεννέα συνθέτες μελοποιούν Κώστη Παλαμά. CD. Αθήνα, 2004.
 Τσκοβάνι Α, Νόλλας Δ. Ανθολογία Γεωργιανής Ποίησης. 19^{ος}–20^{ος} αιώνας. Κείμενο–μετάφραση. Αθήνα, 2002.

¹³ Если только не считать рифмой *κοχύλια* — *κοχύλια* в стр. 2 и 6, что, в принципе, в греческой поэзии возможно.

A. Corso

**Concerning the catalogue of Praxiteles' exhibition
held in the Louvre**

The aim of this paper is to analyze the 13 essays included in the catalogue of the first exhibition which has ever been organized on Praxiteles:

Praxitele, sous la direction d'ALAIN PASQUIER et de JEAN-LUC MARTINEZ, Paris, Louvre 2007, pp. 456.

I shall summary the contents of this book and make my comments on the assertions of the authors of these essays.

Given the fame of the museum publishing this catalogue – the Louvre – it is likely that many readers and even scholars will take the opinions asserted in this book as facts.

On the contrary, I anticipate here, and I shall demonstrate throughout this paper, that the competence of the two editors of the volume in the Praxitelean field is blatantly insufficient and that several assertions of these two scholars are below the scientific level and often very idiosyncratic.

In particular, the continuous attacks and even offences against my publications in the field will be found not to be justified from a scientific point of view.

The order in which I shall consider the essays of the catalogue is the same in which these articles appear in the book.

Alain PASQUIER, *Exposer Praxitele*, pp. 12–15.

In this introduction, Pasquier explains why the decision to make an exhibition on this sculptor has been taken: this is due partly to the circumstance that the Louvre is rich in copies of types attributed to the artist, partly to the fact that the Athenian sculptor had not been considered in previous exhibitions on ancient masters and finally to the widespread disagreement existing among contemporary scholars, on the general concept of Praxitelean art as well as on single attributions of sculptural types to the master. Then, he outlines the history of the research on Praxiteles, from Winckelmann to Furtwaengler, Rizzo, Ridgway, Despinis, and Moreno. In this section, Pasquier distances himself from the minimalist view of Ridgway, who accepts only the attribution of the Cnidia to the master. He also condemns my own reconstruction of the life and works of Praxiteles, as allegedly based on imagination rather than

evidence. I have to stress that this is hardly true. On the contrary, whoever reads my essays on the master realizes that I used all available literary and epigraphic data in order to outline his life, moreover taking into account also the cultural environment (philosophers, writers, etc.) in which he lived. My recognition of echoes and copies derived from Praxitelean works is based on very detailed evaluations of anatomy and drapery of the figures analyzed and on their comparison with other creations, whose attributions to Praxiteles are well-established. Only when all of this multifarious study encourages an attribution, I dare to suggest it. I acknowledge that several of these attempts remain hypothetical, but they are the result of a serious study and should not be despised.

On the contrary, Pasquier supports Despinis' recognition of a head in the Museum of the Acropolis as the original head of the Artemis Brauronia, while he rejects Moreno's opinion that the Satyr of Mazara is an original made by our master.

IDEM, *Elements de biographie*, pp. 18–25.

In this second contribution, Pasquier analyzes the evidence which may shed some light on the life and family of Praxiteles. He rejects the ancient information on the collaboration of Praxiteles to the enterprises of the Mausoleum in Halicarnassus and of the altar of the Artemision in Ephesus, but accepts that the master was one of the 300 or so wealthy Athenians who had to pay the public dues. Also, Lauter's date of his death around 326 BC is regarded convincing.

On the contrary, the author is skeptical on the historicity of the gossip concerning Praxiteles' love to Phryne as well as on the possibility to place the love affair in the context of his life.

A mistake is Pasquier's assertion that Phryne offered to rebuild the walls of Thespieae with her own money in 312 BC. This episode is referred to the walls of Thebes and is dated to 315 BC according to Athenaeus (13. 591 d).

Concerning Praxiteles' signatures on bases supporting statues, the author underlines that they reveal a different face of the sculptor, concerned with iconic statues, *versus* the image of the artist as *agalmatopoios* which is handed down by ancient writers.

Pasquier rejects Picard's theory that Praxiteles was an itinerant sculptor, stressing that he worked mainly in his own workshop. Moreover, he is skeptical about Praxiteles initiation to the Eleusinian mysteries but accepts the suggestion that the sculptor was close to Plato. However, he rejects my conclusion that our sculptor wanted to

attain the absolute beauty of the goddess with the Cnidia although this assertion is found in the epigrammatic tradition (*Anthologia Graeca* 16. 259–163, 166, 168–170).

Jean-Luc MARTINEZ, *Les oeuvres attribuees a Praxitele*, pp. 28–59.

In an introduction to this chapter, the French scholar endorses the skepticism of Ridgway and her Bryn Mawr School towards the lists of works of ancient sculptors taken from written sources and asserts that the written tradition on Praxiteles has been overvalued.

He wrongly states (p. 29) that the “philological archaeology” got this name because it is primarily based on literary sources. On the contrary, this denomination is due to its methodology, consisting in the consideration of Roman copies in order to discover lost Greek originals: this approach has been regarded similar to the use of late manuscripts in order to establish the lost archetype of a literary work and for this reason it has been denominated “philological”¹. Then, Martinez lists 74 works attributed to the sculptor. This oeuvre is divided among 4 categories:

1. Works identified with a high degree of probability;
2. Works whose identification is possible but far from certain;
3. Unidentified works;
4. *Erga* with a dubious or wrong Praxitelean pedigree.

The Cnidia is the first statue of the first category. Martinez' opinion that the King Nicomedes who offered to buy the Cnidia is the third king with this name is hardly convincing, since Nicomedes is mentioned without specification by Pliny (7. 127 and 36. 20) and must be the most famous king with this name, *i. e.* the first, the founder of Nicomedia. Probably, he thought to set up this masterpiece in the newly founded capital of his kingdom.

This scholar asserts that the inscribed base found in Cnidus (Muller-Dufeu 1446) could have been the new, middle Hellenistic base of the statue. This opinion is impossible because I can guarantee that no socket for the plinth exists on the upper face of the base. Perhaps the base supported a small gift from a lover of the Cnidia. Martinez seems unaware of the interpretation of the dedication as

---

¹ On the concept of ‘philologische Archaeologie’ and its meaning, see R. Bianchi Bandinelli, *Klassische Archaeologie*, Munich (1978) 49–71.

addressed to Athena that was suggested by Blümel². Beside the *Cnidia*, the well identified Praxitelean works are the *Sauroctonus*, the *Artemis Brauronia*, the *Hermes of Olympia*, the *Apollinean triad in Mantinea* – of which only slabs of the base survive – the *Leto with Chloris in Argus*, represented on coins of the city, and finally the *Apollinean Triad in Megara*, which is also exhibited on the local coins.

Concerning the *Artemis Brauronia*, Martinez (p. 33) asserts that, in the sanctuary of this goddess on the Acropolis of Athens, there was no temple: he seems unaware that, according to Despinis, a temple did exist in that sanctuary³. Concerning the *Hermes of Olympia*, he thinks that it is unclear whether the label on the fragmentary variation in Verona reads 'Praxiteles' or 'Pasiteles'. However, the excellent photo of the label provided by me in an article a few years ago clarifies that the correct reading is *Praxiteles*⁴: this photo has been regarded very clear in the 'Bulletin Epigraphique'⁵, so it is no longer possible to support the reading *Pasiteles*.

In the works whose identification is far from certain, the *Satyr from the Tripodes Street* is included: Martinez does not believe that the copies of the *Pouring Satyr* derived from this creation and the fact that three miniature reproductions of the pouring type came from the area of this street⁶ does not look to him as important evidence which confirms the usual identification. The *Satyr* seen by Pausanias in Megara, the statues of *Dionysus*, *Methe*, and the *Periboetos Satyr* cited by Pliny are also included among the statues with uncertain identification. Martinez wrongly asserts that Pliny located the latter three statues in Rome, but the writer from Comum does not state that fact.

Other Praxitelean works regarded of uncertain identification are the *Dionysus in Elis* described by Callistratus, the two *Eleusinian triads*, the *Kidnapping of Persephone*, and the *Catagusa*.

² See W. Blümel, *Die Inschriften von Knidos*, Bonn (1992) no. 178.

³ See G. Despinis, 'Zum Athener Braurionion', W. Hoepfner (ed.), *Kult und Kultbauten auf der Akropolis*, Berlin (1997), 209–217, fig. 1.

⁴ See A. Corso, 'The Hermes of Praxiteles', *NumAntCl* 25 (1996), 131–153, fig. 21.

⁵ See *REG* 110 (1997), 497, no. 80.

⁶ See A. Corso, *The Art of Praxiteles*, Rome (2004), 283, nt. 477.

Martinez criticizes (p. 36) my interpretation of *catagusa* (*scil.*: *Proserpina*, just mentioned above) in Pliny 34. 69 as “Persephone in her descent to the Underworld”: in his opinion in that case it should be necessary to correct *catagusa* in *anagusa*. This is not correct because *ago* expresses movement and *kata* specifies this movement as a descent (see Liddell and Scott, *svv.*): so, my interpretation makes perfect sense. The French scholar also criticizes my opinion that a type of Persephone holding two torches is inspired by Praxiteles’ *catagusa*, on the ground that the draperies of the figures representing the goddess in this action differ from each other, but I do not regard these figures as exact copies, but as echoes of this Praxitelean creation. In fact, the general concept of the figures fits well into Praxiteles’ representation of young goddesses as fresh teenagers and his re-interpretation of mythical episodes as beautiful tales. Moreover, the anatomy of the head, the general drawing of the drapery, and the silhouette of the body of these figures are very close to the corresponding features of other Praxitelean creations⁷. The Triad of Thespieae is also regarded of uncertain interpretation: Martinez asserts that the Aspremont-Lynden/ Arles type head is an artificial type, since too many differences distinct each of these heads. I cannot agree with this opinion: in fact, the basic features of the anatomy of the head, the directions of the wavy, thin locks of the hair and the band are so similar to justify their derivation from a unique prototype. However, probably, these heads are copies taken at some distance from the original, which could explain the small differences among them.

The Archer Eros described by Callistratus, the Eros of *Parion*, the Twelve Gods in Megara, the *Hera teleia* and the Rhea of Plataeae, the choregic monument with Dionysus and *Nikai*, the *athla* of Heracles on the *Herakleion* of Thebes, the Tyche in Megara, the Artemis of Anticyra, the Aphrodite on Cos, the *Stephanusa*, the *Pseliumene*, the *Opora*, the Phryne in Delphi complete Martinez catalogue of Praxitelean *erga* with uncertain identification. This scholar wrongly asserts (pp. 38, 54, 352–353) that the Eros of *Parion* was bronze, while this Eros was marble, included among the marble statues of the master by Pliny 36.22–23.

The list of works which cannot be identified in the visual evidence begins with the Triad of Hera, Athena and Hebe in

---

⁷ See Corso (nt. 6), 155–159.

Mantineia. Martinez rejects my suggestion that Praxiteles' Athena may have been close to the Arezzo type. However, the attribution of the Arezzo/ Vescovali types to the workshop of Praxiteles is *communis opinio*⁸, because of the closeness of these types to two Muses of the Mantinea slabs both in the general configuration and in the folding of the drapery: the conclusion that Praxiteles' Athena in Mantinea should be seen in this iconographical tradition, which was certainly reused in Mantinea by Praxiteles workshop, as it is possible to argue from the slabs of Mantinea, is just plain common sense.

Praxiteles' Apollo and Poseidon brought to Rome, his Maenads, Thyiads, Caryatids, and Sileni are also regarded as unknown works. Martinez criticizes my suggestion to regard the Thyiads of the western pediment of the temple of Apollo in Delphi as indebted to Praxiteles' creation with the same subject. However, it is again just common sense to suppose that the Athenian sculptors Praxias and Androsthenes, when they carved pediment statues of Thyiads, did not forget the previous group with the same subject of their great fellow citizen Praxiteles, who at the time was old and probably at the peak of his glory.

The French scholar also criticizes my suggestion that the Sileni of the type of the Sosibius crater depend on Praxiteles' Sileni, but my conclusion has been the result of a very analytical study of general configuration, anatomy, and *nebris* of these neo-Attic figures as well as of a very specific comparison with the corresponding features of other works, whose attribution to Praxiteles is well established⁹. Therefore it deserves a more careful consideration.

Martinez also criticizes my identification of Praxiteles' group of Pan, Danae, the Nymphs, in the Kairo type of Pan, in the Marbury Hall/ Barracco/ Delus/ Cos types of Nymphs and in the Sangiorgi type of Danae. However, the styles of these figures are blatantly interrelated and therefore likely to depend on the same group. Again, also in this case, a very analytical stylistic comparison¹⁰ obliges the careful scholar to suggest the dependence from a Praxitelean group.

⁸ See especially W. Schürmann and A. Mantis, 'Der Typus der Athena Vescovali und seine Umbildungen', *Antike Plastik* 27 (2000), 37–90.

⁹ See Corso (nt. 6), 167–172.

¹⁰ See Corso (nt. 6), 289–308.

The statues of Peitho and Paregoros in Megara, of Agathos Daimon and Agathe Tyche in Rome, of Aphrodite in bronze, of Trophonius in Lebadia are also regarded as entirely unknown.

Concerning the Aphrodite in Alexandria of Caria, Martinez criticizes my suggestion that the Leconfield head should be seen in the tradition of this creation. However, that Aphrodite is the last made by our master, since Alexandria in Caria probably was founded by Alexander in 334 BC, and therefore it seems to be common sense to regard the late-Praxitelean or just post-Praxitelean Leconfield head indebted to the last definition of the goddess by this master. The considerations that Alexandria of Caria was close to Cnidus, therefore that the new town likely wanted an Aphrodite from Praxiteles similar to the famous Cnidia and that the Leconfield head is just a variation of the head of the Cnidia strengthen my point of view.

Then, the portraits of Cliocratia, Archippe, Chaerippe, Thrasymachus, inscribed bases from Delus, and Olbia Pontica are listed.

Concerning the Diadumenus described by Callistratus (11), my recognition of the type in the Chigi Eros is regarded wrong. I wish to stress that Callistratus describes only statues of deities and heroes, because he wants to demonstrate that the divine or heroic personalities represented dwell inside their statues. Since, in his description of Praxiteles' Diadumenus, he takes expressions from Plato's description of Eros, it is likely that the statue was an Eros Diadumenus. Since the style of the statue described by the neosophist corresponds with that of the Chigi Eros, whose anatomy is Praxitelean and whose style is found already in the late classical 'Kleinkunst'¹¹, my conclusion is logical.

Concerning Praxiteles' statue of a knight standing near his horse in Athens, Martinez does not believe that the Attic funerary reliefs which, from around 370 BC, bear the same basic iconography, are influenced by the work of the master. In this case, he misses the 'quality' factor. In particular, the Tyszkiewicz Attic relief in Moscow with this iconography is blatantly vivified by the influence of a great master¹².

The bronze statues brought to Rome near the temple of the Happiness are also regarded unknown, as well as the two statues of

---

¹¹ See Corso (nt. 6), 322–323.

¹² See Corso (nt. 6), 125–130.

the weeping woman and of the laughing courtesan. Martinez asserts not to understand why I detect the styles of these statues in the late classical imagery.

I am happy to explain. The weeping women on the homonymous sarcophagus from Sidon are close in their general style and in the drapery to the Eirene of Cephisodotus. One of these weeping women is very close to one Muse of Mantinea: therefore, the conclusion that her style is indebted to a creation of Praxiteles when he was young gains momentum. The laughing courtesan is recognized in the late classical vase paintings, because these representations of the subject depend from a common prototype and their style is very similar to that of the Arles Aphrodite¹³.

The fourth category – the dubious attributions – includes the Eros of Messana, the Charioteer on a quadriga by Calamis, sculptures in late classical altar of Artemis in Ephesus, works in the Mausoleum of Halicarnassus, the Niobids, the Hermes Dikephalos, the Eros Keraunophoros, and the Tyrant-slayers. Martinez asserts that, since the altar of Artemis in Ephesus was made toward 330 BC, Praxiteles could not have worked for this enterprise. However, if Praxiteles died around 326 BC, he could have made sculptures set up in this altar. Equally, the skepticism of this scholar on the collaboration of Praxiteles to the Mausoleum seems not acceptable, since the free standing sculptures from the southern side of this monument reveal Praxitelean styles and anatomy.

Pliny's assertion that Praxiteles made a group of Tyrant-slayers (34. 70) is rejected, but the circumstance that Timotheus, the political patron of Cephisodotus the Elder, used the Tyrant-slayers for his own propaganda and that another group of Harmodius and Aristogeiton by Antignotus was made in the age of Demetrius Phalereus, suggest that a Praxitelean interpretation of the subject did exist.

Martinez list of fake signatures includes that of the Negrone herm, which supported a head of Eubuleus, another two on a base from Pergamum, another from the Roman Forum, that on the Venus Richelieu, that on a bust of Ibycus, that on one of the Quirinal Dioscuri in Rome, alleged signatures on a statue in the Prado, and on a stele of a certain Eutychides.

Martinez wrongly asserts that the signature on the Richelieu Aphrodite is in Latin, while it is in Greek. The mention of Praxiteles

---

¹³ See Corso (nt. 6), 308–317.

in the funerary inscription of Eutychedes is not a signature, because our sculptor is cited only as a term of comparison, in order to stress the high quality of the marble sculptor Eutychedes, who died young¹⁴.

Martinez forgets to include in his lists the bronze Aphrodite made by Praxiteles for Sparta, described by Choricius (*Declamationes* 8), the Leto set up in Myra, known thanks to *Codex Vaticanus Graecus* (989. 110), the Sleeping Eros (see Scholiast R to Pausanias, 144 Spiro). Moreover, he does not seem aware of the base with the Praxiteles label from the *Forum Pacis* in Rome (see *SEG* 51 (2001) 1442).

Finally, he claims (p. 47, nt. 154) that Praxiteles' signature on the base of the Acanthus Column in Delphi does not exist, since it has been read only by Vatin and me. This is not correct: the reading is supported also by De Waele¹⁵ as well as by K. Seaman¹⁶.

Philippe JOCKEY, *Praxitele et Nicias*, pp. 62-81.

This scholar traces the history of the debate on the painting of sculptures in classical Greece from the beginning of the 19th c. onwards. He focuses his attention on the *circumlitio* applied by the painter Nicias on statues of Praxiteles and regards the painting of the drapery on a copy of the small *Herculanensis* from Delus and of the hair of the Hermes of Olympia as possible traces of the painting applied by Nicias on Praxitelean statues.

He regards as obvious that the Hermes of Olympia is a Roman copy, probably ignoring that most scholars now consider the statue as an original.

Concerning the problem of what the *ganosis* was, he is agnostic.

Alain PASQUIER, *Praxitele aujourd'hui? La question des originaux*, pp. 82-117.

The author surveys the most frequent attributions of original late-classical sculptures to Praxiteles.

He rejects the attribution of sculptures of the late classical altar of Artemis in Ephesus to Praxiteles, based on the explicit assertion of Artemidorus in Strabo 14. 23. 641, for chronological considerations:

¹⁴ See my article 'Iscrizione di un artista greco da Venezia', *Archeologia Veneta* 8 (1985), 201–207.

¹⁵ See J. De Waele, *Revue Archeologique* (1993), 123–127.

¹⁶ This scholar informed me of her reading of Praxiteles' signature.

the altar, having been completed in 334 BC or shortly after that date, should be too late for the chronology of Praxiteles. This is not correct since Praxiteles died around 326 BC, so he could have been able to deliver sculptures to this sanctuary in the late 330s BC.

Equally, he rejects any attribution of sculptures of the Mausoleum to Praxiteles, despite Vitruvius (7. *praef.* 13) assertion that our master accomplished sculptures for this monument. In my opinion, the statues from the southern side of the Mausoleum are Praxitelean in concept and anatomy and therefore it is possible that Timotheus made the architectural sculpture on this side, while Praxiteles delivered the statues set up there.

Pasquier also rejects Moreno's attribution of a fighting Heracles from the Capitoline Museums to the master, as well as the carving by our sculptor of the Acanthus Column in Delphi. Concerning the latter monument, he wrongly asserts that Vatin and I read the signature of the sculptor on the W side of the base, while we read the inscription on the E side!

Finally, Pasquier ignores the compelling stylistic observations forwarded by me¹⁷, which place the dancing girls of the column close to the style of the workshop of Cephisodotus the Elder in the period of the Eirene (middle 370s BC). Likewise, he ignores my observation that the acanthus with long leaves of the column favors an early date, before the Corinthian capitals of the temple of Athena Alea in Tegea.

He also dismisses Moreno's attribution of the Satyr from Mazara. Concerning the attribution of the bust of the so-called Eubuleus to Praxiteles, he appears agnostic. He is more confident in rejecting the attribution of the choregic monument in Athens (Nat. Museum 1463) to our workshop. On the contrary, he keeps the attribution of the slabs of Mantinea to this atelier and states that the Youth from Marathon should be given to the *ergasterion* of the two sons of Praxiteles.

Concerning the Leconfield head, Pasquier leaves the problem of its relation with Praxiteles open and criticizes my suggestion to see the head in the tradition of the Carian Aphrodite of the master. However, since the head looks late Praxitelean or just post-Praxitelean and certainly influenced by the Cnidia, it is just common sense to link this Aphrodite to the last statue of the goddess made by our master, not earlier than 334 BC, for a city which was not far from Cnidus.

---

¹⁷ See Corso (nt. 6), 115–125.

The conclusion is left open also for the Aberdeen head.

Concerning the Hermes of Olympia, Pasquier still believes that the indentation in Greek footwear appears only toward 300 BC, although examples of this type of sandals are known from the second quarter of the 4th c. BC¹⁸. Moreover, he asserts that the label on the tree trunk from Verona reads either Praxiteles or Pasiteles, but this doubt is excluded by the photo published by me in 1996: the only possible reading, on this variation of the Hermes, is *Praxiteles*¹⁹. The author believes that the Hermes is a Roman copy.

On the contrary, Pasquier endorses Despinis' identification of the head of Praxiteles' Artemis Brauronia with a head in the Acropolis Museum. He should have read my objections to this identification²⁰.

IDEM, *Les Aphrodites de Praxitele*, pp. 130–201.

The scholar traces the development of the imagery of Aphrodite from the late 5th c. BC until the late Hellenistic period and, of course is particularly concerned with the Praxitelean statues of the goddess. In a short paragraph devoted to early classical statues of deities, he still regards the Artemision god as a Poseidon, despite a growing consensus that the statue was a Zeus²¹.

The endowment of Aphrodite with transparent drapery, which characterizes the rich style, is regarded as the beginning of the trend which will eventually lead to the full nakedness of the goddess. In the first decades of the 4th c. BC, the *Venus Armata* of Epidaurus and the Asprenont-Lynden/ Arles type of head are regarded as the landmark creations of this process.

Concerning the latter creation, Pasquier follows the minority point of view of Croissant, who regards the creation of this head as pre-Praxitelean, against the common opinion that the work is an early creation by Praxiteles, and states that this head topped the body of the Brazza' type of Aphrodite. My objections to this opinion are ignored²². He sees the Ariadne on the crater in Athens (Nat.

¹⁸ See my article 'Small Nuggets about late-classical Sculpture', *NumAntCl* 29 (2000), 125–161.

¹⁹ Corso (nt. 4), 152, fig. 21. See also *REG* 110 (1997), 497, no. 80.

²⁰ See A. Corso, 'Praxiteles and the Parian Marble', D. Schilardi (ed.), *Paria Lithos*, Athens (2000), 227–236, esp. 233.

²¹ See, e. g., C. Piteros, 'O Dias tou Artemisiou', D. Pandermalis (ed.), *Agalma*, Thessaloniki (2001), 99–121.

²² See Corso (nt. 6), 265–266, nt. 442.

Museum, 12592) as an echo of the Brazza' Aphrodite. The latter opinion is unacceptable, because the Brazza' goddess has her upper body draped, while Ariadne's chest is bare! In fact, this figure is a translation of the Arles type of Aphrodite in vase painting.

Concerning the Arles Aphrodite, Pasquier rejects the opinion of several American scholars that the creation is Augustan and accepts the common opinion that the type is the copyist tradition of Praxiteles' Aphrodite set up in Thespieae. However, he ignores the miniature copy of the Arles type of Aphrodite found in Thespieae²³, which of course strengthens this suggestion.

Concerning the statue of Arles, he criticizes (p. 150, nt. 22) my opinion that the head of the goddess turned to her right, not to her left, based on the study of the musculature of the neck, without stating why this is the case. It should be noted that the headless copy of the Arles type in the Capitoline Museums has the neck nearly fully preserved and it clearly shows that the head, in a three-quarters position, was turned right.

Concerning the other Praxitelean statues of Aphrodite and of Phryne, he rejects Furtwaengler's suggestion to recognize the Phryne of Delphi in the Townley type, ignoring my analytical demonstration in favor of this conclusion²⁴, as well as my attempt to see the Leconfield head in the tradition of the Carian Aphrodite, made by this master. However, it is just logical to assume that this late-Praxitelean or just post-Praxitelean head of the goddess has to do with the last definition of Aphrodite made by our sculptor. He recognizes the *Stephanusa* in the Thera type, the *Pseliumene*, as usual, in the Pourtales type.

Concerning the Cnidia, he leaves open the question whether the statue stood in the round temple discovered in Cnidus. He regards my reconstruction of the historical environment explaining the creation of the Cnidia as due to imagination rather than facts. However, it should be noted that Maussolus, the satrap of Caria which included Cnidus, wanted his satrapy to be endowed with works of the greatest Greek sculptors of the time. Moreover, the Cnidian Eudoxus changed the constitution of Cnidus, in the same time when the synoecism of the city took place: it is obvious that this change determined the need of new statues. Finally, the family of the

²³ See Corso (nt. 6), 266, fig. 108.

²⁴ See my article 'The Monument of Phryne at Delphi', *NumAntCl* 26 (1997) 123–150.

Athenian general Timotheus was both linked to the sanctuary of the Cnidian Aphrodite and to the workshop of Cephisodotus the Elder, who made his Eirene in celebration of the victorious peace secured by the politician²⁵. Therefore, it is just logical to place the creation of the Cnidia in this context.

In p. 140, in the caption of fig. 99, Pasquier asserts that the late-classical head from Cnidus in the British Museum (GR 1859.12–26.74) is an early variation of the Cnidia: he should have cited me, since I have stressed this fact already in 2004²⁶. Pasquier thinks that it is impossible to decide, between the two main types of Cnidia existing in the copyist tradition, *i.e.* the Belvedere and the Colonna, which one is the most faithful to the Praxitelean original. In p. 151, nt. 68, he asserts that I regard the Belvedere type of the Cnidia as a “reprise” of the original: this is not correct. I have never stated that fact, on the contrary, I asserted that the Belvedere type offers the most faithful copyist tradition of the Cnidia²⁷.

Pasquier also does not decide whether the Cnidia is indebted to the Platonic environment. However, the attempt by the artist to overcome the mimesis of earthly semblances, in order to define a “wise” form of the goddess, is argued by the above listed epigrams of the Greek Anthology: two of them (16.160–161) are attributed to the philosopher.

Concerning the fortune of the Cnidia, Pasquier focuses his study on the Capitoline type, of which he lists the different attributions and dates asserted by scholars: he wrongly gives the recognition of Cephisodotus the Younger’s Aphrodite in the Capitoline type to Andreae, while the demonstration in favor of this conclusion is, in fact, mine²⁸ and Andreae just endorsed it. Then, he surveys the Medici type, the Troad one and the Esquilinum one, repeating the usual dates and ideas, without original suggestions²⁹.

²⁵ Evidence supporting these statements in A. Corso, ‘Il sostrato storico-politico dell’Afródite Cnidia’, *ASAIA* 82 (2004), 343–365.

²⁶ See Corso (nt. 25), 358–359, fig. 6.

²⁷ See A. Corso, ‘The Cnidian Aphrodite’, I. Jenkins and G. B. Waywell (eds.), *Sculpture and Sculptors of Caria and the Dodecanese*, London (1997), 91–98.

²⁸ See A. Corso, ‘L’Afródite Capitolina e l’arte di Cefisodoto il Giovane’, *NumAntiCl* 21 (1992), 131–157.

²⁹ Concerning the Medici type, it is remarkable that Pasquier seems to ignore the attribution of the original statue to Lysippus: see R. Cittadini,

In several entries devoted to Praxitelean Aphrodites included in the exhibition, Pasquier dates these copies not to a specific period (for example, to the Julio-Claudian period or to the Hadrian age), but to the "Roman Imperial age" (see pp. 164, 168, 170, 172, 175, 184, 188): indeed, a comprehensive and all-inclusive date! In other cases, the dates given are "1st-3rd century A.D." (pp. 190 and 191), that is from the period of August to the empire of Diocletian!

Concerning the entry on the Belvedere Aphrodite, the author appears to ignore that the statue is early Antonine and that two other heads of the Cnidia (in the Hermitage and from Italica) are attributed to the same workshop: in fact, these three heads share the same wide drill channels among the locks of their hair³⁰.

Concerning the copy of the Cnidia from Chiragan, the author does not contextualize the copy in this Roman villa and does not write about the wealth of copies from *opera nobilia* which were displayed there. This way of approaching Roman copies, without consideration for their architectural and visual contexts, is, in my opinion, no longer acceptable.

Concerning the bronze Aphrodite from Thera, he suggests that she echoes the *Stephanusa*. My alternative view that the configuration of the *Stephanusa* was close to the Aphrodite of the Ostia's *Dodektheon* is just ignored. The hair-look of the Thera bronze is close to that of the Lykeios Apollo, which has been convincingly placed by Dontas in the environment of Euphranor³¹, and this circumstance does not encourage the suggestion of a derivation from a Praxitelean prototype.

In the entry devoted to the Pourtales Aphrodite, Pasquier sees the goddess in the tradition of Praxiteles' *Pseliumene*. However, he does not inform the reader that Praxiteles' statue was brought to Rome, where Tatian saw it (*Oratio ad Graecos* 34. 36), nor is aware of the suggestion that a base with a Praxiteles' label discovered in Rome in the *Forum Pacis* supported the statue, once it has been moved to the

---

'Figure femminili di Lisippo', *BdA* 100 (1997), 55–80. This attribution has been endorsed by me in my entry to 'Medici Venus', A. Bostrom (ed.), *The Encyclopedia of Sculpture*, New York (2004), 1035–1036.

³⁰ See S. F. Schroeder, *Katalog der antiken Skulpturen des Museo del Prado in Madrid*, Mainz am Rhein (2004), 116–120.

³¹ See G. Dontas, 'Ein verkanntes Meisterwerk im Nationalmuseum von Athens', H.-U. Cain, H. Gabelmann, D. Salzmann (eds.), *Festschrift für Nikolaus Himmelmann*, Mainz am Rhein (1989), 143–150.

*Urbs in aeternum condita*³². Finally, he seems not to know the suggestion that the Aphrodite made by Praxiteles for the Spartans, but refused by them, was in fact the *Pselimene*³³.

Concerning the Richelieu Aphrodite, Pasquier rejects Furtwaengler's suggestion that this is the copyist tradition of the Coan Aphrodite. However, he does not explain why the drapery of the goddess is so similar to the corresponding garments of the Mondragone/Kyparissi type of Demeter, attributed to Praxiteles, and also to that of the Cephisodotan Eirene.

Jean-Luc MARTINEZ, *L'Apollon Sauroctone*, pp. 202–206 and 209–235.

First of all, Martinez accounts on the history of the identification of the type. In his consideration of Martial (14. 172), he seems unaware that Martial's description of a miniature copy of the Sauroctonus is included in a series of poetical descriptions of small copies of masterpieces displayed in the temple of August on the Palatine³⁴: therefore, this poetical context tells where Praxiteles' original stood in Rome, during the early Imperial period. He thinks that the definition of the god as *puer* by Martial implies the reference to a baby and not to the teenager represented by the copies of the type, but this argumentation is not convincing, because in ancient Rome boys were *pueri* until they became 14³⁵: this age may be that of the Sauroctonus.

Concerning the survey on possible vicissitudes of the masterpiece, Martinez reports my thesis that the statue was brought to Rome. However, he does not give the main reason which I forwarded in support of this probability: as stressed above, Martial included one epigram in which he describes a miniature copy of the statue in a series of poetical descriptions of copies taken from masterpieces set up in the temple of August on the Palatine. The logical conclusion is that the Sauroctonus also stood there. Against my opinion, he asserts

³² See E. La Rocca, 'La nuova immagine dei fori imperiali', *RM* 108 (2001), 171–213, esp. 197–198.

³³ This suggestion is argued from Choricius, *Peri' Praxitelous*. See A. Corso, *Prassitele. Fonti epigrafiche e letterarie. Vita e opere* 3, Rome (1991), 27–110.

³⁴ See L. Lehmann, 'A Roman Poet Visits a Museum', *Hesperia* 14 (1945), 259–269.

³⁵ See W. Eder, 'Puer, pueri', *DNP* 10 (2001), 586.

that Pliny does not say that the statue was in Rome. However, Pliny just writes nothing about the location of the statue. Therefore it is obvious that this testimony cannot be used against my suggestion.

Martinez does not have a proper, original opinion about where, when and why the Sauroctonus has been made. He is even skeptical about the possibility to ascertain the message of the statue, as well as its position in the development of Praxiteles' style. However, he rejects the consideration of the type as Roman suggested by a few American scholars.

He also gives a list of copies of the Sauroctonus: it is rather surprising that a French scholar forgets the probable copy from *Augustodunum*³⁶.

Michael BENNETT, *Une nouvelle réplique de l'Apollon Sauroctone au musée de Cleveland*, pp. 206–208.

Bennett gives the most important details of the bronze Sauroctonus in Cleveland and suggests that it is Praxiteles' original statue. Despite its shortness, this article is excellent. The author cleverly argues that the statue introduces the viewer to the presence of the god and therefore creates an intimate relationship which is one of the innovations of Praxiteles. His argumentation on the importance of the landscape in the creation is also convincing.

Jean-Luc MARTINEZ, *Les Satyres de Praxitele*, pp. 236–291.

First of all, the author surveys the ancient *testimonia* on the Satyrs of Praxiteles, *i.e.* the *Periboetos* Satyr, the statue which stood in Megara and that from the Tripodes' Street in Athens.

The scientific standard of this article is undermined by the circumstance that Martinez does not know the base with Praxiteles' signature found near the Lysicrates monument, in Tripodes' Street (*SEG* 48 (1998), 227): given the coincidence between the find spot of this base and the area where Praxiteles' Satyr from the Tripodes' Street stood, it is probable that this base supported that Satyr! The French author criticizes me, because I identify the Satyr from the Tripodes' Street with the Pouring Satyr, but the circumstance that three miniature copies of this type come from Tripodes' Street (see the details reported above) lends support to this identification.

---

³⁶ See M. Pinette, 'Base de statue masculine', Idem (ed.), *Autun Augustodunum*, Autun (1987), 329, no. 653.

Martinez, with caution, endorses the attribution of the Resting Satyr to Praxiteles. Concerning the Pouring Satyr, he attributes to me the thesis that the creation had no specific meaning, but I never asserted that: I just stated that Praxiteles worked not only for specific commissions, but also for the market, making statues in advance and then exposing them on sale. He accounts on the debate concerning the pouring type. However, when he reports on the theory by American scholars that the late-classical, small size relief figures of pouring young boys are the models of the Roman creation of statues of Pouring Satyrs, he does not inform on my objection to this reasoning: that, in the ‘Kopistenzeit’, the model copied must have been an *opus nobile* and that these small figures were hardly considered *opera nobilia*³⁷.

Martinez asserts that the Pouring Satyr was created around 320 BC, not by Praxiteles. This date is not convincing, because, if conceived in this period, the Satyr should have been more three-dimensional and realistic. Moreover, the concept of the ‘mellephebos’ Satyr is understandable in the context of a culture based on the value of the *habrosyne*, which is typical of Greece after the Peace of Antalcidas (387-386 BC), when, in fact, Greece became a protectorate of the King of Persia. Placing the Pouring type in the period of the Macedonian hegemony, characterized by a heroic ideal of life, is a more serious mistake than just suggesting the wrong date. Finally, the representations of *nekrodeipna* in which pouring young boys are often represented, are themselves the spread of an eastern habit, which takes place after the Antalcidas peace, and therefore cannot be dated to the Macedonian period.

Then, Martinez gives the catalogue of the copies of the Resting Satyr and of the Pouring one. In the former list, he misses the beautiful copy set up in the Summer Palace in Pushkin, south-east of St Petersburg. In the latter list, he misses the clay miniature variation in Athens (Acropolis Museum, no. 1957 – NAP 206). Moreover, he does not give the list of pouring figures in late-classical representations of *nekrodeipna*.

Finally, Martinez surveys the case of the Satyr of Mazara. He is skeptical about Moreno’s attribution of the statue to Praxiteles. He also lists the opinions of other scholars on the statue. However, he does not report my suggestion that the Satyr is of the same workshop

---

³⁷ See nt. 18.

of the Derveni crater³⁸. He does not give any original opinion on this matter.

IDEM, *Les styles praxitelisants aux époques hellénistique et romaine*, pp. 294-359.

In the beginning of this article, Martínez (p. 294) asserts that only the Cnidia and the Sauroctonus are certainly attributed to our sculptor. This opinion conflicts with that of Pasquier, who recognizes the Mantinean slabs, the Hermes of Olympia (as a copy), the Arles Aphrodite, the Aphrodite from Thera, and the Pourtales goddess as derived from creations of the Athenian master. Moreover, this view contradicts what Martínez asserted a few pages above (p. 246), that the attribution of the Resting Satyr should be kept.

Then, he re-dates creations which usually are attributed to Praxiteles in the Hellenistic or Roman Imperial periods.

Therefore, he rejects the recognition of Praxiteles' Tyche in Megara in the Sambon type, without explaining why this is the case. I think this recognition should be kept, since this Tyche, given by Pausanias (1. 43. 6) to Praxiteles, is represented on Megarian coins according to the Sambon configuration, moreover, because the anatomy of the face and the folding of the drapery, close to those of the Mantinean Muses, are blatantly Praxitelean³⁹. He also rejects the attribution of the *Dodekatheon* of Ostia to Praxiteles, again, without asserting any reason leading to this conclusion. I think the coherence of the Ostian gods with everything we know of the formal world of our master makes this hyper skeptical opinion hard to believe. He also rejects the identification of Praxiteles' Dionysus described by Callistratus 8 with the Sambon/Grimani type of Dionysus. Again, the detailed description of Callistratus, the general configuration of the type and the anatomy do not leave doubts about the pertinence of the type to the oeuvre of our master⁴⁰. Equally, he does not keep the attribution of the Dionysus Taurus to Praxiteles. The type cannot be split from the Hermes of Olympia and therefore should be identified

³⁸ See Corso (nt. 6), 170, nt. 309.

³⁹ See A. Corso, *Prassitele. Fonti epigrafiche e letterarie. Vita e opere* 1, Rome (1988), 152-153.

⁴⁰ See Corso (nt. 6), 232-239.

with the Dionysus of our master from Elis, also because in this town the god was worshipped as a bull⁴¹.

In these pages, Martinez appears to share the methodology of the Bryn Mawr School: he forgets that we have only a minimal part of the ancient world and uses the *argumentum ex silentio* in order to take away creations from the late classical period and to re-date them in the late Hellenistic and Roman Imperial periods, especially in the First c. BC.

So, he dates the Richelieu type of Dionysus to the First c. BC, despite the fact that this type is represented on a gem already in the Third c. BC⁴². He places the Apollo from Formiae in the same period: this opinion is also debatable and the slender style of the god seems to me truly late-classical.

Finally, Martinez asserts that no one of the Erotes by Praxiteles can be identified. This is not correct. The Thespian Eros is represented on Sullan coins struck in Boeotia and his presence there is meant to please Thespieae, the only Boeotian city which sided with the Romans against Mithridates: the style of the figure on coins allows us to recognize this Eros in the Centocelle type. The Eros of Parion is also recognized on coins and therefore on the Cos type. Finally, the Eros described by Callistratus 3 coincides so well with the Farnese Steinhaeuser type, to discourage any attempt to split literary description and sculptural type⁴³.

Martinez also dates the Gabii type of Artemis around 300 BC. This conclusion is impossible, because a head of this type still dates to the late 4th c. BC⁴⁴. Moreover, the wavy locks of hair, the wide neckline, the anatomy of the head, the folding and finally the same poetical evocation of the teenage goddess impose to recognize in this type the creative power of the master who made the Dancers of Delphi, the Aspremont-Lynden type, the Arles one, the Cnidia, the Richelieu type of Aphrodite, etc. Since Despinis' identification of the Artemis Brauronia in a head of the Acropolis Museum is not convincing, because eyes and hair style of this head are not Praxitelean, I think the Gabii type derives from the Artemis

⁴¹ See A. Corso, 'Praxitelean Dionysi', *Eulimene* 1 (2000), 25–53, esp. 37–40.

⁴² See Corso (nt. 41), 44–46, nt. 103.

⁴³ See Corso (nt. 6), 244–281 and 317–325.

⁴⁴ See Corso (nt. 20), 233, fig. 16.

Brauronia. The type of sandals is the same of the Hermes of Olympia and suggests a place in the late production of the master.

Martinez is also skeptical about the derivation of the Mondragone/ Kyparissi types of Demeter and Kore from the Eleusinian deities of Praxiteles. In order to distance these types from Praxiteles, he adopts a reasoning which is typical of the Bryn Mawr School: he opposes the opinion shared by nearly everybody – that these creations are Praxitelean – to a very minority point of view – their attribution to Euphranor – and concludes that the evidence is puzzling and any conclusion on authorship is not possible.

Again, the closeness of the Mondragone/Kyparissi types to the Mantinean Muses strongly suggests a Praxitelean pedigree.

In the bibliography on these Eleusinian types, Martinez cites Baumer's book of 1997, which offers only partial evidence on these iconographies⁴⁵: he should rather have cited the complete repertoire of A. Filges⁴⁶.

Martinez is open to a re-date of a famous Attic stele (Athens, Nat. Museum, no. 1005), usually regarded late-classical, in the middle Hellenistic period, because the type of sandals worn by the deceased lady should be unparalleled in the 4th. c. BC. The suspicion that we may just have not enough evidence and that therefore the *argumentum ex silentio* is not valid, clearly is not cultivated by this scholar. Moreover, he uses the book of Dohan Morrow on Greek footwear, without realizing that it is based only on the evidence offered by sculpture and not on that offered by vase-painting, mosaics, etc and therefore that her conclusions should be used with great care.

Martinez is also skeptical about the recognition of Praxiteles' Artemis in Megara in the Dresden type. On the contrary, I think the evidence of Megarian coins, which bear an Artemis according to the Dresden type, imposes exactly this conclusion. Moreover, the outstanding quality of the Dresden type, the internalized expression of the goddess, the simple folds of the drapery are unimaginable outside the poetical world of Praxiteles.

Concerning the Sardanapallus, Martinez supports a date toward 300 BC. This chronology is hardly acceptable. This interpretation of Dionysus, inspired by the value of the *habrosyne*, is blatantly a creation of the decades after the Antalcidas peace of 387/386 BC,

⁴⁵ L. Baumer, *Vorbilder und Vorlagen*, Bern (1997).

⁴⁶ See A. Filges, *Standbilder jugendlicher Goettinnen*, Cologne (1997).

when Greece was subjected to the ‘supervision’ of the Great King of Persia. Placing it in the Macedonian period, characterized by a heroic mood, is not convincing.

Then, Martinez down dates the Eros Farnese/ Steinhaeuser to the Roman period. He is aware that the type appears in the ‘Kleinkunst’ of the Fourth c. BC (examples from Myrina, Sidon and Bucarest), but, adopting a reasoning which is typical of the Bryn Mawr School, he thinks that it has been fleshed out with free standing statues only in Roman Imperial periods. This suggestion is definitely not convincing: the Romans imitated *opera nobilia* and miniature representations of a type cannot be included in this definition. Moreover, the closeness of the anatomy of the type to that of the Pouring Satyr makes it likely that the two types came from the same workshop, which, of course, is that of Praxiteles.

Concerning the Eros of Parion, this author wrongly asserts (pp. 352–353) that it was bronze. On the contrary, Pliny (36. 22) includes it among the works of our sculptor made of marble. Martinez fails to see that the Eros of Cos, whose anatomy is very Praxitelean, is an excellent candidate as a copy derived from the masterpiece of Parion.

Finally, Martinez regards even the Centocelle Eros as Roman. He asserts that the circumstance that the type existed in vase painting in the 4th c. BC does not mean that it existed as a statue in the same period. He also states that we know nothing of the Eros of Thespieae. This is not correct: we know from *Anthologia Graeca* (16. 204, a poem by the same Praxiteles) that the statue portrayed a sad Eros. So, the sad Eros of the Centocelle tradition satisfies this feature rather well. Moreover, the Centocelle Eros is represented on Sullan coins struck in Boeotia, no doubt in order to please Thespieae, the only Boeotian town which as stated above sided with the Romans. Finally, Martinez assertion that the Eros of Thespieae could not be dedicated in this town after the late 370s BC, because the Thespians had been scattered *kata komas*, is unbelievable. It is clear that, even after 371 BC, Thespian sanctuaries, and especially the important sanctuary of Eros, were not destroyed and continued to work: probably, they were administered by the Boeotian Confederation. This scholar should be reminded that Greek poleis, even when they destroyed, other city-states, usually saved the sanctuaries: the gods were the same and ready to take revenge!

Finally, Martinez regards Furtwaengler's comparison of the Centocelle Eros with the Dresden Youth as not in favor of a late classical date, because in his opinion the Dresden Youth is Roman.

On the contrary, I think the Dresden Youth is either a work of Polycleitus or of the first generation of his school.

In the end, Martinez asserts the Roman date of the Centocelle type, because it is an eclectic work, having both Polycleitan and Praxitelean features: he clearly thinks that the eclecticism is only Roman. On the contrary, Borbein has shown that a lot of late classical sculpture is eclectic⁴⁷.

In his survey of Praxitelean Eroses, Martinez forgets the Sleeping Eros, whose Praxitelean authorship is asserted in an epigram (Scholiast R to Pausanias, p. 144 Spiro), which led M. Soeldner to identify the Sleeping Eros by our master in the Turin type⁴⁸.

Edouard PAPET, *Phryne' au dix-neuvieme siecle*, pp. 362–393.

The author outlines the history of the representation of Phryne and of other ancient courtesans by French artists of the 19th c. The essay is written with competence and with a sense of the historical and cultural environment surrounding these artistic creations.

IDEM, “*L’art a des exigences et des dedains que l’archeologie ne connait pas.*”, pp. 394–415.

In this beautiful essay, the author, whose command of the 19th c. visual arts is exemplar, outlines the development of the myth of Praxiteles in the French artistic environment throughout that century.

Alain PASQUIER, *L’art de Praxitele*, pp. 416–422.

This author begins the conclusive article by condemning, with harsh words, scholars who supposedly use too much imagination and hypotheses in order to flesh out life and works of the artist. Pasquier, since he refers to my interpretation of the name Praxiteles as derived from *prasso* and *tele* and meaning “who attends the mysteries”⁴⁹, probably targets me with these harsh words. I have already retorted above to these allegations.

On the contrary, his conclusions are regarded to stem from the virtue of prudence: Praxiteles' art is characterized by the predilection

⁴⁷ See A. H. Borbein, ‘La nascita di un’arte classica’, S. Settis (ed.), *I Greci* 2. 2, Turin (1997), 1275–1303: see in particular the chapter ‘L’eclettismo nell’arte di IV secolo’, 1282–1292.

⁴⁸ See M. Soeldner, *Untersuchungen zu liegenden Erosen*, Frankfurt am Main (1986), 123–128, 353 and 371.

⁴⁹ See Corso (nt. 6), 113.

for certain deities (Aphrodite, Eros, Dionysus, Apollo, etc.), by the 'scenic' presentation of his creations, by the first life size definition of the female nude, by the bi-dimensionality of his statues, by the adoption of the Polycleitan *chiasmus*, by the predilection for sinuous lines, by the sense of the skin and the rendering of the flesh, by the softness, by the wavy look of the hair, by the 'humid' gaze, which does not meet that of the viewer, by the sfumato, finally by the remoteness of these deities from the world of the viewers.

All of these features have been often repeated as characterizations of Praxiteles' art, no one of these ideas is an original contribution of this author.

Christophe PICCINELLI-DASSAUD and Jean-Luc MARTINEZ, *Principales sources littéraires antiques mentionnant Praxitele et ses oeuvres*, pp. 423–428.

This selection of *testimonia* does not include the epigram on Praxiteles' Sleeping Eros (Scholiast R to Pausanias, p. 144 Spiro) and especially the 109 paragraphs treatise, which is entirely devoted to Praxiteles by Choricus of Gaza (*Declamationes* 8): the latter is a rather salient omission, since it gives a great wealth of information on the art of the master. In p. 425, the date given for Aulus Gellius (beginnings of 2nd c. AD) is, of course, wrong (Gellius' *floruit* is around 160 AD).

Bibliographie, pp. 429–445.

This bibliography does not include very important contributions, such as those by Geominy⁵⁰ and Maderna⁵¹.

In conclusion, the competence of the two editors of the volume in the Praxitelean field is far from desirable. The mistakes and shortcomings are many and concern even statues kept in the Louvre! The statement (p. 44) that Praxiteles' label on the Richelieu Aphrodite is in Latin is unforgivable!

The scientific quality of this endeavor is undermined by the tendency to re-date creations which until now have been regarded

---

⁵⁰ W. Geominy, 'Praxiteles', R. Vollkommer (ed.), *Künstlerlexikon der Antike 2*, Munich (2004), 304–319.

⁵¹ C. Maderna, 'Die Gleichzeitigkeit des Andersartigen', P. Bol (ed.), *Die Geschichte der antiken Bildhauerkunst 2*, Mainz am Rhein (2004), 321–330.

late-classical in the Roman period (for example, the Eros Farnese and the Eros Centocelle). This is the result of the forgetting that only a minimal part of the ancient world survived and of the consequential systematic use of the *argumentum ex silentio*. The unsubstantiated assumption that eclectic means Roman and the idea that the presence of a sculptural type in the small arts of late classical times does not mean that this type already existed by the time also as a statue, go against the common sense.

Moreover, these two authors apparently do not have a very good visual sense of the artistic creation. They fail to understand that the anatomy of the Pouring Satyr, of the Sauroctonus, of the Hermes is basically the same and do not realize that the Mantinean Muses, the Demeter and Kore of the Kyparissi/ Mondragone type, the Dresden Artemis, the Gabii Artemis and the Richelieu Aphrodite stem from the same concept of the draped body.

Finally, they study these statues from a prehistoric point of view, forgetting completely the intellectual and political history of the age of Praxiteles.

As noted above, the conclusions are not original and the reader is warned to use this book with great care.

П. А. Кочаров

К вопросу этимологии др.-арм. *grem* ‘пищу’, *gersum* ‘брею’ и *ergicanem* ‘разрываю’

Идея об этимологическом родстве древнеармянских глаголов *grem* ‘пищу’, *gersum* ‘брею’ (другие засвидетельствованные варианты презентной основы: *gercem*, *gercanem*) и *ergicanem* ‘разрываю’ была впервые высказана Я. Фриском (Frisk 1944: 28–31), который предложил возводить три древнеармянских глагола к общему индоевропейскому корню **uer-* ‘рвать’, засвидетельствованному в древнеармянском, по его мнению, тремя разными основами соответственно: **uer-*, **uer-d-* (арм. *gerc-* от основы сигматического аориста **uer-d-s-*) и **ur-eid-* (арм. *ergic-* от основы сигматического аориста **ur-eid-s-*).

Спорные места этимологии:

1. Основа *gir-* в *grem* должна восходить к основе с пролонгированной ступенью **uēr-*. Гипотеза об отыменном происхождении глагола (Асґарян 1935, I: 561; Meillet 1936: 12) не подтверждается данными других языков.

2. Переход и.-е. **-ds-* > арм. *-c-* (в ауслауте основ *gerc-*, *ergic-*) сомнителен. Он был предложен (Pedersen 1905: 206; ср. также IEW: 1163–1164, Джаукян 1982: 189) для объяснения небольшого числа глагольных основ на *-c-* из индоевропейских основ сигматического аориста. По аналогичным причинам сомнительно возведение арм. *-c-* к **-dī-* (**uer-d-īe-* (през.) > *gerc*), предложенное Р. Годелем (см. Godel 1965: 25, прим. 14). Регулярное развитие: арм. *-c-* < и.-е. **-ǵ-*.

3. Сопоставление арм. *ergicanem* ‘разрываю’ с герм. **wreit-* (др.-сакс. *writan* ‘писать, разрывать, сдирать шкуру’, нем. *reißen* ‘разрывать, рвать’ и др.) наталкивается на проблему объяснения форманта **-eid*¹: в армянском он, как таковой, нигде не засвидетельствован; переход **-dī-/ *-ds-* > *-c-* сомнителен; семанти-

¹ Вероятнее всего основа на *-eī-d-* является прагерманским образованием. Другим примером этого образования может служить герм. **wleita-* ‘смотреть’ от и.-е. **uel-* ‘видеть’ (см. Seebold 1970: 563–564; Lühr 2000: 257¹).

ческое развитие ‘рвать’ → ‘писать’ для основы *ergic-* в армянском не засвидетельствовано.

Возможные решения:

Семантически надежное сопоставление др.-арм. *gercum* ‘брею’ с тох. А *wärk-*, тох. В *wärk-* ‘стричься’ (прото-тох. *wärk-*) указывает на и.-е. **uerǵ-* ‘стричься’ (см. LIV: 629). Связь с омонимичным корнем **uerǵ-* ‘работать’ (Adams 1999: 587; см. также LIV: 628) и **uer-* ‘рвать’ остается при этом не установленной.

Для основы *ergic-* возможна праформа **ur-ei[h]ǵ-* (Eichner 1978: 151). При этом необъясненным остается соотношение данной основы с **uerǵ-* в *gercum*. Нельзя полностью исключить возможность контаминации **uerǵ-* с **ur-ei-/ur-ī-*, основы, засвидетельствованной древнегреческими именными формами *ρίνη*, *ρίνος* (мик. *wirino*, др.-гр. *ῥῖνός* ‘кожа, шкура (сдираемая с животного)’ из **ur-ei-nó-s*. Наконец, существует возможность восстанавливать для *ergic-* индоевропейскую основу аориста от корня **ureh₁ǵ-*, презентная основа которого засвидетельствована др.-гр. *ρήγνυμι* ‘разрывать, разбивать’ < **urh₁ǵ-nū-* и *ρήγύω* ‘id.’ < **urh₁ǵ-ú-* (LIV: 637–678, см. также DELG: 971–972). В пользу такого сопоставления говорит тот факт, что древнеармянские презентные основы на *-ane-* в большинстве случаев замещали индоевропейские презентные основы с назальным инфиксом, а др.-гр. *ρήγνυμι* < **urh₁ǵ-nū-*, возможно, является вторичным образованием от **urh₁-né-ǵ-* (LIV: 638).

Допустимо с формальной точки зрения возводить и др.-арм. *gercum* к другой ступени того же корня: **uerh₁ǵ-* ‘рвать’ > **uerǵ-* ‘стричь’ (по всей видимости, утрата ларингала между согласными происходила только в открытом слоге, см. Beekes 1988: 77; Olsen 1999: 767–769).

Реконструируемые таким образом основы для др.-арм. *gercum* ‘брею’ (**uerh₁ǵ-*) и *ergicanem* ‘разрываю’ (**ureh₁ǵ-*) можно рассматривать как производные формы от общего корня. С моей точки зрения, удовлетворительном как с формальной, так и с семантической стороны было бы сближение обеих основ с корнем **uerh₁ǵ-*, хорошо засвидетельствованного в качестве именного со значением ‘сила, рвение’: хетт. *uarkant-* ‘изобильный, полный’, др.-инд. *úrj-*, ав. *varǝz-* ‘сила, могущество’ из **urh₁ǵ-*; др.-гр. *ορυάω* ‘созревать, приходить в возбуждение’,

ὄρουή ‘влечение; раздражение, гнев’², *ὄρουα* (*ὄρουιά*) ‘оргия’, лат. *urgeō* ‘теснить’ из **urh₁ǵ-/*uorh₁ǵ-*; др.-ирл. *ferc* ‘гнев’, тох. А *wärkšäl*, В *warkšäl* ‘сила, энергия’ из **uerh₁ǵ-* (см. EWAi II: 242; DELG: 816; Walde 1927–32: 839–840; Van Windekens 1979: 30).

Библиография

- Джаукян, Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван, 1982.
- Adams Q. D. A Dictionary of Tocharian B, Amsterdam; Atlanta, GA 1999.
- Ačaryan H. Hayeren armatakan bararan. I–IV, Erevan 1935.
- Beekes R. S. P. Laryngeal Developments: A Survey // A. Bammesberger (ed.): *Die Laryngaltheorie und die Rekonstruktion des indogermanischen Laut- und Formensystems*, 59–105. Heidelberg.
- DELG = Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Histoire des mots. Paris I 1968, II 1970, III 1974, IV/1 1977, IV/2 1980.
- EWAi = Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I–II. Heidelberg 1986–1996.
- Eichner, Sprache 24.2. 1978: 151
- Frisk H. Etyma Armeniaca. Göteborgs Högskolas Arsskrift 50 (1944), 5–36. Göteborg.
- IEW = Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- LIV = Lexikon der Indogermanischen Verbum, ed. H. Rix. Wiesbaden 2001.
- Lühr R. Die Gedichte des Skalden Egill // Janaer indogermanistische Textbearbeitung / Hrsg. Von Rosemarie Lühr und Susanne Zeilfelder. Bd. 1. Jena, 2000.
- Meillet A. Arménien *gir, grel*. BSL 37 (1936): 12.
- Olsen B. The Noun in Biblical Armenian. Berlin – NY, 1999.
- Pedersen H. KZ 38 (1905).
- Seebold E. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. Leiden, 1970.
- Van Windekens A. J. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976.
- Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Berlin, 1927–32.

² Относящиеся сюда глаголы *ὄρουάινω, ὄρούζω* ‘раздражать’ сопоставимы с соответствующим значением арм. *ergicanem*.

М. Н. Крючков

К вопросу об отличиях синтаксиса Эразма Роттердамского от синтаксиса Цицерона (на материале *Colloquia familiaria*)

Всем известно, что латынь эпохи Возрождения отличается от средневековой тем, что гуманисты, следуя совету Цицерона (Fin. 3, 3), употребляли новые слова для новых реалий, но вместе с тем в вопросах синтаксиса старались не отходить от норм классической латыни. Были, однако, и такие (например, Petrus Bembus), которые во всем слепо следовали Цицерону и даже отказывались употреблять слова, отсутствующие у него. Итак, что касается лексики, большинство гуманистов смело заимствовало слова как из поздней, так и из архаичной латыни, а подчас создавали собственные неологизмы. Что же до синтаксиса, то здесь большинство авторов ориентировалось на классическое словоупотребление. Поэтому особый интерес всегда вызывают те случаи, когда гуманисты пользуются конструкциями, не отмеченными у классиков.

Цель данной работы – разобрать на небольшом объеме текста несколько случаев, где синтаксис Эразма Роттердамского расходится с синтаксисом Цицерона, – и попытаться осмыслить природу этих расхождений. За основу принимается первая и наименьшая по размерам часть сочинения Эразма «*Colloquia familiaria*», которая включает в себя собрание всевозможных повседневных разговорных формул и простейшие диалоги. Следует оговориться, что все изыскания подобного рода носят по необходимости предварительный характер, так как с синтаксической точки зрения латинский язык Нового времени почти не исследовался¹.

1. *Jamne calles Gallice? (Male valere – alia(3), 38)*

У Цицерона встречается подобное словоупотребление, но с глаголами *scire*: *non enim tam praeclarum est scire Latine, quam turpe nescire* (Cic. Brut. 140) и *loquor*: *perbene Latine loqui*

---

¹ Одним из немногих исключений является замечательная во всех отношениях статья: Terentius Tunberg. De Marco Antonio Mureto Oratore Et Gallo Et Romano // *Humanistica Lovaniensia*, 2001. Vol. 50. P. 303–327.

putabatur (Cic. Brut. 108). У Цицерона глагол *calleo* не используется применительно к знанию языков. Тем не менее уже у Авла Геллия мы встречаем подобное употребление: *quidam sophista utriusque linguae callens* (Gell. 17, 5, 3).

2. *Deus bene fortunet vestrum convivium (Convivis, 14).*

Bene fortunet Christus Opt. Max. quod in manibus est. (Auspicanti quippiam, 16)

Конструкцию *bene fortunet*, видимо, можно квалифицировать как семантический плеоназм. У Цицерона этот глагол с наречиями не употребляется, например: *tibi patrimonium di fortunent*. (Cic. fam. 2, 2, 1). Можно предположить, что глагол *fortuno*, по примеру *fortuna*, Эразм трактовал *in utramque partem*.

3. *Sapidus Beatum suum plurima salute impertit (In tertia persona, 12).*

Интересный случай, где Эразм из двух совершенно одинаковых по смыслу конструкций Цицерона и Теренция отдает предпочтение теренциевой:

Plurima salute Parmenonem/ summum suum impertit Gnatho (Ter. Eun. 270–271)

Impertit tibi multam salutem (Cic. Att. 2, 12, 4)

Здесь, без сомнения, Эразм, который в своих *Colloquia* ориентируется на разговорный язык, следует Теренцию, а не Цицерону.

4. *Precor ut hic dies tibi candidus illuxerit (Auspicanti quippiam, 16).*

Precor ut hic sol tibi felix surrexerit (Ibid.).

Нарушение *consecutio temporum* в дополнительных предложениях. Такого рода формы становятся регулярными, начиная с Сенеки: *Ut satis vixerimus, nec anni nec dies facient, sed animus* (Sen. ep. 61, 4). Эпизодически такого рода конструкции встречаются уже у комедиографов: *vide... ut mi haec certa et clara attuleris* (Ter. He. 841)

5. *At ego tibi vicissim multa secula felicissima precor, ne tu gratis sis nobis bene precatus.*

(Auspicanti quippiam, 16)

Нарушение *consecutio temporum* в целевых предложениях. У Цицерона встречаются (редко) близкие случаи, где времена системы перфекта имеют видовое значение: *Iustitia restat, ut de*

omni virtute sit dictum (Cic. fin., 1, 50)². Такое словоупотребление тоже становится регулярным со времен Сенеки, а в поэзии со времен Овидия:

Si nihil aliud, ob hoc profice, ut amare discas. Festina ergo
dum mihi proficis, ne istuc alteri
didiceris (Sen. ep. 35, 2).

Sic, ne perdiderit, non cessat perdere lusor (Ovid. a. a. 1, 451).

---

² См.: A. Ernout, F. Thomas. Syntaxe latine. P., 1953. § 401.

Е. Р. Крючкова

Неизданная грамматика бенгальского языка Г. С. Лебедева*

Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) – российский путешественник и исследователь, по профессии музыкант, находился в Индии с 1785 по 1797 гг., занимаясь там, помимо своей музыкальной и театральной деятельности, изучением языков и культуры индийцев. Собранные им в те годы материалы легли в основу двух книг¹, но многое осталось неопубликованным и хранится в архивах².

Лебедев неоднократно писал о своем намерении издать грамматику бенгальского языка и словарь. Об этом он упоминает и в лондонском издании своей «Грамматики смешанных диалектов...», и в предисловии к «Беспристрастному созерцанию...», и в различных письмах и записках. Это намерение ему осуществить так и не удалось. Не обнаружен до сих пор и какой-то более или менее законченный рукописный вариант такой работы. Среди документов Г. С. Лебедева, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (фонд 195 – архив Вяземских, оп. 1, ед. хр. 6081 и др.) есть тетрадные листы с записями, имеющими отношение к бенгальской грамматике. Всего таких листов около 50, и на них параллельно приведены парадигмы бенгальского языка и хиндустани. Эти записи, безусловно, не являются той самой планировавшейся грамматикой, а только каким-то подготовительным этапом к ней. При этом следует отметить, что там нашли

---

* Исследование выполнено в рамках проекта № 05-03-03322а, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

¹ Herasim Lebedeff. Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects, with dialogues affixed, spoken in all the Eastern Countries... London, 1801 (reprint Calcutta, 1963); Г. Лебедев. Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, Священных обрядов их и народных обычаев, Всевытейшему монарху посвященное. С.-Петербург, 1805.

² Подробнее см.: Н. В. Гуров, Е. К. Бросалина, Я. В. Васильков. У истоков российской индологии: научное наследие Г. С. Лебедева (1749–1817) // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию проф. А. Л. Грюнберга (1930–1995) / Отв. редактор М. Н. Боголюбов. СПб.: Наука. 2006. С. 350–359.

отражение многие важнейшие грамматические явления бенгальского языка. Особый интерес представляет та русская грамматическая терминология, с помощью которой автор пытался описывать эти явления.

При создании грамматики бенгальского языка по-русски Лебедеву приходилось быть в действительности первопроходцем. В описании грамматических явлений он, безусловно, в какой-то мере ориентировался на имевшиеся тогда в его распоряжении грамматики хиндустани Дж. Хэдли и Дж. Фергюссона³, которые при этом он резко (и не совсем заслуженно) критиковал. Неясно, была ли ему известна уже вышедшая к тому времени грамматика бенгальского языка Н. Б. Халхеда⁴, поскольку в записях она нигде упоминается.

Для передачи бенгальских слов Лебедев использовал изобретенную им самим транскрипцию на основе русского алфавита. Поскольку он неоднократно рассуждал об особом удобстве при пользовании русским алфавитом (по сравнению с английским) для индийских слов, можно предположить, что запись отражает его представления о произношении. При этом специальных замечаний о том, как тот или иной звук произносится, совсем немного, хотя они иногда и встречаются. Рядом с русской транскрипцией почти везде приводится достаточно точно воспроизведенное написание бенгальским шрифтом.

Рассмотрим, какая же информация о бенгальском языке содержится в записках Г. С. Лебедева.

Гласные. В целом гласные передаются достаточно единообразно: *a* = |a|, *y* = |u|, *o* = |ɔ| или |o|, *e* = |æ| или |e|. Изредка используется ъ, возможно, для обозначения |æ|, но непоследовательно, напр. в аблативном послелогое *তঁকে* থাকা.

Звук |i| в большинстве случаев обозначается как *u*, но иногда и как *i*. В слабой позиции он может отражаться как *ь* или как *e*,

³ G. Hadley. Grammatical Remarks on the practical and vulgar Dialect of Indostan Language... London, 1772 (1-е издание, в последующие годы их было еще несколько); J. Fergusson. A Dictionary of the Hindostan Language, I – English and Hindostan. II – Hindostan and English. To which is prefixed a Grammar of the Hindostan Language. London, 1773.

⁴ Halhed N. B. A grammar of the Bengali language. Bodhaprakāśan. Printed at Hoogly in Bengal, 1778. XXII, 216 p.

но достаточно часто в таких позициях он просто опускается. Таким образом, фонетические записи Лебедева отражают реальное произношение и отличаются от приводимых рядом бенгальских написаний, ср.: *ами коръте чілам* আমি করিতে ছিলাম (что транслитерируется как *āmi karite chīlyām*, а читается как *[āmi korte s^hilæm]*) ‘я делал’;

Дифтонги просто обозначаются двумя соответствующими гласными.

Если в опубликованной в Лондоне «Грамматике смешанных диалектов...» назализация гласных никак не отмечена, то в рассматриваемых заметках иногда (но далеко не всегда) встречаются специальные обозначения для назализованных гласных: *ō^hдъдѣрь сильо* ওঁদের ছিল ‘у них было’ (с. 48)⁵; *o^hрѣа* ওঁরা ‘они’ (с. 71); *эке готе гобе* ‘ему должно остаться’.

Согласные. Среди записей мы встречаем попытку изложить принципы классификации бенгальских (или шире – индийских) согласных звуков по месту и способу их образования:

«Пять чувственных разделений для произношения азбучных фигур/буков (литер) по алфавиту. Писано в городе Калкоте 1792 с книги Оморы Шинго Обгидганъ অমর সিংহ অভিধান. Иначе: Пять чувственных разделений для познания; которыхъ фигуры <зачеркнуто> и где чувствуются во время произношения голосом, и как ощущаются языком, чтобы правильно выговаривать слова и потом навькнуть порядочно выражать мысли.

Гортанные	Guttural
Небные	Palatal
Звучные	Vocal
Зубные	Dental
Губные	Labial

Сии пять чувственных отделений написаны в индийском словаре, называемом অমর সিংহ অভিধান, *оморо шинго обгидгано*, а сокращенно *Обидганъ*» (с. 90–92).

Можно предположить, что «Гортанные – Guttural» – это велярные, а под названиями «Звучные – Vocal» подразумевается тот ряд смычных, которые теперь принято называть «церебральные» или «ретрофлексные».

⁵ Здесь и далее в скобках указан номер страницы рукописи.

Согласные Лебедев обозначал следующим образом (современное обозначение приведено латиницей):

1. Те бенгальские звуки, произношение которых близко к русским, как правило, передаются соответствующими русскими буквами: k – к; t – т; d – д; n, ŋ – н; m – м; p – п; b – б; ʃ – ш (т. е. на письме это буквы স, শ, ষ).

2. Спирант h – г.

3. Обозначение придыхательности регулярно только для bh – бг и dh – дг. Так, например, оно обозначено в бенгальских грамматических терминах: *бгобишьшотъ калъ* ভবিষ্যত কাল ‘будущее время’ и *обгидганъ* অভিধান ‘словарь’, в ряде других слов: *бгашья* или *бгаша* ভাসা ‘язык’, *бгумъ* ভূম ‘земля’. Глухие придыхательные th и ch изображаются как непридыхательные. Другие придыхательные в записях не встречаются.

4. Для некоторых звуков изобретены специальные значки: g – k_g (рус. к с подписанной под ней лат. g, поскольку русская буква g уже занята для h и для обозначения придыхания); j – c_j (рус. ч с подписанной под ней лат. j): ч_jоль জল ‘вода’.

5. Ретрофлексные не отличаются от соответствующих дентальных: t, ʈ – т; r, ɽ – р. Можно предположить, что Лебедев просто не смог найти подходящей буквы для обозначения ретрофлексного ɽ. Изображая глагол ‘стоять’ দাঁড়ান [dãṛāno] как *дарано*, он один раз после r вставил какой-то значок, отдаленно напоминающий знак параграфа §, но в дальнейшем его больше не использовал (с. 59).

6. Глухие аффрикаты c и ch не различаются по наличию/отсутствию аспирации. При этом обе они передаются тремя разными буквами – с, ч, ц (*амар асе, аче, аце* আমার আছে). Сам Лебедев отмечает колебания среди говорящих в их произношении: «Надлежит помнить, что /*сильо*/ пишется всегда *чильо*, а не *сильо*; и многие выговаривают *чильо*, говорят *сильо*, и все разумеют одно и другое» (с. 48).

Имя существительное. В записях нет специальных рассуждений об именных категориях, приведено только несколько примеров склонения имен существительных.

Как образец склонения имен, обозначающих лица, приводится парадигма слова *ишьшоръ* ‘Бог’:

ед. число

N. име.	<i>ишьшорь</i>	ইশ্বর	Бог
G. род.	<i>ишьшорерь</i>	ইশ্বরের	Бога, Божие
D. дат.	<i>ишьшорке</i>	ইশ্বরকে	Богу
Ac. вин.	как дательный		
Voc. зва.	<i>гаи ишьшорь</i>	হায় ইশ্বর	О! Бог
Abl. твор.	<i>ишьшорерь дуараи</i>	ইশ্বরের দ্বারা	Богом
	<i>ишьшорерь касе</i>	ইশ্বরের কাছে	к Богу
	<i>ишьшорь те</i>	ইশ্বরতে	в Боге
	<i>ишьшорь готе</i>	ইশ্বর হত্যা	от Бога
	<i>ишьшорь тъке</i>	ইশ্বর থাক্যা	от Бога
	<i>ишьшорерь нимитьте</i>	ইশ্বরের নিমিখে	ради Бога
	<i>ишьшорерь каронь</i>	ইশ্বরের কারণ	– " – " –
	<i>ишьшорерь чюньне</i>	ইশ্বরের জন্যা	– " – " –

мн. число

N.	<i>ишьшорь шоколь</i>	ইশ্বর সকল	Боги
G.	<i>ишьшорь шоколерь</i>	ইশ্বর সকলের	Богов
D.	<i>ишьшорь шокольке</i>	ইশ্বর সকলকে	Богам
Ac.	как дательный		
Voc.	<i>гаи ишьшорь шоколь</i>	হায় ইশ্বর সকল	О! Боги
Abl.	<i>ишьшорь шоколерь дуараи</i>	ইশ্বর সকলের দ্বারা	Богами
	<i>ишьшорь шоколерь касе</i>	ইশ্বর সকলের কাছে	к Богам
	<i>ишьшорь шоколь те</i>	ইশ্বর সকলতে	в Богах
	<i>ишьшорь шоколь готе</i>	ইশ্বর সকল হত্যা	от Богов
	<i>ишьшорь шоколь тъке</i>	ইশ্বর সকল থাক্যা	от Богов
	<i>ишьшорь шоколерь нимитьте</i>	ইশ্বর সকলের নিমিখে	ради Богов
	<i>ишьшорь шоколерь каронь</i>	ইশ্বর সকলের কারণ	– " – " –
	<i>ишьшорь шоколерь чюньне</i>	ইশ্বর সকলের জন্যা	– " – " –

По тому же образцу склоняются и предметные имена: ‘небо’ *шорк_о* স্বর্গ (таково написание Лебедева, вместо স্বর্গ), ‘земля’ *бгумь* ভূমি и *чюми* জমি, ‘вода’ *чюль* জল, ‘день’ *динь* দিন, ‘ночь’ *рать* রাত, ‘солнце’ *шурдчю*, ‘луна’ *чондорь / чондрь*. Для некоторых из них приведено меньшее количество сочетаний с послелогами в творительном падеже, для *солнца* и *луны* нет форм мн. числа. Там, где множественное число приведено, оно всегда образуется

с помощью *шоколь*. Вот одна из наиболее подробных парадигм – *шорк_го* *সর্গ* ‘небо’:

ед. число

N.	<i>шарк_го, шоркк_го⁶</i>	সর্গ	небо
G.	<i>шарк_герь, шоркк_герь, шоргэрь</i>	সর্গের	неба
D.	<i>шарк_гоке, шоркк_гоке</i>	সর্গকে	небу
Ac.	как дательный		
Voc.	<i>гаи шарк_го, шоркк_го</i>	হায় সর্গ	О! небо
Abl.	<i>шарк_герь дуараи</i>	সর্গের দ্বারা	небом
	<i>шарк_герь касе</i>	সর্গের কাছে	к небу
	<i>шарк_го те</i>	সর্গতে	в небе
	<i>шарк_го готе</i>	সর্গ হত্যা	от неба
	<i>шарк_го т’ке</i>	সর্গ থাকে	от неба
	<i>шарк_герь нимит’те</i>	সর্গের নিমিত্তে	ради неба
	<i>шарк_герь карон’</i>	সর্গের কারণ	– “ – ” –
	<i>шарк_герь ч’он’не</i>	সর্গের জন্য	– “ – ” –

мн. число

N.	<i>шарк_го, шоркк_го шоколь</i>	সর্গ সকল	небеса
G.	<i>шарк_го шоколер’</i>	সর্গ সকলের	небес
D.	<i>шарк_го шокольке</i>	সর্গ সকলকে	небесам
Ac.	как дательный		
Voc.	<i>гаи шарк_го шоколь</i>	হায় সর্গ সকল	О! небеса
Abl.	<i>шарк_го шоколер’ дуараи</i>	সর্গ সকলের দ্বারা	небесами
	<i>шарк_го шоколер’ касе</i>	সর্গ সকলের কাছে	к небесам
	<i>шарк_го шоколь те</i>	সর্গ সকলতে	в небесах
	<i>шарк_го шоколь готе</i>	সর্গ সকল হত্যা	от небес
	<i>шарк_го шоколь т’ке</i>	সর্গ সকল থাকে	от небес
	<i>шарк_го шоколер’ нимит’те</i>	সর্গ সকলের নিমিত্তে	ради небес
	<i>шарк_го шоколер’ карон’</i>	সর্গ সকলের কারণ	– “ – ” –
	<i>шарк_го шоколер’ ч’он’не</i>	সর্গ সকলের জন্য	– “ – ” –

Прилагательные и числительные в грамматических заметках совсем не отражены.

Местоимения. Личные местоимения, как и в грамматике смешанных диалектов, распределяются по двум «диалектам»,

⁶ Лебедев приводит несколько вариантов транскрипции этого слова.

или стилистическим нормам: «говорится людьми вообще (и неучеными)» и «говорится учеными людьми».

Глагол. Образцы спряжения глаголов в разных временах составляют большую часть рассматриваемых грамматических заметок. Собственно, только из приведенных парадигм и можно попытаться извлечь некоторые сведения о том, как Лебедев представлял себе глагольную систему бенгальского языка.

В самом общем виде система глагольных времен описана следующим образом:

по-бенгальски		по-гиндустански	
Бортамань каль বর্তমান কাল	таперешнее настоящее	Present tense	Эби (Абгі) [abhi]
Отить каль অতীত কাল	совершенное исполненное	Past tense or Preterperfect ⁷ tense	К _г ия [gayā]
Бгобишьшоть каль ভবিষ্যত কাল Ак _г оть আগত	будущее	the Future tense	Гок _г a [hoga] Гоинк _г a [hoenga] Аэнда [āyanda]

Как это принято в большинстве грамматических описаний, вначале приведена парадигма глагола-связки «быть», который имеет только формы настоящего и простого прошедшего времени:

есмь – аси – আছী

Таперешнее единственное

	как говорится учеными	как говорится вообще, и неучеными
я есмь	ами аси	আমি আছী
ты еси	туми асо	তুমি আছ
он, она	{ уни уни асень тини	উনি
есть		ইনি আছেন
		তিনি
		{ о е асе аче ше
		মুই অসি মই আছী তুই অসিষь তুই আছিস ও এ আছে সে

⁷ Т. е. претерит.

	Исполненное совершенное				
я былъ	<i>ами силемъ</i>	আমি ছিলাম	<i>муи силемъ</i>	মই ছিলাম	
ты былъ	<i>туми силе</i>	তুমি ছিলে	<i>туи сили</i>	তুই ছিলি	
он былъ	{ <i>уни</i> <i>ини силен</i> <i>тини</i>	উনি	{ <i>о</i> <i>е сило</i> <i>ше</i>	ও	
		ইনি ছিলেন		এ ছিল	
		তিনি		সে	
она была	– особливаго не имеет				

В будущем времени вместо этого глагола совершенно правильно предлагается использовать глаголы *haouā* и *thākā*:

Будущее совершенное *гобо* и *такбо*:

<i>Ами гобо</i>	আমি হব	
<i>такбо</i>	থাকিব	и т. д.

Далее приводится конструкция обладания с тем же глаголом *āch*-:

	Таперешнее			
я имею	<i>амар аце</i>	আমার আছে	<i>мор асе</i>	মোর আছে
	<i>асе</i>			
	<i>аче</i> ⁸			
				и т. д.

Будущее совершенное

<i>амар такве</i>	আমার থাকবে	<i>мор такве</i>	মোর থাকবে
			и т. д.

Глагол *haouā* ‘быть’ представлен несколькими парадигмами:

Таперешнее বর্তমান
ами гои আমি হই и т. д.

Совершенное или исполненное
ами голем আমি হলাম и т. д.

Прошедшее, или минувшее несовершенное (‘я готовился’, ‘я попевал’)

<i>ами</i>	<i>гое, си</i>	আমি হএ ছী	
<i>туми</i>	<i>гое, со</i>	তুমি হএ ছ	
<i>уни</i>	<i>гое, сень</i>	উনি হএ ছেন	и т. д.

⁸ Здесь приведены возможные варианты произношения.

А. Е. Кузнецов

Ритмика фрагмента «*De Bellis Macedonicis*»

Фрагменты латинских книг римского времени исключительно редки. Среди них Р. Оху. I 30 (43 CPL, CLA II 207), известный под условным названием «*Dē Bellis Macedonicis*», выделяется и древностью, и достоинством. Небольшой кусочек пергамена сохранил отрывок какого-то исторического сочинения, в котором упоминаются имена Филиппа и Антиоха, вероятно, речь идет о событиях 198/196 г. до н. э.¹ По палеографическим соображениям фрагмент датируется I в. н. э. (ок. 70–100 г.?) и представляет собой древнейший пергаменный кодекс. Первые издатели (Grenfell и Hunt) указывали на Трога Помпея как на возможного автора, в CORPUS Papyrorum Latinarum (Cavenaile) называются Энний или Трог Помпей. ‘Энний’ – безусловно ошибочная атрибуция, ‘Трог Помпей’ – очень сомнительная хронологическая (но Grenfell и Hunt датировали рукопись ‘не ранее III в’)².

Одна из особенностей Р. Оху. I 30 – использование ранней системы интерпункции. Судя по фрагменту, в рукописи регулярно ставились словоразделы (точки) и колометрические пунктуационные знаки. Последние представлены точкой, над которой стоит *sicilicus*. Это сочетание несомненно отмечает конец колона или (что вероятно) периода. *Sicilicus* с точкой встречается дважды (7 recto, 2 verso), в 7r за ним следует большой пробел □□. В двух случаях имеется пробел после словоделительной точки (2r, 5r). Wingo³ убедительно объяснял пробел в

¹ *3v hieme*<m?> может быть сопоставлено с Liv. XXXIII 19, 8 (зимние приготовления Антиоха к войне).

² *The Oxyrhynchus Papyri*. Edited with Translations and Notes by Bernard P. Grenfell and Arthur S. Hunt. Vol. 1. London, 1898. Принятая ранняя датировка была предложена Маллоном (J. Mallon. *Quel est le plus ancien exemple connu d'un manuscrit latin en forme du codex?* // *Emerita*, 17. 1949. P. 1–8.) и поддержана издателями *Codices Latini Antiquiores*. – О датировке также: E. Otha Wingo. *Latin Punctuation in the Classical Age*. The Hague; Paris, 1972. P. 61.

³ Wingo. *Latin Punctuation*... P. 63. – Я полагаю, что закругленный край (β) фрагмента очень близок к правому полю столбца, поэтому пробелы имеются на recto, а не на verso. Можно предположить, что переписчик

Р. Оху. I 30 как особый пунктуационный знак (not so strong a mark of punctuation as the sicilicus).

Таким образом, мы имеем разметку четырех завершений колона~периода:

2r ...que praefectī . □□

5r generis dēspectī . □□

7r spectārent . '□□

2v ...er superat . '

К этим, несомненным, колометрическим завершениям можно добавить вероятное: r3 satis pollērent, – пунктуационный знак, стоявший после Т полностью утрачен.

Являются ли эти завершения ритмическими клаузулами? Ответ на этот вопрос будет утвердительным.

Квинтилиан советовал ставить перед молоссом *syllabam brevem* (esse p̄rō nōbīs: Inst. IX 4, 101), этому требованию удовлетворяет 2r, нарушает его 5r (анapest + молосс) и 3r (ямб + молосс), но примеры, подобные 5r, встречаются в ритмически отделанных текстах, например, у Саллюстия, у которого они редки:

dē virtūte certābant – remque pūblicam cūrābant – persequī mālēbant (Cat. 9. 2, 3-5); *p̄rōpnere dēcrēvī – licet cōgnōscās – cōnsuetūdine suscēpī* (Cat. 35. 2, 3); *malīs spērārent* (Cat. 40. 2, 3-5)

Обращает на себя внимание скопление молоссов в 2r-7r (вообще довольно редкое): очевидно, что свойственная молоссам *gravitās* была целью ритмической отделки сохранившегося фрагмента на стороне *recto*.

Если слова 3r *satis pollērent* стояли в конце колона, то это указывает на важный стилистический прием – использование коротких колонов.

Наконец, Квинтилиан рекомендовал ставить в клаузуле перед анапестом не анапест, а спондей или баккей: *innocentiae praesidi^{um} est* (Inst. IX 4, 101), что в 2v предполагает, например, <frequent>er superat⁴: cf. *ferōcēs aderunt* (Cat. 52. 18).

Текст «*Dē Bellīs Macedonicīs*» был написан *structē*, ритмически тщательно выстроен, и автор имел определенное пристрастие к сильным ритмическим аффектам. Клаузулы, нагру-

не заполнял строку до конца, если после колона оставалось место для нескольких букв. Неясно поэтому, применялись ли пробелы внутри строки.

⁴ Frontin. Strat. II 5, 30: *frequentier superatus*.

женные молоссами, характерны для ритмики Саллюстия (впрочем, и он пользуется молоссами с большой избирательностью), вероятно, неизвестный автор был последователем и подражателем именно Саллюстия⁵.

При всей скудости стилистических характеристик, которые могут быть извлечены из Р. Оху. I 30, они дают нам некоторое представление о месте «Dē Bellis Macedonicis» в римской литературе. Графика и пунктуация фрагмента не позволяют относить анонимный текст к относительно позднему времени (эпоха Тацита). Если обратиться к *внешним доказательствам*, то наиболее правдоподобным претендентом на авторство окажется *L. Arruntius*, известный по насмешливому отзыву Сенеки (fuit Sallustianus et in illud genus nitens)⁶. Аррунций (Peter II, p. LVIII, 41) написал сочинение, на которое Сенека ссылается: *historiās bellī Pūnicī — in p̄imō bellī Pūnicī*. Вероятно, *все* цитаты у Сенеки происходят из первой книги Аррунция, содержавшей историческое введение (упоминается Гиерон) и события Первой Пунической войны (Регул). Если Аррунций написал о всех трех войнах (что кажется вероятным), то включение в его «Историю» войны с Антиохом было бы вполне оправдано, хотя бы потому, что в ней принимал участие Ганнибал.

ТЕКСТ

α	recto	β	β verso	α
			1 ..... [	
1	] TVM • IMPERI		2] ER SVPERAT.' E	[
2	] qVE • PRÁEFECTÍ.□□		3] O Q̄ • REX • NIEME•C	[
3	] • SATIS • POLLÉRENT		4] h . . CAVE PACTÍ	[
4	] VS • ATQVE • ANTIOC[vs		5] s ILLI pax Ro[ma]Nv	[
5	ge] NERIS • DÉSPECTÍ •□□		6] CoiTÚ • TRans • . . .	[
6	ge] nTÉSQVE • ALIÉNAS •		7] ROMA[.]eQVI . . .	[
7	sp] ECTÁRENT.'□□		8] THRAc . [.]M • AT	[
8	] a PHILIPPVs		9] M • AVXILIEIS	[
9	] ÓNE • ANT[iochvs]		10] ERREXIT	[
10	] VALIDIO[		11] pHRYGIA	[

⁵ J. Perret. Salluste et la prose metrique... // REA 65. 1963. P. 330–350.

⁶ Seneca Epist. 114, 17, Сенека дает несколько цитат, демонстрирующих *саллюстианство* Аррунция. Consensu omnium историк Аррунций отождествляется с консулом 22/732 г.

Текст дан по транскрипции и фотографиям в *The Oxyrhynchus Papyri*. Хорошо сохранилось широкое верхнее поле с нечитаемой короткой записью на verso (1v). Край листа β обращен к обрезу кодекса. Сторона recto очень ясно читается, а текст verso почти невозможно разобрать на фотографиях. Вероятно, сторона recto — гладкая ('мясная'), но издатели ничего об этом не сообщают. Часть текста на verso полностью стерта.

3v. ΠΙΕΜΕ : над Ε на фотографии отчетливо видно М-образное начертание, которое не описано издателями. Исправление ΠΙΕΜΕ^М? Рукопись подвергалась правке, как это видно из 6v.

5v. Ro[ma]Nv[ ] : there is barely room in the lacuna for MA (*Grenfell – Hunt*)

6v. COITV : C has been re-written (*Grenfell – Hunt*).

К. Н. Лемешев

Термин *atomus* в латинских сочинениях М. В. Ломоносова по физике и химии

Главным условием познания сущности физических и химических явлений М. В. Ломоносов считал изучение мельчайших материальных частиц вещества. «Мысль Бойля о том, что познание «начал» или «частиц» так же важно для естествознания, как и их существование для самих тел, Ломоносов взял эпиграфом к диссертации о селитре, повторил в “Слове о пользе химии”, в письме об обязанностях журналиста и в рассуждении о твердости и жидкости тел»¹. Большинство работ, посвященных исследованию этих частиц, написано М. В. Ломоносовым на латинском языке. Для обозначения понятия мельчайшей частицы в них употребляются следующие термины: *particula*, *corpusculum*, *monada*, *atomus*, *globulus*, *elementum*, *massula*. Каждый из них имеет свои особенности в семантике, сочетаемости, способе употребления. Настоящая статья посвящена термину *atomus*, возникшему в античной атомистике, возрожденному в западноевропейской науке в новое время и общепринятому в современном естествознании.

Основной особенностью этого термина в ломоносовских текстах является его компактное распределение. Всего он употреблен 84 раза, из них 80 раз в тексте сочинения «*Tentamen theoriae de vi aëris elastica*» (далее сокращенно TVAE), написанного летом 1748 г. (78 раз в тексте самой работы и 2 раза в ее латинском реферате). В 78 случаях слово *atomus* в TVAE употребляется для обозначения частицы воздуха. Исходя из этих данных можно было бы предположить закрепленность слова *atomus* именно за понятием ‘частица воздуха’. Однако данное понятие встречается и в более ранних работах М. В. Ломоносова, при этом ни разу для его обозначения не употребляется *atomus*. Представлены только сочетания со словами *particula* и *corpusculum*. В чем причина отказа от этих слов и замены их словом *atomus* в TVAE?

---

¹ В. П. Зубов. Развитие атомистических представлений до начала XIX века. М., 1965. С. 332.

Основная причина, на наш взгляд, связана с этимологическим значением слова *atomus* («неделимый»). По мысли М. В. Ломоносова, воздушные атомы должны быть лишены внутренней структуры и обладать абсолютной прочностью, чтобы оставаться неизменными в условиях постоянных столкновений друг с другом и с другими частицами. В TVAE Ломоносов пишет об этом так: «*particulas aeris, nempe eas, quae in exercendo elatere a se invicem recedere nituntur, ab omni compositione physica atque organica structura liberas et, ut tantis vicissitudinibus ferendis stupendisque effectibus producendis pares sint, solidissimas atque nulli inflexioni obnoxias esse; adeoque jure atomos vocari debere*» (ПСС 2, 113; курсив в цитате М. В. Ломоносова)². Действительно, абсолютная степень прочности возможна только у принципиально неделимых, бесструктурных объектов. Неделимость является таким образом сущностным свойством воздушных частиц, а наилучшим выразителем понятия неделимости является слово *atomus*.

Для обозначения понятия неделимой частицы в работах, написанных до TVAE, М. В. Ломоносов использует слова *elementum* и *monada* (как правило, в сочетании *monada physica*). Однако эти именованья имели определенные недостатки. Слово *elementum* не обладало необходимой для термина однозначностью и употреблялось как в значении ‘неделимая частица’, так и в значении ‘стихия, первоначало’, заимствованном из аристотелианской физики.³ Оба этих значения мы находим у М. В. Ломоносова, причем первое представлено только в ранних работах 1739–1741 гг. «*Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia*» и «*Elementa chimiae mathematicae*», ср.: «*Elementum est pars corporis, quae ex nullis aliis corporibus minoribus et a se diversis constat*» (*Elementa chimiae mathematicae*; ПСС 1, 78). В последующих работах слово *elementum* представлено только во втором значении ‘первоначало’, ср.: «*et Japonenses censere, elementum aquae coelesti igni penetrari non posse*» (3, 76). Что касается термина *monada*, то в 18 веке он воспринимался прежде

---

² Все цитаты приводятся по тексту Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова (далее сокращенно ПСС): М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч.: В 10-ти томах. М.; Л., 1950–1959. После цитаты в круглых скобках указывается номер тома и номер страницы в ПСС.

³ Л. Л. Кутина. Формирование терминологии физики в России. М.; Л., 1966. С. 108.

всего как основное понятие философской системы Лейбница, согласно которому монады представляли собой духовные субстанции. Как известно М. В. Ломоносов был активным и последовательным противником этого учения. С его точки зрения, мельчайшие частицы вещества могут быть только материальными и, несмотря на свой предельно малый размер, обладают всеми свойствами физического тела, ср.: «*Particulae corporum insensibiles physicae ipsae sunt etiam corpora*» (ПСС 1, 204). Поэтому, отказавшись от термина *elementum*, М. В. Ломоносов для обозначения неделимой частицы начинает использовать выражение *monada physica*. При этом с помощью прилагательного *physica* он «как бы противопоставляет свои взгляды взглядам Лейбница»⁴, ср.: «*Particulas insensibiles physicas, quae in alias minores actu non dividuntur, monades physicas appellamus*» (ПСС 1, 220). Тем не менее очевидно, что такой термин неудобен: с одной стороны, он все-таки содержит критикуемое самим Ломоносовым понятие, с другой – избыточные для термина полемические коннотации. Сравнительно со словами *elementum* и *monada* термин *atomus* представляется оптимальным, так как: 1) в атомистике связан по преимуществу с материалистическим пониманием неделимых частиц, что соответствует взглядам Ломоносова; 2) не связан одновременно с различными научными традициями, а следовательно однозначен; 3) своей внутренней формой передает значение неделимости.

Тем неожиданной выглядит отказ от этого удачно выбранного термина в работах, написанных после ТВАЕ: единственное употребление обнаруживается в письме к Эйлеру, написанном в июле того же 1748-го года, что и ТВАЕ: «*Si ex solidis globulis eam constare ponemus (quod non solum aquae sed etiam omnium corporum naturalium atomis convenientissimum esse iudico)...*» (ПСС 2, 178). Во всех последующих работах находим только слова *corpusculum*, *particula*, *globulus* и даже (редко) *monada*. В том, что это именно сознательный отказ, убеждает текст прибавления к ТВАЕ, написанный в первой половине 1749 г. как ответ на замечание Рихмана при чтении Ломоносовым своего трактата об упругости воздуха на заседании Конференции Академии Наук 30 сентября 1748 г.

---

⁴ А. Ф. Кононков и Б. И. Спасский. М. В. Ломоносов как физик. (К 250-летию со дня рождения). М., 1961. С. 34.

«Supplementum ad meditationes de vi aëris elastica» посвящено объяснению связи между упругостью воздуха и его плотностью. Речь в этой работе идет о том же физическом объекте, что и в TVAE: о частицах воздуха; их природа, свойства и способ взаимодействия понимаются и описываются так же, как и в трактате об упругости. При этом слово *atomus* не употребляется ни разу. Вместо него для обозначения воздушных частиц употребляются слова *corpusculum* и *globulus*. Каковы причины отказа от термина *atomus*?

Как известно, решая важнейший для атомистики вопрос о способе взаимодействия между частицами вещества, Ломоносов отвергал как дальное действие (посредством «притягательной силы») ⁵, так и теорию, согласно которой «взаимодействие тел определяется ... наличием у частиц взаимодействующих тел разнообразных петелек, крючков и т. п., с помощью которых и осуществляется соединение» ⁶. В то же время, будучи убежденным механицистом, Ломоносов должен был предложить такой способ контактного взаимодействия между частицами воздуха, который бы объяснял как явление упругости, так и передачу воздухом теплоты. В TVAE выход был найден в том, чтобы приписать воздушным частицам шероховатость. Но любое усложнение формы очевидным образом вступает в противоречие с отсутствием организованного строения, с бесструктурностью. Ломоносов посвящает 9-й параграф TVAE рассуждению о том, что все это «в высшей степени согласно с природою вещей»: «Nos autem rerum naturae maxime consentaneum est. [...] ita quoque aereas atomos, licet ab omni compositione physica alienas, industria ejusdem naturae, in simplicitate quoque sua callidae, prominentiis subtilissimis firmissimisque ad effectus utilissimos instructas esse ex analogia colligitur» (ПСС 2, 114). Однако данное разъяснение свидетельствует скорее о том, что сам Ломоносов видел здесь определенное затруднение. Действительно, основной признак атома, отсутствие физического сложения и связанная с этим неделимость, вступал в противоречие со свойствами обозначаемого объекта: воздушные частицы оказываются снабжены «крепчайшими выступами». Данное противоречие и могло

---

⁵ Э. П. Карпеев. М. В. Ломоносов – великий русский ученый-энциклопедист. Л., 1986. С. 17.

⁶ А. Я. Кипнис. Представления Ломоносова о химическом средстве // Ломоносов: Сб. статей и материалов, вып. 5. М.; Л., 1961. С. 166.

стать причиной отказа от термина *atomus* в последующих работах. Это происходит в связи с разработкой Ломоносовым принципа совмещения, подробно описанного в «Слове о происхождении света». В этом принципе Ломоносов полагает «основание, которое во всей физике поныне не известно ... однако толь важно и обще во всей натуре, что в произведении свойств, от нечувствительных частиц происходящих, первейшее место занимает. Я называю оное совмещением частиц». В соответствии с этим принципом, поверхность всех вообще частиц наполнена «частыми и мелкими неравностями, которыми оные частицы наподобие зубцов, каковы на колесах бывают, друг с другом сцепиться могут» (ПСС 3, 329). Таким образом, шероховатость, наличие выступов и впадин, из атрибута отдельно взятой категории воздушных частиц превращается впоследствии в необходимое свойство всех частиц вообще, что, в свою очередь, делает применение термина *atomus* некорректным.

А. И. Любжин

Александр Федосеевич Бестужев – первый русский переводчик Феогида¹

Самые ранние из переводов корпуса Феогида на русский язык, которые отмечает указатель Е. В. Свиясова, принадлежат перу В. А. Алексеева и были опубликованы в 1896 году². А между тем дату знакомства русского общества с Феогидом на родном языке нужно сдвинуть почти на столетие – до 1807 года, когда вышла хрестоматия А. Ф. Бестужева³, включавшая в свой состав фрагменты Феогида в прозаическом переводе. Всего их 32, и они отделены друг от друга типографской отбивкой. Сам А. Ф. Бестужев, отважный офицер, авторитетный военный педагог и администратор, автор нескольких работ о воспитании юношества, окончил в свое время греческую гимназию; потому знакомство с Феогидом в оригинале нужно признать в высокой степени вероятным⁴. Безусловно, это предположение требует проверки; промежуточный источник возможен; но ничто не заставляет считать его наличие обязательным, и потому мы считаем себя вправе оставить вопрос открытым.

Фрагменты расположены в том же порядке (с незначительными отступлениями), в каком мы встречаем их в Феогидовом

---

¹ Выражаю искреннюю признательность аспиранту НГУ им. Ярослава Мудрого Ольге Николаевне Лавровой, обратившей мое внимание на эту книгу. См. ее статью «Из педагогического наследия Александра Федосеевича Бестужева. Хорошо забытые мысли о воспитании», принятую к публикации в 3-й № «Лицейского и гимназического образования» за этот год, а впоследствии – диссертацию «Педагогическое наследие семьи А. Ф. Бестужева».

² Е. В. Свиясов. Античная поэзия в русских переводах. XVIII–XX вв. СПб.: ИРЛИ. Библиотека, 1998. №№ 3282а и 3283.

³ Бестужев А. Ф. Учение, нравственность и правила честного человека. СПб.: Типография Шнора, 1807. Фрагменты идут под общим заголовком «Выписка нравственных мыслей из Феогниса» на сс. 104–112. Это библиографическая редкость: НБ МГУ располагает только одним экземпляром книги, принадлежавшим к библиотеке семейства Дмитриевых (Дмитр. 2770).

⁴ Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1. А–И. Л.: Наука, 1988. С. 87–88.

корпусе. Перевод обладает значительной степенью свободы (об этом ниже), и потому, хотя большинству фрагментов найти соответствия легко, некоторые мы оставляем под вопросом. Переведены следующие стихи: 24–26 (1), 27–37 (2), 77–82 (3), 111–112, 133–134? (4), 145–146 (5), 147–148 (6), 155–158 (7), 159–160 (8), 199–208 (9), 233–234? (10), 313–314? (11), 295–298? (12), 323–328 (13), 335–336 (14), 341–350, 355–360 (15), 409–410 (16), 467–482 (17), 511–522 (18), 527–530 (19), 591–594 (20), 583–586 (21), 611–614 (22), 617–618 (23), 629–632 (24), 633–634 (25), 783–788 (26), 789–790, 793–796 (27), 799? (28), 911–914 (29), 915–919 (30), 920–922 (31) и 1007–1012 (32). Общей характеристикой переводов является их последовательная христианизация на лексическом уровне: нет ни Зевса, ни богов, но есть Бог, небеса, Провидение. Устраняются все имена-обращения. Каким образом заостряется и преобразуется дидактический элемент Феогида, будет видно ниже.

Есть переводы (их мало), не слишком (учитывая вышесказанное) удаляющиеся от подлинника. Напр., 20-й отрывок: «Не ропщи на то, что ниспосылает тебе Провидение; сноси равнодушно и то и другое состояние, в счастья не предавайся излишней радости; и не погружайся в несчастье. Подожди, какой конец будет твоей участи». Ср. очень близкий к оригиналу перевод А. К. Гаврилова: «Ровно следует принимать, что дают смертным боги, и легко любую сносить долю, ни бедами не отравляясь слишком, ни радостью вдруг не упиваясь, пока не виден предел последний»⁵. Чаше есть те или иные искажения: напр., см. 3-й отрывок: «Бывают неприятные и бедственные обстоятельства, в коих добродетельной и верной друг есть самое драгоценнейшее из всех сокровище. Мало ты найдешь сих неизменных друзей, кои бы осмелились знать тебя еще и в несчастьи; которые, имея с тобой одну душу, разделяли бы с равным мужеством, и твои утехи и твои несчастья». Здесь близость к подлиннику весьма велика, но исчезают все конкретные детали: золото и серебро заменяются «сокровищем», а политическое противостояние – «неприятными и бедственными обстоятельствами». Интересен первый фрагмент: «Ты не можешь угодить всем тем, от которых ищешь себе одобрения. Должен ли сему удивляться? сам Владыка человек не может

---

⁵ Переводы А. К. Гаврилова цитируются по изданию: А. И. Доватур. Феогид и его время. Л.: Наука, 1989.

всех их удовлетворить, хотя оплодотворяет землю, изливая на нее сокровище животворных вод». Финал стилистически приподнят и искажен: Зевс у Феогида не может угодить смертным ни в каком случае, посылает ли он дождь или ведро.

Особенно явно исчезновение конкретики в 26-м отрывке: «О Отечество! Я протек прекраснейшие страны, я видел богатства чужеземные; находил приятствующих меня гостеприимцев; но радостное веселие не проникало в мое сердце. Мое чувство непрестанно к тебе меня обращало!». Греческий поэт перечисляет конкретные географические пункты – Сицилию, Эвбею, Спарту.

Таким образом, как мы можем видеть, переработка текста идет в двух направлениях, объединенных дидактической задачей, – с одной стороны, текст христианизируется, с другой, он теряет местный колорит и становится бесцветным. Тем не менее факт знакомства с Феогиновым корпусом на русском языке можно считать состоявшимся: мы имеем дело со своеобразным, но переводом.

**Комментарий И. М. Тронского
к элегии Тибулла (I. 2, 1–30)**

(Публикация Н. Н. Надель)

Пятьдесят лет назад, весной 1957 г., И. М. Тронский прочел студентам классического отделения ЛГУ спецкурс по Тибуллу. Во вступительной лекции он отмечал, что древние памятники требуют для своего исследования определенной методики, так как нужно уметь оперировать источниками – что из них можно извлечь и что достоверно, т. е. всякий, а тем более древний источник требует филологического подхода. Следует отметить, что И. М. Тронский не принимал определения классической филологии как «науки о древности»; он постоянно подчеркивал, что под собственно филологией следует понимать методологию исследования античных словесных памятников.

В девяти лекциях И. М. развил те положения, которые в концентрированном виде были изложены в его «Истории античной литературы» в главе о римской элегии и, в частности, о Тибулле. Особое внимание И. М. обратил на комментарии к элегиям, отмечая сложность задачи, за которую мало кто берется. Поэтому в дополнение к лекциям было предложено комментированное чтение 2-й элегии из I книги, изложение содержания которой, кстати, приведено (наряду с содержанием 3-й и 5-й элегий) в «Истории античной литературы» в качестве иллюстрации характерного для поэта принципа ассоциативных переходов.

Соображения, высказанные в лекциях, И. М. конкретизировал, разбирая элегию стих за стихом, слово за словом. Комментирование охватывало разные аспекты: определение литературной традиции, к которой примыкает автор, проблемы топики жанра, критику текста (выбор того или иного рукописного чтения), пояснение реалий, особенности метрики и подробный лингвистический анализ.

Читатели данной публикации смогут также составить представление об И. М. как учителе: он всегда помнил о возможностях восприятия студенческой аудиторией, постепенно раскрывая перед ней «тайны» филологического анализа, не снижая при этом научного уровня комментария.

Основой публикации являются сохранившиеся подробные записи лекций и комментариев к 2-й элегии. Публикатору

казалось естественным сохранить стиль живой речи И. М. (она выделена особым шрифтом), а также (иногда) примеры, выходящие за пределы тибулловского текста. Современному читателю иные комментарии могут показаться давно установленными научными фактами, однако их установлению как раз и способствовали исследования И. М. Тронского¹. Поэтому нам кажется уместным дать наиболее полный комплексный текст комментария И. М. в качестве образца для будущих комментаторов.

Чтению предшествовал рассказ о рукописной традиции Тибулла.

Тибулл никогда не был школьным автором, поэтому нет схолиев: античная наука не культивировала нешкольных авторов. Это накладывает отпечаток на всю судьбу текстов: во-первых, текст неважный, во-вторых, Тибулла читали немного. В разных надписях есть стихи из Тибулла, но он никогда не пользовался такой популярностью, как Овидий. В каталогах средневековых рукописей редко бывает указание – Тибулл. До нас дошли рукописи, относящиеся к довольно позднему времени. Здесь перед нами двоякая традиция – полных текстов и изъятий из Тибулла.

Далее И. М. дал характеристику двух главных рукописей как основных источников для текста поэта: А (XIV в.) и V (начало XV в.); они очень близки друг к другу.

Кроме этих манускриптов, есть много рукописей XV в. (S). Гуманисты XV в. очень интересовались Тибуллом, любили его и часто переписывали. Однако они много сочиняли, исправляли «ошибки», стараясь добиться гладкости, и изменяли текст. Все эти рукописи интерполированы. Они имели какую-то свою тра-

---

¹ В качестве примера можно привести экскурс о *Pluralis pocticus*. Сошлемся здесь на статью И. М. «К семантике множественного числа в греческом и латинском языках» в «Ученых записках ЛГУ», N 69, 1946 (Сер. филологич. наук, вып. 10. С. 54–72). См. также не попавший в первое издание «Исторической грамматики латинского языка» (М., 1960), но восстановленный во втором издании (М., 2001) раздел о категории числа (С. 319–323); см. в этой же книге раздел «Общеиндоевропейское языковое состояние. Вопросы реконструкции» (С. 495 сл.), публиковавшийся также отдельно (Л., 1967) и (М., 2004, 2-е изд.).

дицию, но нам очень трудно различить традицию и вымыслы.

Среди неполных рукописей И. М. выделил fr. Cuiacianum IX в. (F), чтения которого были отмечены рукой Скалигера на полях печатного текста. Эти чтения во всех случаях ценнее других. Отмечены также excerpta. Во Франции XI в. было выписано то, что представляло интерес с точки зрения морали или языка. 1. Excerpta Frisingensia (Fris) – эти чтения лучше обычных, но их мало. 2. Excerpta Parisina (P) – чтения здесь хуже, так как автор сокращает текст, а значит и меняет его.

Родословное древо (stemma codicum) было представлено по изданию F. Levy (1927 г.)².

Затем И. М. характеризует основные издания Тибулла, подчеркивая, что исследователи XIX в. впервые поставили задачу – дойти до лучшего текста.

Издание К. Lachmann'a (1829 г.), на котором основаны многочисленные издания L. Müller'a, еще не имело достаточной рукописной основы. Особое значение имело издание Е. Ваehrenс'a (1878 г.). Он нашел рукописи A и V и смог поставить свое издание на совершенно новую основу, однако он плохо их использовал, так как очень любил править. Текст поэтому дан плохой. Издание Е. Hiller'a (1885 г.) дано на базе материалов Беренса, содержит индекс слов и отвечает современным требованиям. Упомянуты и другие, близкие ему издания F. Levy, M. Ponchont'a, F. Calonghi etc.

В одной из лекций И. М. подробно говорил о греческих образцах, на которые ориентировались римские элегики. Античная поэзия старается примкнуть к предшественникам. Каждый писатель стремится по-новому сказать старое. Гораций в *Ars poetica* прямо говорит, что лучше иметь старый материал и показать в нем свое искусство. На примере Проперция, который обратился к эпиграмме Мелеагра (Prop. I, 1), видно, что римская элегия – это не разбухшая эпиграмма, она имеет

² Подробно о состоянии рукописной традиции Тибулла см.: Albii Tibulli aliorumque carmina. Ed. G. Luck. Editio altera. Stutgardiae et Lipsiae, 1998. Е. В. Антонец, Н. Н. Надель. Место Петербургской рукописи Тибулла Cl. lat. Q ch. 12 (РНБ) в рукописной традиции // *Colloquia classica et indo-europeica* II. СПб.: Алетейя, 2000. С. 195–207.

свою собственную стилизацию чувств, отличную от эпиграммы. Здесь иная жизненная установка. Элегики считают любовь основной жизненной ценностью, чего нет у эпиграмматистов. Любовь римского элегика – идеал любви, литературная фикция, находящаяся в контрасте с тем общением с гетерами, которое было на самом деле. Видно желание уйти от действительности в мечтания.

Не имея возможности опубликовать комментарий ко всей 2-й элегии, приведем в качестве образца фрагмент – комментарий к первым 30-ти стихам³.

Ст. 1–6   *Adde merum vinoque novos compesce dolores,
Occupet ut fessi lumina victa sopor,
Neu quisquam multo percussum tempora baccho
Excitet, infelix dum requiescit amor.
Nam posita est nostrae custodia saeva puellae,
Clauditur et dura ianua firma sera.*

Тибулл начинает элегию как *doctus poeta*, требует внимания к своей учености (ср. I, 4, 61 *Pieridas, pueri, doctos et amate poetas*). Во 2-й элегии Тибулл примкнул к Мелеагру (XII, 61):

*Ζωροπότει δύσεως, καὶ σοῦ φλόγα τὰν φιλόπαιδα
κοιμάσει λάθας δωροδότας Βρόμιος.
Ζωροπότει καὶ πλήρες ἀφυσσάμενος σκύφος οἶνας
ἔκκρουσον στυγερὰν ἐκ κραδίας ὀδύναν.*

«Пей чистое вино, несчастный влюбленный, и Бромий, податель забвения, успокоит твой пламень любви к мальчику. Пей чистое вино и, почерпнув полный кубок вина, вышиби из сердца ужасную боль».

Ст. 1. *Adde merum*. Герой находится на пиру, обращается к мальчику (ср. III 6, 62 *Tu puer ... adde merum*). Для Тибулла очень важен момент топики, он дает здесь *locus communis*, τόπος – общепринятую идею, что *merum* ‘чистое вино’ – лекарство от любви. Попутно И. М. отмечает редкое словосочетание из Плавта: *Plaut*.

³ Текст приведен по изданию: *Albii Tibulli aliorumque carminum libri tres*. Edidit Fr. W. Lenz. Leiden, 1959.

Curc. 77 anus merobiba ‘старуха, пьющая чистое вино’. *Novos dolores* ἀμφίβολία – двоякомысленность: ‘еще неприятности’ и ‘неизведанные неприятности’.

Ст. 2. *Occupet ut fessi lumina victa sopor*. Важно, что не сам заснул, а сон овладел очами утомленного вином – это своего рода античный комплимент (ср. Prop. III, 17, 42 vince sopore caput); *sopor* ‘сон’, самый процесс; *lumina* ‘очами’, то, чем видим (lumen: –men – суффикс орудия); *fessi* ‘утомленного’⁴.

Ст. 3. *Percussum* (AV) ‘ударенного’. Ряд рукописей *s* дает *perfusum* ‘обатренного’, ‘облитого’. Сами по себе оба чтения приемлемы, например, I, 7, 50 multo tempora funde mero; ср. Ovid. Rem. am. 146 multo tempora quassa mero; Plaut. Cas. 639 – 640 se percussit meraco flore Liberi (ср. также ἔκκρουσθαι Мелеагра). Правило критики текста – *lectio difficilior* предпочитается более легкому. Здесь *lectio difficilior* – *percussum* ‘ударенный в голову’. На западноевропейских языках не ‘ударяет’⁵. *Tempora* – Acc. graecus (Acc. limitationis) – синтаксический грецизм (ср. I, 6, 49 saucia pectus). Например, красавица: *nigra oculos*. Признак признака (черные глаза) заменяется признаком предмета (черная в отношении глаз), а винительный падеж обозначает ту часть предмета, к которой относится признак, приписанный предмету. Этот признак, как правило, выражен либо прилагательным (*nigra*), либо *part. perf. pass.* (*percussum*). Обычно этот оборот не свойствен латинскому языку. В латинском языке есть остаток медиума – *induor* ‘надеваю на себя’ *vestem*, *pallam*; затем – *indutus pallam* ‘надевший на себя плащ’. По мере того как медиальное значение исчезало, это выражение переосмыслилось как ‘одетый в плащ’. По этой схеме поэты образовывали такой Acc. limitationis, к которому их толкал греческий язык.

⁴ Описывая стиль Тибулла в одной из лекций, И. М. отмечал характерное для поэта стремление выбрать из синонимов один: *fessus* ‘усталый’, а не *lassus*; *nam*, а не *enim*; *rogus* ‘костер’, а не *bustum* (ср. ст. 48), *timere* (ср. ст. 30), а не *metuere*, etc.

⁵ Ср. итал. *il vino gli e andato in testa* ‘вино пришло ему в голову’, франц. *ce vin est monté à la tête* ‘это вино поднялось в голову’ (Н. Н.).

Обычно это происходило в латинском литературном языке, где поэты по типу греческого развивали свои «зародыши», но не брали вещей, абсолютно чуждых латинскому языку.

Ст. 3–4. *Neu ... excitet*. В прозе обычно *ne-v/e* после отрицательного приказа, после позитивных императивов – *neque* (*nes*). В данном случае – вещь, неприемлемая в прозе, смешение этих двух вариантов (ср. I, 8, 27 *nes tu difficilis puero tamen esse memento*).

Ст. 4. *Requiescit amor*. *Amor* в ряде рукописей (*s*) заменено на *amans* ‘любовник’. В элегиях Феогнида (469–470) та же мысль: не буди того, кто заснет во время пира. Однако у Тибулла это в личном плане; не нужно думать, что это обязательно заимствование. Здесь просто столкновение тем, как часто бывает у античных поэтов, которые следуют одним и тем же привычкам.

Ст. 5. *Nam* – изъяснительная частица ‘а именно’, поэтому перевод ‘ибо’ верен. *Nostrae puellae*. В этом месте И. М. поясняет принцип расстановки существительных и прилагательных в стихе:

сущ. А прил. а puellae nostrae

сущ. В прил. b custodia saeva,

то есть: *a B b A* – прил. *a* оторвано от сущ. *A* (после *a* – цезура, *A* – конец стиха). В середине *Bb* – прилагательное рядом с существительным. Тот же принцип в ст. 6 ... *dura // ianua firma sera*. *Puella* – уменьшительное от *puera, но в языке *puera исчезло, и *puella* означает ‘девочка’, но и всё, что не *anus*. *Nostrae* – здесь *Pluralis expressivus*. В ст. 11–12 без всякой экспрессии = *meus: nostra – meo*.

Ст. 6. *Et*. Постпозитивная постановка союза – особенность поэтического языка. Более древнее *eti (= греч. ἔτι ‘еще’) стало союзом, а когда было наречием, часто ставилось на втором месте. Таким образом, это языковой архаизм, сохраняющийся в поэзии. *Sera* ‘замók’. Известен еще в глубокой древности, видим на изображениях и среди материальных находок.

Позже в комментарии к ст. 10 И. М. привел описание античной двери со ссылкой на книгу Г. Дильса «Античная техника»⁶. Античная дверь обычно двустворчатая – fores (ст. 18), не на петлях⁷. Каждая половинка вделана в брусок, в котором вращается шип; порог и притолока – это limina (ст. 17): limen inferius и limen superius. В них вделаны башмаки, в которых укреплен шип. Все это вместе называется cardo (ст. 10). Ключи зубчатые, ср. ст. 18: fixo dente.

Ст. 7–14.   Ianua difficilis, domini te verberet imber,
                   Te Jovis imperio fulmina missa petant.
 Janua, iam pateas uni mihi, victa querelis,
 Neu furtim verso cardine aperta sones.
 Et mala siqua tibi dixit dementia nostra,
 Ignoscas: capiti sint precor illa meo.
 Te meminisse decet, quae plurima voce peregi
 Supplice, cum posti florida sertata darem.

Ст. 7–14 – обращение в двери, «серенада», παρακλαυσίθυρον ‘плач перед дверью’⁸. Еще у Алкея и Анакреонта есть отрывки, которые принадлежат к этим серенадам. По-видимому, это один из жанров фольклора. Серенада предполагает некоторую определенную обстановку: после пирушки отправляется влюбленный юноша к дому, где исполняет свою песню (эта процессия к дому – κῶμος, а глагол κωμάζω). Есть два варианта: 1. Атака на двери: бьют, взламывают, поджигают (обычно ватага), но этого нельзя делать с приличным домом; 2. Один влюбленный поет песню – тематика прочная: просит, чтобы его впустили. Обращается к двери, к любимому существу, это сопровождается жестами: целует, кладет венки и т. п. Остатки таких серенад есть в комедиях Аристофана, но основные

⁶ Г. Дильс. Античная техника. М.; Л., 1934. С. 40–55.

⁷ Ср. неудачный перевод (Prop. I, 16, 26) «ты отвечаешь на все *петель* молчаньем немым» в кн.: Валерий Катулл, Альбий Тибулл, Секст Проперций. М., 1963. С. 277 (Н. Н.).

⁸ И. М. ссылается на статью С. В. Меликовой-Голстой «Серенада в античной литературе». Известия АН СССР, Отд. гуманитар. наук, 1929. С. 553 сл. А. Вальтер. К вопросу о римском παρακλαυσίθυρον // ЖМНП, 1913, сентябрь. С. 381–408.

наши сведения о них относятся к эллинистическому времени, к жанру монодрамы, в частности, «жалоба девушки» – серенада женщины у двери любимого. Однако однополая любовь вызывала и жалобы мужчины к мужчине. Дорийские племена сохраняли систему мужских союзов, где возникала однополая любовь. Считалось, что это система воспитания. Идеализация любви возникла, очевидно, сперва в однополой любви. Мотивы этих серенад разбросаны по всей античной литературе. В комедии редко, но есть у Плавта в «*Circulio*». У римских поэтов августовской эпохи есть та или иная серенада, однако поэты стесняются изображать себя в виде влюбленного с серенадой. Так, у Проперция (I, 16) действующее лицо – не сам поэт. И Тибулл смягченно дает: не он стоит у двери, а только вспоминает, воображает себя у двери. У Горация (Carm. III, 10) – пародия на элегическую серенаду. В своей любовной поэзии Гораций идет совершенно иными путями. Элегики создают сборники в честь *одной* дамы, провозглашают «вечную» любовь («вечную» в принципе), что не мешает им менять объект любовных посланий. Гораций же всегда изображает свое чувство непрочным, много дам, каждой – одно стихотворение, чувство порхает от одного предмета к другому, изображается всегда недолгим. Такова его принципиальная установка.

Ст. 7. *Domini* дают основные рукописи, а часть *s* – *dominae*. Это поправка гуманистов, вероятно, как *Dat. commodi* ‘для госпожи’. *Difficilis* может быть *Nominativus*, тогда относится к *ianua*: «неподатливая дверь господина». Если *difficilis* – *Genetivus*, то «дверь неподатливого господина». *Te verberat imber* Проклятие по принципу *talio* ‘око за око’: за болтовню нужно вырезать язык и т. п. Сам влюбленный страдал под дождем – пусть и дверь сечет дождь. Глагол *verberare* происходит от формы мн. ч. *verbera*, в ед. ч. часто только аблатив *verbere*, вероятно, от *verbus. В словаре Феста есть *sub-verbus-tus* ‘клейменный’ (Plaut. fr. 309 (a) 18).

Ст. 8. *Imperio* зависит не от *missa*, а от *petant*.

Ст. 10. *Neu ... sones* – см. выше, ст. 3-4. *Cardine aperta* Элизия имеет свои законы. Конечный гласный может выпадать перед начальным гласным – в греческом. В

латинском языке он не совсем выпадает, а склеивается (*synaloepha*). Во втором кратком слоге дактилической стопы возможна синалэфа краткого гласного, но не долгого или краткого + *m*. Авл Геллий (13. 21. 6) приводит форму *turrim* вместо *turrem* в стихе Вергилия (Aen. 2. 460) и указывает, что *turrim* перед гласным звучало лучше, чем *turrem*, значит не было полного выпадения. Однако во второй половине пентаметра, где дактиль не может заменяться спондеем, изредка может быть выпадение – именно так здесь, в ст. 10. В поздней латыни (IV в.) это уже произошло.

Ст. 11. *Dementia nostra*. Высокий стиль, отвлеченные слова как подлежащее при переходном глаголе (ср. ст. 23 *inertia*, 24 *timor*), в прозе это не встречается. *Mala* ‘проклятия’. *Qua* в качестве неопределенного местоимения после *si*, *num* *vm*. *aliquis*. *Tibī* – в поэзии сохраняется *-ī*.

Ст. 12. *Capiti sint precor illa meo* – бессоюзное подчиненное предложение, где *precor* становится модальным словом. *Capiti meo* дательный падеж адресата.

Ст. 13–14. *Quae plurima voce ... supplice* «то многое ... умоляющим голосом». *Peregi* – *peragere* ‘последовательно вести’.

Ст. 14. *Darem* здесь ‘возложил’. **√do-* ‘давать’, греч. δί-δω-μι; **√dhē-* ‘класть’, греч. τί-θη-μι, ср. *fēci* – греч. ἔ-θη-κα, где *f-* < **dh-*. *Ad-dere* – сложный глагол, может быть с *dare*, может быть с **-dh-* > *-d-*. В глаголах, сложных с *dare*, имеем значения ‘класть’ и ‘давать’. Это же есть и в простых глаголах, на которые переносится значение сложных.

Ст. 15–24.

Tu quoque ne timide custodes, Delia, falle, 15

Audendum est: fortes adiuvat ipsa Venus.

Illa favet, seu quis iuvenis nova limina temptat,

Seu reserat fixo dente puella fores;

Illa docet molli furtim derepere lecto,

Illa pedem nullo ponere posse sono, 20

Illa viro coram nutus conferre loquaces

Blandaue conpositis abdere verba notis.

Nec docet hoc omnes, sed quos nec inertia tardat

Nec vetat obscura surgere nocte timor.

Ст. 15. *Quoque* ‘также’ ставится при именах, *etiam* (< et-iam) ‘и уже’ при глаголах. Позже это различие стерлось. *Ne ... falle* запрет – это не отрицательный приказ, не с Imperativus – архаизм.

Ст. 16. *Audendum est* – aphaeresis, явление обыденной речи. Связка в неполном стиле речи теряла первый слог: *audendumst* или *audendumst*. (Ср. русск. –с из *госудáрь* > *осудáрь* > *судáрь* > *сúдарь* (Вос.) > *су* > –с: да-с). *Fortes adiuvat ipsa Venus*. Это переделка пословицы *fortuna adiuvat fortes* (ср. Ter. Phorm. 6).

Ст. 17. *Illā*. Повторяется в четырех стихах – анафора. *Seu* < *seve*, которое у Тибулла употреблено только один раз. *Temptat* *temptare* – фреквентативный глагол неизвестного происхождения, в живой речи *tentare* со значением ‘испытывать, испробовать’. Есть еще другой глагол *tentare* ‘натягивать’, тоже фреквентативный. Смещение звучаний привело к смешению значений. *Nova limina* – новое знакомство, так как Венера к нему благосклонна.

Ст. 18. *Fixo dente* ‘вставив ключ’.

Ст. 19. *Derepere*. Это чтение приведено в Exc. Fris.: ... *mollī furtim derepere lecto*, в основных рукописях ... *furtim mollī decedere lecto*. Обычно excerpta дают лучшее чтение. Так ли это здесь? *Derepere* – *lectio difficilior* ‘сползать’ должно предпочесть. Это редкое слово, но Тибулл употребляет глагол *repe* и сложные с ним (ср. I, 8, 59 *obrepere*). ... *mollī // furtim derepere lecto* – обычное у Тибулла расположение стиха: цезура – конец стиха (ср. комментарий к ст. 5–6).

Ст. 20. *Posse* ‘уметь’.

Ст. 21. *Nutus loquaces* ‘красноречивые жесты’, греч. σπμεία, συντήματα ‘тайные жесты’ – знаки вином.

Ст. 22. *Abdere* (*verba blanda*) ‘скрывать’ (нежные слова).

Ст. 23. *Hoc* *hod + с > *hoss*; *hoss* – перед гласным, *hos* – перед согласным. Употреблялись обе формы; *hōs* в среднем роде не бывает. *Docet* при *doceo* Асс. duplex.

Ст. 25–30. *En ego cum tenebris tota vagor anxius urbe*

.....
Nec sinit occurrat quisquam, qui corpora ferro

Vulnerat aut rapta praemia veste petat.
 Quisquis amore tenetur, eat tutusque sacerque
 Qualibet: insidias non timuisse decet.

В ст. 25 И. М. отмечает элегический τόπος. *En ... tenebris tota vagor anxius* «Вот в печали во мраке ночи я брожу». Освещения не было, обычно рабы несли факелы.

После ст. 25 потеряны стихи, может быть, один, может быть, и больше. Гуманисты дополняли. Вероятно, было несколько стихов (3), так как для Тибулла характерно развертывание его блужданий по городу, одного, без рабов. Возможно, следующий стих начинался на нес, и переписчик перескочил.

Ст. 27. *Occurrat*. *Occurrere* ‘бежать навстречу’. *Nec sinit occurrat* – бессюзное сочетание, при *sino* обычно *Ass. c. Inf. Corpora. Plur.* – характерный стилистический признак высокой поэзии. Античные теоретики (например, в трактате середины I в. н. э. *Περὶ ὕψους*) объясняют это потребностями экспрессии: множественное число придает величественность. Многие исследователи этому не доверяют, так как в новых языках множественное число не играет такой роли. Например, В. В. Виноградов считает, что для русского языка эта экспрессивность незначительна («бросают Илью Муромца в погребца глубокие»)⁹. В римской поэзии *Pluralis poeticus* чаще всего в двух случаях: 1) Слова определенных семантических категорий (*Pluralia tantum*: части тела, орудия, одежда, названия празднеств, промежутков времени – ср. ст. 25 *tenebris*); отвлеченные слова принимают конкретные значения во множественном числе. *Pluralis poeticus*, таким образом, имеет основы в языке: к примеру, *altaria* (*Plur. tantum*) и *ara* ‘жертвенник’ – это слово в поэзии часто в *Plur.* – *arae*. 2) Слова среднего рода. Множественное число среднего рода некогда употреблялось в собирательном значении. С другой стороны, в огромном большинстве случаев эти слова имеют и определенные формальные признаки. Поэты считались с трудностями гекзаметра для латинского языка. Например, *hordeum* может войти в стих

⁹ Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л., 1947. С. 147–166.

только при элизии (а во втором кратком дактиля элизия крайне редко), Genetivus и Dativus Singularis – еще хуже. В Pluralis подходит только форма Nom.-Acc. hōrděā. В негекзаметрической поэзии Pluralis poeticus употребляется гораздо реже. Так, у Горация в гекзаметре otia, в лирике otium. Когда дается пародия на высокий стиль, встречается неожиданный Pluralis (ср. Plaut. Persa 753 pacibus perfectis «когда мир заключен»).

Ст. 28. *Praemia*. Pluralis poeticus; praemium ‘добыча, которая принадлежит начальнику’, затем вообще ‘добыча’. *Rapta veste*. Abl. materiae, материал, из которого состоит некоторый предмет.

Ст. 29. *Quisquis amore tenetur, eat tutusque sacerque*. Влюбленный – неприкосновенный (ср. Prop. III, 16, 11 nec tamen est quisquam, sacros qui laedat amantes)¹⁰. Sacer означает и ‘священный’, и ‘проклятый’. Для римлян это означало табу, т. е. нечто неприкосновенное. Sacrosanctus ‘священный и неприкосновенный’ (например, плебейский трибун). *Tutusque sacerque*. Как греч. τε – τε, др.-инд. са – са. Исконно, когда союз присоединяется к обоим членам; terra marique – более позднее; в прозе – dies noctesque.

Ст. 30. *Timuisse decet*. Infinitivus perfecti в классической латыни означает предшествование, в древней – совершенный вид. В эпоху Августа постановка Inf. perf. возможна только после модальных глаголов, однако поэты применяют это более широко: ср. I, 1, 45–46 iuvat ... continuisse; I, 1, 74 inseruisse iuvat. Стоят они в пентаметре перед конечным словом, в гекзаметре – в пятой стопе: -īssě ∪ | – Ū.

¹⁰ См. об этом: Корш Ф. Е. De amantis persona sacrosancta // Филологическое обозрение, 1894. Т. 6, кн. 2. С. 137–138.

Д. В. Панченко

**«Ахиллес быстроногий»: к исторической интерпретации
компонентов эпической традиции**

Быстрота ног – наиболее частая и устойчивая характеристика Ахилла в «Илиаде», однако в действии поэмы это свойство героя остается по существу без применения. Естественно заключить, что гомеровская формула «Ахиллес быстроногий» пришла в «Илиаду» в готовом виде из эпической традиции.

Что из этого можно извлечь для исторической характеристики той среды, в которой соответствующая эпическая традиция сформировалась? Совершенно ясно, что быстрота ног не может быть специфической характеристикой воина, сражающегося на колеснице. Быстроногий воин – пехотинец. Таким, собственно, Ахилл и показан в «Илиаде» – в отличие от Диомеда, который совершает многие подвиги, сражаясь на колеснице. Мы можем оставить в стороне многократно поднимавшийся вопрос о специфике изображения Гомером боевых колесниц. Следует подчеркнуть: **великий быстроногий воин вообще не принадлежит к миру вождей, выступающих в бой на колесницах.** Соответственно, он не принадлежит микенскому миру, коль скоро в микенских центрах боевые колесницы составляли важную часть вооружения. Правда, нельзя сказать, что быстроногий воин – непременно посторонний в войске, чью ударную силу образуют колесницы. Пехотинцы, названные «бегунами», сражались рядом с боевыми колесницами в войске Рамзеса III, но их роль там вспомогательная, подчиненная, что не подходит такому великому герою и предводителю, каким предстает Ахилл.

Между тем быстроногость – вообще неожиданная характеристика для воина. Чтобы вместе с другими сражаться в строю, нужны другие качества. Но и безотносительно к совместным действиям сила, ловкость, меткость, храбрость, выносливость или даже стремительность (в широком смысле слова) – гораздо более естественные характеристики прославленного воителя. Качество, которым эпическая формула отметила лучшего из ахейцев, приобрело, как я думаю, особое значение в специфической историко-военной ситуации – а именно тогда, когда на исходе Бронзового века пехотинцам регулярно приходилось вести борьбу против боевых колесниц. Сила колесниц была в их мобильности. Стремительно перемещавшиеся по полю битвы,

они давали огромное преимущество находившимся на них лучникам и копейщикам перед малоподвижной пехотой. В отсутствие такой мощной фаланги, которая появится лишь к середине I тысячелетия, задача пеших воинов заключалась в том, чтобы лишить противников привилегии стрелять по неподвижной мишени. Быстрота и рассыпной строй (в сочетании с силой и отвагой) были единственным средством пехотинцев одолеть тех, кто сражался на колесницах. Образцовым воином в борьбе против колесниц оказывался стремительный меткий копейщик, одновременно являвшийся мастером рукопашного боя. Разумеется, такой воин должен был обзавестись и новым средством обороны – сменить хорошо прикрывающий тело, но громоздкий щит, на более компактный и мобильный круглый щит – какой Гефест изготавливает для Ахилла и какой широко распространяется в восточном Средиземноморье в конце Бронзового века.

Таким образом, **песни о «быстроногом Ахиллесе» должны были сложиться в среде воинов, регулярно боровшихся против войск, оснащенных боевыми колесницами.** При этом существенная связь эпической традиции, отраженной в «Илиаде», с этой средой проступает отнюдь не исключительно в случае с Ахиллом. Наиболее частый эпитет ахейцев – «пышнопоножные»: они, стало быть – пехотинцы. Троянцы, напротив – «укротители коней», и обращает на себя внимание, что в «Илиаде» неоднократно изображается, как ахейские вожди, спешившись, своими копьями сбивают противников с колесниц.

Благодаря египетским документам, повествующим о борьбе с «народом моря», пехотинцы, сражающиеся в восточном Средиземноморье против войск, оснащенных боевыми колесницами, предстают перед нами не абстрактной возможностью, а исторической реальностью. Мы видим, как эти «народы моря» собираются в коалиции и широко используют корабли для передвижения по морю – в точности как ахейцы при нападении на Трою. Современные «народам моря» археологические следы – это разрушенные и разоренные города, тогда как греческая эпическая традиция именуется Ахилла и других ахейских вождей «разрушителями городов». В своих морских набегах «народы моря» достигали Египта, и морские набеги на Египет упоминаются в гомеровских поэмах. Похоже, что предания о быстроногом Ахиллесе не только не являются частью микенской эпической традиции, но и принадлежат традиции тех, кто напал на центры микенской цивилизации. Микены названы в эпосе златообильными. Микенская ли это традиция? Станет ли кто так вос-

хвалить свой город? Скорее – это восприятие алчущих добычи налетчиков. Тот факт, что в табличках, найденных в Пилосе и Кноссе, как будто, прочитывается имя, соответствующее гомеровскому «Ахилл», не противоречит нашему рассуждению. Имя героя и образ быстроногого воина могут быть разной природы; вполне возможно, что лишь со временем они в силу каких-то причин соединились вместе.

Соединение в одну компанию Ахилла, ахейцев и царя Микен Агамемнона точно так же ничему не противоречит. «Илиада» повествует о людях, имеющих три разных имени (ахейцы, данаи, аргивяне), которые осаждают город, имеющий два разных имени (Троя и Илион), вследствие того, что человек, выступающий под двумя разными именами (Александр и Парис), похитил женщину из города, который тоже, похоже, имеет два имени (Спарта и Лакедемон). За всем этим стоят разнообразные, в том числе трудно представимые контаминации. Отметим, впрочем, любопытное сочетание двух обстоятельств. Если пышнопоножные ахейцы – пехотинцы, то наиболее характерный эпитет данаев – «быстроконные». Очевидно, данаи сражаются на колесницах, чему соответствует как географические условия тесно связанной с ними Арголиды, так и происходящие отсюда археологические находки. Данаи упоминаются в египетских памятниках времени Тутмоса III, и они должны быть локализованы в Пелопоннесе. Напротив, несколько более поздние хеттские источники хорошо знают ахейцев. Быть может, дальнейшие исследования покажут, что имеет смысл различать данайский и ахейский периоды – или компоненты – в истории микенской Греции.

Как бы то ни было, подчеркнем главное: **эпическая традиция, восхвалявшая быстроногого Ахиллеса, никоим образом не происходит из мира цитаделей и дворцов, существовавших на территории Греции в Бронзовом веке. Это эпическая традиция тех, кто достиг Греции тогда, когда там уже были возведены и дворцы, и цитадели.**

Вместе с тем было высказано немало веских доводов в пользу существования эпической традиции в рамках микенской цивилизации – традиции, частично дошедшей до автора «Илиады». Если это общепринятое мнение не подлежит пересмотру, тогда следует сделать вывод о принципиальной **неоднородности** той эпической традиции, с которой работал Гомер. Я имею в виду традицию тех, кто сражался на колесницах, и традицию тех, кто сражался в пешем строю против колесниц.

Обычно историю греческой эпической традиции представляют следующим образом. В микенской Греции была развита эпическая традиция, в известной мере продолжившая праиндоевропейскую. После гибели микенского мира она перешла к эолийским аэдам, которые ее по-своему адаптировали и к которой они, вероятно, добавили что-то местное. Наконец ионийские аэды, усвоив накопленное их предшественниками, стали создавать поэмы, которые получили письменное выражение. При этом как-то не уточняется, где были эолийские аэды в пору многовекового существования микенской эпической традиции. Я не буду обсуждать, насколько то, что я называю эпической традицией пеших воинов, совпадает с эолийским вкладом стандартной схемы. Я лишь хочу подчеркнуть, что носители этой традиции пришли в Грецию намного позже, чем носители микенской традиции. Отсюда следует, что две эти традиции представляют собой **два независимых ответвления** от индоевропейской. Соответственно, те сюжеты и мотивы в греческом эпосе, которые обнаруживают существенное сходство и вероятное родство с индо-арийским или же северо-германским материалом, совсем не обязательно возводить через весь микенский период к временам праиндоевропейского единства. Они запросто могут оказаться следствием относительно недавнего соседства, относительно недавних контактов.

Наконец, судя как по египетским памятникам, так и по «Илиаде», носители той эпической традиции, в рамках которой сложился образ быстрого Ахиллеса, регулярно действовали в составе коалиций. Египетские источники недвусмысленно указывают на то, что такие коалиции могли быть этнически пестрыми. Участие в подобных коалициях создавало условия для проникновения в греческую традицию элементов далекого происхождения. Например, представляется вероятным, что рассказы о морских приключениях, отразившиеся в «Одиссее» и преданиях, связанных с плаванием аргонавтов, могли попасть к грекам от выходцев с берегов Балтийского или Северного моря*.

---

* Борьба варварских пехотинцев против боевых колесниц, обороняющих монархии восточного Средиземноморья, является важнейшей темой книги Роберта Дрюса (R. Drews. *The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe*. Princeton, 1993). Затрагивая михоходом возможные отголоски происходившей борьбы в уцелевших преданиях, Дрюс, в частности, роняет фразу, которая, по-видимому, послужила одним из толчков к моему рассуждению: “The description of Achilles as ‘fleet-footed’ is especially appropriate for the *arete* of a runner”.

А. В. Парибок

Дифференциальная семантика Аристотеля

Всякий связный эскиз семантической теории непременно содержит, помимо прочего, ответы на такие вопросы: (1) что такое вообще смысл слова (и *значение* слова, если теория их различает); (2) какие у слов бывают смыслы (значения); (3) как отличить разные смыслы (значения) одних и тех же или разных слов. Назовем (1) общей, (2) типологической, а (3) дифференциальной семантикой. Семантические воззрения Аристотеля содержат все три названных компонента.

Ответ на первый вопрос мы имеем в «Об истолковании», где он пишет: «...φωναί... μέντοι ταῦτα σημεῖα πρώτων, ταῦτα πᾶσι παθήματα τῆς ψυχῆς, καὶ ὧν ταῦτα ὁμοιώματα πράγματα ἤδη ταῦτά» ...*конечно, представления в душе, непосредственные знаки коих – то, что в звуках, у всех – всё те же, точно так же как всё те же – предметы, подобия коих – представления* (De Int. 16. 5–7). Считая, что связанные со словами представления у всех людей одинаковы, Аристотель избавил себя от задачи размежеваться с психологическим субъективизмом, поставленной Фреге в статье «Смысл и значение» (субъективизм Аристотель развенчал в трактатах «Метафизика» и «О софистических опровержениях», но сделал это вне связи с теоретической семантикой). Но хотя формально у Аристотеля нет различения фрегевского «смысла» (Sinn) и представления в душе, фактически все терминологические словоупотребления им слов σημεῖα и σημαίνω его не противоречат фрегевскому Sinn¹, т.е. Аристотелев «смысл-значение» (он их терминологически не различил) – это статически опредмеченная представленность не индивидуализированных процессов понимания². Аристотель – антисубъективист, но не *анти-*, а *допсихологист*, благо души

¹ В переводах *значение* или *смысл* нередко появляются при передаче слов вроде πολλὰχῶς, передаваемом как «во многих значениях». Аристотель здесь не при чем.

² Я следую семантической теории, намеченной Г. П. Щедровицким в работе «Смысл и значение» (1974 г.).

древних были более сходны между собою, чем у современных людей.

В немногих случаях, правда, можно встретить у Стагирита неточность или недоговорку в применении общего понятия 'значить'.

1. De. Int. 16 a 20 ἐν γὰρ τῷ Κάλλιπος τὸ ἵππος οὐδὲν καθ' αὐτὸ σημαίνει, ὥσπερ ἐν τῷ λόγῳ τῷ καλὸς ἵππος. «В [форме] Κάλλιπος [компонент] -ἵππος ничего не значит, не как в выражении καλὸς ἵππος». Все-таки неверно утверждать, что никогда и ни у кого из тех, кто услышал имя Κάλλιπος, не возникнет в уме представление о коне. Его скорее всего не будет, но всё же оно возможно. Иначе как объяснить реплику Кратила в начале одноименного Платонова диалога, когда он говорит Гермогену: «Во всяком случае, тебе не Гермоген имя». Гермоген ведь утверждал, что имена даются по природе, притом что его имя, 'Рожденный Гермесом', его действительному происхождению не соответствует. Заметим еще, что написание 'ἵππος' без диакритик, подчеркивающее, что перед нами – обрубок слова, невозможно приписать самому Аристотелю. У него, наверное, написание от обычного не отличалось.

2. В «Поэтике», гл. 21, то же самое утверждается о другом собственном имени: οἶον ἐν τῷ Θεόδωρος τὸ δωρος οὐ σημαίνει. «В составе словоформы [Теодор] (Богдар = Богдан) 'дар' ничего не значит». Возражение остается тем же самым.

3. Там же, говоря, что в составных словах имеется всё же намек на значение, он утверждает, будто «ἐν τῷ ἐπακτροκέλης τὸ κέλης», чему по-русски соответствовало бы: «в составе слова 'овощехранилище' часть 'хранилище'», *само по себе ничего не значит*. Но это либо непонятно: откуда взялось 'само по себе', если уже сказано 'овощехранилище'? Либо неверно: конечно, у большинства слушателей в уме проявится-таки смысл 'хранилище'. Написание κέλης без диакритик – вновь, по моему убеждению, издательская уловка.

4. De Int., 16 b 30: ἀλλ' οὐχ ἡ τοῦ ἀνθρώπου συλλαβὴ μία· οὐδὲ γὰρ ἐν τῷ μῦς τὸ υς σημαντικόν, ἀλλὰ φωνὴ ἐστὶ νῦν μόνον. Перевод этой фразы в 4-томном собрании сочинений таков: «Отдельный же слог слова 'человек' не означает что-либо, точно так же как 'ышь' в слове 'мышь' ничего не означает, а есть один только звук». Совершенно невразумительно, зачем здесь автору понадобилась 'мышь' и почему он счел, будто кто-то из читателей не поймет, если просто сказать: «πος в составе ἀνθρώπος ничего не значит». Думаю, Аристотелю на самом деле

пример со словом ‘мышь’ был важнее тривиального примера со словом ‘человек’. Ведь если устранить очередную издательскую хитрость написания $\upsilon\zeta$, то мы получим греческое слово ‘свинья’. Аристотель, стало быть, вполне справедливо, но слишком бегло (раз на это не обратили внимание даже издатели), указывает, что встретивши слово ‘мышь’, грек нипочем не подумает о свинье. Адекватная передача по-русски звучит, например, так: «‘Рот’ в составе слова ‘крот’ ничего не значит».

Типологическая семантика представлена различием категориальных значений имени и глагола по признаку связанности со временем («Поэтика», гл. 20) и различием прямого и переносного, а также других (неважных для нас) типов значений в 21 главе того же трактата.

Обратимся теперь к дифференциальной семантике, набросок которой дан в первой главке «Категорий». Как ни странно, она в русском собрании не имеет ни единого примечания, хотя далеко не ясна.

«Одноимёнными ($\sigma\mu\acute{\omega}\nu\upsilon\mu\alpha$) называются [те предметы — $\pi\rho\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha^3$], у коих только имя общее, соответствующий же этому имени $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ о сущности разный, как, например, [для слова] $\zeta\hat{\omega}\nu$ [таковы предметы] и человек, и изображение. У них ведь только имя общее, соответствующий же этому имени $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ о сущности разный, ибо если предъявлять, что такое для каждого из них быть $\zeta\hat{\omega}\nu$, то в любом из случаев предъявят особый $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$.

Соимёнными ($\sigma\upsilon\nu\acute{\omega}\nu\upsilon\mu\alpha$) называются [те предметы], у коих и имя общее, и соответствующий этому имени $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ о сущности один и тот же, как, например, [для слова] $\zeta\hat{\omega}\nu$ [таковы предметы] и человек, и бык. А именно, и человек и бык называются общим именем $\zeta\hat{\omega}\nu$ и $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ о сущности [здесь] один и тот же. Ведь если предъявлять $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$: что такое для каждого из них быть $\zeta\hat{\omega}\nu$, то предъявят один и тот же $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$.

Близкоимёнными же ($\pi\alpha\rho\acute{\omega}\nu\upsilon\mu\alpha$) называются [предметы], получающие наименование из-за имени какого-то [иного

³ Kirchmann вставляет ‘Dinge’, а Edghill ‘things’.

предмета] и отличающиеся при этом падежом [πτώσει], как, например, от γραμματικῆ – γραμματικός, от ἀνδρεία – ἀνδρεῖος».

Отметим для начала два обстоятельства: (1) все понятия применены только к именам и (2) Аристотеля здесь интересуют *предметы* по их связи со словами. Это явствует из того, что Аристотель предлагает применять логосы для своих *одноименных* и др. Но ведь у слов нет логосов, логосы бывают только у предметов. Лингвисты же, занимаясь синонимами и др., идут в обратном направлении, от слов к смыслам и предметам.

Далее мы проясним и критически проверим Аристотелевы понятия, а затем выясним, какова связь их с созвучными современными терминами: «омоним», «синоним» и «пароним».

В понятии *одноименного* объединены две современные области – многозначных слов и собственно омонимов. В самом деле: 1. «Ванечка сломал ручку (себе *или* ящика шифоньера?)». ‘Ручка ребенка’ и ‘ручка ящика’ – это явно образчики двух разных значений слова ‘ручка’, а сам пример, конечно, полностью соответствует Аристотелеву понятию. 2. Теперь возьмем фразу: «Во время Карибского кризиса мир оказался под угрозой». Столь же очевидно, что мы здесь имеем омонимии: раньше писали *mir* (*universum*) и *мир* (*paх*). Однако оказывается, что посредством понятия *одноименного* отличить многозначность от омонимии вообще не удастся. Их различение достижимо лишь с помощью по меньшей мере одного из приемов: привлечения исторических данных, внешних в том смысле, что знание их не обязательно для употребления и понимания языковых выражений, и использования понятия «языковой игры» (она же «дискурс», – это два имени одного и того же, хотя первое в ходу у аналитических философов, а второе – у «континентальных»). Но историческому подходу Аристотель чужд, ибо он берёт язык в готовом виде; а предметная область, связанная со способом и ситуацией пользования языком, отчасти учитывается им только в «Поэтике». Правда, стоит заметить, что различение двух названных областей и не является задачей собственно лингвистической семантики, оно требуется для иных целей. Беру неизящный, зато наглядный пример: «Урка убил козла». Преступник мог убить и скотину (‘козел¹’), и заключенного, сотрудничающего с лагерным начальством (‘козел²’), и у нас при трактовке данного и подобных примеров нет никаких объективных критериев выбрать между многозначностью слова ‘козел’ и наличием двух «омонимов». Любой выбор будет

произволом лексикографа, опирающегося на знание (истории) мира, а не языка. Стало быть, Аристотелево *одноименное* – лучшее средство мысли сравнительно с расхожими «омонимией» и «многозначностью».

Соименные суть в современной терминологии просто разные предметы или классы предметов, именуемые одним и тем же словом. Например, харчо и рассольник соимённы по связи со словом ‘суп’: оба этих блюда – в одном и том же смысле супы. Поясняя, что такое для них быть супом, мы скажем одно и то же. Как видно, в понятии соимённого отражена иерархия сущностей. Человек и бык – разные виды (логического) рода живых существ ($\zeta\hat{\phi}\nu\nu$), а при желании между быком (а равно и человеком) и $\zeta\hat{\phi}\nu\nu$ можно было бы вставить промежуточные уровни (логических) родов: *млекопитающее* и *позвоночное*. Благодаря соимённому мы имеем возможность обобщать, отправляясь от первых сущностей. Буренка и Пеструшка соимённы, в равном смысле именуясь коровами, скотиной, млекопитающими, позвоночными, животными, сущими. Итак, здесь мы имеем тождество понятий и слов при различии предметов. Вот для полной ясности еще пример: относительно слова *имущество* соименными будут предметы карандаш и автомобиль, потому что они одним и тем же образом чья-то собственность (это их логос).

Области применения понятий одноименного и соименного пересекаются не только в отдельно взятых, но и в употребленных лексемах. В предложении «В $\zeta\hat{\phi}\nu\nu$ можно влюбиться, как то случилось с Пигмалионом, Пасифаей и Федрой» мы в первом случае имеем ‘изображение’, во втором – ‘быка’ и в третьем – ‘человека’. В связи с этим желательнее выяснить, всегда ли входящие в эту пару понятия различимы. Похоже, что не всегда, если применить их к именам прилагательным. Само же применение будет вполне корректно, поскольку Аристотелево определение имени («Поэтика», гл. 20) равно годится и для существительных, и для прилагательных. Вот пример: «Кушанье (замечание, лезвие) было на редкость острым». Как и выше, при разборе границы между многозначностью и омонимией, нет критериев, которые позволили бы выбрать между соимённостью или одноименностью кушанья и др. в связи с остротой. Если для ‘острого’ о лезвии предложить такой логос: «чрезвычайно узкий и твердый, а потому могущий резать», а для того же ‘острого’ о кушанье: «пряный, перченый», то мы получим *одноименные* предметы. А если оба прояснить иным

логосом: «производящий резкое, пронзающее ощущение на соответствующий орган чувств», то будем иметь *соимённые*. Как быть? Правда, в сфере дифференциальной семантики Аристотель ввел нам еще («Поэтика», гл. 21) различие основного и переносного значений (В «Поэтике», в отличие от «Категорий», он всюду отправляется от слов, а не от предметов). Вроде бы он нам предлагает воспользоваться здесь понятием переносного? Но предложенный мною пример не дает оснований назвать основным значением слова 'острое' то, что связано, положим, с осязанием, переносными же назвать применения этого слова к областям, которые доступны уму или вкусу. Возможно, исторически это в самом деле так (русские лексикографы догматически присоединяются к исторической точке зрения), но синхронно, то есть по Аристотелю, все три словоупотребления будут в равной мере основными.

Однако мой контрпример был придуман, исходя из неаристотелевой онтологии, для Аристотеля же и его последователей острое, тупое и т.п. не существуют сами по себе. Мы получили важный вывод: теоретическая семантика замыкается на онтологию, но не наоборот, как то мнят аналитические философы. Впрочем, это соображение придется развить в другой публикации.

Близкоименное в дифференциальной семантике является коррелятом античного (не совпадающего с лингвистическим) понятия падежа, впервые введенного в 20 гл. «Поэтики», и описывает ситуацию близости как смыслов слов, так и самих слов. Удачным русским примером будет пара 'дурь' – 'дура'. Оба аспекта равно важны. Если налицо различие только в смыслах, остающихся смежными, само же слово не меняется, то перед нами, по Аристотелю, одно из переносных словоупотреблений. Например, 'любовь' в смысле «любимого человека», а не чувства. Если различны только выражения, а смысл тождествен, то для этого у Аристотеля термина вообще нет, например: 'матрац' и 'матрас'. Теперь это именуют вариантами.

В целом введенная Аристотелем тройка понятий схватывает различие имен в их связи с предметами, со смыслами и с фонемной представленностью, то есть все основные направления любого варьирования знака как знака, кроме прагматических (например, стилистические дублеты типа 'девонька' – 'девушка' – 'девка' – 'девица – 'деваха' или 'дурашка' – 'дурень' – 'дуралей' – 'дурачина', к паронимам не относимые). Однако выделены эти направления уникальным способом. Граница

между предметами и смыслами, отражаемая в понятиях семантической теории, в грамотно (как у Аристотеля) построенной теории является следствием из принятой онтологии и, стало быть, не инвариантна.

Впоследствии значение слова 'одноименное' сузилось, – оно перестало применяться к ситуации с т. н. «многозначными словами», а остаток превратился в нынешний 'омоним'. Этот термин, возможно, практически удобнее для обращения со знакомыми языками, но понятийно он внутри лингвистики не обоснован и нуждается во внешнем подкреплении. Пожалуй, при описании неизвестных и неродственных известным языков, т. е. когда внешние данные отсутствуют, Аристотелево 'одноименное' будет работать лучше.

Аристотелево 'соименное' сменило значение, став современным 'синонимом', посредством метонимии. В самом деле, при объяснении (т. е. приводя логос) того, что названо соименным у Аристотеля, мы используем средство, которое *теперь* именуется синонимом. Например: предметы «коза» и «овца» соимённы относительно слова 'скотина'. При необходимости пояснить выражение «К тебе в огород забралась скотина» в любом случае, забралась ли в огород овца или коза, можно привести один и тот же логос: «домашнее животное». Однако 'скотина' и 'домашнее животное' – это синонимы в нынешнем смысле.

Термин 'близкоименное' сменил значение, став современным 'паронимом', вероятно, так: разработка средств описания слово- и формообразования сделала Аристотелево понятие ненужным, ибо 'производное' ли 'родственное' слово лучше выражают суть дела. Тем самым термин высвободился, и его применили для области, которая осталась столь же неформализованной, какою была деривация для Аристотеля, а именно для случайного параллельного варьирования выражающего и выражаемого, как в случаях 'храп' и 'хрип', 'бред' и 'блуд' (оба суть бесчинства, но одно умственное, а другое нравственное) и т. д.

А. Петкович

**Эпический *furor* и осмысление понятий *civis* и *hostis* в
Гражданской войне Марка Аннея Лукана**

В данной работе мы подвергнем рассмотрению основное значение понятия *furor* в поэме *Гражданская война* Марка Аннея Лукана. Это понятие обладает ярко выраженной мотивационной ролью в эпическом действии, и тем самым является существенным для этически-познавательной системы произведения. Начнем рассмотрение с выражения, которое имеет форму вопроса типа *quis furor...?* Уже в седьмом стихе вступления к *Гражданской войне* повествователь задает вопрос: *quis furor, o cives, quae tanta licentia ferri?* (1.7), относящийся ко всему содержанию поэмы.¹

Подобный вопрос обычно задают друг другу герои римского эпоса в ходе эпического действия.² Частое использование вопроса *quis furor...?* позволяет считать его общим местом в римской эпике, а любой новый вариант – аллюзией на предыдущие примеры.

Этот тип вопроса обладает выстроенной тройной структурой. Он состоит из формализованного начала *quis (furor)*, после чего следует обращение в вокативе (*o cives*), а затем собственно вопрос, обычно начинающийся с вопросительного местоимения (*quae tanta licentia ferri*). Контекст эпического действия, в котором такой вопрос задается, и повод для него в значительной

---

¹ Цитаты из *Гражданской войны* приводятся по изданию М. Annaei Lucani *Belli Civilis Libri Decem*, ed. A. E. Housman. Oxford, 1927.

² На важность вопроса *quis furor...?* в римском эпосе указывает Дебра Хершковиц (D. Hershkowitz. *The Madness of Epic: Reading Insanity from Homer to Statius*. Oxford, 1998. P. 1), разбирая случаи употребления в *Энеиде* Вергилия, в *Метаморфозах* Овидия, и у Стация в *Фиваиде*. У Овидия подобный вопрос задает Пентей Фиванцам, узнав о введении новых обрядов в городе: *quis furor, o anguigenae, proles Mauortia, vestras / attonuit mentes?* (*Met.* 3. 531–2). Задавая вопрос *quis furor?* Иокаста у Стация пытается предотвратить междоусобицу сыновей (*Theb.* 11. 329–30).

мере указывают на осмысление самого понятия *furor* в данном эпосе.³

Во второй песни *Энеиды* вопрос *quis furor...?*, который, вероятнее всего, является самым известным примером (*o miseri, quae tanta insania cives? / creditis avectos hostis aut ulla putatis / dona carere dolis Danaum? Aen. 2. 42–4*),⁴ задает Лаокоон в начале повествования о разорении Трои, пытаясь воспрепятствовать троянцам ввезти деревянного коня в город. Именно поэтому вопрос в начале *Гражданской войны* обычно толкуется как открывающий повествование о гибели Рима.⁵

Furor и сходные с ним понятия играют важную роль и в *Энеиде*, но их значение у Вергилия не всегда отрицательно, особенно во второй части поэмы. Например, когда Юпитер видит, что троянцы борются без особого боевого пыла, он побуждает к бою Тархона, что описывается следующими словами: *Tyrrhenum genitor Tarchonem in proelia saeva / suscitavit et stimulis haud mollibus incitat iras (Aen. 11. 727–8)*. Тархон призывает остальных этрусков к борьбе, задавая вопрос: *quis metus, o numquam dolituri, o semper inertes / Tyrrheni, quae tanta animis ignavia venit? (Aen. 11. 732–3)*. Практически это слова самого Юпитера, сказанные устами Тархона, но в форме вопроса типа *quis furor...?* Однако здесь принятое понятие *furor* заменено понятием *metus*, а понятие *insania* понятием *ignavia*.

³ Упрочившаяся форма вопроса может также варьироваться, а понятия *insania*, *rabies*, *ira*, в примерах у Вергилия и Лукана используются попеременно, что значит, что они в эпосе считаются почти равнозначными понятию *furor*. Восприятие этого понятия как близкого понятиям *insania*, *rabies* и *ira* мы находим и у Сенеки. В трактате *De Ira* можно выделить два примера: *quidam itaque e sapientibus viris iram dixerunt brevem insaniam. (De Ira 1.1,2)* и *quantum est effugere maximum malum, iram, et cum illa rabiem, saevitiam, crudelitatem, furem, alios comites eius affectus (De ira.2.12.6)*.

⁴ Цитаты из *Энеиды* приводятся по изданию P. Vergili Maronis opera, ed. W. Ianell. Leipzig (Teubner), 1920.

⁵ Lucan. *De Bello Civili Book II*, ed. E. Fantham. Cambridge, 1992, p. 8-9. Отметим, что задающий вопрос *quis furor...?* находится вне состояния (*furor*), в котором другие принимают ошибочные решения. Таким образом, Лукан в начале произведения берет на себя роль объективного повествователя, для которого не действует перевернутая система ценностей, характерная для художественного мира *Гражданской войны*.

Очевидно, что эти два понятия в характеристике воинов исключают друг друга.

Другой пример той же фигуры в *Энеиде* представляет реакция Аскания на поджог кораблей, на который троянок побудила Юнона в лице Берои в пятой песни:
 "quis furor iste novos, quo nunc, quo tenditis" inquit
 "heu miserae cives? non hostem inimicaque castra
 Argivom, vestras spes uritis. en ego vester
 Ascanius"... (Aen. 5.670-3)

В эпизоде поджога кораблей *furor* означает истинное помрачение ума, состояние помешательства, в котором троянки действуют бессознательно в той мере, что Асканий должен заставить их опомниться: *en ego vester Ascanius*. Возвращение к разумному состоянию и освобождение от влияния Юноны проявляется в возвращении способности у троянок узнать своих сограждан и в появлении у них чувства стыда (*piget incepti, lucisque, suosque / mutatae agnoscunt, excussaque pectore Iuno est. Aen. 5. 678–9*). Важно и то, что в этом эпизоде агенсом для *furor* является Юнона. Подобный вид *furor*-а приближает нас к осмыслению этого понятия в *Гражданской войне*. У Лукана это действительно боевой *furor*, но войну, описываемую в поэме, можно определить словами Лаокоона в *Энеиде tanta insania* – иррациональное начало.

Во всех трех приведенных примерах говорящий обращается к своим слушателям как *cives*, так как *furor*, о котором здесь идет речь, деструктивен. Слово *cives* подчеркивает, что речь идет о действии, направленном не на врага, а на собственный социум, и потому оно должно быть губительным и для социума, и для каждого члена социума. Можем вспомнить и один фрагмент из *Анналов* Энния. Этот фрагмент сохранен как целое в форме вопроса:

Quo vobis mentes rectae quae stare solebant
 ante hac, dementes sese flexere viai? (Ann. 6.194–5)

Считается, что это часть речи, которую Аппий Клавдий Цек произнес перед членами Сената, ратуя против переговоров с Пирром, который в то время со своим войском находился в Италии.⁶ Следовательно, подобная форма речи в римском эпосе

⁶ *Poeti latini arcaici*. Volume primo. Livio Andronico, Nevio, Ennio a cura di A. Traglia. Torino, 1986. P. 434.

характеризует обращение к группе, которую составляют римские *cives*. Уже у Энния Аппий Клавдий своей речью отвращает римлян от опасного для государства решения. Фрагмент Энния, возможно, может нам указать на основное значение вопроса типа *quis furor...?* в римской эпике.

У Лукана вопрос *quis furor...?* несколько раз звучит и в ходе самого эпического действия. В конце первой песни его задает анонимная римская матрона, обращаясь к Аполлону. Он гласит:

*quis furor hic, o Phoebe, doce, quo tela manusque
Romanae miscent acies bellumque sine hoste est.* (l. 681–2)

В данном примере понятие *furor* приобретает специфическое, «лукановское» значение в условиях *bellum sine hoste*, войны, в которой врагом римлянина становится римлянин, а в римской эпике слово *hostis* характеризует чужого, человека из другой среды, неримлянина.

Сущность лукановского *furor* дословно объясняется в пророчестве Нигидия Фигула:

*imminet armorum rabies, ferrique potestas
confundet ius omne manu, scelerique nefando
nomen erit virtus, multosque exhibit in annos
hic furor.* (l. 666–9)

Утверждение *scelerique nefando nomen erit virtus* относится к измененному восприятию понятия *scelus* в эпическом действии. Это понятие римляне будут обозначать словом *virtus*. Проблема здесь не только в обозначении понятия, но и в том, что у Лукана традиционные для римской культуры понятия не всегда представлены в их основном значении. Так, почти все ключевые понятия в *Гражданской войне* многозначны или хотя бы двусмысленны и на уровне эпического текста. Мы можем утверждать, что в *Гражданской войне* основные морально-позитивные понятия *amor, lex, fides, pudor, virtus* и *civis* из абсолютных становятся относительными.

Понятия *ira* и *furor* важны не только для эпического действия в *Гражданской войне*, но и для его мотивировки. Герои поэмы Лукана начинают действовать в соответствии с новым кодексом, направленным на разрушение традиционных римских понятий и на иррациональное восприятие действительности, которое с традиционных позиций можно охарактеризовать тем же словом *furor*. Процесс, при котором эпическое действие приобретает «лукановский» характер, начинается уже в первой песни, когда состояние *paix* сменяется *bellum*. Изменение

характера эпического действия диктуется в первой речи Цезаря, произнесенной после перехода Рубикона:

"hic" ait "hic pacem temerataque iura relinquo;
te, Fortuna, sequor. procul hinc iam foedera sunto;
credidimus satis his, utendum est iudice bello." (1. 225–7)

Но речь Цезаря в Аримине все еще не оказывает довольно сильного действия на войско, что явствует из следующего комментария повествователя:

dixerat; at dubium non claro murmure volgus
secum incerta fremit. pietas patriique penates
quamquam caede feras mentes animosque tumentes
frangunt; sed diro ferri revocantur amore
ductorisque metu. (1.352-6)

В этой части эпического действия римские воины все еще осознают такие понятия как *pietas* и *patrii penates*, но уже понятие *amor* использовано в синтагме *amor ferri*. После речи Цезаря следует речь Лелия, в отдельных частях которой даются объяснения правил, введенных Цезарем при переходе Рубикона:

pectore si fratris gladium iuguloque parentis
condere me iubeas plenaque in viscera partu
coniugis, invita peragam tamen omnia dextra;
si spoliare deos ignemque immittere templis
numina miscebit castrensis flamma monetae; (1. 376–80)

Кроме проявления готовности прекратить все семейные и религиозные связи, эта речь содержит призыв к уничтожению римской семьи и римского государства. Из слов Лелия *nec civis meus est, in quem tua classica Caesar, / audiero* (1. 373–) следует, что понятие *civis meus* начинает восприниматься как *hostis*.

Ту же цель имеет и речь Цезаря перед воинами накануне Фарсальского сражения, в которой повторяется мысль, уже известная из обращения Лелия, но теперь уже в форме приказа:

vos tamen hoc oro, iuvenes, ne caedere quisquam
hostis terga velit: civis qui fugerit esto.
sed, dum tela micant, non vos pietatis imago
ulla nec adversa conspecti fronte parentes
commoveant; voltus gladio turbate verendos.
sive quis infesto cognata in pectora ferro
ibit, seu nullum violarit volnere pignus,
ignoti iugulum tamquam scelus imputet hostis. (7. 318–25)

Речь Цезаря предполагает, что охваченные боевым *furor* воины Цезаря, совсем как троянки в пятой песни *Энеиды*, не должны узнавать членов своей семьи и друзей. Для них *cognatus* должен стать *ignotus hostis*.

Накануне Фарсальского сражения *furor* охватывает и воинов Помпея. В своем обращении к воинам перед самой битвой Помпей задает уже ставший обычным эпический вопрос:

quis furor, o caeci, scelerum? civilia bella
gesturi metuunt ne non cum sanguine vincant. (7. 95–6)

Помпей здесь представлен как объективная инстанция, поскольку он пытается отвратить римлян от самодеструктивного боевого *furor*-а.

Вариант традиционного эпического мотива узнавания (*ἀναγνώρισις*) в *Гражданской войне* дается в четвертой песни, в эпизоде перемирия во время битвы под Илердой и ее продолжения (4. 168–253). Когда войска Цезаря и Петрея разбивают лагерь один рядом с другим, воины начинают узнавать своих знакомых и родственников. Этот момент комментируется словами *rupit amor leges, audet transcendere vallum / miles* (4. 175–6). Лексема *lex* здесь означает антизакон гражданской войны,⁷ в то время как понятие *amor* означает истинную любовь к членам семьи и согражданам. Это единственный эпизод в поэме, в котором воины двух противоборствующих сторон опознают друг друга как *cives*. Вот почему в этом эпизоде и слова приобретают свое истинное значение:

hospitis ille ciet nomen, vocat ille propinquum,
admonet hunc studiis consors puerilibus aetas;

Но затем следует комментарий:

nec Romanus erat, qui non agnoverat hostem. (4. 177–9)

Оборот *hostem agnoscere* значит, что в эпизоде узнавания *hostis* для римского воина вновь становится *Romanus, parens, propinquus*. Иронический комментарий, относящийся к Цезарю и Помпею, гласит: *iam iam civilis Erinys / concidet et Caesar generum privatus amabit* (4. 187–8), а именно этот эпизод прерывается объяснением космического значения понятий *concordia* и *amor*. Тем самым в поэме устанавливается семантическая связь

⁷ D.F. George. Lucan's Caesar and Stoic ΟΙΚΕΙΩΣΙΣ Theory: the Stoic Fool // TAPA 118. P. 338

между конкретными и абстрактными понятиями, которые эти лексемы обозначают:

nunc ades, aeterno complectens omnia nexu,
o rerum mixtique salus Concordia mundi
 et sacer orbis amor: magnum nunc saecula nostra
 venturi discrimen habent. periere latebrae
 tot scelerum, populo venia est erepta nocenti:
agnovere suos. (4. 189–94)

В этом эпизоде весьма важную роль играет глагол *agnoscere* (4. 179; 194), точнее выражение *agnovere suos*. Этому выражению здесь принадлежит та же функция, что и в эпизоде поджога кораблей у Вергилия (*suosque/ mutatae agnoscunt Aen. 5. 678–9*). Причиной временного восстановления нормативных связей лексемы и понятия, к которому она относится, является то, что в приведенном эпизоде создается условная картина мира между римлянами (*pax erat 4.198; foedera pacis / cognita Petreio 4. 205–6*). Но за краткой иллюзией мира в эпическом действии сразу следует реакция Петрея. После речи Петрея, в которой он призывает римлян вернуться к оружию, нарратор комментирует воздействие речи на воинов следующими словами: *sic fatur et omnis / concussit mentes scelerumque reduxit amorem* (4. 235–6). После того как в последующих стихах (4. 237–42) показано, что понятия *rabies* и *furor* вновь внесены в эпическое действие, понятие *amor* (*sacer orbis amor*), вновь превращается в свою противоположность *amor scelerum*. Этот парадоксальный *amor scelerum* доминирует во всем действии поэмы *Bellum civile*.

Л. Б. Поплавская

«Учение Эрота» в греческой буколке

«Учение Эрота» – это название одной из буколик, приписываемых поэту Биону из Смирны (Pseudo-Bion, VII Legrand)¹, жившему в конце II в. до н.э. Ему принадлежат 11 стихотворений и 6 фрагментов эротического содержания в традиционной манере александрийской лирики². Сохранностью стихов, связанных с именем Биона, мы обязаны «Florilegium» Иоанна Стобея (VI в. н.э.). Именно он представил их как извлечение из буколик и слишком скрупулезно разделил на тематические группы: I, II – *περὶ φιλοπονίαν* – о трудолюбии; III – *περὶ πολιτείας* – о государственных делах (?); IV–V – *περὶ ἡσυχίας* – об отдыхе; VI, VII, VIII, IX – *περὶ Ἀφροδίτης Πανδήμου* – об Афродите Земной («Всенародной» или «Пошлой»); X, XI – *ψόγος Ἀφροδίτης* – упрек Афродите; XII – *ὑπὲρ κάλλους* – в защиту красоты; XIII – *περὶ ἐλπίδος* – о надежде; XIV – *περὶ εἰμαρμένης καὶ τῆς τῶν γινομένων εὐταξίας* – жребии и порядке для живущих; XV – *περὶ χρόνου οὐσίας καὶ μερῶν καὶ πόσων (ἄν) εἶη αἴτιος* – о времени существования и о том, что может быть причиной мер и количеств; XVI – *περὶ Ἀφροδίτης Οὐρανίης καὶ Ἔρωτος* – об Афродите Урании, которую Стобей вслед за Платоном (Pl. Symp. p. 180 d) отделяет от Пандемос⁴, и Эроте. Только 4 фрагмента не связаны с мифологией, они о тех кто поет на мифические темы и надеется на награду.

В самом словосочетании, вынесенном в заглавие интересующей нас буколки (VII) есть бивалентность в значении

¹ Bucoliques Grecs / Texte ét. et trad. Ph. E. Legrand. T. II. Paris, 1967.

² В издании Виламовица все произведения, приписываемые Мосху и Биону, считаются сомнительными и помещены в Appendix. См. Bucolici Graeci / ed. U. von Wilamowitz-Möllendorff. Oxonii, 1905, 1910.

³ Fr. 3 состоит из 2 стихов, поэт просит награду, ссылаясь на Феба. Непонятно, почему содержание его квалифицируется как *περὶ πολιτείας*.

⁴ В fr. XVI Афродита не упоминается, ее заменяют Музы, которых призывает Эрот. Однако Афродита Урания покровительствует творческому потенциалу, в то время как Афродита Пандемос способствует земной любви, поэтому Стобей относит к ней fr. VI–IX.

родительного падежа: Δίδαξις τοῦ Ἔρωτος может быть genet. obiectivus или subiectivus – «Учение Эрота» или «Обучение у Эрота», т. е. Эрот – учитель или ученик. Следует заметить, что в рукописи это стихотворение как и большинство других буколик заголовка не имеет вообще, он появился в Новое время, чтобы отличать этот фрагмент, представляющий собой стихотворение с законченным сюжетом, от других, где Эрот упомянут, следуя обязательной эллинистической традиции. Название выбрано не случайно, т. к. на протяжении всего стихотворения gen. obiect. превращается в gen. subiect., когда учитель и ученик невольно поменялись местами. Роль наставника (вольного и невольного) подчеркивает постоянное употребление глагола διδάσκω (7 раз на 13 стихотворных строк). Преобладает genus actiuum (6 раз), passivum появляется в последнем стихе как финал забавной истории: Ἔρωσ με δίδαξεν – «Эрот меня научил» и я стал διδάχθην (v.13). Последнее слово (διδάχθην) знаменует результат стараний простодушного пастуха, которому, возможно, все это пришло в голову (μοί ... ἔθ' ὑπνώοντι – v.1).

Ps.Bion, VII, 1:

Ἀ μεγάλα μοι Κύπρις ἔθ' ὑπνώοντι παρέστα
νηπίαχον τὸν Ἔρωτα καλῶς ἐκ χειρὸς ἄγοισα
ἐς χθόνα νευστάζοντα, τόσον δέ μοι ἔφρασε μῦθον
«Μέλπειν μοι, φίλε βοῦτα, λαβὼν τὸν Ἔρωτα δίδασκε».
Ὡς λέγε· χά μὲν ἀπήλθεν, ἐγὼ δ' ὅσα βουκολιασδὸν
νήπιος ὡς ἐθέλοντα μαθεῖν τὸν Ἔρωτα δίδασκον·
ὡς εὖρεν πλαγίαυλον ὁ Πάν, ὡς αὐλὸν Ἀθάνα,
ὡς χέλυν Ἑρμάων, κιθάραν ὡς ἀδὺς Ἀπόλλων.
Ταυτὰ μιν ἐξεδίδασκον· ὁ δ' οὐκ ἐμπάζετο μύθων,
ἀλλὰ μοι αὐτὸς αἶιδεν ἐρωτύλα, καί με δίδασκε
θνατῶν ἀθανάτων τε πόθως καὶ ματέρος ἔργα,
κῆγῶν ἐκλαθόμεαν μὲν ὅσων τὸν Ἔρωτα δίδασκον
ὅσσα δ' Ἔρωσ με δίδαξεν ἐρωτύλα πάντα διδάχθην.

«Спящему мне Киприда великая вдруг явилась.
И прекрасной рукой мальчонку Эроту вела.
Тот потупился в землю, она она мне только сказала:
«Милый пастух, возьми и петь Эрота учи».
После ушла, я учил Эрота пастушеским песням,
Сколько их знал, я был глуп, думая, что он хочет учить
их.

Пел я, как Пан избрел поперечную флейту, авлос
Афина нашла,

Черепашу Гермес звонкою лирою сделал, Аполлон
приятен кифарой.

Это ему излагал, но он слова те не слушал.

Песни любовные сам пел и меня наставлял.

Страсти людей и бессмертных, матери дело своей также

В напевах хвалил. Тут я сразу забыл, чему учил я Эрота.

Но научился всему, что мне Эрот преподавал.

Словосочетание τὸν Ἔρωτα δίδασκον почти приближается к формульному повтору, оно не только дважды повторяется в рассказе пастуха (v. 6, 12), но и в словах Киприды, с которых начинается эта история, с заменой на imperativus δίδασκε (v. 4). Восприимчивость и наивность пастуха, под маской которого, как и положено, скрыт автор, выглядит ребяческой. Поэтому он называет себя νήπιος (v. 6) – букв. «малолетний», а потом уже «неразумный». В характеристике Эроса использован diminutivum того же слова: νηπίαχος (v. 2). Этим оба героя уравниваются, только один – традиционно шаловливый младенец, прикидывающийся скромником (ἐς χθόνα νευστάζοντα), а другой, простодушно поверивший ему, взялся учить Эрота «как желающего научиться» (ὡς ἐθέλοντα μαθεῖν – v. 6). Единственный раз встретившийся глагол μανθάνω оказался несостоятельным, это подчеркивает adv. ὡς – «будто, как бы». Διδάσκω и μανθάνω обычно представляют логическую пару – «учить и учиться». Оба героя поют и умеют это делать. Примечательно, что прямого дополнения к глаголу пения пастуха нет, только ὅσα – «сколькие (песни)» он βοῦκοιλιάσδον – «пел и сочинял на пастушеские темы». Эта тематика укладывается в мифическую историю музыки: какого бога считают изобретателем какого инструмента. А начинает пастух, конечно, со своего главного покровителя Пана, он изобрел πλαγίανυλον – «поперечную флейту». Она сделана из нескольких камышинок, склеенных между собой (τὸ πλαγίον ‘бок’). Это слово есть в словаре Феокрита и в эпиграммах «Антологии». Но прежде «боковой флейты» должен был появиться простой авл (αὐλός) – дудочка из тростника. Ее изобретает Афина, а затем, бросив, проклиная свое изобретение. У слушателей, хорошо знавших этот миф, должны были возникнуть ассоциации с Марсием, подобравшим авл и вызвавшим на соревнование самого Аполлона. Черепаша Гермеса, сделавшего из нее лиру, отсылает к гомеровскому гимну «К Гермесу». С упоминанием κίθάραν традиционно заканчивается этот ряд, ведь эпитет Аполлона – Κίθαρωδός, а за Кифаредом

стоят Μοῦσαι – покровительницы пения и поэзии. Тщательный лексический отбор намеренно не выходит за пределы давно сложившейся песенной традиции. Все это поэтический арсенал пастуха (βούτης, ου). Эроту предназначена роль нарушителя этой традиции. Он пел то, что ассоциируется с его именем: ἄειδεν ἐρωτύλα⁵. Ἐρωτύλος у Феокрита почти равен ἐραστής (любовник, влюбленный). У Биона ἐρωτύλα с уменьшительным суффиксом для песен отлично от ἐρωτικά. Это именно «песенки» о любви, а не серьезные ῥοαί или ὕμνοι. «Дела его матери», наоборот, не названные, как обычно, с применением ее имени τὰ ἀφροδίσια, а в качестве ἀντονομασία уводят Афродиту в тень рассказа. Автор буколики сознательно расставляет акценты, обнаруживая свои приоритеты. Песни о любви должны потеснить строгую мифическую традицию. Главным богом эллинистической поэзии стал Ἐρως, поэтому актуальны его ἐρωτύλα, а из Муз – не названная здесь Ἐρατώ, с проэмия которой начинается 3 книгу своей «Аргонавтики» Аполлоний Родосский (Ар.Rhod. Arg. III,1–5):

«Ты ведь сама сопричастна Киприде, ты песней чаруешь
Дев непорочных, имя твое созвучно Эроту».
(Перевод Н. А.Чистяковой)

Муза и Эрот – нерасторжимое сочетание, ставшее едва ли не топомосом эллинистической поэзии. Если Эрот дик, жесток, горек (ἄγριος, ἄστωργος, πικρός), то спасение (φάρμακον) только в пении (μολλά). Надо излить горе «горькой любви», чтобы исторгнуть его и освободиться. Синонимический ряд традиционных эпитетов бога и постоянное обращение героев к пению демонстрируют другие фрагменты, приписываемые Биону (VI, X, XI, XVI). В них повторяются глаголы, образованные либо от слова μέλος ‘напев’, либо от ῥοαί (дор.) ‘песня’, ‘пение’: μέλλω, μελίσσω (атт. μελίζω), ἀείδω или глагол, указывающий на буколический жанр – βουκολιάσδομαι (атт. βουκολιάζομαι) ‘петь и играть на музыкальных инструментах’, ‘водить хоровод’ и ‘сочинять песни’ для импровизированных пастушеских агонх, на которых, несомненно, присутствовали авторы литературных

---

⁵ Буколики – стихи эротические. С незадачливым пастухом себя идентифицирует сам автор, поэтому свои творения он называет ἐρωτύλα, исходя из их тематики.

буколик. Во времена Феокрита, Биона и Мосха буколика, появившаяся как призыв органического слияния с природой, поклонение ее красоте и простой мудрости бытия, еще не используется для придворных мотивов. В то же время она не была протестом против эллинистического города, это было не бегство в деревню, а выезд горожанина на природу, и видение этой природы глазами приезжего гостя⁶. Во фрагментах, приписываемых Биону, больше места занимает Эрот и Афродита, чем Пан, нимфы, пастухи со своими стадами, сельские нравы и обычаи. Все, что было пасторальным, уменьшилось лишь до одного пастушеского имени Ликид (VI, 10), для него, как и для Эрота хочет петь автор VI буколки⁷, которую мы также рассмотрим. Несмотря на то, что дошедшие фрагменты очень короткие, некоторые из них являются законченными стихотворениями, а их объем скорее свидетельствует о литературных вкусах своей эпохи. Это поэзия о поэзии. Поэты в буколиках говорят о самих себе. Из всей традиции, бытовавшей до них, они выбирают только «сладость и горечь Эрота» – любовь на природе. Тема любви и поэзии как ее неизменной спутницы приходят в эллинистическую лирику отчасти из фольклора. Именно на эту традицию греческой лирики в римско-эллинистической поэзии станут опираться буколические поэты Вергилий, Кальпурний, Немесиан⁸. Еще не только не были написаны «Ars amandi» и «Remedia» Овидия, но не родился Парфений, чтобы собрать мифы о несчастной любви в свой сборник «Περὶ ἐρωτικῶν παθημάτων», предназначенный для Корнелия Галла. Однако эллинистическая поэзия, сделавшая обязательным присутствие имени Эрота вместе с сетованием на его жестокость и спасение только в творчестве, имела и литературного предшественника –

⁶ Грабарь-Пассек М. Е. Буколическая поэзия эллинистической эпохи / Феокрит. Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы. М., 1993. С. 224.

⁷ См. Legrand Ph. E. ... P. 210.

⁸ Римские поэты Кальпурний (I в. н.э.) и Немесиан (III в. н.э.) были несомненно знакомы с творчеством Феокрита, но опирались на Вергилия. Язык Кальпурния отличался чистотой, а стихи – музыкальностью. Он внес в буколику дидактический элемент. Немесиан сочетал буколику с риторическими находками, а поэт Энделехий (ок. 400 г.) поэтизировал прозаизмы, что говорит о смешении жанра в поздней буколической поэзии. См. М. фон Альбрехт. История римской литературы. Т. II. М., 2004. С. 731–732 (главы «Римская буколика», «Греческий фон»).

это Еврипид, Ἔρωc которого был полноправным участником всех человеческих драм. В недошедшей трагедии «Сфенебея» были стихи, которые можно считать отправной точкой (ἀφορμή) для «Учения Эрота» Псевдо-Биона и других буколик на ту же тему:

ποιητὴν δ' ἄρα

Ἔρωc διδάσκει, κἂν ἄμουσοc ἦ τὸ πρῖν.

«Эрот поэтом делает и человека раньше Музам чуждого».

(fr. 666 Nauck⁹. Перевод Я. М. Боровского)

Ἔρωc διδάσκει – «учит» как и в VII буколике Биона. Первоначальное отсутствие творческого потенциала передается через ἀ-privativum, отрицающее причастность к Музам. На широкую известность этих стихов указывают многочисленные источники. Скрытые цитаты и их реминисценции объясняли схолии с эллинистического времени до поздней античности. В комедии Аристофана «Осы» (Aphr. Vesp. 1074) полностью цитируется вторая часть этих стихов Еврипида, так что не узнать их невозможно: ῥαδίωc ἐγὼ διδάξω, «κἂν ἄμουσοc ἦ τὸ πρῖν» – «легко научу я, “даже если он был незнаком с искусством”». Но спустя лет двести схолиаст добавляет слова о принадлежности стихов к Еврипиду, поскольку среди известных 18 трагедий «Сфенебеи» нет: ὁ στίχοc Εὐριπίδου ἐκ Σθενεβοΐαc (Schol.). В «Пире» Платона, где речь идет об Эроте, участник диалога Агафон также точно воспроизводит эту часть цитаты (Plat. Symp. P. 196 E): πᾶc γοῦν ποιητὴc γίγνεται, «κἂν ἄμουσοc ἦ τὸ πρῖν», οὗ ἂν Ἔρωc ἄψηται – «ведь в самом деле всякий, кого коснется Эрот, «даже если он прежде не знал Муз», становится поэтом. Феокрит в начале XI идиллии «Киклоп» (v. 1–6) говорит об отсутствии лекарства от любви, кроме Муз Пиерид. Никий Милетский, отвечая на эту буколику Феокрита пишет: ἦ ἄρ' ἀληθὲc τοῦτο Θεόκριτε· οἱ γάρ ἐρωτεc πολλοὺc ποιητᾶc ἐδίδαξαν τοὺc πρῖν ἄμουσοc (Nic. Miles. in Argum. Theocr. id. XI). – «И в самом деле, Феокрит, это – правда...», а затем он чуть изменяет цитату из Еврипида, когда говорит о «многих непричастных прежде к искусству», (πολλοὺc τοὺc πρῖν ἄμουσοc) которых любовные чувства (ἔρωτεc) научили

⁹ Euripidis perditarum tragoediarum fragmenta / rec. Nauck A. Vol. III. Lipsiae, 1869.

(ἐδίδαξαν) быть поэтами. Имя Еврипида не названо, т. к. оно было известно в связи с этой цитатой.

Плутарх в «Застольных беседах» выносит обсуждение этих слов между участниками пира у Сосия Сенекиона (Plut. Mor. p. 622 c). Приводя этот фрагмент и в другом месте (Plut. Mor. p. 405 f), Плутарх дает объяснение словам Еврипида: ὁ δ' Εὐριπίδης εἰπὼν ὡς «Ἔρως – τὸ πρῖν» ἐνενόησεν ὅτι ποιητικὴν καὶ μουσικὴν ἔρως δύνάμιν κινεῖ. – «Еврипид, говорящий, что «Эрот... и т. д.», объяснил, что эрос приводит в движение поэтический и музыкальный талант». Ритор П в. н.э. Элий Аристид в речи «Похвала Риму» (Arist. Laud. Rom., 3) говорит, что в великом Городе он встретил людей, под влиянием которых всякий, «даже если прежде он не знал Муз» (κἄν ἄμουσος ἦ τὸ πρῖν), делается исполненным гармонии (ἐμμελής – букв. «в лад поющим») и умелым оратором. Автор трактата «О возвышенном» (Pseudo-Longin. 39, 2) говорит о воздействии авла на слушающего музыку, он вызывает состояние, близкое к безумию, заставляет двигаться в своем ритме, подчиняться напеву, «даже если он не музыкален» (κἄν ἄμουσος). Здесь также скрыта цитата из Еврипида. Другой фрагмент из «Сфенебеи» говорит о душевном состоянии любящего (fr. 668 Nauck):

τοιαῦτ' ἀλύει νουθετούμενος δ' Ἔρως
μᾶλλον πιέζει.
«Так вне себя она, ведь Эрос
Все более теснит».

Νουθετούμενος – «проникающий в душу, приводящий различные доводы». Возможно, что в недошедшем контексте не было противопоставления νοῦς и ψυχή. В эллинистической поэзии эти слова выступают часто как синонимы. Аристофан в «Осах» использует и эту цитату из «Сфенебеи», устранив слово Ἔρως (Arph. Vesp. 111): «τοιαῦτ' ἀλύει νουθετούμενος δ'» ἀεὶ μᾶλλον δικάζει. Он заменяет πιέζει на δικάζει и добавляет ἀεὶ: «Всегда вернее судит тот, «кто доводы разумные находит». Часть этой цитаты от слова νουθετούμενος до πιέζει использовал также врач Гален (Galen. Vol. 5. p. 411; vol. 1. p. 282 ed. Basil). Плутарх (Plut. Mor. p. 71A) со ссылкой на Еврипида говорит «об Эроте, проникающем в душу», он видоизменяет цитату, но сохраняет глаголы πιέζω и νουθετέω, что букв. значит «класть на сердце» (νοῦς + τίθημι).

Так Еврипид, многие стихи которого цитировались как arte dictum, становится одним из источников некоторых произве-

дений последующей литературы. Комедия, риторика, литературная критика и даже медицина использовали эти ἀποφθέγματα применительно к задачам своего жанра. Эллинистическая буколика навсегда соединила поэзию и страдания любви. Именно лекарством от этих страданий должна была стать поэзия.

Ps. Bion, XVI:

Μούσας Ἔρωσ καλέοι, Μοῦσαι τὸν Ἔρωτα φέροισιν.
 Μολπὰν ταὶ Μοῦσαι μοι ποθέοντι διδοῖεν,
 τὰν γλυκερὰν μολπὰν, τὰς φάρμακον ἄδιον οὐδέν.
 «Муз пусть Эрот призывает, а те Эрота уносят.
 Мне в томлении страсти пусть Музы песню даруют,
 Сладкое пение, лекарства приятнее нет».

Μολπὰ употребляется в значении «песня» и «пение как поэтический дар». VI идиллия на тему «Эрот и Музы» говорит о наличии или отсутствии этого дара, внушаемого Эротом.

Ps. Bion, VI:

Ταὶ Μοῦσαι τὸν Ἔρωτα ἄγριον οὐ φοβέονται·
 ἐν θυμῷ φιλέοντι καὶ ἐκ ποδῶς αὐτῷ ἔπονται.
 Κἴη μὲν ἄρα ψυχὰν τις ἔχων ἀνέραστον ἀείδῃ,
 τῆνον ὑπεκφεύγοντι καὶ οὐκ ἐθέλοντι διδάσκειν·
 ἦν δὲ νόον τις Ἔρωτα δονεῦμενος ἀδὺ μελίσδῃ,
 ἐς τῆνον μάλα πᾶσαι ἐπειγόμεναι προρέοντι.
 Μάρτυς ἐγὼν, ὅτι μῦθος ὄδ' ἐπλετο πᾶσιν ἀλαθής.
 Ἦν μὲν γὰρ βροτὸν ἄλλον ἢ ἀθανάτων τινὰ μέλω,
 βαμβάνει μοι γλῶσσα καὶ ὡς πάρος οὐκέτ' αἰεῖδει·
 ἦν αὐτ' ἐς τὸν Ἔρωτα καὶ ἐς Λυκίδαυ τι μελίσδω
 καὶ τόκα μοι χαίροισα διὰ στόματος ρέει αὐδά.

«Музы Эрота, хоть дик он, совсем не боятся:
 Следуют в любящем сердце за ним по пятам.
 Если кто-то поет, чья душа Любви не знает,
 То избегают его и научить не хотят.
 Если тот, чья душа пришла в движенье с Эротом,
 Нежную песню поет, все соберутся к нему.
 Я свидетель того, что рассказ этот сущая правда.
 Если из смертных кого, иль из бессмертных пою,
 Мой лепечет язык и, как прежде, больше не звучен,
 Если я что-то пою в честь Эрота или Ликида,
 С радостью пенье мое через уста потечет.

Многие вариации эротической поэзии постоянно используют два отличительных признака Эрота: бог крылат и хорошо стреляет. В буколике Мосха «Эрот беглец» по этим признакам Афродита будет искать пропавшего сына. В упреке Киприде Биона (XI, v. 6) опасность его заключается в тех же качествах:

πανός и ἐκαβόλος. Поэт спрашивает, за что же Киприда так рассердилась на саму себя, если породила это зло.

Метафора крылатого бога полностью реализована в буколике, условно названной «Птицелов» (X), где ребенок путает Эрота с птицей и подстерегает его, перелетающего с ветки на ветку. Ps. Bion, X:

Ἰξευτὰς ἔτι κῶρος ἐν ἄλσει δενδράεντι
 ὄρνεα θηρεύων τὸν ἀπότροπον εἶδεν Ἔρωτα
 ἐσθόμενον πύξοιο ποτὶ κλάδον· ὡς δὲ νόησεν,
 χαίρων ὄνεκα δὴ μέγα φαίνεται τῶρνεον αὐτῷ,
 τῶς καλάμῳς ἅμα πάντας ἐπ' ἀλλάλοισι συνάπτων
 τᾶ καὶ τᾶ τὸν Ἔρωτα μετάλμενον ἀμφεδόκευεν.
 Χῶ παῖς ἀσχαλαίων, ὅκα οἱ τέλος οὐδὲν ἀπάντη
 τῶς καλάμῳς ρίψας ποτ' ἀροτρέα πρέσβυν ἴκανεν,
 ὅς νιν τάνδε τεχναν ἐδιδάξατο, καὶ λέγειν αὐτῷ,
 καὶ οἱ δεῖξεν Ἔρωτα καθήμενον. Αὐτὰρ ὁ πρέσβυς
 μειδιάων κίνησε κάρη καὶ ἀμείβετο παῖδα·
 «Φεῖδεο τὰς θήρας μῆδ' ἐς τόδε ἔτ' ὄρνεον ἔρχευ.
 Φεῦγε μακράν. Κακόν ἐντι τὸ θηρίον. Ὀλβιος ἔσση,
 εἰσόκε μὴ νιν ἔλῃς· ἦν δ' ἀνέρος ἐς μέτρον ἔλῃς,
 οὗτος ὁ νῦν φεύγων καὶ ἀπαλμενος αὐτὸς ἀφ' αὐτῷ
 ἐλθὼν ἐξαπίνας κεφαλὰν ἐπι σεῖο καθίξει».

«Птиц ловящий ребенок Эроса в чаше увидел,

Тот в отдаленье на ветке самшита сидел.

Радуюсь, что ему попалась огромная птица,

Соединив тенета¹⁰, он выслеживать Эроса начал.

Тот по веткам скакал тут и там, поймать его не удастся.

Связку отбросив в сердцах, мальчик пришел к старику,

Кто ловить его птиц научил и показал, где Эрот на ветке уселся.

Только старый крестьянин качал головой, улыбаясь.

Мальчику так отвечал: «Остерегайся добычи.

К птице не подходи, сам беги ты подальше.

Это злое творенье, и счастлив ты будешь,

Если его не поймаешь, когда же ты станешь мужчиной,

Тот, кто бежал от тебя, сам к тебе прилетит

И внезапно на голову сядет».

¹⁰ Птиц ловили с помощью клея омелы, поэтому птицелов назван Ἰξευτὰς (v. 1) от ὁ ἰξός – «растение омела» и «птичий клей». Далее подробно описывается, как мальчик делает ловушку, используя тростник (τῶς καλάμῳς), он соединяет его стебли между собой (ἅμα πάντας ἐπ' ἀλλάλοισι συνάπτων – v. 5). Поэтому далее ловушка для птиц названа τῶς καλάμῳς (v. 8).

В этой буколке «ученье» продолжается, но это уже «школа жизни», пройти ее придется мальчику самостоятельно, об этом в качестве διδάσκαλος предупреждает его старый пахарь.

И хотя Стобей объединил эту X идиллию вместе с XI тематикой «ψόγος Ἀφροδίτης», в словах мудрого крестьянина присутствует то, о чем будет говориться, по определению Стобея в XIV идиллии: περὶ εἰσαρμένης καὶ τῆς τῶν γινομένων εὐταξίας – о судьбе и порядке, заведенном для всех живущих. Стоит заметить, что в XIV буколке Эрот не присутствует, только Феб хочет облегчить страдания смертным, но не может:

«Нет исцеления ранам, которые мойра наносит».

(Перевод М. Е. Грабарь-Пассек).

Несмотря на шутивную легкость и орнаментальность буколической любви, Бион говорит о серьезных ранах человеческого сердца. Поэтому Ф. Легран считает, что сам автор стихов о любви был меланхолического характера, однако грациозность стиха и изобретательное остроумие побеждают некоторый пессимизм страстного чувства¹¹.

---

¹¹ См. Legrand Ph. E. ... P. 209–211. Автор считает, что возможна гипотеза о суициде Биона, что могло объясняться и неудачами литературного характера. Подтверждение можно найти в III идиллии Мосха «Плач о Бионе».

В. П. Поршнев

Кружки учёных и поэтов при Александрийском Мусее

В истории Александрийского Мусея нерешёнными проблемами остаются количество состоявших при нем царских, а затем императорских пансионеров, а также наличие в Мусее каких-либо внутренних подразделений, наподобие факультетов и кафедр новоевропейских университетов. Находки папирусов, на которых можно было бы прочесть полные списки членов Мусея, пока не зафиксированы; из письменных источников известны только некоторые имена и звания: *προστάτης τῆς βιβλιοθήκης* (P.Oxy. 1241; *Suid.* s. v. Ἀπολλώνιος), *ἱερέυς ὁ ἐπὶ τῷ Μουσείῳ* (*Strab.*, XVII, C794), *ἐπιστάτης τοῦ Μουσείου* (OGIS 104; CIG III, 5900), *συγγενῆς βασιλέως Πτολεμαίου* (Syll.³ I, 585) *νεωκόρος τοῦ μεγάλου Σεράπιδος καὶ τῶν ἐν τῷ Μουσείῳ [σειτου]μένων φιλοσόφων* (CIG III, 4724). Но ни один источник не сообщает о численности сообщества Мусея, которое Страбон именует *σύνοδος τῶν μετέχοντων τοῦ Μουσείου φιλολόγων ἀνδρῶν* (XVII, C794). Хотя им управлял жрец (*ἱερέυς ὁ ἐπὶ τῷ Μουσείῳ*), «прежде назначаемый царями, а теперь – Цезарем», само слово *σύνοδος* не имело во времена Страбона, как и в предшествующие столетия, сугубо религиозного значения, которое ему придадут в христианскую эпоху (*Cod. Just.*, I, 1, 7, 12); оно означало просто сообщество, собрание мужей, преданных наукам и изящной словесности, или же связанных одной профессией, например – врачей (IG IV², 679), актёров (SIG 698), или атлетов (OGIS 713). Следовательно, нет возможности определить число членов синода Мусея путём сопоставления с коллегиями жрецов старых святилищ Эллады или птолемеевского Египта. Мы даже не знаем, какую территорию в городе занимал Александрийский Мусей. Учёные и поэты собирались в общей трапезной (*συσσίτιον*), в одном здании, где, возможно, имелись и комнаты для проживания и занятий. Страбон называет его Большим Домом (*οἶκος μέγας*), но по эпитету нельзя судить о его истинных размерах: это могло быть лишь самое крупное строение на священном участке Мусея. Также и эпиграмма Тимона, переданная Афинеем, очень неопределённо говорит о множестве «кормящихся» в Мусее философов (*Athen.*, I, 22 d).

Накопленные первыми Птолемеями богатства вызывают соблазн представить синод служителей Муз в Александрии весьма многолюдным; в публикациях разных лет варьируются цифры от пятидесяти¹ до ста² человек, хотя исследователи подчёркивают, что это количество не было определено уставом и всецело зависело от щедрости Птолемеев. Критерием щедрости долгое время выступало предание о семидесяти двух переводчиках Священного Писания, приглашённых в Александрию по инициативе Деметрия Фалерского и находившихся на полном царском обеспечении все время, пока они были заняты переводом. Хотя ещё Г. Партей (примеч. 2) предлагал сократить их численность на четверть или даже наполовину, именно он, объединив иудейских толковников с другими учёными и писателями Мусея, не прекращавшими на этот период своих занятий, как раз и получил число сто, позже, со ссылкой на Партея, приведённое в *Real-Encyclopädie*. В настоящее время подвергаются сомнению уже не только число переводчиков, но и сама легенда о переводе, основанная на письме Аристея (*Ioseph.*, *Ant. Iud.* XII, 1, 4). Кроме того, гипотетических толковников иудейского Закона вообще нельзя рассматривать как пансионеров Мусея; в письме Аристея речь идёт о разовом заказе для Библиотеки, который, если он и имел место, оплачивался отдельно. Что касается жалования членов синода, то единственная цифра, которую обычно приводят исследователи, это 12 талантов в год, выплачиваемых Птолемеем III Евергетом философу Панарету (*Athen.*, XII, 552c). Сюда причисляются бесплатное кормление (*Dio Cass.*, LXXVII, 7; *Athen.*, I, 22d) и освобождение от налогов (OGIS 714). Доходы казны составляли тогда примерно 14 800 талантов в год³, следовательно, на сотню пансионеров Мусея приходилась бы чуть ли не десятая часть всего государственного бюджета. К этой сумме нужно добавить немалые сред-

¹ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Музей Александрийский. <http://www.workmach.ru/cat.html>. Дитмар А. Б. Родосская параллель. Жизнь и деятельность Эратосфена. – М., 1965. С. 19.

² Parthey G. *Das Alexandrinische Museum*. Berlin, 1838. S. 58. Müller-Graupa. *Museion*. // *Pauly's Real-Encyclopädie*. Bd. XVI (31 Hbbd.). Stuttgart, 1933. Sp. 809. Боннар А. *Греческая цивилизация*. Т. 3. От Еврипида до Александрии. М., 1992. С. 344. Фролов Э. Д. *Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть)*. СПб., 2001. С. 586.

³ Левек П. *Эллинистический мир*. М., 1989. С. 49.

ства на содержание обширного хозяйства Мусея и Библиотеки, его рабов и прислуги. Приводимый Афинеем анекдот о задержке жалования грамматiku Сосибью (XI, 493 f–494 a), вроде бы свидетельствует о полном царском произволе, но, с другой стороны, по Страбону (XVII, C794), источником оплаты была общая казна (*χρήματα κοινά*); скорее всего это доходы царских имений, которыми, после того как Египет стал императорской провинцией, управляли римские чиновники. Для большей стабильности такие доходы могли пускаться в оборот под фиксированные проценты. По крайней мере, так содержались Мусеи и философские школы, современные Мусею в Александрии. Феофраст завещал отстроить святилище Муз в Ликее на деньги, положенные у Гиппарха, одного из своих душеприказчиков, занимавшегося, судя по тексту Завещания, ростовщичеством (*Diog. Laert.*, V, 51; 55–57). Эпиктета, жительница о. Фера, для содержания семейного Мусея закладывала свои имения в Мелайнах, вдобавок к находящейся в обороте сумме в 3 000 драхм, с которых выплачивались проценты для всех семейных церемоний и трапез (IG XII, 3, 330). Синод Мусея в Истрии, о котором известно лишь из очень фрагментарной надписи (REG 68, pp. 238 ff., Nr.163), также получал проценты с постоянной денежной суммы в 300 золотых монет. И сами Птолемеи поддерживали не только Александрийский Мусей, но и щедро финансировали самое древнее святилище Муз – беотийское, сдавая в аренду свои имения в Беотии, для того, чтобы из полученных доходов оплачивать празднества и жертвоприношения в долине Муз (BSH XIX, nr. 29, p. 379–382). Следовательно, есть основания предположить, что число участников синода при Александрийском Мусее было более или менее постоянным, и не слишком большим. Очень приблизительно можно представить его, вспомнив имена тех знаменитостей, которые одновременно пребывали в Александрии при первых Птолемеях, когда Мусей финансировался особенно щедро.

В царствование Птолемея I (305–282) формируется первый кружок интеллектуалов, принимавших непосредственное участие в организации Мусея и Библиотеки. Кружок, ставший, прообразом будущего синода. В первую очередь следует назвать математика Евклида и философа Деметрия Фалерского, советника и друга царя. За ними идут Тимофей и Манефон, Стратон Физик (вернувшийся в Афины в 286 г., но находившийся при александрийском дворе около десяти лет), историки Клитарх

Александрийский и Гекатей Абдерский, поэты Филет Косский и Александр Этолийский. Можно добавить к этому списку прорицателя Александра Македонского Аристандра Тельмесского, после смерти царя перешедшего на службу Птолемею, ведь прорицатель – *μαντεύόμενος* (IG VII, 1795), *μάντις* (*Syn. Epist.*, IV) – был традиционным участником мусического культа. Напротив, профессии архитектора, художника, скульптора (в отличие от профессий механика и врача), в число мусических не входили, поэтому мы исключаем Дейнократа Родосского и Сострата Книдского. Что касается философа Феодора Безбожника, которого пригласил Деметрий Фалерский из чувства давнишней дружбы, – он ещё в Афинах спас его, обвинённого в святотатстве, от суда Ареопага (*Diog. Laert.*, II, 101), или же таких скандальных поэтов как Сопатр Пафосский и Сотад Маронейский, то они, скорее, представляли свободную александрийскую «богему». Таким образом, у истоков Мусея стоят около десяти человек.

За долгое царствование Птолемея II (282–246) сменилось по крайней мере два поколения интеллектуалов. Мусей и Библиотеку возглавляли Зенодот Эфесский, Каллимах, Эратосфен Киренский. Последний был учеником Каллимаха, и вряд ли входил в число пансионеров одновременно с учителем. Также и Аристофан Византийский в этот период лишь учился у всех троих. Одновременно с ними творили Аполлоний Родосский, Ликофрон Халкидский, Гермипп Смирнский, Филостефан Киренский, Филиск Керкирский. Постоянно проживали в Александрии механик Ктесибий Александрийский и его друг поэт Гедил, воспевавший его изобретения (Филон Византийский, также восторгавшийся красотой машин, будучи иудеем, не мог состоять членом языческого синода), придворные врачи Герофил и Эрасистрат (но сообщество медиков Мусея они возглавляли друг за другом, поскольку Эрасистрат учился у Герофила), философ-перипатетик Сотион Александрийский, астроном Аристарх Самосский, математик Конон. Его самый знаменитый ученик – Архимед, но его обучение оплачивалось не Птолемеями, а тиранном Сиракуз Гиероном II. Аполлоний Пергский учился в Александрии в молодости, затем переехал в Пергам и вернулся в Египет только на старости лет. В Александрии жил Феокрит, сюда приезжали Мосх и Бион. Филолог Зоил за свою критику Гомера потерял милость царя и был лишён жалования. Врача Хрисиппа оболгали, привлекли к ответу и наказали бичами (*Diog. Laert.*, VII, 186). Учитывая эти факторы сменя-

емости, а также исключая временно пребывавших в Мусее учеников, мы опять получаем десять или двенадцать одновременно состоявших при Мусее φιλολόγων ἀνδρῶν.

При Птолемее III (246–222) Конон открыл созвездие Волосы Береники, известность приобрели поэт Ликофрон Халкидский, философ Гермипп Смирнский, Посидипп, описавший в стихах Александрийский маяк, антикварий Мнасий Патарский, математик Никомед, ученик Аполлония Родосского грамматик Харит, поэт новой комедии Махаон Сикионский, ученик Герофила Филин Косский, ученики Эратосфена Филохор и Аристон Хиосский, ученики Каллимаха Истр Александрийский и Филостефан киренский. Снова – чуть более десятка знаменитостей.

При Птолемее IV (222–204) прославились Аристарх Самофракийский, философ-стоик Сфер Боспорский, ученик Герофила придворный врач Андрей, филологи Леохор Сиракузский, Евфроний и Кратет Малосский. Продолжал творить Калликсен Родосский, чья карьера изографа придворных празднеств и царских кораблей началась ещё при Птолемее II (*athen.*, v, 196a–206c). Царские корабли воспевал и цитируемый Афинеем литератор Мосхион (*ibid.*, v, 206d–209e), продолжал служение Аристофан Византийский. Началась деятельность поэта и теоретика Неоптолема Парийского. Вновь примерно то же число.

Можно возразить, что многие имена нам просто неизвестны, и напомнить о многолюдности Мусея, но количество посетителей его священного участка, участников и зрителей церемоний и празднеств, возможных слушателей публичных лекций, читателей Библиотеки – никак не связано с его постоянным «ядром». Более того, из сведений о других античных Мусеях, которыми мы располагаем, явствует, что оно не зависело и от размеров, и от статуса святилища. Сообщенников (κοινωνοῦντες) Мусея аристотелевского Ликея, которым, согласно завещанию Феофраста, предписывалось постоянно жить в святилище и распоряжаться его имуществом, было десять (*diag. laert.*, v, 53), тогда как обучалось в Ликее до двух тысяч человек (*ibid.*, v, 37). κοινῶν τοῦ ἀνδρείου τῶν συγγενῶν (оно же именуется κοινεῖνον и συναγωγή) в несравнимо меньшем Мусее семьи Фойника-Эпиктеты на фере (IG XII, 3, 330), учреждённом исключительно для совершения обрядов поминовения, напротив, включало уже около тридцати членов, но это обуславливалось многочисленностью всей родовитой семьи. Мусей Аристотеля-Феофраста в качестве примера для нас предпочтительнее, поскольку у основания святилища в Александрии

стояли именно его воспитанники и служители (Деметрий Фалерский, Стратон Физик).

Аргументом в пользу малочисленности синода Александрийского Мусея является и наличие трапезной (συσσίτιον). В Спарте, со времён Ликурга, установившего сисситии, количество сотрапезников не превышало пятнадцати человек (*Plut. Lys.* 12). Афиней (I, 4f) говорит о двадцати восьми пирующих, собравшихся за платоновской трапезой, но неясно, идёт ли речь о сисситии в Академии, или о героях диалога «Пир». Однако «мусическая простота» (*Plut. Quest. conv.*, VI, 1, 686b; *Ael. Var. hist.*, II, 18) академических трапез, наверное, предполагала не только скромность угощений, но и малое число участников. В Александрии, где за общим столом собирались лучшие умы и таланты, сисситии были формой интеллектуального общения, с обязательными застольными беседами и дискуссиями на заданные темы. Трудно представить себе плодотворную беседу в одном помещении при одновременном участии пятидесяти или ста человек.

Предположив постоянный состав Александрийского Мусея в количестве от десяти до пятнадцати пансионеров⁴, мы снимаем вопрос о наличии в Мусее каких-либо «кафедр» или «факультетов». Даже знаменитые врачи и механики, чьи профессии предполагали длительное обучение и отнимали почти всё время, не ограничивали себя только этими видами деятельности. Герофил, например, увлекался музыкой, пытаясь использовать музыкальные ритмы для лечения больных. Основатели Мусея Деметрий Фалерский и Стратон, судя по спискам их сочинений (*Diog. Laert.*, V, 59-60; 80-82), были настоящими энциклопедистами. Эратосфен Киренский занимался филологией, грамматикой, историей, математикой, хронологией, астрономией, географией. Но, свободно выбирая одно или несколько направлений, каждый из членов Мусея, будучи весьма одарённой и разносторонне образованной личностью, собирал вокруг себя свой собственный кружок поклонников и учеников. Они, не находясь на царском обеспечении, как раз и создавали много-

---

⁴ Десятка (столько участников, напомним, было в Мусее Аристотеля-Феофраста) может быть соотнесена с числом Муз, хором которых руководит бог-Мусагет или богиня-мать Мнемосина: девять пансионеров, над которыми поставлен властями иерей Мусея. Но для столь точной фиксации письменных свидетельств нет.

людность мусического сообщества в Александрии; из их числа, по мере появления вакансий, могли формироваться и новые «кадры» синода Мусея.

Для характеристики таких кружков удобно использовать термин *χορός*, употребляемый Плутархом по отношению к собраниям академиков в Афинах, организатором и вдохновителем которых был учитель Плутарха Аммоний Александрийский, возможно, в прежние годы, связанный с Александрийским Мусеем, в пользу чего свидетельствуют его авторитетные суждения по всем вопросам культа Муз (*Quest. conv.*, V, 678d), и Синесием Киренским для наименования кружка единомышленников Ипатии Александрийской (*Epist.* IV: *εὐδαίμων χορός*). Сами же участники, очевидно, называли себя именами своих «хорегов»: *Ἀριστάρχειοι*, *Ἀριστοφάνειοι* и т. п. Важно, что объединиться в «хор» вокруг какой-либо знаменитой личности могли как ученики, так и просто друзья и единомышленники, что создавало необычную для современных учебных заведений гармонию обучения и дружеского общения. Членам кружков не обязательно было постоянно находиться на территории Мусея; они могли постоянно проживать в городе, или приезжать в Александрию на какой-то период времени. Для общения служил не только Большой Дом, где, если предположить не сто, а десять-пятнадцать пансионеров, каждому из них могли быть выделены целые апартаменты, но и последовательно перечисляемые Страбоном (XVII, С794) перипаты, экседра, царские сады. Добавим к этому портики и залы Библиотеки. Каллимах, в эпитафии поэту Гераклиту Галикарнасскому (*AP* VII, 80; *Diog. Laert.*, IX, 17), пишет: *ἐμνήσθην δ' ὀσσάκις ἀμφοτέροι ἥλιον ἐν λέσχῃ κατεδύσαμεν*. Это выражение можно понимать как встречу заката за дружеской беседой, или же беседу в специальной комнате, обращённой окнами на запад, но в любом случае предполагается длительное личное общение, тогда как о смерти друга Каллимах получает известие много времени спустя. Следовательно, Гераклит один из «каллимаховцев», но не ученик и не пожизненный пансионер Мусея, а скорее гость Каллимаха.

Но к этому же кружку причисляют и претендентов на постоянное членство в мусическом сообществе (очевидно – по мере появления вакансий). Назовём Гермиппа Смирнского, Аполлония Родосского (до его ссоры с Каллимахом), Истра – секретаря и вольноотпущенника Каллимаха, Филостефана Киренского и Эратосфена Киренского – земляков поэта, которых он мог пригласить в Александрию по личной инициативе и

представить царю. Возможно в этот «хор» входил и Феокрит, разделявший взгляды Каллимаха на художественную форму. Эратосфен Киренский, позже, создаст свой кружок, к которому примкнут Филохор, Аристон Хиосский, Мнасей Патарский.

В такой сфере деятельности как медицина выделяется «хор» Герофила. В него входят Евдем, Каллимах-врач, Бакхей Танагрский, Филин Косский, Андрей, Эрасистрат. Последний станет преемником Герофила.

Математики и астрономы, первые годы, ещё до организации Мусея, или в период его строительства, группировались вокруг Евклида и Стратона. Тогда в Александрии появляются Аристарх Самосский, Навкратес и Аполлоний Пергский. Затем, непосредственно в стенах Мусея, создал своё «хор» Конон; под его началом трудились Архимед и Досифей.

Вокруг Ктесибия Александрийского объединялись не только придворные механики. его почитателем был поэт Гедилл. Филон Византийский по религиозным причинам не мог принять языческого культа, но простое участие в кружке Ктесибия не предполагало совершение каких-либо неприемлемых для иудея обрядов.

Интуитивно найденный принцип организации стимулировал особую форму традиционной для греческой культуры состязательности. До сих пор обращалось внимание на индивидуальное соперничество в стенах Александрийского Мусея. В качестве примеров приводятся взаимоотношения Каллимаха и Аполлония Родосского, инициированное Кононом состязание в решении задач между Архимедом и Досифеем, диспуты учёных (*professores*) Мусея с участием императора Адриана (*Ael. Spart. Nadr.*, 20, 2). Но, подобно тому как в греческой трагедии хор разделялся на полухория, устраивавшие между собой агон, в Мусее имело место длительное соперничество по крайней мере двух философских, научных или художественных школ, которое заканчивалось либо их слиянием, либо тем, что обе они отмирали, уступая место новым. Врачи-догматики, последователи Герофила, получили оппозицию в лице школы врачей-эмпириков Филина Косского. В филологической науке Аристофан Византийский выдвинул теорию аналогии. В противовес ему Кратет Малосский создал теорию аномалии. Неизвестно, как объединялись философы Мусея, но, скорее всего, противостояли друг другу эклектики, пытавшиеся связать разные системы, и скептики, подвергавшие критике всех и вся. Наоборот, известен случай, когда «полухория» пели в унисон. При императоре

Клавдии, в специально сделанной к Мусею пристройке (*Suet. Claud.*, XLII, 2; *Athen.*, VI, 240b), сменяющиеся чтецы изо дня в день оглашали книги императора по истории этрусков и карфагенян. В такой форме осуществлялись сразу и популяризация знаний, и возвеличивание имени просвещённого монарха. Возможно, что прежде, при Птолемеях, пансионеры Мусея, помимо занятий в своих кружках, читали публичные лекции для большого числа слушателей. Это давало им и более широкие возможности для выбора учеников.

Соучастие в интеллектуальной жизни Мусея учёных и поэтов, не состоявших на государственном обеспечении, также способствовало выживанию Мусея в кризисные периоды, когда он либо просто лишался финансовой поддержки, либо его синод претерпевал прямые репрессии. В этих случаях служители Мусея имели возможность сохранить свои кружки и продолжать встречаться с единомышленниками за пределами Мусея. Мало того, в такие периоды могли спонтанно возникать и новые объединения, по подобию прежних «хоров» Мусея. В 230-е гг. рождается кружок, группирующийся вокруг свободного философа Аммония Саккаса (врач Евстохий, оратор Серапион, философы Иероним, Олимпий, Феодосий, Антоний, Плотин, Геренний, Ориген-язычник, Зеф Аравийский, Америк и Аквиллин; иногда к ним добавляют и Оригена-христианина). После запрета языческих богослужений при Феодосии Великом появляется «блаженный хор» Ипатии Александрийской (Геркулиан, Афанасий, Гай, Синесий Киренский, грамматик и прорицатель Феодосий, жрец Феотекн, поэт Паллад, ритор Гелиодор, префект Пентадий), продолжившей дело своего отца, математика Феона, которого словарь Суда (s.v. Θέων) ещё определённо причисляет к учёному сообществу Мусея.

О. М. Савельева

**Лексикология и лексикография: развитие семантики
лексемы подозрения ὑπόνοια, ὑπονοέω как пример
формирования греческого лексикона**

Специальное внимание к лексеме ὑπόνοια, ὑπονοέω было обращено при описании греческой ментальной лексики по той простой причине, что в морфологический состав лексемы входит основа νοο- со значением «мысль, думать», и, таким образом, значение «подозрение» сформировано здесь путем префиксации как «под-мысль, под-смысл» (букв.). Оставим в стороне синонимичную группу, включающую лексемы ὑποπτεύω и деривационный ряд ὑπόπτης, ὑποψία и др., также ὑφοράω, ὑφοράσις, что прямо соотносится с лат. *suspiciari* и т. п., где смыслообразующим элементом является основа с семантикой зрения. Интересующая же нас лексема по своей морфемной конструкции более всего близка немецкому *der Verdacht, verdenken*. Анализ номинативной техники, по которой оформляются лексемы, передающие семантику подозрения, связан с вопросом их мотивации как производных слов и с известным лингвистическим аргументом, согласно которому производные слова, именно как мотивированные, принято считать более доступными для понимания, интерпретации и усвоения, чем непродуцированные (Ю. С. Степанов, 1977; Д. Н. Шмелев, 1973; Ч. Дж. Филлмор, 1977; Д. И. Слобин, 1984; S. R. Anderson, 1985; L. Talmy, 1985 и др.). Однако, в случае с ὑπόνοια констатации ментального значения как базового оказывается недостаточно для понимания семантического комплекса «подозрение». В его языковом содержании, в его «психологической реальности» присутствуют явно ощущаемые отрицательные коннотации, и в целях выяснения их природы и полноты описания приходится делать дополнительные наблюдения. Лексическое значение слова «подозрение» определяется как 1) предположение, основанное на сомнении в правильности чьих-либо поступков, в справедливости чьих-либо слов, в честности чьих-либо намерений; 2) предположение о возможности какого-либо факта. В качестве основных для семантики подозрения вычленяются линии «предполагать ч.-л., допускать возможность ч.-л.». При этом значение предположения и модус допущения/возможности, соответству-

ющие логическим шагам как сознательным действиям (ментальность), в семантике подозрения стабильно сочетаются с идеей недоверия, сомнения (эмотивный отрицательный компонент). Подобная двойственность семантики объясняет, почему это слово как лексическую единицу относят то к семантическому полю умственной деятельности, то к классу обозначения эмоций. Своеобразная природа референта – состояния / ощущения подозрения – требует, чтобы анализ этой семантики, наряду с собственно лингвистическими, включал еще и психологические, психолингвистические характеристики. Видимо, не случайно психологические словари не дают своей квалификации «подозрения», и это отошло к полю лингвистических определений, а для них важнее отразить «подозрительность» как личностную черту.

Предполагая рассмотреть, в чем заключаются особенности семантики подозрения для греческого языка на примере группы ὑπόνοια-ὑπόνοεω, какой «семантический слой» является для нее приоритетным – ментальный (думать, предполагать) или эмотивный (сомневаться, не доверять), выделим ее смысловые варианты в основных позициях употребления у авторов. Надо отметить, что эта группа, начиная с Геродота, превалирует в языке исторической и ораторской прозы, а также, по данным LSJ, в драме – в частности, у Аристофана, Еврипида, Менандра. Так, в «Истории» Геродота при описании битвы при Микале о поведении персов сказано, что они ὑπονοήσαντες τοὺς Σαρδίους τὰ Ἑλλήνων φρονέειν (9.9) – «начали подозревать (=предполагали, опасались), что самийцы сочувствуют грекам», и обезоружили их. Здесь четко передан смысл «подозревать» как «делать неприятные предположения», а эмоциональный отрицательный фон, который нельзя не заметить, связан с чувством страха. Но опасения персов и их недоверие к самийцам подготовлены предшествующими событиями, когда жители Самоса выкупили пятьсот афинян, пленников Ксеркса, снабдили их продовольствием и отправили домой. Т. о., подозрения персов диктуются не просто эмоциональными причинами (ненавистью к противнику), а их желанием избежать повторения неудач в войне. Аналогичен смысл «подозревать = предполагать неприятные действия» в ситуации противостояния Павсания и фиванцев (Hdt. 9. 88), и вновь для такого поворота семантики ὑπόνοεω оказывается важным признак разумного, логичного подхода к происходящему. Интересная линия значения этого же

глагола как «догадываться, разгадывать» представлена у Фукидида в эпизоде, когда Никий надеялся, что в Сиракузах после длительной осады сложится тяжелое положение, а сиракузянин Гермократ догадался о коварном плане афинян – *ὑπονοήσας τὴν διάνοιαν* (7.73). Сюда же относится контекст о переговорах афинян с Мелосом и ответ афинских послов на страхи мелосцев, что может с ними случиться, война или рабство: это их *ὑπόνοιαι τῶν μελλόντων* (5.87) – «подозрения = догадки насчет будущего», а по тону афинян – это вообще выдумки, измышления. Однако, недоверие мелосцев к позиции афинян не беспочвенно, оно основано на оценке реальной ситуации, и потому их рассуждения становятся подозрениями. Смысл подозрения как догадки, домысла мы встречаем в забавном диалоге из комедии Лисистрата, в сцене болтовни двух афинских горожан («бездельников»), которые собираются устроить в Спарте беспорядок и заявляют: *ὥσθ' ὁ τι μὲν ἄν λέγωσιν οὐκ ἀκούομεν, ἅ δ' οὐ λέγουσι, ταῦθ' ὑπονενοήκαμεν* (1260–1261) – «.. что они ни скажут, мы не слушаем, а все, чего они не говорят, мы уже подозреваем» (перф. – «уже догадались»). Уместно вспомнить наблюдение Ю. Д. Апресяна, близкое нашему предмету: «..использование модальностей типа «предположение, ожидание» и т. п. позволяет описать очень тонкие семантические различия...». Эта общелингвистическая констатация находит подтверждение в характеристиках смыслового круга «подозрение» у греческих авторов. Обязательным наличием отрицательной модальности хорошо объясняется смысловая природа устойчивых выражений типа *κάθ' ὑπόνοιαν* ‘скрытно, тайно’, а в переводе «by insinuation», предлагаемом LS, негативный оттенок даже усилен. У Демосфена в речи «Против Олимпиодора о нанесении ущерба» (хотя авторство Демосфена здесь оспаривается) в эмоциональном заявлении свидетеля Каллистрата «подозрение» включается в выразительный оценочный ряд *ὑπόνοιαι πλασταί, ... προφάσεις ἄδικοι καὶ πονηρίαι* (48. 39) и соотносится с худшими человеческими проявлениями. Чрезвычайно интересна лексическая организация фразы в монологе Тригея из комедии Мир, когда герой вместе с рабом молится богине Эйрене и после эпиклеса просит ее прекратить подозрения (в городе), «даже если они выглядят изящно, потому что из-за них мы наговариваем друг на друга» – *παῦσον δ' ἡμῶν τὰς ὑπονοίας τὰς περικόμψους, αἷς στομυλλόμεθα ἀλλήλοις* (Ραχ 991–993). Сочетаемость существительного

«подозрение» с казалось бы неожиданным для него прилагательным *περίκοπος* извлекает из рассматриваемой семантики вариант хорошо обдуманного замысла, распространяемого среди горожан, что не способствует их миролюбивым отношениям. Т. е. перед нами еще раз фигурирует значение, объединяющее мысль и эмоции с обязательно сопутствующим отрицательным компонентом, что создает общий негативный фон. Добавим, что у Еврипида, в одной из его последних трагедий – «Финикиянки» (ок. 411 г.), *ὑπόνοια* представлено в полностью отрицательном осмыслении. В рассказе вестника об успешном исходе битвы за Фивы говорится о царе Капанее, на щите которого был изображен гигант, взваливший на плечи целый город, разрушенный им. «...Этот город укрепит (букв. убедит) нас в подозрении» – *ὑπόνοιαν ἤμιν οἶα πείσεται πόλις* (*Phoen.*1133). Здесь подозрение ассоциируется с дурным знаком и с дурным предчувствием, стоит вспомнить, что в переводе И. Анненского решительно введено «И то была угроза нашим Фивам!», что соответствует, если не грамматике, то смыслу и стилю оригинала.

Описание смыслового наполнения лексемы подозрения и его нюансов заставляет еще раз осознать правоту Чарльза Филлмора, заметившего, что «понятие абстракции всегда было трудно объяснимым для лингвистической семантики. Абстракции не являются именами вещей, но они ... и не простые предикаты или предикации. Скорее всего их надо рассматривать как имена сложных ситуаций...»

Можно предложить следующий ответ на вопросы, поставленные в начале. Тезис об интерпретации производного слова через его примарную основу подтверждается для семантики *ὑπόνοια*, -έω. В качестве основного для нее вычленяется ментальный семантический слой, мотивированный производящей основой *воо-*. Причем, в семантике подозрения сознательный шаг, мыслительная работа в любой речевой ситуации сопряжены с наличием чего-то скрытого, неясного, и этот компонент придает высказыванию негативную коннотацию. Дополнительная негативная семантика была заложена уже на этимологической основе, как присущая префиксу «под» и проводимая им типологически. Ср. хотя бы лат. *subdere* ‘подкладывать, подделывать’; рус. ‘подделать, подвести = обмануть ожидания’; греч. *ὑπόβλετω* ‘смотреть сердито’, *ὑπόβλητος* ‘ложный, неискренний’ и пр. Для нашей темы существенно, что в греческом смысл

лексемы «подозрение», передаваемый рядом ὑπόνοια, отражает одну из сторон концепта – мыслительную, при том, что в этом же языковом материале богато разработан класс производных с той же семантикой по типу индоевропейской кальки от основы со значением зрения – ὑποπτεύω и др. Рассмотрение семантических инвариантов лексемы ὑπόνοια – ὑπονοέω приводит к вопросам: по какому пути шло развитие этого «слова-понятия» (Л. В. Щерба) в диахронии? Какие результаты этого процесса можно зафиксировать с позиций лексикографии?

Ограничиваясь наиболее очевидными констатациями, скажем, что в современном греческом для глагола ὑπονοῶ основным стало значение «подразумевать(ся)», а также «намекать». Сразу же бросается в глаза, что семантика «под-мысль, под-разум» выходит на первый план и остается главной, но уже без компонента отрицательной эмоции. Однако, при изъятии эмотивного компонента смысл чего-то скрываемого и требующего разъяснения сохраняется, ср.: «подозревать» – «подразумевать(ся)». В современном значении глагола, например, μ' αὐτό ὑπονοεῖται 'под этим подразумевается' присутствует идея «что-то неясно и оно разъясняется». В прямопереходном Τι ὑπονοεῖς? 'Что ты подразумеваешь? На что намекаешь?' также присутствует сема скрытости, предполагающая экспликацию, а во втором случае, возможно, ощутимо «скрытое как неприятное».

В наблюдаемых процессах подтверждается тезис об устойчивости внутренней формы слова для греческого, это видно уже из того, что слово не изменило свою ментальную природу. Историческое «сужение» значения глагола происходит в процессе упрощения первоначальной семантики за счет компонентов эмоций и отрицательной оценки. Если применить к этому случаю слова Ч. Филлмора о семантике абстракций, то можно рассматривать глагол «подразумевать» как имя менее сложной ситуации, чем та, которая соответствует «подозревать».

А. Д. Сакоян

Эпитеты-компози́ты у Гомера: форма и содержание

Исследование эпитетов-компози́тов¹, характеризующих богов в «Илиаде», в сопоставлении с их развернутыми характеристиками на сюжетно-повествовательном уровне выявляет ряд несоответствий, позволяющих, с одной стороны, судить о догомеровских представлениях о богах, с другой стороны о том, как эти представления меняются и перерабатываются в гомеровском эпосе². Под развернутой характеристикой понимаются портретное описание персонажа, его поступки и события, с ним связанные, а также особенности его характера. Всю совокупность сложных эпитетов можно представить в виде трех основных групп.

1. «*Стихийные*», назовём их так, эпитеты, определяющие божество как некую стихийную силу, лишённую антропоморфного начала, например, ἀργικέραυνος (с яркими молниями), κελαϊνεφής (с чёрными тучами), πολύδακρυς (многослёзный), ἀργυροδίης (с серебряными водоворотами). Из всех этих компози́тов не воссоздается даже намёком человекоподобный образ, и, что показательно, многие из них могут описывать как одушевлённые сущности, так и безличные понятия. Так, эпитетом ἐρίγδουπος (широко стучащий) описываются конские ноги (ἐρίγδουποι πόδες ἴππων, Ил. 11, 152), издающие соответствующий звук при беге, и Зевс, вызывающий раскаты грома.

---

¹ Определение эпитета см. Литературная энциклопедия терминов и понятий под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. О мифологической составляющей эпитета см.: А. П. Лободанов. К исторической теории эпитета // Изв. АН СССР. Сер. ЛЯ. 1984. Т. 43, вып. I. С. 220; И. И. Ковалёва. Миф об Актеоне как вариант космогонии // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. С. 189. О специфике сложных эпитетов см.: В. А. Виноградов. Словосложение / Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

² Ср. замечание И. М. Тронского: «... в эпосе отражена не отдельная эпоха, а огромная перспектива исторического развития». И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 151.

2. Композиты с ярко выраженной *антропоморфностью*, находящие себе параллели среди эпитетов людей или даже совпадающие с ними (ἠΰκομος Афина, Гера, Елена; κορυθαίολος Арес и Гектор). Это эпитеты, описывающие внешность, атрибуты, – то есть предметы, существующие в человеческом мире, но характеризующие богов. Сюда же мы относим немногочисленные ментальные эпитеты, редкие в среде богов, но распространенные у смертных, особенно героев третьего и четвертого поколений (πολύμητις Гефест, Одиссей).

3. Композиты, *сочетающие в себе стихийные и антропоморфные признаки*. Например, Эос розовоперстая (ρόδοδάκτυλος) и шафраннопеплосная (κροκόπεπλος): человеческие признаки (пальцы, пеплос) и признаки той стихии, которой «заведует» богиня (цвета зари: розовый и жёлтый); или Ирида: подήνεμος («с ногами, подобными ветру», или «с ногами из ветра», или «с ветром в качестве ног») и ἀελλόπος («вихре-ногая»).

Из сопоставления изображений на уровне композитов с таковыми в развернутом виде мы получаем, например, следующие наблюдения.

Зевс в повествовании предстает как божество вполне антропоморфное (ср. Ил. 1, 500–502) и разумное (простой эпитет μητίετα, «промыслитель», напр., Ил. 1, 175), а его композитный портрет представлен в подавляющем большинстве «стихийными» эпитетами (αἰγίοχος, ἀργικέραυνος, ἀστεροπητής, ἐριβρεμέτης, ἐρίγδουπος, ἐρισθενής, εὐρύοπα, κελαινεφής, νεφεληγερέτα, στεροπηγερέτα, τερπικέραυνος, ὑψιβρεμέτης, ὑψίζυγος) и, видимо, отсылает нас к более архаичному представлению об этом персонаже (вспомним, как Р. Маретт доказывает, что примитивная религия, предшествующая анимизму, состояла в поклонении сверхъестественному как чему-то неоформленному и безличному³).

Посейдон, при небольшом разнообразии композитов (всего пять) обладает весьма индивидуальной характеристикой (ἐνοσίχθων, ἐννοσίγαιος («колебатель земли»), γαίηχος («земледержец»), εὐρύσθενής («широко властвующий», или «обладающий огромной силой») и κυανοχαίτης («темноволосый»). Божество, в повествовании владеющее морем, на уровне компо-

³ R. R. Marett. The threshold of religion. London: Methuen and Co. LTD, 1914. P. 99–100.

зитов связано с ним разве что цветом волос. В остальном же сложные эпитеты говорят в пользу гипотезы, что Посейдон первоначально правил землей, а не морем, и его власть на земле была не меньше, чем власть Зевса на небе⁴. Вероятно, это напряжение между былой властью, воспоминание о которой осталось в эпитетах, и тем, что представляет собой гомеровский морской Посейдон, сказывается в строптивости этого бога, коль скоро речь заходит об ограничении его произвола (Ил. 15, 184–199).

Образ Аполлона в композициях столь же антропоморфен, сколь и в развернутой характеристике, но в данном случае несоответствие возникает в сфере атрибутики. Дело в том, что он дважды в тексте «Илиады» характеризуется как χρυσάορος («златомечный»), но на сюжетном уровне ни разу не появляется с мечом. Это заставляет нас обращаться к внешним источникам, которые, во-первых, дают дополнительные контексты употребления этого композита с именем Аполлона, а во-вторых, содержат миф о сыне Медузы Горгоны и Посейдона Хрисаоре, на первый взгляд имеющего мало отношения к Аполлону. Однако при более пристальном анализе можно выявить ряд параллелей в мифах о похищении коров Аполлона Гермесом и о похищении стада Гериона (сына Хрисаора) Гераклом, что позволяет взглянуть на природу Посейдона, Медузы и Хрисаора в новом свете.

Три вышеприведённых примера демонстрируют несоответствия между композитной и развернутой характеристиками богов, но, конечно, эти несоответствия не исчерпываются указанными случаями. Такой подход предоставляет материал для исследования становления и модификации образов богов у Гомера.

---

⁴ Ср. М. Элиаде. История веры и религиозных идей. Т. I, М.: Критерион, 2002. С. 244.

М. Л. Сергеев

Об одной особенности в интерпретации пословиц Аристотелем и перипатетиками

В своих сохранившихся сочинениях Аристотель около 100 раз цитирует различные пословицы или выражения, похожие на них (см. индекс Бонитца ad loc.). Мы анализировали эти случаи, имея в виду два вопроса: *с какой целью Аристотель приводит эти пословицы?* и *как соотносится традиционный смысл этих выражений* (если его возможно установить) *с тем, в каком их употребляет Аристотель?* Сделанные нами обобщения относятся и к интерпретации пословиц другими перипатетиками.

Рассмотренные нами пословичные тексты можно разделить функционально и содержательно на две группы.

В тех случаях, где Аристотель комментирует *происхождение* пословицы, его внимание сосредоточено на ее сюжетной основе (это может быть легенда или какое-то физическое наблюдение). При объяснении содержания пословицы метафора игнорируется. Например, пословица говорит об определенных ветрах (*Хорошо плыть при Ноте начинающемся, а при Боре — утихающем* Probl. phys. 943a 26; 945a 8–9; 945a 29–30; *Притягивающий к себе [что-то], как Кекий тучи* Probl. phys. 943a 35–36; и др.) — следовательно, ее смысл в указании на свойства этих ветров.

Понятно, что общий, банальный смысл пословицы всегда подразумевает обобщенное и переносное значение. Этот смысл имеет в виду Аристотель, когда говорит о риторическом использовании пословицы или когда сам цитирует ее для понятности и убедительности изложения (*Кто же промахнется мимо [такой] двери?* Metaph. 993b 5–7; *У друзей все общее* Eth. Nic. 1159 b 31, 1168b 7 etc.; *Стыд — в глазах* Rhet. 1384a 34–36; и т.п.).

Абсурдным было бы предположить, что Аристотель цитирует те или иные пословицы (из выделенной нами первой группы), не подозревая, в каком значении их использует народная речь (и, возможно, он сам в повседневной жизни). Можно утверждать, что, рассматривая сюжетный аспект некоей пословицы, Аристотель знает и ее общий смысл; и наоборот, говоря о риторических свойствах паремии (которые исходят из общего смысла), он может знать и ее сюжетные истоки. Например, выражение δ Καρπάθιος τὸν λαγῶν Аристотель

приводит как пример метафоричности пословиц и объясняет суть метафоры: так говорят о человеке, который хотел получить от какого-то нововведения выгоду, а получил только вред, подобно тому, как карпачийцы привезли на остров зайцев, а те расплодились и уничтожили посеы (Rhet. 1413a 15–17); с другой стороны, есть интересный рассказ у Поллукса в главе о зайцах, комментирующий эту пословицу с исторической точки зрения: говорится, что ни на Итаке, ни в Сицилии не было зайцев, пока их не привез Анаксил Регийский (или Anaxilaos – см. Kl. Pauly s.v.), позже победивший на Олимпийских играх; поэтому на регийской монете изображены колесница и заяц. При этом Поллукс ссылается на Аристотеля. По структуре и содержанию (явно используется каталог победителей на Олимпийских играх и какое-то собрание монет) объяснение напоминает те, которые мы видим у Аристотеля для пословиц *Тенедская секира*, *Сильфий Батта* (изложение легенды дополняется ссылкой на нелитературный исторический источник). Авторство Аристотеля кажется весьма правдоподобным. Получается, что Аристотель освещает пословицу с двух различных сторон, но эти два уровня пословицы остаются в его научных разысканиях стоящими порознь.

То же характерно и для интерпретаций других перипатетиков (хотя в их текстах не сохранилось примеров на использование пословиц в общем смысле; это понятно: такие случаи интересны для стилистики, а не для энциклопедического знания, и им не суждено было попасть в словари и сборники пословиц). В своих «этимологических» построениях, объясняющих источник появления тех или иных пословиц, они интересуются только происхождением сюжета, появлением в пословицах определенных имен, географических названий, иногда отдельными формулировками (с чисто формальной стороны). При этом их совершенно не интересует связь пословичного текста с его реальным значением, бытующим в народе. Совершенно неясным зачастую остается то, как легенда и смысл, предлагаемые в качестве этимона, соотносятся с современным значением пословицы.

Приведем всего несколько примеров, имея в виду, что их больше.

Демон fr. 17 Jacoby: потомкам Агамемнона дается оракул, что для спасения от чумы и неурожая им нужно плыть ἐπὶ τὸν ἔσχατον Μυθῶν... Согласно изложению у Страбона (Strab. 13, 1, 3) (где об оракуле не говорится), эту область «у пределов мисийцев» греки в конце концов нашли. А Демон (или его

переписчик?) поясняет, что оракул повторялся несколько раз и перешел в поговорку *из-за странности, необычности*. Объяснение настолько несуразное, что, видимо, это не может быть Демон. Скорее у Демона изложение было сходно со страбонским, взятым из Эфора (см. коммент. Якоби ad loc.). В таком случае, ἔσχατος Μουσῶν сохраняло географический смысл. Но как объяснить отсюда переход к метафорическому значению «ничтожнейший, дурной человек» (ср. Schol. Eur. Rhes. 252)?

Клеарх fr. 67 Wehrli: некий Геракл, сын Бриарея (?) ограбил Пифию, а потом к ней пришел другой Геракл, Тирский, и она сказала ему ἄλλος οὐτός Ἡρακλῆς. Клеарх упорно ищет исконный неметафоричный смысл: раз говорится *другой Геракл* – значит, и правда был когда-то другой Геракл (т.е. его тезка). В итоге он находит (придумывает?) историю, к которой подходит неметафоричный смысл. Но если довериться этой версии происхождения поговорки, совершенно неясно, как к ней мог «приложиться» засвидетельствованный и понятный нам метафорический смысл *силач, выносливый – прямо как Геракл* (ср. Des. Erasmi Adag. Chil. 192A-B, I.VII.41 *Alter Hercules*).

Клеарх fr. 74 Wehrli: в Спарте рождается двойня наследников престола – как быть? Оракул дает ответ ἀρχὴ ἥμισυ παντός (т.е. «власть – половина целого»). Сообразно с этим впредь в Спарте два царя. Это остроумное объяснение спартанского обычая и формы поговорки (обыгрывается полисемия ἀρχή). Но как быть с традиционным смыслом «начало – половина дела», который засвидетельствован в традиции (см. Diog. II, 97 и примеч. в CPG) и является единственно понятным вне данного контекста?

При рассмотрении комментариев к поговоркам, составленных Аристотелем и другими перипатетиками, нам показалось удивительным, как мало они уделяют внимания реальному, бытующему в языке значению паремий (и это притом, что Аристотель всегда с большим интересом относился к общепринятым оценкам и мнениям!) Это не значит, что все их объяснения и этимологические построения неверны; некоторые кажутся весьма правдоподобными. Но для перипатетиков не была непременным условием разумная связь между сюжетом поговорки и ее общим смыслом.

М. В. Скржинская

**Комментарий к одному сообщению Страбона
о Херсонесе Таврическом**

Упоминания о Херсонесе Таврическом сохранились в трудах немногих античных авторов. Среди них Страбон занимает ведущее место не только по объёму сведений, но и по разнообразию их толкований. Упомянутый географом мыс Партений в 100 стадиях от Херсонеса отождествляют то с Фиолентом, то с Херсонесским или Гераклейским мысом, а фраза, включающая это сообщение, получила в отечественной литературе двойное понимание. В зависимости от той или иной точки зрения ученые делают вывод о существовании одного или двух храмов верховной богини Херсонеса Артемиды с эпikleзой Παρθένος (Дева).

Приведем греческий текст по изданию Х. Л. Джоунза в известной серии текстов античных авторов Loeb classical library, а также переводы, предложенные разными исследователями. Χερρόνησος ... ἐν ἧ τὸ τῆς Παρθένου ἱερόν, δαίμονός τινος, ἧς ἐπώνυμος καὶ ἡ ἄκρα ἢ προὶ τῆς πόλεως ἐστὶν ἐν σταδίοις ἑκατόν, καλουμένη Παρθένιον, ἔχον νεών τῆς δαίμονος καὶ ξόανον.

При непредвзятом чтении «Географии» слова Страбона вряд ли вызовут двойственность их понимания. Вот как они читаются в сделанном Г. А. Стратановским полном русском переводе всего труда географа: «В городе есть святилище Девы (какого-то божества). В ста стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей»¹. Надо отметить, что греческая единая фраза здесь разбита на два предложения. Сходные по смыслу и грамматическому построению переводы существовали во всех отечественных и зарубежных изданиях, пока В. В. Латышев не подверг сомнению их правильность².

¹ Страбон. География в 17 книгах. Перевод Г. А. Стратановского. Л., 1964. С. 282.

² Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 133–136.

При таком толковании получается, что Страбон говорит о двух храмах: одном существующем в городе и названном святилищем (ἱερόν), и другом (νεώς) на мысе Партений, в котором находится деревянное изваяние (ξύδιον). Справедливо сомневаясь в наличии у херсонеситов второго значительного и достойного упоминания храма, Латышев полагал, что в достоверном географическом описании побережья Крыма, каким был использованный Страбоном источник, речь должна идти только о реально существовавшем храме в городе. Поэтому он предложил более сложное, но не противоречащее правилам греческого языка толкование текста, а именно отнести причастие ἔχου не к ближайшему слову мыс Парфений, а к далеко отстоящему от него в начале фразы херсонесскому святилищу (ἱερόν), слова же между ними считать вводным предложением. Ученому удалось найти у Страбона несколько, случаев подтверждающих такую возможность толкования текста. Однако в приведенных примерах причастие отделялось максимум четырьмя вводными словами, а не тринадцатью, как в тексте о Херсонесе, поэтому, мне кажется убедительной критика С. А. Жебелева, усомнившегося в возможности так истолковать сообщение Страбона и настаивавшего на традиционном понимании этой фразы³.

Исследователи, согласные с Латышевым, как и Стратоновский, также разбирают в своих переводах одну греческую фразу на две, но делают это иначе: «В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом на расстоянии ста стадий мыс, называемый Партением. В святилище находится храм богини и ксоанон». Так как подобный перевод соответствовал данным эпиграфики и археологических раскопок, его сочли правильным почти все отечественные ученые, сводка мнений которых приведена в книге М. Е. Бондаренко⁴; зарубежные же исследователи и переводчики не приняли такое толкование⁵.

Мне кажется, следует остановиться на более простом и грамматически ясном понимании интересующего нас текста, как

³ Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М., 1953. С. 239.

⁴ Бондаренко М. Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003. С. 26.

⁵ Джоунз К. П. Херсонес Таврический в надписи из Порто близ Рима // ВДИ 1994. № 2. С. 146.

повествующего о двух храмах. Анализируя ту или иную часть «Географии», нужно опираться на заключение М. И. Ростовцева: «Страбоном нельзя пользоваться механически. Он только тогда ценен и понятен, если мы в каждом отдельном случае сумеем отдать себе отчет, кто из многочисленных его источников говорит с нами в каждом данном случае»⁶. На примере глав, посвященных Боспору, исследователь показал, что Страбон обычно не перерабатывал сообщения своего источника, а просто их сокращал⁷.

Это можно определить и в интересующем нас отрывке, хотя возможно, что контаминация сведений заключалась уже в его источнике. Кроме констатации факта о наличии храма в Херсонесе и указания названия мыса Партений, Страбон записал считавшиеся в древности достоверными сведения о некоем храме Артемиды близ Херсонеса в земле тавров, где Ифигения служила жрицей. Различные версии мифа об Ифигении были широко известны в устной и письменной традиции на протяжении всей античности; в частности один из вариантов предания изложен у Овидия, современника Страбона (Ер. III, 2, 45–95).

Первый раз, называя Партенос «каким-то божеством», Страбон выразился так, потому что не знал, какая именно греческая богиня почиталась в Херсонесе, а непорочными девами наряду с олимпийскими богинями Артемидой, Афиной и Гестией были и другие эллинские божества. Во второй же раз географ опирался на традицию о некоей девственной богине в Таврике. Геродот отождествлял ее с Ифигенией (IV, 103), но чаще ею считалась Артемида Тавропола, жрицей которой была Ифигения. В связи с этим следует сделать отступление и напомнить о популярном во всей греческой ойкумене мифе об Ифигении и ее служении в храме богини в земле тавров. Наиболее ярко и подробно в сохранившейся античной литературе миф изложен в трагедиях Еврипида «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде», короче и по-иному написал об этом Овидий.

В мифе повествовалось, как Агамемнон, предводитель греческого войска, был вынужден принести в жертву Артемиде

⁶ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Пг., 1925. С.42.

⁷ Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора // Сборник в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1913. С. 370.

свою дочь Ифигению перед отправлением в поход на в Трою. В древнейшем варианте мифа Ифигения, по-видимому, погибала на жертвенном костре, но затем предание получило иное завершение. Артемида в последний момент заменила на костре девушку ланью, а Ифигению перенесла в Таврику и сделала жрицей в своем храме, где тавры совершали кровавые жертвоприношения. Об этом жестоком обычае таврских племен, живших по соседству с Херсонесом, рассказал современник Еврипида Геродот в своей «Истории» (IV, 103).

События, произошедшие уже после окончания Троянской войны, описаны в трагедии «Ифигения в Тавриде», впервые поставленной в афинском театре в 414 г. до н. э. Действие происходит в никогда не существовавшем царстве тавров перед храмом Артемиды. Сюда по велению оракула Аполлона прибывает сын Агамемнона и брат Ифигении Орест вместе со своим другом Пиладом. Они намереваются похитить священное изображение Артемиды, чтобы привести его в Элладу. Друзья, схваченные таврами, обречены на смерть и должны быть принесены в жертву богине, а Ифигения как жрица храма обязана осветить жертвоприношение. Из разговора с пленниками она случайно узнает, что перед ней ее родной брат, которого она видела последний раз маленьким ребенком. Тогда Ифигения решает помочь добыть древнюю деревянную статую (ξόλον) Артемиды и бежать на родину вместе с Орестом и Пиладом. Беглецов настигает царь тавров и обрекает на смерть, но внезапно появившаяся богиня Афина освобождает пленников. Она велит Оресту построить в Аттике храм Артемиды, поместить туда похищенный кумир, а Ифигении – стать жрицей этой богини, прозванной в память всего произошедшего Таврополой.

Миф, как присуще этому жанру, существовал в нескольких вариантах, о чем свидетельствуют упоминания античных авторов: например, в Мегарах рассказывали, что Ифигения кончила свои дни в их государстве, а не в Афинах (Paus. I, 43, 1). В Спарте, Аргосе, Лаодикее и даже в греческих колониях Южной Италии считали, что похищенный из Таврики кумир богини был доставлен в местные храмы (Strab. V, 3, 12; XII, 2, 3, 7; Paus. III, 6, 17; Ovid. Met. XIV, 331; Lucan. III, 86). В храмовых легендах этих городов имелись разные объяснения, как туда доставили древнюю статую. Павсаний, знакомый с несколькими вариантами подобных легенд, отдает предпочтение версии, которую он слышал в Спарте, считая ее более достоверной, чем афинскую

(Paus. III, 16, 7). Заметные отличия от сюжета в трагедии Еврипида имеются и в пересказе мифа у Овидия (Ер. III, 2, 45–95).

В Аттике действительно существовал храм Артемиды Таврополю; там показывали могилу Ифигении и рассказывали храмовую легенду, на сюжет которой написана трагедия Еврипида. Описанный же трагиком храм в Таврике, около которого разворачивались события пьесы, создан творческой фантазией поэта⁸, хотя многим исследователям хотелось думать, что Еврипид имел в виду реально существовавший в его время храм близ Херсонеса⁹.

На Херсонесском и Гераклейском мысах, а также на Фиоленте, отождествляемых с Партением Страбона, археологи не нашли никаких остатков античных святилищ¹⁰, а детальный анализ текста трагедии также не обнаруживает каких-либо черт здания, существовавшего во времена Еврипида. В то же время перед мысленным взором драматурга храм Артемиды в Таврике имел вполне определенный облик. Орест и Пилад говорят, что видят здание, окруженное высоким стенами, к нему надо подниматься по ступеням лестницы, двери заперты на медные запоры, фриз украшен триглифами, и между ними есть незаполненные пространства, через которые друзья хотят проникнуть внутрь (стихи 96–112). В песне хора трагедии упоминаются колонны и карнизы храма, отделанные золотом (стихи 127, 128). Таким образом, несмотря на принадлежность святилища полудикому племени тавров, поэт изображает его как чисто греческое сооружение, причем не современной для него архитектуры, а архаической эпохи. Только тогда в наружной отделке храма применяли золото и оставляли незаполненными промежутки между триглифами – торцами деревянных балок

---

⁸ Скржинская М. В. Реальные и вымышленные черты Северного Причерноморья в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» // Древнейшие государства на территории СССР (1986). М., 1988. С. 179–181.

⁹ Бабинов Ю. А. Местные элементы в религии Херсонеса Таврического // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М., 1972. С. 29; Trell V. F. Numismatic Solution of Two Problems in Euripides The Numismatic Chronicle // London, 1964. Vol. 4. P. 96.

¹⁰ Бондаренко М. Е. Указ соч. С. 23; Зубарь В. М. Партенос – верховная богиня Херсонеса // Старожитности степового Причорноморья і Криму. Запоріжж'я, 2005. № 12. С. 209.

перекрытия крыши¹¹. Расположенные над колоннадой, они составляли ритмичный ряд, и для красоты на каждом торце делали три продольные насечки, от которых произошло название триглифов. Когда с конца VI в. до н. э. греки начали строить каменные храмы, постепенно вытеснившие деревянные, триглифы утратили свою конструктивную роль и превратились в декоративное украшение. Пространства между ними заполнялось плитами, называемыми метопами, которые чаще всего украшали рельефами. Прекрасный пример такого декора мы видим на афинском Парфеноне, построенном при жизни Еврипида.

Описанное трагиком строение не могли возвести ни тавры, не обладавшие греческими строительными навыками, ни херсонеситы, которые начали строить более или менее крупные храмы только в классический период, когда господствовал уже иной архитектурный стиль. Герои трагедии «Ифигения в Тавриде» – дети Агамемнона, предводителя греков в Троянской войне, которую античные авторы относили к XIII–XII вв. до н. э. Поэтому Еврипид представил старинный храм Артемиды в виде тех древних храмов, которые он сам видел в Элладе. Таков был храм Аполлона в Дельфах, детально описанный драматургом в трагедии «Ион», и, возможно, он оказал определенное влияние на изображение таврического храма. Упоминание этого храма у Овидия также имеет чисто литературное происхождение. Поэт создает образ монументального сооружения, которое, в отличие от описания Еврипида, почти не обладает конкретными чертами (Ер. III, 2, 49–50).

Храм Артемиды на краю земли в далекой для большинства греков почти сказочной Таврике существовал не только в воображении писателей. В соответствии со своей фантазией этот храм неоднократно изображали античные художники, для которых мифы служили неисчерпаемым источником сюжетов их произведений. Например, италийские вазописцы IV в. до н.э. неоднократно рисовали Ифигению, Ореста, Пилада и храм со статуей Артемиды Тавропопы¹². Таким образом, устные рассказы, писатели и художники постоянно подкрепляли уверенность большинства греков в реальном существовании храма Арте-

---

¹¹ Зубов В. П., Петровский Ф. А. Архитектура античного мира. М., 1940. С. 287–288.

¹² Скржинская М. В. Реальные и вымышленные черты... С. 184–188.

миды на земле тавров по крайней мере во времена Троянской войны.

Указанное Страбоном определенное расстояние в 100 стадиев от Херсонеса до мыса с храмом, на первый взгляд, относится к реальным данным географа. Но скорее всего это круглое число пришло в письменный источник из устного предания, в котором подобные характерные для фольклора цифры означают лишь значительное расстояние и добавляют достоверности мифологическим рассказам¹³. Не случайно мыс Партений не поддается точной локализации; с ним отождествляют разные мысы близ Херсонеса¹⁴, хотя казалось бы указано его точное местоположение.

К такому же мифологическому источнику в конечном счете относится сообщение географа о ксоане, находящемся в храме Артемиды, хотя многие ученые верят в его реальное существование¹⁵. Наверное, не случайно статуя названа тем же словом ксоан, неоднократно повторенным в трагедии Еврипида, причем трагик писал о том, что изваяние упало с неба, указывая на его чудесное происхождение (стихи 87, 111, 977, 986, 1359, 1384). Подобная скульптура соответствовала представлениям о мифическом храме, в котором должно находиться старинное изображение богини, а такими у эллинов были древние примитивные деревянные статуи. Реально же существовавшие и почитаемые статуи Партенос изображены на херсонесских монетах, и характер их отвечает времени существования городского храма классического и эллинистического времени¹⁶.

¹³ Скржинская М. В. О степени достоверности числовых данных в Скифском рассказе Геродота // ВДИ, 1989. № 4. С. 90–91.

¹⁴ Зубарь В. М. По поводу локализации святилища богини Партенос в окрестностях Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы второй международной научной конференции. Киев; Судак, 2004. Ч. 1. С. 57–60.

¹⁵ Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 78; Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005. С. 263; Зубарь В. М. Партенос – верховная богиня Херсонеса // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжж'я, 2005. № 12. С. 207.

¹⁶ Зограф А. Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // ИРАИМК, 1922. Т. 2. С. 336–360; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 26; Бондаренко М. Е. Указ. соч. С. 38–39.

Моему предположению о происхождении ряда сведений Страбона из мифологической традиции не противоречит то обстоятельство, что географ в рассматриваемом месте не ссылается на миф об Ифигении, хотя такие ассоциации обычно возникали у многих писателей. Например, в Перипле псевдо-Скимна в части с описанием конкретных географических пунктов на северном побережье Понта после слов о местоположении Херсонеса автор счел нужным напомнить, что «в это место Таврики, как говорят некоторые, некогда прибыла Ифигения из Авлиды» (стихи 829–831). Отсутствие подобной ссылки у Страбона можно объяснить идущей с древности традицией вычленять из мифа реальные сведения и отделять их от вымышленных, что наблюдается уже у Геродота. Существование же некоего древнего храма в Таврике в глазах эллинов не подвергалось сомнению: ведь именно оттуда был доставлен ксоан Артемиды, за истинное право обладания которым спорили многие греческие святилища.

Отрицая реальность храма, упомянутого географом вне стен Херсонеса, я не отвергаю предположения о том, что в принципе херсонеситы могли иметь какое-то загородное святилище своей богини. Однако, если таковое и было, то его наличие не отразилось в уцелевших сочинениях древних писателей, которых интересовал лишь мифический храм Артемиды Таврополы и связанный с ним миф об Ифигении в Тавриде.

Приведенные доводы показывают, что текст Страбона надо понимать без особых оговорок о необычном синтаксисе фразы; там написано о двух разных храмах в Таврике, и с надлежащим комментарием это сообщение получает объяснение в контексте сравнения с другими сведениями античных авторов на эту тему.

А. С. Смирнова, С. Св. Волков

Atomus, monas и corpusculum

в естественнонаучных трудах М. В. Ломоносова

1. Роль академической науки в формировании русской культуры и русского литературного языка исследована недостаточно. Для деятелей российской науки XVIII века латинский, немецкий и французский языки были живым средством отражения и освоения окружающего мира, средством познания и научного поиска. Ю. М. Лотман справедливо считал, что М. В. Ломоносов «исторически стоит на рубеже допетровской и послепетровской культур и на стыке западного влияния», а его творчество представляет собой почти «экспериментально-чистый пример» сложных процессов, сопровождавших образование русской культуры нового времени¹. Поэтому было принято новаторское решение включить в «Словарь языка М. В. Ломоносова» его произведения, написанные не только на русском, но и на латинском и немецком языках, и, таким образом, сделать его *трехъязычным*, так как несправедливо было бы исключать такого объема и культурного значения материал из объекта исследования, особенно когда мы ставим своей целью изучение личности такого масштаба. Это позволит нам показать огромный интеллектуальный, нравственный, эмоциональный потенциал М. В. Ломоносова как самостоятельного русского мыслителя и, одновременно, как ученого, глубоко освоившего и сделавшего частью своего внутреннего мира наследие античности и культуру Западной Европы Нового времени. Более того, сопоставительное лексикологическое изучение позволит не только пролить свет на закономерности формирования массива естественнонаучной лексики в XVIII веке, но и показать, что русская наука составляла часть общеевропейского интеллектуального процесса. В некоторых случаях – например, в трудах по физике, химии, астрономии, как свидетельствуют наблюдения авторов, латинский текст оказывается более информативным, чем русский, а влияние системы идей «социетета» западноевро-

---

¹ Лотман Ю. М. Ломоносов и некоторые вопросы своеобразия русской культуры XVIII века // М. В. Ломоносов и русская культура. Тарту, 1986. С. 5–6.

пейских ученых, да и самой парадигмы передового западноевропейского научного знания на русскую науку XVIII века – очевидным. Таким образом, привлечение латинского материала при описании идиолекта М. В. Ломоносова обретает первостепенное значение, так как наглядно показывает те стороны и особенности естественнонаучного мировоззрения М. В. Ломоносова, о которых сведения в традиционных описаниях его научных взглядов полностью или частично отсутствуют.

2. В естественнонаучных сочинениях М. В. Ломоносова, написанных на латинском языке, можно выделить целую микросистему обозначений-аналогов с общим значением ‘*первооснова вещества – бесконечно малая его частица*’ – это *atomus, corpusculum, monas, particula, elementum, molecula, globulus*, часто вступающие между собой в синонимические отношения или отношения контекстуально обусловленной взаимозамены. В этот же ряд следует добавить русские слова *шаричек* (ср. лат. *globulus*) и *частица* (ср. лат. *particula*): «Представьте себе всемирного строения пространство, из *шаричков* нечувствительной, но разной величины состоящее; поверхность их, наполненную частыми и мелкими неравностями, которыми оные частицы наподобие зубцов, каковы на колесах бывают, друг с другом сцепиться могут» (3,329) или: «По сему примеру рассуждая о бесчисленных и многообразных переменах, которые смешением и разделением разных материй химия представляет, должно разумом достигать потаенного безмерно малостию виду, меры, движения и положения первоначальных *частиц*, смешанные тела составляющих» (2, 353)².

В русском языке первой половины XVIII века нет такого разнообразия в употреблении названных обозначений, хотя слова *атом*, *корпускула* и *монада* отмечаются в русских текстах по естествознанию в первой трети XVIII века³. Эти грецизмы ученой латыни с петровских времен постепенно прони-

---

² Указание мест приводятся по изданию: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. В 10 т. М.; Л., 1950–1959. Первая цифра – номер тома, вторая – номер страницы.

³ Как указывает Л. Л. Кутина, слово *атом* в научной и научно-популярной литературе первой трети века было весьма употребительным (см. Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России. М.; Л., 1966. С. 104–105, 255).

кали в формирующуюся русскую терминологию естественных наук через переводы научных и философских трудов.

Русское слово *атом* встречается у М. В. Ломоносова только два раза (2, 143)⁴ – в параллельном русском тексте к латинскому сочинению об упругости воздуха (2, 105–139), тогда как употребление латинского *atomus* в «Tentamen theoriae de vi aëris elastica» достигает 80 случаев. Такое соотношение может свидетельствовать о том, что М. В. Ломоносов узнал об атоме не из русских источников, а из латинских или, допустим, даже из греческих. Ведь в Славено-греко-латинской академии, в которой Ломоносов провел 4 года (1731–1735), курс физики (ср. «Зерцало естествозрительное»)⁵, читавшийся в последнем классе «философии», был в основе своей аристотелевским. Таким образом, возможно, что на словоупотребление Ломоносова оказывал имплицитно влияние не только латинский, но и греческий язык (ср. греч. ἄτομος).

Для М. В. Ломоносова *atomus* – совершенно в традициях античных философских систем Демокрита и Аристотеля⁶ – *мельчайшая твердая, далее неделимая и неподверженная изменениям частица материи*, ср.: «amplectimur nullique dubitamus particulas aëris, nempe eas, quae in exercendo elatere a se invicem recedere nituntur, ab omni compositione physica organica structura liberas et, ut tantis vicissitudinibus ferendis stupendisque effectibus producendis pares sint, solidissimas atque nulli inflexioni obnoxias esse; adeoque jure *atomos* vocari debere. Quae quoniam in res corporeas naturaliter agunt, ipsae etiam sint corporeae atque extensae, necesse est (2, 112). Это слово обладает у М. В. Ломоносова способностью к образованию разнообразных сочетаний, а частотное *aëris atomus* можно квалифицировать как устойчивое. Рассматривая факты сочетаемости, суммируем представления Ломоносова об *атоме*: его поверхность шероховатая, имеет выступы и впадины (*prominentia, cavitas atomi*). Действия, которые совершают *атомы*, самые разнообразные – они двигаются (*moventur*), вращаются (*rotantur*), упираются друг в

⁴ Указание мест приводятся по изданию: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1959. Первая цифра – номер тома, вторая – номер страницы.

⁵ Рукопись РГБ 0.VII.1.

⁶ Лурье С. Я. Демокрит: тексты, перевод, исследования. Л., 1970. См. индекс на слово атом: Index Aristotelicus / Ed. H. Bonitz. Berolini, 1961.

друга (nituntur), ударяют (impingunt, feriunt), отталкивают (retorquent), отскакивают (dissiliunt, resiliunt). Движение **атомов** является причиной основных физических и химических процессов, например, упругости и теплоты. Необычное употребление слова **атом** находим у Ломоносова в цитате из «Оснований химии» («Elementa chemiae») Германа Бургаве (1668–1738), в которой **атомы** – это взвешенные в атмосферном воздухе мельчайшие частицы, пылинки (1, 20)⁷. Такое сравнение появляется уже у Аристотеля в сочинении «О душе», 404а, где демокритовские **атомы** сравниваются с пылинками в воздухе, которые видны в солнечных лучах.

3. О динамике позиции М. В. Ломоносова относительно теории **монад** Готфрида Вильгельма Лейбница и Христиана Вольфа, о полемике между сторонниками и противниками этого очень влиятельного в XVIII веке учения в стенах Петербургской Академии наук свидетельствует, пожалуй, только лексика латинских текстов произведений Ломоносова. Среди этих текстов – написанные в 1743–1744 годах «Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств» (1, 170–235), «О сцеплении и расположении физических монад» (1, 266–277) и «О составляющих природные тела нечувствительных физических частицах» (1, 280–313), а также научная переписка Ломоносова. В названных работах **монады** представляют собой физические частицы, твердые и неизменяемые, с определенной протяженностью, видом, плотностью и силой инерции (1, 313), они – конечная причина частных качеств. **Монады** также являются неощутимыми частицами (1, 220) и твердыми корпускулами (1, 222), они составляют суть твердых тел (1, 232). Физические **монады** (monades physicae) не делятся на меньшие части, форма (figura) их неизменна (1, 222). **Монады** двигаются (moventur), крутятся (rotantur), перемещаются (demigrant), толкаются (impelluntur) и т. д. Материалы алфавитного словоформоуказателя (конкорданса) к латинским и русским текстам естественнонаучных произведений М. В. Ломоносова, подготовленного в ИЛИ РАН, показывают, что существительное **monas** в различных падежных формах

---

⁷ В словарях отмечается, что фр. *atômes* имело значение ‘пылинки, видимые в солнечном луче’. См., напр., Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1803–1806. Ч. I, с. 282.

(*monades, monadum, monadibus*) употребляется 55 раз, при том, что в текстах, написанных на русском языке, не засвидетельствовано ни одного употребления.

Особо интересны случаи употребления этой лексической единицы и ее производных в переписке Ломоносова с Леонардом Эйлером, бесспорным научным авторитетом в глазах М. В. Ломоносова. Переписка, как этого требовал научный этикет тех времен, шла на латинском языке. В письме 27 мая 1749 года Ломоносов, помимо сообщения о начавшемся строительстве Химической лаборатории, уведомляет Эйлера о своем желании, наконец «закончить свою работу (*opusculum*) о монадах» (10, 465). А в письме, написанном Л. Эйлеру в Берлин 23 февраля 1754 года, монады для Ломоносова – уже почти мистическое, псевдонаучное учение («*Quamvis enim mysticam fere illam doctrinam funditus everti argumentis meis debere confidam*» (10, 501) В этом тексте уже в экспрессивно-ироническом контексте впервые появляется слово *monadicus* ‘монадист, приверженец учения о монадах’: «*alias scabrones monadicos per totam Germaniam irritare non perhorrescerem*» – я бы не побоялся раздражить шершней-монадистов по всей Германии (10, 502). К сожалению, Ломоносов не окончил свое исследование о монадах, о котором он упоминает в письме к Л. Эйлеру 27 мая 1749 года. Материалы этой работы считаются утраченными, и “новая и верно доказанная система всея физики”, как она представлялась Ломоносову, теперь, по-видимому, едва ли может быть восстановлена.

Закономерности формирования массива естественнонаучной лексики в середине XVIII столетия, проявляющиеся, прежде всего, в стремлении к наиболее точным обозначениям понятия или явления, привели к тому, что в лексический состав русского языка этого периода лексема *монада* попала несколько позже упомянутой выше переписки между М. В. Ломоносовым и Л. Эйлером – благодаря переводу одного из наиболее популярных научных трактатов Л. Эйлера, облеченных в модную тогда эпистолярную форму – «Писем о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ, писанныхъ к нѣкоторой нѣмецкой принцессѣ», выполненном с французского языка академиком С. Я. Румовским и вышедшем в свет в Петербурге в 1768 году тиражом в 600 экземпляров. Эта лексическая единица сохранилась и в современном русском языке – по данным Большой словарной картотеки ИЛИ РАН слово *монада* несколько раз фиксируется в научных и публицистических текстах XIX и в XX

веках, однако связано его употребление, в основном, с переводом и усвоением системы философских идей Г. В. Лейбница, см., например, у В. С. Соловьева: «по Лейбницу все существа суть одинаково монады» («Кризис западной философии»).

4. В текстах диссертаций М. В. Ломоносова по физике, химии, астрономии и навигации на латинском языке (особенно в ранних), а также в его рабочих тетрадях и лабораторных журналах мы насчитываем 253 употребления слова *корпускула*, тогда как в русских текстах это слово также полностью отсутствует (по материалам «Словаря русского языка XVIII века» слово мужского рода *корпускуль*, восходящее к лат. *corpusculum*, единично и употребляется исключительно в переведенной с латинского языка в 1718 году книге Б. Варения «География генеральная»⁸. Это важное для описания научного дискурса Ломоносова слово, безусловно заслуживает отдельного, более подробного, рассмотрения; укажем лишь кратко, что употребляя слово *корпускула* Ломоносов, так сказать, изменяет семантический фокус – это скорее частицы, определяющие разнообразные химические свойства природных веществ, чем мельчайшие физические тела. Во-первых, мы встречаемся с корпускулами первичными (*corpuscula primitiva*) и производными (*corpuscula derivativa*), во-вторых, с разными видами корпускул – *корпускулами чистого золота* (*corpuscula auri puri*), *металла* (*corpuscula ex metalli*), *соли* (*corpuscula salina*), *ртути* (*corpuscula mercurii*), *эфира* (*corpuscula aetheris*), *воздушными корпускулами* (*corpuscula aëris*) и даже *корпускулами флогистона* (*corpuscula phlogisti*)⁹! Для Ломоносова корпускулы – сверхмалые, «нечувствительные», т. е. недоступные органам чувств человека сущности (1,25), их основное свойство – протяжение, т. е. способность увеличиваться и уменьшаться, они обладают массой (*moles*) и формой (*figura*); *корпускулы* складываются (*compuntur*), сцепляются (*cohaerent*) друг с другом и двигаются (*moventur*) вместе (1, 30). Представление Ломоносова о мельчайшей частице отличается от известных в XVIII веке гипотез о

⁸ Словарь русского языка XVIII века. Под ред. Ю. С. Сорокина. Вып. 10. СПб, 1998. С. 187.

⁹ Ломоносов М. В. [276 заметок по физике и корпускулярной философии]. Полн. собр. соч. Том 1. М., 1950. С. 114.

строении вещества, одна из которых восходит к Демокриту¹⁰, а другая – к Декарту.¹¹ Это можно утверждать, хотя бы потому, что для Ломоносова атомы – это только мельчайшие частицы воздуха,¹² тогда как атомы у Демокрита и Ньютона или же частицы у Р. Декарта – это то, из чего состоит вся Вселенная, а не какая-то ее часть. Мы видим, что Ломоносов иначе называл мельчайшие частицы не-воздуха – *monas* и *corpusculum*, – которые, в общем, напоминают свойства атома. Ломоносов определил разные термины к разным стихиям мира, опираясь, как кажется, на аристотелевское учение: его атом – это частица воздуха, монада – некая физическая частица, наконец, более широким значением обладает корпускула – это частица любого вещества, в т. ч. и сложного.

Приведенные в докладе материалы показывают, что на формирование системы наименований мельчайших частиц вещества в трудах Ломоносова оказывали влияние в разное время *разные* научные школы. Далее, кажущаяся эклектичность этой системы, вербальная «избыточность» в изложении «романтической» физики Ломоносова («Кто знает свойства и смешение малейших частей, составляющих чувствительные тела, .. натуру видит, как некоторую художницу, упражняющуюся перед ним без закрытия в своем искусстве» – 1, 534) закономерна и объясняется отдельными фазами освоения новой для России научной теории. Поиск новых наименований, их аккомодация к новой коммуникативной сфере – дискурсу русской науки – идет чрезвычайно продуктивно. Труды М. В. Ломоносова позволяют увидеть становление научного дискурса и системы ключевых слов и понятий, определивших на многие десятилетия логику научного поиска.

¹⁰ У Демокрита **атом** – неделимая единица, невозникшая, негибнущая, неразрушимая, не подверженная какому-либо воздействию извне, она считается подлинным бытием, противостоящим пустоте как абсолютному небытию. Атомы двигаются спонтанно, они вечны и постоянно вибрируют, а также вращаются (См. Лурье С. Я. Демокрит: тексты, перевод, исследования. Л., 1970).

¹¹ Подробное изложение атомистических гипотез XVIII века в кн.: Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России.

¹² Единственный пример, когда Ломоносов употребляет словосочетание «атомы всех природных тел», находится в письме к Л. Эйлеру от 5 июля 1748 года.

М. М. Сокольская

Младенец в IV эклоге Вергилия

За много веков усердного комментирования ученым поклонникам Вергилия так и не удалось прийти к единому мнению относительно упоминаемого в IV эклоге младенца: божественного он или человеческого происхождения, и, если принять последнее, кого именно Вергилий поздравляет здесь с рождением сына.

Все предлагавшиеся (и до сих пор встречающиеся в солидных справочниках по истории римской литературы) кандидатуры наталкиваются на непреодолимые трудности. При ближайшем рассмотрении текст вообще не выглядит поздравлением счастливому отцу по случаю рождения наследника. Повод написания и адресат названы в эклоге открытым текстом: это Азиний Поллион, которого Вергилий поздравляет с получением в 40 году высшей государственной должности – консульства.

Должность консула связана с особой, заманчивой для поэтического воображения славой – Поллион будет эпонимом 40 года и «навсегда» войдет, таким образом, в календарь. Естественный поэтический ход (при определенных обстоятельствах, разумеется) – прославить сам этот год как особую дату, как начало нового века (*saeculum*).

Здесь нужно приглядеться подробнее к тому, что подразумевали римляне под *saeculum*. Это не календарный отрезок времени, а новое людское «поколение», как и золотой, серебряный и проч. «века» у Гесиода. Новое поколение посылается богами (земля как бы снова «засеивается» новым человеческим посевом) и находится к богам в своих особых отношениях, не таких, как предыдущее. Не удивительно поэтому, что, говоря о начале нового века, Вергилий сразу упоминает рождение и благоприятствующих ему богинь. Речь здесь идет не столько о младенце, который приведет золотой век, сколько о золотом веке, который начнется в самый момент рождения младенца.

Тема приближающейся смены веков активно обсуждалась в Риме во 2-ой половине I века, как видно из свидетельств Светония, Плутарха, Цензорина, Сервия. Идеология «золотого века Августа», для Овидия уже нечто официальное и предмет для насмешки (*Ars am.* 2, 227: *aurea sunt vere nunc saecula; plurimus auro/ venit honos, auro conciliatur amor*), возникла не на пустом

месте, как и возобновление Секулярных игр (17 г. до н. э.). Интересны с этой точки зрения и значительные совпадения между IV эклогой и горациевским *Carmen Saeculare*.

Давно замечено смещение акцентов в августовских играх по сравнению с тем, что известно об архаической традиции. Если в древности торжество было посвящено главным образом «похоронам» старого века, и, соответственно, подземным богам, то теперь выражение *saeculum condere* получает новое осмысление. Речь идет прежде всего об «основании» нового века, и главными божествами оказываются парки, прядущие судьбу новорожденного, богиня рождения Люцина (она же греческая Илифия), а также мать-земля.

При таком взгляде неудивительно, если главной вехой, отмечающей начало нового века, признается не смерть последнего представителя предыдущего поколения, а рождение первого представителя нового. Представляется, что именно это рождение и воспевает Вергилий в своей эклоге. Поэт волен был представлять будущую судьбу своего новорожденного, как заблагорассудится – именно потому, что личность этого младенца и его родителей принципиально невозможно установить (как и о конце предыдущего века узнавали не непосредственно, а по посылаемым богами знамениям).

Эта интерпретация помогает также понять смысл подчеркнутых цитат и реминисценций из 64 стихотворения Катулла в IV эклоге. Знаменитый рефрен *currite ducentes subtegmina, currite fusi* повторен у Вергилия почти буквально. Предыдущие 15 строк эклоги представляют из себя своего рода катулловский центон ('*priscae vestigia fraudis*', '*temptare Thetim ratibus*', '*et altera quae vehat Argo dilectos heroas*', '*nautica pinus*' и т. д.). «Эпиталамий Пелея и Фетиды», во всяком случае, в своей рамочной части – это прежде всего рассказ о чудесном сближении мира богов и людей, возможном только в те блаженные героические времена, когда люди были достойны любви богов, и боги запросто участвовали в домашней жизни лучших из них. Теперь же, заключает Катулл, в наши испорченные времена, боги уже не достаивают нам показываться.

Начало IV эклоги как бы переворачивает эти жалобы: младенец будет причастен жизни богов, «он увидит их, и они его увидят». Пелей у Катулла (и традиционно в греческой поэзии, еще у Гомера и Пиндара) – наилучший пример этой когда-то существовавшей близости богов и смертных. Он взял в жены богиню с согласия Зевса, и небожители пировали на его

свадьбе. Нам представляется, что именно это имеет в виду Вергилий, говоря в конце поэмы о «ложе богини и трапезе бога».

Неудивительно, что Вергилий строит поэму, посвященную Поллиону, на узнаваемом катулловском образце. Ведь Поллион, по возрасту стоящий как раз посередине между Катуллом и Вергилием, был в ранней молодости лично знаком с первым. Это знакомство лестным для Поллиона образом отразилось в 12 стихотворении Катулла. Можно думать, что Поллион этим гордился.

Таким образом, IV эклога не просто условно посвящена Поллиону в первых (возможно, добавленных позже) трех строках, но и связана с идеей его консульского года всем своим замыслом. Тем менее вероятным становится предположение, что одновременно она является поздравлением другому покровителю (хотя бы и самому Октавиану) по совсем иному поводу.

А. И. Солопов

Особенности обозначения места и отправной точки в прозе Цицерона

Как известно, в латинском языке при ответе на вопрос «где?» названия городов и небольших островов ставятся в местном падеже без предлога, причём местный падеж в ед. числе I и II скл. одинаков с родительным, а в ед. ч. III скл. и во мн. ч. всех склонений одинаков с аблативом:

Rōmae в *Риме*, Corinthī (Cic. agr. II 90)¹ в *Коринфе*, Carthāgīne (Cic. Verr. IV 82; Balb. 5; Verg. Aen. IV 224)² в *Карфагене*, Athēnīs (Cic. diu. Saec. 39) в *Афинах*.

На вопрос «откуда?» названия тех же объектов ставятся в аблативе без предлога (abl. separationis):

Rōmā из *Рима*, Corinthō (Cic. Tusc. V 109)³ из *Коринфа*, Carthāgīne (Cic. Verr. IV 77; de or. II 75) из *Карфагена*, Athēnīs (Cic. de or. III 213)⁴ из *Афин*.

Эти правила формулируются преимущественно на основе словоупотребления Цицерона и Цезаря. (Обычный случай: quanti uero ista ciuitas aestimanda est, ex qua boni sapientesque pelluntur? Damaratus quidem, Tarquinii nostri regis pater, tyrannum Cypselum quod ferre non poterat, **fugit** Tarquinius **Corintho** et ibi suas fortunas constituit ac liberos procreauit (Cic. Tusc. V 109))

Несколько позднее, примерно начиная с Плиния Старшего, в латинском языке появляется обыкновение усиливать сепарационное значение предлогом ab:

primus in<l>euit eas colore testae, ut ferunt, tritae E<c>phantus Corinthius. hunc eodem nomine alium fuisse quam tradit Cornelius Nepos secutum in Italiam Damaratum, Tarquinii Prisci regis Romani patrem, **fugientem a Corintho** tyranni iniurias Cypseli, mox docebimus (Plin. n. h. XXXV 16);

¹ Другие примеры: Cic. Tusc. I 21; III 27; fat. 13; fam. IX 18, 1; Liv. XXXIV 51, 3.

² Реже для выражения локативного значения используется форма Carthāgīnī (Cic. agr. II 90; Plaut. Cas. 71; Poen. 1038; 1056).

³ Другие примеры: Nep. Timol. 3, 1; Liv. XXXII 35, 12; XXXIII 15, 1.

⁴ Другие примеры: Cic. Cato I; fam. VI 4, 5; Att. V 12, 1 (sexto die Delum Athenis uenimus); VII 1, 9.

Medea ubi regiam ardere uident, natos suos ex Iasone M<e>r<m>erum et <Ph>eretem interfecit et **profugit a Corintho** (*Hygin. geneal.* 25, 3)

Вместе с тем несколько раз Цицерон – только в письмах, причём только в письмах к Аттику – предвосхищает аналитический способ; при этом для выражения локативного значения он пользуется предлогом ad:

Mummium fuisse **ad Corinthum** pro certo habeo. saepe enim hic Spurius, qui nuper est <mortuus>, epistulas mihi pronuntiabat uersiculis factas ad familiaris missas **a Corintho** (*Cic. Att. XIII 6, 4*)

В письмах к другим, менее близким адресатам Цицерон, по-видимому, никогда не использует этот просторечный способ выражения, оставаясь в рамках литературной нормы:

CICERO S. D. PAETO

Cum essem otiosus in Tusculano propterea quod discipulos obuam miseram, ut eadem me quam maxime conciliarent familiari suo, accepi tuas litteras plenissimas suauitatis; ex quibus intellexi probari tibi meum consilium, quod, ut Dionysius tyrannus, cum Syracusis pulsus esset, **Corinthi** dicitur ludum aperuisse, sic ego sublatis iudiciis, amisso regno forensi ludum quasi habere coeperim. quid quaeris? (*Cic. fam. IX 18, 1*) (*ad L. Papirium Paetum*)

Эта особенность не ограничена одним лишь топонимом Corinthus, но, по-видимому, жёстко ограничена фигурой Аттика как адресата:

illum **ab Alexandria discessisse** nemo nuntiat constatque ne profectum quidem illum quemquam post Id. Mart. nec post Id. Dec. ab illo datas ullas litteras (*Cic. Att. XI 7a, 3*).

Необычность такого способа выражения осознавалась и ранее, но от неё стремились избавиться путём конъектур (*ab secl. Kayser*).

Даже в письмах к Аттику гораздо более частотен, однако, обычный способ выражения:

illum **discessisse Alexandria** rumor est non firmus ortus ex Sulpici litteris (*Cic. Att. IX 25, 2*).

Таким образом, наблюдаемые в письмах Цицерона к Аттику отклонения в формах обозначения места и отправной точки позволяют датировать появление некоторых из так называемых протороманских явлений почти на век раньше, чем это обычно делается.

М. А. Таривердиева

Оценка в латинской христианской литературе (языковой аспект)

По наблюдениям исследователей, тексты, написанные в разные эпохи, различаются по тому, как выражается в них оценка. В частности отмечено, что для средневековых текстов (лирика трубадуров, проза) характерно четкое разделение картины мира на зоны добра и зла и основной способ их обозначения – постоянный эпитет (Гуревич, 1984; Вольф, 1985).

Средневековая христианская литература на новых языках в качестве канонического образца использовала латинские источники. Лингвистами указывается, например, что для религиозно-дидактических сочинений на романских языках характерно, при насыщенности текста оценочными структурами, однообразие их языкового воплощения, сводимое к ограниченному набору прилагательных, заимствованных из латинских образцов (Челышева, 1996).

Наше обращение к христианским текстам имело целью выявить используемые в них оценочные средства, а также рассмотреть динамику их употребления в диахроническом срезе. Были сопоставлены два текста религиозно-дидактической направленности: «Гомилия на пролог Евангелия от Иоанна» Иоанна Скотта Эриугены (*Omelia Iohannis Scoti, translatoris Ierarchiae Dionisii, IX в.*) и «Путеводитель души к Богу» св. Бонавентуры (*Sancti Bonaventurae Itinerarium mentis in Deum, XIII в.*).

Оба сочинения отличает общая особенность: при декларированной и реализуемой дескриптивно-дидактической направленности в них отчетливо проявляется оценочный фон, ориентированный на высшие духовные ценности. Оценочный фон пронизывает весь текст, будучи вкраплен в его дескриптивное содержание.

При общности жанра, общих объектах оценки (Бог, Дева Мария, другие священные имена), общем принципе введения оценки в текст (в абсолютном большинстве случаев – в дескриптивных структурах) степень и формы выраженности оценки в рассматриваемых текстах различны.

Ценностная ориентация автора «Гомилии» проявляется в использовании разнообразных языковых средств, служащих для передачи дескриптивного содержания, но реализующих на

уровне высказывания в целом скрытый в их семантике оценочный компонент: *Audi divinum et ineffabile paradoxum, inreserabile secretum, invisibile profundum incomprehensibile misterium* «Услышь божественную и несказанную странность, неразрешимую загадку, незримую, глубокую, непостижимую тайну» (пер. «Гомилии» – В. В. Петров). Сочетание лексем, в семантику которых входит оценочный компонент, способствует усилению оценки.

Излюбленный прием Эриугены – сопоставление дескриптивных характеристик, создающее эффект продвижения по шкале оценок: *Exterior sensus transeuntem accipiat sonitum, interior animus manentem penetret intellectum* «Да воспримет внешнее чувство преходящий звук, да проникнет внутренний дух в устойчивый смысл». Возможно противопоставление характеристик, размещение их по разные стороны оценочной шкалы: *...superiorem spiritualium, ...inferiorem corporaliūm...* «...возвышенное духовного, ...низменное телесного...». Оценочный эффект достигается также использованием метафоры: *Vox spiritualis aquilae auditum pulsat Ecclesiae* «Голос духовного орла потрясает слух Церкви».

Сочинение св. Бонавентуры, написанное почти четырьмя столетиями позже, в стилистическом отношении значительно отличается от труда Эриугены. Содержание текста можно охарактеризовать как дескриптивно-аналитическое. Рассуждения и выводы выстраиваются в строгом иерархическом порядке, подчеркнуто и последовательно базируясь на принципе троичности и не оставляя места для проявления субъективной позиции автора. В данном тексте также присутствует оценочный компонент, однако он менее эксплицирован и проявляется в основном в дескрипциях, связанных с рассуждениями о Боге и его деяниях: *In Primum et Summum, Potentissimum, Sapientissimum et Optimum* «К Первому и Высшему, Могущественнейшему, Мудрейшему и Совершенному»; *Creatoris summa potentia et sapientia et benevolentia* «Всемогущество, мудрость и благоволение Творца»; *...ad gratiam reformantem, ad iustitiam purificantem, ad sapientiam perficientem* «...к преображающей благодати, очищающей праведности, совершенствующей мудрости» (пер. «Путеводителя...» – В. Л. Задворный).

Как видно из приведенных примеров, главным языковым средством создания оценочного фона в сравниваемых текстах являются прилагательные. В абсолютном большинстве употреблений они не имеют структурных признаков оценочных язы-

ковых единиц – не являются частью ремы («нового») и не находятся в позиции предиката, – формально выполняя дескриптивную, а не оценочную функцию. Однако в тексте Эриугены лексическое разнообразие прилагательных, их выразительный потенциал, использование в разных синтаксических и стилистических структурах, отнесенность к разным объектам (хотя и объединенным тематической общностью) обеспечивают ведущую роль прилагательных среди других языковых средств в формировании богатого сравнениями оценочного фона сочинения. В тексте св. Бонавентуры лексическое однообразие прилагательных, их общеоценочная семантика, синтаксические и стилистические ограничения в их употреблении, отнесенность к одному объекту – Богу и непосредственно связанным с ним именам и ситуациям позволяют рассматривать прилагательные в данном употреблении как постоянные эпитеты, а формируемый с их помощью оценочный фон – как заранее данный, опирающийся на окончательно сложившиеся к этому времени устойчивые христианские постулаты.

Безальтернативность интерпретации и постоянство в выборе, предпочтение прилагательных с общеоценочными значениями и сведение частнооценочных значений к общим, закреплённость оценочных характеристик за определенными объектами – все эти особенности вполне соответствуют назидательному характеру религиозно-дидактических сочинений, получивших в эту эпоху значительное распространение.

Преемственность христианской традиции обусловила возникновение соответствующих языковых универсалий и, как результат, – использование аналогичного инвентаря лексических оценочных средств в религиозно-дидактических текстах на формирующихся в этот период (XI–XIII вв.) по образцу литературной латыни литературных романских языках.

Т. Ф. Теперик

Поэтика сновидения и поэтика перевода: к вопросу о критериях точности

Далеко не все сны, изображённые в античной литературе, требуют особого толкования. Так, из шести снов гомеровского эпоса в интерпретации нуждается лишь один, из семи снов «Энеиды», – также один. У таких авторов, как Аполлоний Родосский и Лукан, эта пропорция уже иная: из трёх снов, содержащихся и в «Аргонавтике», и в «Фарсалии», уже два являются достаточно непонятными и загадочными. Правда, интерпретация подобных снов не всегда связана с особыми затруднениями, так как в эпическом действии смысл снов часто разъясняется по ходу самого сюжета. Однако, кроме семантики подобных сновидений, большое значение имеют их художественная роль в произведении, их *поэтика*, то есть то, как средства изображения связаны с изображаемым. Кроме того, немаловажное значение имеют и те обстоятельства, в силу которых тот или иной сон становится загадочным, т. е. то, что именно в нём является непонятным: его образы, сюжет или слова. Как правило, в эпосе загадочные сны – это как раз те, в которых слова отсутствуют, но присутствуют символические образы и действия.

Особенно интересен в этом отношении сон Медеи в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. Хотя общий смысл этого сна, казалось бы, выглядит достаточно ясным, сон Медеи резко отличается от остальных снов, изображённых как в «Аргонавтике», так и в других эпических поэмах, прежде всего, обилием образов и сюжетов. Здесь и Ясон со своими спутниками, и отец Медеи, и другие родственники, здесь и сражение с быками, и помощь Медеи аргонавтам, и ссора между колхидянами и гостями, и бурное выражение эмоций. Неслучайно именно этот сон совершенно по-разному оценивался исследователями эллинистической поэзии. Так, Н. А. Чистякова интерпретирует сон Медеи как вещий, поскольку в нём «намечено всё её будущее, вплоть до предательства по отношению к родителям»¹. М. Е. Грабарь-Пассек пишет о том, что Аполлоний «вместо

---

¹ Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Перевод, статьи и примечания Н. А. Чистяковой. М., 2001. С. 325.

обычных явлений богов и прорицателей даёт совершенно *реальный сон* (выделено нами – Т. Т.), в котором в фантастической форме Медея переживает то, что терзает её наяву; здесь под видом битвы с быками и столкновения между Аэтом и Ясоном изображена борьба в сердце Медеи между любовью к Ясону и верностью отцу»². Эта позиция подкреплена и другим мнением М. Е. Грабарь-Пассек: «Очень реально описан страшный сон, который Медея видит в ночь после приезда греков: она должна выбрать между незнакомцем и отцом, она выбирает первого и от гневного крика отца просыпается: отражение её душевной борьбы во сне психологически верно и выгодно отличается от часто используемого мотива “вещего” сна»³. Эти два мнения как будто противоречат друг другу, так как первая точка зрения связывает сон Медеи с будущим, вторая – с настоящим. Какая из них ближе к истине? Чего больше в этом сновидении – психологизма или предсказания? Ясно, что такое различие в оценках связано с тем, как понимается их авторами содержание данного сновидения. И здесь перед нами тот случай, когда кроме научных взглядов исследователей, у нас есть их художественный перевод, где интерпретация смысла сновидения, основанная на том, как понимается ими греческий подлинник, также отражена, хотя и совершенно иначе, чем в их трудах. В переводе Н. А. Чистяковой⁴ сновидение Медеи выглядит так:

«А Медею крепкий сон от печали избавил,
 Лишь в постель она прилегла. Однако же тотчас
 Сон приснился ей огорчённой и начал тревожить
 И обольщать. Чужеземец приснился. Свой подвиг, однако,
 Начал он, не стремясь увести руно золотое,
 И не ради него приплыл он в город Эета,
 А захотел ввести ее в дом свой законной супругой.
 Ей казалось, что битву с быками она начинает
 И завершает успешно. Родители ей заявляют,
 Что ему, а не ей запрягать быков надлежало.
 Ссора взаимная вспыхнула между отцом и гостями.
 К ней обратились они, сказав: всё будет, как скажешь.
 Тут чужеземца она предпочла и родным изменила,
 Тех ужасная скорбь обуяла, они закричали.
 С криком сон покинул её. Поднялась она в страхе».

² История греческой литературы. Под редакцией С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1960. С. 88.

³ История всемирной литературы. М., 1983. С. 416.

⁴ Аполлоний Родосский. Аргонавтика. С. 79.

Несколько иначе расставлены акценты в переводе М. Е. Грабарь-Пассек:

«Только на ложе склонилась, как ей овладела дремота,
Горе рассеяв, но тотчас обманчивый рой сновидений
Страшный терзать её стал, как обычно бывает в печали.
Мнилось ей, будто бы в битву с быками вступил чужестранец,
Но не стремился он будто добиться руна золотого
И не за ним он приехал в столицу владыки Аэта,
Но для того, чтоб её как супругу свою молодую,
В дом свой родимый ввести. И пригрезилось ей, что с быками
Ради него она, в битву вступив, без труда их смирила.
Выполнить слово своё отказались родители, должен
Сам он быков был смирить, а не с помощью девушки; ссора
Вспыхнула между отцом и пришьельцем, и к ней обратились
Оба, чтоб их рассудила, как ей её разум укажет.
Вынесла в пользу пришьельца решенье, отцом пренебрегши.
Горем охвачены страшным, и мать и отец закричали
С гневом и болью. От крика расселся сон, и Медея
В страхе вскочила, шатаясь, за стены родимые спальни
Робко хватаясь рукой».⁵

Нельзя не заметить, что во втором переводе этот сон выглядит более эмоциональным, что достигается, в первую очередь, акцентом на конкретной лексике («гнев и боль», «горе страшное», «дом родимый», Медея бьётся с быками «ради него»), в то время как первый перевод в этом отношении более нейтрален: «законная (а не «молодая») супруга», «заявляют», «завершает успешно», «надлежало», «предпочла», – эта лексика задаёт иной стилистический регистр в сравнении с экспрессивностью первого перевода. Такие отличия, конечно, не могут быть случайными, они, несомненно, являются следствием *поэтики перевода* в каждом из двух случаев. В первом переводе основной акцент сделан на художественности, во втором – на точности⁶. Как это согласуется с мнением авторов обоих переводов, выраженными ими в научной прозе? На наш взгляд, самым прямым образом.

⁵ История греческой литературы. С. 88.

⁶ Точность и художественность, или, иначе, «творческий подход» и «буквализм» – термины, в которых специалистами по теории и истории перевода характеризуются две основные переводческие концепции. См. Н. К. Гарбовский Теория перевода. М., 2004. Е. Г. Эткинд. Русские поэты-переводчики от Третьяковского до Пушкина. Л., 1973. П. М. Топер. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000

Вещий сон, т.е. сон, в котором есть лишь указание на будущие события, более объективен, более индифферентен по отношению к чувствам и настроениям увидевшего сон человека, в то время как в психологическом сне в первую очередь реализованы именно они: чувства и эмоции сновидца. Однако в данном случае позиции исследователей на самом деле не столько противоречат друг другу, сколько дополняют друг друга, поскольку в сновидении Медеи, безусловно, есть и вещий смысл, но в нём определённым образом реализовано и настоящее. С одной стороны, сон Медеи свидетельствует о том, что с ней *происходит*. Но он же говорит и о том, что с ней *произойдёт*. Именно это, в отличие от Гомера, и стало основной чертой онейротопики Аполлония: *соединение* в одном сновидении психологизма и вещего смысла⁷. Для авторов переводов важным было выделить что-то главное, что-то основное, в соответствии как с переводческой концепцией, так и со своими научными представлениями. Но тот, кто стремится исследовать *поэтику сновидения*, онейротопику⁸, обязан не только учитывать такого рода различия в подходах, но, по возможности, и дать им объяснение. Поэтому нельзя недооценивать тот факт, что избранная в каждом конкретном случае *поэтика перевода* является одним из важнейших факторов, определяющих и *смысл* переводимого текста. И если этот смысл является достаточно многозначным, что особенно касается снов с символическим содержанием, то именно *поэтика перевода* в ряде случаев способна стать одним из необходимых коррелятов для определения *смысла сновидения*. Когда смысл сна особенно загадочен, то именно *перевод* может стать одной из наиболее важных форм его *интерпретации*. И если эти интерпретации у разных переводчиков одного и того же текста существенно различаются, то лишь потому, что *содержание сновидения это допускает*. В таком случае анализ поэтики перевода, являющегося одним из критериев определения смысла снов, может быть особенно важным. Поэтому при анализе *поэтики сновидения* самое пристальное внимание должно быть уделено и *поэтике перевода*.

---

⁷ Т. Ф. Теперик. Поэтика сновидений в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. Филологические науки, 2007. № 4 (в печати).

⁸ Т. Ф. Теперик. О поэтике литературных сновидений // Русская словесность, 2007. № 3. С. 15.

Т. В. Топорова

**К проблеме полисемии эпического слова:
обозначения флоры в «Старшей Эдде»¹**

Важнейшим стимулом, побудившим к анализу эпического слова, является стремление разработать лингвистическую методику изучения лексической семантики, которая оказалась бы достаточно объективной и адекватной материалу. Верификация схемы описания эпического слова на примере новой семантической группы слов², во-первых, расширила бы представления об эддической модели мира и, во-вторых, свидетельствовала бы о её потенциальной применимости в более широком масштабе, актуальности, по крайней мере, не только для единичной семантической сферы. Перечислим некоторые основополагающие тезисы, которыми мы руководствовались при анализе лексической семантики эддического слова:

- 1) Выводы о семантическом объёме и дифференциальных признаках той или иной лексемы делаются исходя исключительно из контекста, понимаемого как окружение лексемы, причём отнюдь не минимальное, а достаточное для её интерпретации. Такое расширенное понимание контекста кажется вполне оправданным с учётом новых тенденций современного языкознания. Нельзя не согласиться с мнением о том, что «перенос основного внимания специалистов в область семантики настоятельно требует не ограничиваться уровнем предложения, поскольку на этом уровне оказывается невозможным адекватное понимание того, как происходит образование сверхфразовых единств и, в конечном счете, текста»

---

¹ Статья выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» на 2006–2008 гг. (Раздел 2. Экологические аспекты культурогенеза в древности и средневековье, п. 3. Реконструкция древних мировоззренческих комплексов), проект «Реконструкция древнеисландских мировоззренческих комплексов на материале «Старшей Эдды».

² Первым опытом подобного анализа является интерпретация концепта *горы* в «Старшей Эдде» [Топорова 2006].

- [Садур 1985, 3]. «Текстоцентричность», ориентация на конкретные факты, зафиксированные в «Старшей Эдде», практически сводят на нет опасность их модернизации, о которой неоднократно предупреждали специалисты³. Таким образом, удастся избежать проекции органичной для исследователя модели мира на объект исследования, неотъемлемо принадлежащий иной архаичной мифопоэтической традиции.
- 2) Основным инструментом анализа становятся *фономорфологические, грамматические, словообразовательные, синтаксические, семантические* критерии.
  - 3) *Поэтический* фактор не может не приниматься во внимание, так как «Старшая Эдда» – произведение поэтического искусства, в котором чрезвычайно велика роль эстетической функции, и в отдельных случаях судить о статусе слова оказывается возможным лишь на основании его вовлечённости в поэтическую игру – аллитерацию, другие звуковые повторы, анаграмму.
  - 4) Необходимость обращения к *этимологии* продиктована тем обстоятельством, что семантическая мотивировка слова может актуализироваться в определённом контексте.
  - 5) *Типологическое* сравнение, базирующееся на наличии семантических универсалий в эпосах, относящихся к различным ареалам, углубляет перспективу исследования. Как было установлено, «некоторые из выявляемых при этом сходств могут объясняться, в конечном счете, общим происхождением <...>, другие же объясняются сходными путями развития, дающими параллельные результаты» [Топоров 2004, 413].
  - 6) Особое значение приобретают *экстралингвистические* данные: древнеисландская *мифология*, поскольку речь идёт о памятнике мифопоэтического характера, поэтому описание семантики слова последовательно сопровождается установлением типичных для него мифологических контекстов.

---

³ Показательно следующее высказывание: «Там, где современный учёный различает множество дискретных значений, пытаясь проследить переход от одного к другому, для архаичного сознания могло существовать одно синкретическое значение, по-разному реализуемое в различных контекстах. Таковую возможность тоже следует пытаться предусмотреть» [Елизаренкова 1999, 13].

- 7) На повестке дня всегда остаётся связь слова с «*миром вещей*», поскольку лексическое значение слова предоставляет ценную информацию о денотате, обозначающем конкретный предмет, следовательно, создаётся уникальная возможность сопоставить результаты исследования со свидетельствами материальной культуры, получаемыми на основании памятников археологии или культурной антропологии.

В качестве объекта исследования выбрано семантическое поле **флора**, так как на наш взгляд описания требуют в первую очередь лексемы, обозначающие конкретные денотаты, окружающие носителей мифопоэтической традиции – древних исландцев – в их повседневной жизни. Изучение абстрактных понятий может быть осуществлено лишь после исчерпывающего анализа конкретной лексики, характеризующей «мир вещей» «Старшей Эдды».

Лексическому анализу подвергаются имена существительные, обозначающие растения в «Старшей Эдде»: именно они фигурируют в качестве заголовочных слов в начале каждой словарной статьи, а другие части речи – прилагательные и глаголы присутствуют в соответствующих пунктах стандартной схемы описания эпического слова, тем самым занимая подчинённое положение. Ключевая роль имени predeterminedена «**номинализмом**» мифопоэтической традиции, сущность которого состоит в том, что «творение было завершено, когда всё, что было сотворено, получило своё имя-слово, и именно этот ономотетический акт стал первым шагом в становлении культуры. Каждое слово первоначально было именем; оно было сакрально» [Топоров 1998, 35]. Блестящий образец номинализма демонстрируют эддические «Речи Альвиса», диалог на космологические темы между мудрым карликом Альвисом и богом Тором, когда каждый элемент вселенной (в том числе и растения) обозначается на языке богов, людей, карликов и великанов, то есть апеллирует к низводится до своих истоков и функционирует как первое имя. Приведём соответствующий контекст: «[Тор сказал:] Альвис, скажи мне, – про всё, что есть в мире, // наверно ты знаешь, // – как лес зовётся, что вырастает, // в разных мирах. [Альвис сказал:] Он Лес у людей, у богов – Грива Поля, // в Хель – Поросль Склонов, // Дрова он у турсов, у альвов – Ветвистый, // у ванов он Прутья» (строфы 27–28). Нельзя не упомянуть важнейшей особенности германского аллитерационного стиха, в котором номинализм как фунда-

ментальное свойство мифопоэтической модели мира получил формальное выражение: главные ударные позиции стихе – первую и третью заполняли, как правило, аллитерирующие имена существительные, а безударную четвёртую – глаголы.

Одна из наиболее важных проблем эпоса – объяснить функционирование различных обозначений одного и того же денотата. Чтобы приблизиться к её решению, рассмотрим примеры подобного рода, широко представленные в «Старшей Эдде»⁴. Для того чтобы сравнительный анализ эпических синонимов был наглядным и информативным, следует составить список миниконтекстов каждого из них и расценить их с точки зрения носителя мифопоэтической традиции как ассоциирующиеся с космосом или хаосом, то есть положительно (+) или отрицательно (–), добавив элементарную грамматическую информацию (сведения о количестве словоупотреблений, категорий числа, падежа, синтаксических функциях, атрибутах и предикатах).

1. Общие обозначения деревьев:

а) **baðmr** (4 (3+1)⁵; только **ед. ч.**; **им. пад.** (2), **дат. пад.** (2); субъект (*стоять, быть созданным*; локус (*вырезать на дереве; прятать под деревом*); объект (*нести славы дерево*); атрибуты: *высокий, священный, привыкший к ясному небу; славы дерево*):

мировое дерево – ясьень Иггдрасиль (Vsp. 19; 27) +;

первое дерево, созданное в результате космогонического акта (Grm. 40) +;

на дереве вырезают руны (Sd. 11) +;

«высокое славы дерево» – побег омелы, орудие убийства Бальдра (Bdr. 9) –;

б-г) **eldi, hlíð-þang, vöndr** (Alv. 28) – окказионализмы, поэтические обозначения дерева в разных мирах; только **ед. ч. им.** или **вин. пад.**; функция субъекта (*дерево называется*) – объекта (*дерево называют*);

первое дерево в мифе творения +;

д) **lundr** (2 (1+1); в значении ‘дерево’ только в **ед. ч. дат. пад.** (1), **вин. пад.** (1); локус (*лежат под деревом, стоять у дерева*):

⁴ Основная рукопись «Старшей Эдды» Codex Regius датируется второй половиной XIII в.

⁵ Цифры указывают на частотность лексемы, в скобках даны дифференцированно мифологические и героические песни.

- мировое древо – ясьень Иггдрасиль (Vsp. 35) +;
 дерево & птица (ННv. проз. 12) 0;
- е) **meiðr** (7 (4+3); 1 (*vindga-meidr* ‘ветреное дерево’⁶); только **ед. ч.**; **род. пад.** (1), **вин. пад.** (1), **дат. пад.** (5); объект (*строгать дерево, становиться из дерева*), локус (*сидеть, висеть, находить, кричать на дереве*); атрибуты: *высокий, знаменитый* (→ *опасный*):
- мировое древо – ясьень Иггдрасиль (Grm. 34) +;
 орудие убийства Бальдра (Vsp. 32) –;
 «ветреное дерево» = виселица (Háv. 138; Nm. 17) –;
 дерево для тканья (Rf. 15) 0⁷;
 ворон на дереве (НН. I 5; Br. 5) 0;
- ж) **tré** (5 (3+2); 4 (*tré-mann* ‘дерева человек’ (= идол); *möndul-tré* ‘мельницы дерево’ (палка для вращения жёрнова), *scap-tré* ‘рукоятки дерево’ (древко рукоятки для вращения жёрнова), *varg-tré* ‘преступника дерево’ (= виселица)); только **ед. ч.**; **им. пад.** (3), **дат. пад.** (2); субъект (*быть, шуметь, гнутья*), локус (*качаться на дереве, плести при дереве*); атрибуты: *сильный, старый*:
- мировое древо – ясьень Иггдрасиль (Vsp. 47) +;
 дерево & мертвец / преступник (Háv. 157; *varg-tré* ‘преступника дерево’) –;
 дерево без корней (Am. 73) –;
 дерево – мачта (НН. I 26) 0;
 дерево – элемент мельницы (НН. II 3; Grt. 23) 0;
- з) **pollr** (2); только **ед. ч. дат. пад.**; объект (*целый от дерева*); локус (*стоять под деревом*):
- мировое древо – ясьень Иггдрасиль (Vsp. 20) +;
 столб, опора жилища (Нум. 13) +;
- и) **viðr** (8 (7+1); 3 (*gagl-viðr* ‘виселицы дерево’, *hlaut-viðr* ‘жребия дерево’, *miot-viðr* ‘меры дерево’); **ед. ч.** (6), **мн. ч.** (1 (Grm. 44)); **ед. ч. им. пад.** (3), **род. пад.** (3), **дат. пад.** (1), **мн. ч. род. пад.** (1); субъект (*дерево называется* (2), *быть*), объект (*верить дереву*), атрибуты: *лучший, лишённый корней, сырой*:
- мировое древо – ясьень Иггдрасиль (Grm. 44); *miot-viðr* ‘меры дерево’ +;

⁶ После точки с запятой указана частотность композитов, обозначающих именно представителей флоры при помощи данного элемента, как правило, во второй позиции.

⁷ 0 обозначает нейтральность словоупотребления.

первое дерево / первый лес в мифе творения (Alv. 27-28) +;
 корни каждого дерева в магическом напитке (Gðr. II 23) +;
 на корнях дерева вырезают руны (Háv. 151) +;
 ‘жребия дерево’ (*hlaut-viðr*) +;
 ‘виселицы дерево’ (*gagl-viðr*) –;
 дерево без корней (Háv. 85–88);
 дерево без листвы (Hm. 5) –;
 на корнях дерева дают козью мочу (Skm. 35) 0.

На основании анализа обозначений дерева в «Старшей Эдде» обнаруживается, что с точки зрения носителя эддической мифопоэтической традиции для данного денотата выделялось шесть ключевых позиций – три положительные (*первое дерево* в мифе творения; *мировое дерево*; *дерево* в магии) и три отрицательные (*дерево – орудие убийства Бальдра*; *висельное дерево*; *дерево без корней* – символ изоляции, лишения поддержки рода). Исходя из этого тезиса, оказывается возможным упростить семантическую схему, базирующуюся на соотношении контекстов: в частности, для др.-исл. *viðr* вместо зафиксированного в тексте варианта +++++-- постулируется ++++--, так как Gðr. II 23, Háv. 151 и *hlaut-viðr* реализуют одну позицию – *дерево в магии*.

Интерпретацию результатов исследования необходимо снабдить некоторыми комментариями. Особого внимания заслуживают два обстоятельства:

- в отдельных случаях невозможно разделить значение ‘дерево’ и ‘лес’, например, в др.-исл. *viðr* из «Речей Альвиса», где одни обозначения отчётливо указывают на дерево (*fagrlimi* ‘прекрасные ветки (имеющий)’, *vöndr* ‘прут’), а другие – на лес (*vallar fax* ‘равнины грива’, *hlíðþang* ‘склона поросль’). Ср.: *hvé sá viðr heitir, er vex fyr alda sonom // heimi hveriom í. // Viðr heitir með mönnum, enn vallar fax með goðom, // kalla hlíðþang halir, // eldi iotnar, álfar fagrlima, // kalla vönd vanir* (Alv. 27; 28) «как *дерево / лес* называется, который растёт для людей // в каждом из миров? // *Дерево / Лес* зовётся у людей, а у богов – грива равнины, // называют склона порослью люди, // дровами – великаны, альвы – с прекрасными ветками, // называют ваны прутом»*;
- в семантической структуре др.-исл. *viðr* помимо значений ‘дерево’ и ‘лес’ репрезентировано значение ‘древесина, дрова’ (ср. Háv. 60; 82; 100; Vkv. 9; Hlr. 10; Gðr. II 12), здесь не рассматриваемое.

Результаты можно представить в виде следующей таблицы:

лексема	структура значения	число	падеж	функция	атрибуты
eldi	+	ед. ч.	им. пад.	субъект	-
hlíðþang	+	ед. ч.	вин. пад.	объект ⁸	-
vöndr	+	ед. ч.	вин. пад.	объект	-
lundr	+	ед. ч.	дат. пад. (1), вин. пад. (1)	локус (2)	-
pollr	++	ед. ч.	дат. пад.	объект (1) локус (1)	-
tré	+-	ед. ч.	им. пад. (3) дат. пад. (2)	субъект (3) локус (2)	<i>сильный, старый</i>
meiðr	+-	ед. ч.	род. пад. (1), вин. пад. (1), дат. пад. (5)	объект (2), локус (4)	<i>высокий, знаменитый (→ опасный)</i>
baðmr	+++-	ед. ч.	им. пад. (2), дат. пад. (2);	субъект (2), локус (2)	<i>высокий, священный, привыкший к ясному небу; славы дерево</i>
viðr	+++--	ед. ч. (6), мн. ч. (1)	ед. ч. им. пад. (3), род. пад. (3), дат. пад. (1), мн. ч. род. пад. (1);	субъект (3), объект (1)	<i>лучший, лишённый корней, сырой</i>

Информация, отражённая в таблице, свидетельствует о некоторых тенденциях:

- **ед. ч.** значительно преобладает по сравнению с **мн. ч.**, зафиксированном всего один раз в суперлативе *æztr víða* «лучшее из деревьев», синонимичном выражению «лучшее дерево» (то есть **мн. ч.** изофункционально **ед. ч.**), следовательно, в «Старшей Эдде» дерево преимущественно воспринимается как у н и к а л ь н ы й объект (ср. образы *первого дерева* в мифе творения или *мирового дерева*);
- максимальной частотностью отличаются **дат.** (12) и **им.**

⁸ Функция объекта, постулируемая для др.-исл. *hlíðþang* и *vöndr* в «Речах Альвиса» производна от функции субъекта, ср. конструкции *eldi heitir* «дрова называется» и *kalla hlíðþang ... vöndr* «называют склона поросль ... прут» (Alv. 28).

пад.⁹ (11), минимальной – **вин. пад.** (2), в промежуточном положении оказывается **род. пад.**, управляющий как глаголом, так и именем (5);

- синтаксические функции распределяются следующим образом: субъект (11: *eldi*, *hlíð-þang*, *vöndr*, *tré* (3), *baðmr* (2), *viðr* (3)), локус (11: *lundr* (2), *þollr*, *tré* (2), *meiðr* (4), *baðmr* (2)), объект (4: *þollr*, *meiðr* (2), *viðr* (1)), то есть дерево в равной мере трактуется как субъект и как локус и значительно реже как объект;
- минимальная семантическая структура состоит из одного элемента (*eldi*, *hlíð-þang*, *vöndr*, *lundr*), максимальная – из пяти (*viðr*), зафиксированы также модели с двумя (*þollr*), тремя (*meiðr*, *tré*) и четырьмя (*baðmr*) элементами; одинаковую структуру имеют помимо односоставных *eldi*, *hlíð-þang*, *vöndr*, *lundr* трёхкомпонентные *meiðr*, *tré*; отрицательных позиций (7) репрезентировано вдвое меньше, чем положительных (14), так как для мифопоэтической традиции типична установка на идеализацию, причём удельный вес положительных позиций превышает отрицательные в пределах лексемы, исключение составляют лишь отрицательные на две трети др.-исл. *meiðr* и *tré*.

Подводя итоги изучения эддических обозначений деревьев можно расположить их на аксиологической шкале, которой руководствовались носители соответствующей мифопоэтической традиции, в порядке нарастания негативных коннотаций (от безусловно позитивного к негативному): *eldi*, *hlíð-þang*, *vöndr*, *lundr*, *þollr*, *baðmr*, *viðr*, *meiðr*, *tré*.

Главный результат исследования семантической группы *флора* в «Старшей Эдде» заключается в разработке специальной методологии описания эпического слова, комплексном анализе древнеисландского материала, объединяющем грамматику текста (то есть распределение лексем по падежам и числам), этимологию, отражающую сравнительно-историческую перспективу слова, его потенции, мифологию (тяготение к тому или иному мифу, сюжету или мотиву), поэтику (участие в аллитерации и иных звуковых повторах, анаграммах), позволяющих установить ряд критериев, обуславливающих функционирование р а з л и ч н ы х эддических обозначений флоры.

⁹ Вместе с изофункциональным ему **вин. пад.** из Alv. 28 (см. предыдущую сноску).

Источники

Тексты цитируются по следующим изданиям:

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Переводы текстов цитируются по следующим изданиям:

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А. И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.

Литература

- Елизаренкова *Елизаренкова Т. Я.* Слова и вещи в Ригведе. М.: 1999
Восточная литература, 1999.
- Садур 1985 *Садур В. Г.* Введение // Структура и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики. Отв. редактор А. Н. Кожин, М.: Наука, 1985.
- Топоров 1998 *Топоров В. Н.* Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М.: изд. центр РГГУ, 1998.
- Топоров 2004 *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные её приложения. М.: «Языки славянской культуры», 2004.
- Топорова 2006 *Топорова Т. В.* Принципы описания эпического слова: концепт горы в «Старшей Эдде». М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.

Сокращения

Alv.	Alvíssmál	“Речи Альвиса”
Akv.	Atlaqviða in grœnlensca	“Гренландская песнь об Атли”
Am.	Atlamál in grœnlensco	“Гренландские речи Атли”
Bdr.	Baldrs draumar	“Сны Бальдра”
Fm.	Fáfnismál	“Речи Фафнира”
Ghv.	Guðrúnarhvöt	«Подстрекательство Гудрун»
Grm.	Grímnismál	“Речи Гримнира”
Grp.	Grípisspá	“Пророчество Грипира”
Grt.	Grottasöngur	«Песнь о Гротти»
Gðr. I	Guðrúnarqviða I	“Первая Песнь о Гудрун”
Gðr. II	Guðrúnarqviða önnor	“Вторая Песнь о Гудрун”
Gðr. III	Guðrúnarqviða in þriðia	“Третья Песнь о Гудрун”

Háv.	Hávamál	“Речи Высокого”
Hdl.	Hyndloljóð	«Песнь о Хюндле»
HN. I	Helgaqviða	«Первая песнь о Хельги убийце
	Hundingsbana in fyrri	Хундинга»
HNv.	Helgaqviða	«Песнь о Хельги сыне
	Hiorvarðzsonar	Хьёрварда»
HN. II	Helgaqviða	«Вторая песнь о Хельги убийце
	Hundingsbana önnor	Хундинга»
Hlr.	Helreið Brynhildar	«Поездка Брюнхильд в Хель»
Hm.	Hamðismál	«Речи Хамдира»
Hrbl.	Hárbarðzljóð	«Песнь о Харбарде»
Hunn.	Hunnenschlachtlied	«Песнь о битве готов с гуннами»
Hym.	Hymisqviða	«Песнь о Хюмире»
Ls.	Lokasenna	“Перебранка Локи”
Od.	Oddrúnargrátr	“Плач Оддрун”
Rm.	Reginsmál	“Речи Регина”
Rþ.	Rígsþula	«Песнь о Риге»
Sd.	Sigrdrífomál	“Речи Сигдривы”
Sg.	Sigurðarqviða in scamma	“Краткая песнь о Сигурде”
Skm.	For Scírnis	“Поездка Скирнира”
SnE	Edda Snorra Sturlusonar	“Младшая Эдда”
Vm.	Vafþrúðnismál	“Речи Вафтруднира”
Vsp.	Völuspá	“Прорицание вёльвы”
Þrk.	Þrymsqviða	«Песнь о Трюме»

В. В. Файер

К вопросу об «аметричных» чтениях Зенодота в «Илиаде»

Прилагательное ἄμετρος и наречие ἀμέτρως не относятся к числу редких слов древнегреческого языка. Особенно частотны они в медицинских, философских и, позднее, богословских сочинениях. Однако в значении «неметрический» (то есть «не имеющий метрической схемы» или «метрически неверный») эти термины употребляются очень редко, что связано со сравнительно небольшим количеством сохранившихся источников, затрагивающих эту тематику.

Тем интереснее то обстоятельство, что в схолиях к «Илиаде»¹ эти слова часто употребляются именно в метрическом смысле. На 4 случая употребления ἄμετρος/ἀμέτρως в обычном значении (Sch. ad 5.806, 11.354, 16.203 и 18.230) приходится 6 метрических примеров, причем первые сосредоточены в экзегетических схолиях, а вторые встречаются исключительно во фрагментах из работы Аристоника. Приведем эти фрагменты:

1. (ad 2.520) ὅτι Ζηνόδοτος γράφει καὶ Πανοπτῶν ἄμετρον ποιῶν τὸν στίχον καὶ οὐ καθ' Ὁμηρὸν σχηματίζων τὸ ὄνομα· ἔστι γὰρ Πανοπεύς ὡς Ἀχιλλεύς· ὅς ἐν κλειτῷ Πανοπῆα.

2. (ad 2.634) ὅτι Ζηνόδοτος γράφει ἢ δ' οἱ Σάμην [ἐνέμεντο] καὶ ἄμετρον ποιῶν καὶ ἀγνοῶν ὅτι κατὰ τὸ ἀρσενικὸν ἐνίστε ἐκφέρεται τὰ εἰς ἠ λήγοντα· μεσσηγὺς Τενέδοιο Σάμοιό τε· οὐ γὰρ εἶπε Σάμης τε.

3. (ad 2.658) ὅτι Ζηνόδοτος γράφει Ἡρακλεῖη καὶ ἄμετρον ποιῶν καὶ οὐχ Ὀμηρικὸν τὸ σχῆμα· ἀπὸ γὰρ τοῦ Ἡρακλῆος Ἡρακλεῖη ἐκπίπτει.

4. (ad 5.638) ὅτι τὸ οἶον ἐπὶ θαυμασμοῦ. τινὲς δὲ ἀλλοῖον παρὰ τοὺς νῦν. Ζηνόδοτος δὲ καὶ ἀμέτρως γράφει Ἡρακλεῖην.

5. (ad 18.222) ὅτι ἀμέτρως ὁ Ζηνόδοτος ὅσα χαλκῆην οὐ συνεῖς ὅτι παραπλήσιόν ἐστι τὸ σχῆμα τῷ κλυτὸς Ἴπποδάμεια καὶ θερμὸς ἀὐτμή.

6. (ad 20.484) ὅτι Ζηνόδοτος γράφει Πειρέως υἱόν ἄμετρον ποιῶν τὸν στίχον καὶ παράλογον· ἐστι γὰρ Πείρωσ τὸ ὄνομα. νῦν δὲ ἐσχημάτικεν ἀπὸ τοῦ Πείρωσ ὡς Μενέλεω.

¹ В схолиях к «Одиссее» они не встречаются вовсе.

Как видно, все фрагменты из Аристоника со словами ἄμετρος и ἄμέτρος посвящены метрической критике Зенодота. Судя по всему, эти замечания принадлежат Аристарху².

Утверждение, что некоторые варианты Зенодота были метрически иррациональными, требует объяснения. Действительно, неясно, как Зенодот, будучи учеником поэта и поэтом, именно в этом качестве приглашенный на библиотечную работу, мог предлагать метрически неправильные варианты взамен правильных. Современные ученые высказывают по этому поводу различные мнения³. Не претендуя на решение этого вопроса в целом, рассмотрим, следует ли считать метрически иррациональными данные 6 чтений Зенодота.

1. Πανοπτέων может метрически соответствовать трем долгим слогам. В конце гекзаметра односложное εω иногда встречается (напр. II.9.197), а α может обладать любым количеством, так как речь идет о топониме. Долгое α встречаем в имени Пана и производных от него; в этом случае топоним получает этимологически вполне прозрачное оформление. Таким образом, данное чтение Зенодота едва ли можно считать метрически иррациональным.

2. Чтение Σάμην, если принять что за ним следовало ἐνέμοντο а не ἄμφενέμοντο⁴, было бы метрически безупречным, но долгий первый слог в этом топониме не соответствует гомеровскому узусу. Тем не менее у Гомера количество

² Аристарх не применяет термин ἄμετρος ко многим трудным местам, которые имеются в нашей гомеровской вульгате и в большинстве своем, надо полагать, были в рукописях александрийского времени. Так, например, βορέης (II.9.5, II.23.195) и Αἰγυπτίας (II.9.382) в начале гекзаметра; сочетания типа ἦ οὐ, соответствующие одному метрическому слогу (II.5.349; 9.537; 15.18; 17.450; 20.188; 21.396; 23.670; Od. 1.298; 2.312; 17.376; 24.115), и другие «вольности».

³ Эта проблема активно обсуждается в современной науке. Из последних публикаций, затрагивающих эту тему назовем следующие: Montanari F.A., Alexandrian Homeric Philology. The Form of the Ekdosis and the Variae Lectiones // Epea pteroenta. Festschrift für Wolfgang Kullmann zum 75. Geburtstag. Stuttgart, 2002; Thiel, H. van, Zenodot, Aristarch und andere, // ZPE 90, 1992; Schmidt M. Variae Lectiones oder Parallelstellen: Was notierten Zenodot und Aristarch zu Homer? // ZPE 115, 1997.

⁴ Это уточнение представляется наиболее вероятным, так как схолии иногда явно приводят чтение Зенодота неполностью. См. об этом Düntzer H., De Zenodoti studiis Homericis. Göttingen, 1848. С. 19–20.

гласного в именах собственных нередко варьирует: самый известный случай – это Ἄρες Ἄρες (II.5.32). Сюда же относится частотный топоним Ὀλύμπος/Ὀὐλύμπος с производными: весьма вероятно, что изначально эти два варианта были графически тождественными и лишь потом при так называемом «метахарактеризме» стали различаться. Таким образом, удлинение в Σάμην следует признать «допустимой вольностью».

5–6. χαλκήν и Πειρώς в два слога с синизесой полностью соответствуют гомеровскому просодическому узусу.

3–4. Наибольшую трудность представляет интерпретация вариантов Зенодота к 2.658 и 5.638. Первый из них поддается метрической интерпретации, если прочесть в Ἦρακλεΐη конечное ηι в два слога по аналогии с βασιλῆι, πόλῆι или Ἄρηι.

Чтение Ἦρακλεΐην такой интерпретации не поддается. Однако при всем сходстве этих случаев, между ними есть важное различие: первый структурно схож с уже разобранными четырьмя. Все схолии, кроме ad 5.638 начинается с указания на метрическую ошибку, после которого следует дополнительное «отягчающее» обстоятельство или уточнение ошибки. Схолий ad 5.638, напротив, сообщает о метрической ошибке Зенодота в конце и без конкретизации. На основании этого различия можно предположить, что слова Ζηνόδοτος δὲ καὶ ἀμέτρως γράφει Ἦρακλεΐην представляют собой позднейшее добавление по аналогии с 2.658 или дополнительный контраргумент. Если принять это предположение, то все 5 остальных «аметрических» чтений Зенодота не являются иррациональными.

А. И. Фалилеев

Топонимические мелочи*Памяти А. А. Королева*

А. А. Королеву принадлежат важные обобщения – как на практическом уровне (см., например, известную книгу, посвящённую анализу огамических памятников древней Ирландии, которая – несмотря на последовавшие за ней публикации Д. МакМануса, Ю. Улиха и П. Симс-Уилльямса – продолжает оставаться серьезнейшим исследованием древнейших памятников ирландского языка), так и теоретическом (достаточно вспомнить о введённом им весьма удачном термине «галльский в узком / широком смысле слова», или концепте «фактора X», повлиявшего на формирование средневековых кельтских языков). При этом известно, какое внимание уделял Андрей Александрович деталям реконструкции и анализа, касалось ли это древнеирландского, средневаллийского, или хеттского материала. В этой связи кажется, что предлагаемые ниже заметки будут вполне уместны как дань памяти учителю и другу.

1. Античное название г. Zalaszentgrót (Паннония)

Раннее название этого населённого пункта известно только по «Антонинову итнерарию», IA 263,4 *Mestrianis* (var. *mesirianis*). Так как он находится на территории, где, как известно, жили кельтские поселенцы, объяснение топонима из галльского представляется вполне правдоподобным. С точки зрения Г. Р. Айзака¹, морфологически это географическое название следует членить как **mestr-ia-ano*. Однако при таком анализе топонима соотнесение его с кельтскими языковыми остатками региона становится весьма проблематичным – корень **mestr-* неизвестен галльскому топонимическому инвентарю. При ином же морфологическом анализе – **mes-tr-*, или, скорее, **med-tr*² –

¹ G. R. Isaac. *The Antonine Itinerary. Land Routes. Place-Names of Ancient Europe and Asia Minor*. CD-ROM. Aberystwyth, 2002. Comm. *ad loc.*

² О судьбе **s-t-* и **d-t-* в галльском см. D. E. Evans. *Gaulish personal names. A Study of some Continental Celtic Formations*. Oxford, 1967. P. 399 и 410–420 (сп. написания личных имён *cadd-*, *cas-*, *cast-* < **kad-t-*). См. также J. Eska. *Tau Gallicum // Studia Celtica* 1998. V. 32. P. 115–127.

появляется возможность вычленения известного кельтского суффикса *-trV⁻³. Что более важно – в таком случае исчезают сомнения в “кельтскости” собственно корня, хотя, по известным причинам, точная его идентификация (в том числе и на обще-кельтском или индоевропейском уровнях) невозможна. Однако это не делает корень не-кельтским, а список десятков возможных соответствий легко составляется с помощью известных словарей (в первую очередь, LIW и IEW⁴). Хотя из-за этого вопросы семантической интерпретации географического названия остаются открытыми, морфологическая структура кельтского топонима становится абсолютно прозрачной. Впрочем, в данном случае нельзя исключить и возможность возведения топонима напрямую к собственному имени *Mestr(i)us*, известному и в Галлии, и Germania Superior⁵. В таком случае снимаются вопросы, связанные с уникальным для топонимических образований использованием известного суффикса *-trV-, а появление топонима ассоциируется с римским присутствием в Паннонии⁶.

³ См. P. De Bernardo Stempel. *Wortbildung des älteren Irischen: Stammbildung und Derivation*. Tübingen, 1999. S. 304–310.

⁴ IEW = J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Bern, 1959; LIV = *Lexikon der indogermanischen Verben*. Zweite Auflage / Hrsg. von H. Rix et al. Wiesbaden, 2001. Анализ нескольких личных имён на *Mess-* (<*med-t-) см. в работах: W. Meid. *Keltische Personennamen in Pannonien*. Budapest, 2005. S. 276–7; D. Stifter. *Keltische Namen in burgenländischen Landesmuseum // Ad Fontes!* (FS Gerhard Dobesch). Wien, 2004. S. 766. Галльские формы на *med-*, *mes-* удобно собраны в книге: X. Delamarre. *Dictionnaire de la langue Gauloise*. Paris, 2003. P. 221–223. См. также А. Фалилеев, N. Kazansky. PIE *med- in Personal Names // *Indogermanische Forschungen* 1997. В. 102. P. 108–111. О других кельтских географических названиях в Паннонии см.: P. Anreiter. *Die vorrömischen Namen Pannoniens*. Budapest, 2001. S. 147–184.

⁵ см. M. Dondin-Payre, *L'onomastique dans les cites de Gaule centrale // Noms, identités culturelles et romanisation sous le Haut-Empire*. Bruxelles, 2001. P. 207 и 237–8; J. Whatmough. *The Dialects of Ancient Gaul*. Cambridge 1970. P. 1079; см. список атестаций в: B. Lórinz. *Onomasticon Provinciarum Europae Latinarum*. В. 3. Wien 2000. S. 79. О (различных) лингвистических аттрибуциях этого имени см.: W. Schulze. *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen*. Berlin, 1904. S. 193 и D. Dana. *Onomastique Est-Balkanique en Dacie Romaine // Orbis Antiquus*. Cluj-Napoca, 2004, P. 440 (с библиографии).

⁶ Так P. Anreiter. *Die vorrömischen Namen Pannoniens*, S. 195; возможно (но не обязательно!) галльское морфологическое оформление

2. Meldia (Балканы)

Древняя Мелдия, ассоциируемая с совр. Драгоманом и его округой (совр. Болгария), известна по нескольким источникам: *Meldiis* TP 6,5; *Meldia* IA 135,3; *mansio Meldia* IB 566,11; *Meldis* Rav. 4,7. Уже в позапрошлом веке название населённого пункта было признано кельтским и сопоставлено В. Томашеком с названием галатского племени *Meldoī*. Однако после выхода нового издания Диона Кассия оказалось, что чтение фрагмента, упоминавшего это кельтское племя (Cass. Dio 51, 25, 4), ошибочно. После этого было предложено фракийское объяснения топонима. И. Дуриданов сопоставил географическое название с литовским гидронимом *Meldi* и апеллятивами *meldà*, *méldas* ‘Sumpf-, Teich-, Pferdebinse’ (ср. также др.-в.-н. *melta*, *malta* ‘Melde’ < ИЕ **meld-* ‘weich werden, erweichen’ LIV: 718, ср. IEW: 719 **meld(H)-*); это сопоставление повторено Дуридановым в его последующих работах и принято некоторыми кельтологами⁷. Соответственно, топоним возводился к гидрониму; одним из оснований подобной интерпретации является тот факт, что близлежащая река называется *Блато*. Однако согласно Б. Герову, этот аргумент не стоит переоценивать, так как искомый гидроним может быть иной рекой, чья ассоциация с болотом или тростником не так очевидна. Он обоснованно обращает внимание на этноним

собственного имени (ср. лингвистические гибриды с суффиксом *-āko-* (о котором см.: P. Russell. The Suffix *-āko-* in Continental Celtic // in *Études Celtiques* 1988. Т. 25. P. 131–173 и F. Rubio Orecilla. Las formaciones secundarias en *-ko-* del celtibérico // *Religión, Lengua y Cultura prerromanas de Hispania*. Salamanca, 2001. P. 581–594), напр., *Decaniacum*, *Lucaniacum*, *Luciacus*. О суффиксе *-ano-* в галльской топонимике см. P. De Bernardo Stempel. Ptolemy’s Celtic Italy and Ireland: A Linguistic Analysis // *Ptolemy. Towards a linguistic atlas of the earliest Celtic place-names of Europe*. Aberystwyth, 2000. P. 105.

⁷ I. Duridanov. Etymologisches aus dem Bereiche des Thrakischen und Dakischen // *Известия на института за български език* 1968. Т. 16. S. 71–72. Ср. *Ibidem*. *Thrakisch-Dakische Studien*. Sofia, 1969. S. 47 (“der oben genannte keltische Stammesname *Meldī* könnte mit den hier behandelten Namen urverwandt sein”); *Ibidem*. *Die Sprache der Thraker*. Neurid, 1985. S. 79; *Ibidem*. *Thrakische und dakische Namen // Namenforschung* Bd. 1. Berlin / New York, 1995. S. 825. Ср. G. R. Isaac. *The Antonine Itinerary. Land Routes*, s. v. *meldo-*.

Мелдии в Галлии и соответствующий топоним, в кельтском происхождении которого – даже при отсутствии общепринятой этимологии – похоже, никто не сомневается⁸. При наличии данных экстралингвистического порядка, подтверждающих присутствие кельтов в этой части Балкан⁹, галльское происхождение топонима, тем самым, оказывается вполне допустимым.

3. Таоуион / Табия (Галатия)

Главный город галатского племени Троков в Малой Азии (Ταοῖον Strab. XII,5,2; *Tauium* Plin. 5,146; *Tavia* IA 201,8 var. *tabea*; 203,8; 203,9 var. *tabaia*; 204,7 var. *taiia*; *Tabia* IA 203,3), который ассоциируется с совр. Büyük Nefes, уже давно рассматривался в ряду кельтских топонимов Галатии¹⁰. Впрочем, известны и попытки анализировать это географическое название как анатолийское в связи с хеттск. *tawiniya* и подобн.¹¹ Примечательно, что до недавнего времени не было сделано ни

⁸ Б. Геров. Проучвания върху западнотракийските земи през римско време. Част 4. // *Годишник на Софийския университет. Факултет по западни филологии* 1969. Т. 63. С. 37; ср. Б. Геров. Проучвания върху западнотракийските земи през римско време. Част 2. // *Годишник на Софийския университет. Факултет по западни филологии* 1967. Т. 61. С. 54. О кельтских этимологиях племенного названия см.: P.-Y. Lambert. The place names of the Lugdunensis // *New approaches to Celtic place names in Ptolemy's Geography*. Madrid, 2005. P. 228; G. R. Isaac. *The Antonine Itinerary. Land Routes*, s. v. *meldo-*; ср. J. Lacroix. Rev. ad G. R. Isaac, *The Antonine Itinerary* // *Nouvelle revue d'Onomastique* 2005–2006. Т. 45–46. P. 224.

⁹ О других кельтских географических названиях в округе Драгомана см.: I. Duridanov. Keltische Sprachspuren in Thrakien und Mösien // *Zeitschrift für celtische Philologie* 1997. В. 49/50. S. 135–136; A. Falileyev, G. R. Isaac. Remetodia // *Acta Onomastica* 2006. V. 47. P. 173–176; A. Falileyev. Celts on the Margin: Toponymic Notes // *Celtic and Neighboring languages*. Salamanca, в печати.

¹⁰ см. уже А. Holder. *Alt-celtischer Sprachschatz*. Leipzig, 1896–1913. S. v. *Tav-ïō-n*.

¹¹ См. (с учетом разницы в деталях) L. Zgusta. *Kleineasiatische Ortsnamen*. Heidelberg, 1984. S. 599 (где подразумевается контаминация кельтск. и анатол. форм); H. Güterbock. The North-Central Area of Hittite Anatolia // *Journal of Near Eastern Studies* 1961. V. 20. P. 87 и след.; *Ibidem*, Rez. ad Zgusta 1984 // *Journal of Near Eastern Studies* 1986. V. 45. P. 318.

одной попытки предложить собственно кельтскую этимологию топонима. Стоит обратить внимание и на то, что при анализе сплошной выборки (возможно) кельтских топонимов Малой Азии Е. Лухан, рассматривая это географическое название, отмечает: “from a methodological point of view this example provides salutary warning against excessive confidence when classifying as Celtic any given place name in Asia Minor”. Лухан осторожно возводит топоним к гидрониму, **tauo-* < *tauso* ‘silent, quiet’¹², отдавая себе отчёт в том, что галльской этимологии гидронима было отказано в праве на существование Г. Айзаком¹³. Представляется, что отсутствие выверенной кельтской этимологии является существенным препятствием для внесения этого топонима в список «галатских» языковых остатков; следует также учитывать и наблюдения историков, согласно которым населённый пункт был основан до появления в этом регионе кельтских переселенцев¹⁴.

¹² ср. X. Delamarre. *Dictionnaire de la langue Gauloise*. Paris, 2003. P. 293.

¹³ E. Luján. The Galatian Place Names in Ptolemy // *New approaches to Celtic place names in Ptolemy's Geography*. Madrid, 2005. P. 256–257; G. R. Isaac. Scotland // *New approaches to Celtic place names in Ptolemy's Geography*. Madrid, 2005. P. 204; cf. G. R. Isaac. *Place-names in Ptolemy's Geography* (CD-ROM). Aberystwyth, 2004. Comments on ‘Britannicae Insulae’ s. v. *Taouá p.e.*; ср. A. Falileyev. *Alt-celtischer Sprachschatz: the Ukrainian Contribution // Parallels between Celtic and Slavic Traditions*. Coleraine, 2006. P. 92–94.

¹⁴ S. Mitchell. *Anatolia. Land, Men, and Gods in Asia Minor*. Oxford, 1993. V. 1. P. 51; K. Strobel, C. Gerber. Tavium (Büyüknefes, Provinz Yozgat) – Ein überregionales Zentrum Anatoliens // *Istanbul Mitteilungen* 2000. B. 50. S. 165–212; K. Strobel. Galatien, die Galater und die Poleis der Galater: Historische Identität und ethnische Tradition // *Kelten-Einfälle an der Donau*. Wien, 2007. S. 533.

В. Л. Цымбурский

**Теусе – этрусский термин родства:
к вероятным индоевропейским связям**

Темой данной заметки послужит этрусская надпись из Тарквиний TLE 107

(1) ve [1]. Arnθal.curunas (2)[.....]nal:clan *teusem*
(3)[.....]patevce:ix:an[...].

Эта надпись сильно повреждена, однако слова *teusem* в стк. 2 и *patevce* в стк.3 читаются вполне надежно – и именно этим формам, до сих пор не привлекавшим внимания этрускологов, посвящен последующий комментарий. Мы имеем здесь один из несчетных случаев в антиковедении, когда факты, представляющие исключительную ценность, проступают из остатков, казалось бы, безнадежно испорченных памятников.

На лакуну в начале стк.2, следующую за полностью написанным именем Вела Куруны, сына Аррунта (Куруны), предшествующую слову *clan* «сын», с определенностью приходится имя матери усопшего – что подтверждается уцелевшим исходом не сохранившейся словоформы ...nal: перед нами, несомненно, некий женский когномен из кончавшихся в номинативе на -nai/-nei, а в генетиве на -naial/-nal (ср. такие примеры, как TLE 585 ...caial larnal clan; CIE 1278 ...tllesnal clan и множество других).

Если теперь обратиться к сегменту [.....]nal : clan *teusem*, мы легко усматриваем в нем известную в этрусском контрастивную частицу -m (-um), выделяющую слово *teuse*, противопоставляя его предыдущему *clan*. После этого на память приходят два типа контрастивных конструкций из этрусских погребальных надписей. Первый тип представлен группой надписей из гробницы вольсинийского рода Лейние: TLE 232 (1) vel: leinies:larθial:ruva:arnθialum (2) clan:velusum:prumaθś «(1) Вел Лейние, Ларта (или Лартии) брат, Аррунта же (-um) (2) сын, Велна же (-um) правнук»; TLE 233 (1) vel:le...es; arnθial.ruva laruialiśa[m].clan velusum (2) nefś «(1)Вел Ле[йни]е, Аррунта брат, Лартов (или Ларти) сын, Вела же (-um) внук (или «племянник»»); TLE 234 arnθ:leinies.larθial.clan.velusum (2) nefiś «Аррунт Лейние, Ларта (или Ларти) сын, Вела же (-um) внук (или «племянник»»)). Второй тип конструкций демонстрирует надпись Рамты Матулнай из Тарквиний TLE 98 (1) ramθa.

matulnai.sex.marces.matuln[as] (2) puia.amce.seθres. ceisínies ...
 «(1) Рамта Матулнай, дочь Марка Матулны, (2) женою же (-m) была Сетре Кейсиние...».

Как видим, в обоих вариантах при помощи контрастивной частицы -m противопоставляются синтагмы, состоящие из термина родства и определяющего его имени в генитиве. Любой компонент синтагмы – будь то определяемый термин или определение – может в ней выдвигаться на первое место и тогда в цепочке подобных синтагм, начиная со второй из них, он может сопровождаться контрастивной частицей. В надписях из гробницы рода Лейне все противопоставляемые синтагмы строятся по схеме «определение + определяемый термин», в надписи же Рамты Матулнай термины sex «дочь» и puia «жена» выдвигаются в своих синтагмах перед определением: соответственно, в первом типе конструкций частица -m ставится после определения (...arnθialum...), а во втором – после определяемого (...puia...). Что же касается разбираемой надписи TLE 107, где посредством той же частицы стыкуются clan «сын» (с предписанным ему определением – именем матери в генитиве) и teuse, то, естественнее всего усмотреть в ней конструкцию третьего, смешанного, или хиастического, типа, когда в первой синтагме определение ставится перед определяемым, а во второй – следует за ним и оказывается поглощено лакуной в начале стк.3. В таком случае все говорит за то, что teuse представляет понятие, семантически однородное с clan и, подобно ему, а также ruva, nefts / nef(i)ś, prumaθś, должно обозначать вид родства.

Здесь необходимо сделать отступление в этрусскую генеалогическую терминологию, насколько она известна к настоящему времени. Если термины clan «сын» и sex «дочь», ara «отец» и ati «мать», puia «жена» идентифицируются достоверно (однако, этрусское название для «мужа» неизвестно), а значение «брат» для ruva выводится очень правдоподобно благодаря надписям из гробницы Лейние (см. выше), то со счетом родства у этрусов в более отдаленных степенях дело достаточно запутано. Правда, наглядны значения форм rapacs и rapals (в северной клузино-перузинской записи – rapals) «внук» по отношению к деду» – см. на этот счет TLE 131 (1) Iris.pulenas.larces.clan.larθal.papacs (2) velθurus.nefts.prumts. pules.larisal.creices «(1) Ларс Пулена, Ларка сын, Ларта внук, (2) Велтура внук по дочери (?? – или «племянник»), правнук (prumts < италийск. *pronepōts, лат. pronepos, ōtis) Ларса Пуле Грека» и SE,45,1977: 293 larθ(:)arinas:larθal:papals:larθal:clan

«Ларт Арина, Ларта внук, Ларта сын», а также TLE 169, где в рассказе о жизни усопшего Вела Алетны противопоставляются обороты *clenar si aspanasa* «произведя трех сыновей» и *rapalser aspanasa VI* «внуков произведя шестерых». Совершенно аналогично *rapals* образовано слово *tetals* (на севере – *tetalś*), всегда сопровождаемое на правах определений женскими именами в генетиве и допускающее толкование в смысле «внук или внучка по отношению к бабке» [Pfiffig 1969:77,204]; ср. в надписях из Клузия и Перузии CIE 3765 *caia larznal:tetalś* «Кайа, внучка (женщины из рода) Ларцна»; TLE 585 ...*caial:larnal:clan:velaral:tetalś* «...сын Каи (из рода) Ларна, внук (женщины из рода) Велара»; CIE 1095 *velia:ś[athrei:θu]i:velxural:tetalś* «Велия С[атрей зде]сь внучка (женщины из рода) Велхура». Благодаря этим формам-дериватам *rapacs* (*rapals*) и *tetals* базисные для них формы *papa* и *teta*, известные, в основном, в качестве родовых прозвищ-когноменов идентифицируются в апеллативных значениях «дед» и «бабка». Такое толкование, в частности, подтверждает надпись TLE 159 (1)*elnei ramθa clθ subitθ* (2) *sacniśa θui huts teta* (3) *aules velus θansinas* (4)*ati θuta* «(1) Элней Рамта в этой гробнице (2) совершавшая здесь священной служение, четверых бабка (*teta*), (3) Авла (и) Вела Тансина *ati θuta*» [чтение по: ThLE 1978:335 – *huts* «четверых», вместо прежнего *euts*]¹.

Однако тогда неизбежно встает вопрос о соотношении *teta* и *papa* с описательными терминами *ati pasna* (*pasnva*, *pasnuva*) и *apa pasna*. Для первого, если оставить в стороне контексты фрагментарные или мало что говорящие [TLE 87, 95, 132a-b], то с наибольшей доказательностью значение «бабка» выводится из тарквинийской надписи TLE 138 a) (1) *ramθa: apatruī : larθal : sex. larθial/c. aleθnal. camnas* (2) *arnθal : larθaliśla.puia.apatruis. pepnesc* b) (1) *[hu]zcnesc.velznal/c.ati.n[acna].pures.nesiθvas* (2) *avils cis.muvalxlś* «a) (1) Рамта Апатруи, Ларта дочь и Ларти (из рода) Алетна, Камны (2) Аррунта, Лартова сына жена, через

¹ Значение термина *ati θuta* неизвестно. Слово *θuta* встречается в надписи из Пирги TLE 874 в титуле правителя и строителя святилища Тефария Велианы (...*θemiasa.mex.θuta.θefarici.velianas...*). Согласно параллельной надписи на финикийском языке, он получил царскую власть над Цере особой милостью своей покровительницы – богини Астарты (этрусская Уни), то есть, скорее всего, не по праву рождения. Позволю себе поставить вопрос: не может ли *ati θuta* обозначать «приемную мать, мачеху»?

(мужчин из родов) Апатру и Пепна, b) (1) и Хуцкна и через (женщину из рода) Велцна *ati pasna* 53-х лет»². Форма *ara pasna* выступает в паре с *ati pasna* при изображениях плачущих родственников на урне Вела Кеулны из Вольтерры (SE, 45, 1977: 276–278)³.

В литературе известны попытки понять *ati pasna*, на основании той же эпитафии TLE 138, в специальном смысле «бабка по матери» *avia materna* [Slotty 1950:269 со ссылкой на О. Даниельсона], что давало бы основание усмотреть за парами *para*, *teta*: *ara pasna*, *ati pasna* (-*va*/*-uva*) дифференциацию предков по отцовской и по материнской линиям.

Однако свидетельства этрусских памятников неоднозначны. Надпись из района Клузия CIE 212 *l.vipini.vetial.ls.vetes papalś* «Ларт Випини, сын (женщины из рода) Вете, Ларса Вете внук» показывает, что *papalś* могло относиться также и ко внуку по линии дочери – а этот факт заставляет сомневаться и в эксклюзивной патрилинейности исходного термина *para*. Кроме того, Рамта Апатруи из надписи TLE 138 обрела статус *ati pasna*, по-

² Родовые имена *Apatru*, *Pepna* и *Huzcna* стоят в надписи TLE 138 в падеже, открытом этрускологами в 1970-х, выступающем в надгробных надписях из Вульчи TLE 321, 323–324 в сочетании с пассивной глагольной формой *farθnahe* «был(а) рожден(а) (кем-либо или от кого-либо)» и представляющем, согласно М. Паллотино, род агентива, а по мнению Г. Рикса – этрусский аблатив [Pallottino 1984: 473; Agostiniani 1982: 214–216; Rix 1984]. Он характеризуется окончаниями *-uis* при генетиве на *-us* и *-es* < **-ais* при генетиве на *-as*. Имена, получающие в родительном падеже окончание *-al*, имеют в «агентиве-аблативе» *-als* (см. *xaireals*, *visnaials*, *turials*, *haθials*, *arnθals* и *arnθeals* в указанных вульчианских эпитафиях). Поэтому написание *velznal(c)* в TLE 138, формально совпадающее с генетивом женского родового имени *Velznai* или *Velznei*, должно расцениваться или как результат фонетического упрощения группы согласных *-lsc*, или как неточное восстановление испорченного графического исхода слова (*velznalsc).

³ Определенно соотносящееся с *ara pasna* множественное число *aferš pasx*, *afrš pases* [TLE 359, 363] служит обозначением предков-получателей приношений [Pallottino 1979: 808–810]. В надписи на стене «гробницы Орка» из Тарквиний TLE 84 форма *pasnvaiasi* (дат. падеж) представляет эпитет двух мужчин (носящих разные родовые имена), в честь которых некто воздвигает памятное сооружение (*larθiale:hulxniesi:marcesic:caliaθesi:muns(2)e:nacnvaiasi:θamce:le[...]* «Ларту Хулхнии и Марку Калиате гробницу(?) посвятил...»).

видимому, через браки ее отпрысков от Аррунта Камны как с мужчинами из родов Апатру, Пепна и Хуцкна (в первом случае зять Рамты происходил из того же рода, что и она сама), так и с женщиной из рода Велцна. Иначе говоря, для потомства от первых трех браков *ati paspa* Рамта Апатруи была бабкой по матери, а для детей некой женщины, носившей родовое имя «Велцнай» или «Велцней», она выступала бабкой по отцу.

Картину еще осложняет недостаточная ясность с семантикой этр. *nefts* (*nefs̄*, *nefiś*) < италийск. *nepots (ср. латинск. *nepos*, *ōtis* «внук», в поздней латыни также «племянник», (итал. *nipote* имеет оба этих значения). В Этрурии этот термин известен из цитируемых выше эпитафий Ларса Пулены и членов рода Лейние. Причем в первом случае четко разводятся понятия *rapacs* и *nefts̄* (...*larθal.rapacs.velθurus.nefts̄*...). А во втором – обнаруживаемый среди памятников рода Лейние фрагмент TLE 237 [...] *clan velusum [rap]als*[...] показывает, что оппозиция *nef(i)ś:rapals* была релевантна и в Вольсиниях – по крайней мере, для генеалогического древа Лейние. Сложность в том, что толкование *nef(i)ś*, *nefts* в смысле «внука по дочери» [Slotty 1950:281, вслед за Э. Фетгером] или же «племянника» остается открытым. В первом случае пришлось бы предположить, будто бы Аррунт младший и Вел Лейние (из надписей TLE 233–234) восприняли родовое имя не от своего отца Ларта, но от матери Ларти, дочери старшего Вела. Вообще-то, написание *larθial* может представлять генетив как мужского имени *Larθ*, так и женского *Larθi*. Но с точки зрения реалий указанная ситуация для Этрурии совершенно нетипична, а в плане грамматическом – членная форма *Larθialisa* (в клузино-перузинском ареале *Larθialisa*), встречаясь, помимо надписей из гробницы Лейние, еще примерно в десятке случаев [ThLE 1978: 211], всегда соотносится с *Larθ*, а не с *Larθi*.

Как видим, этрусская терминология родства пока что не до конца прозрачна, не говоря о том, что она могла изменяться по эпохам и регионам (так, ни варианты *nefts*, ни описательные термины с элементом *paspa*, *paspa(u)va* вроде бы не встречаются на этрусском севере, в клузино-перузинской области, и, наоборот, именно в районе Клузия обнаружена надпись CIE 2212, где *rapals̄* прилагается к внуку по дочери). Но, если полагать, что двумя парами обозначений для предков во втором восходящем колене могло выражаться, по крайней мере, в Южной Этрурии и с большей или меньшей последовательностью – различие их по линиям мужской и женской, – тогда

в системе этрусской генеалогической номенклатуры (в зависимости от того, как понимать *nefts* и его варианты), незаполненной в глазах этрускологов оказывается пока что либо ячейка с именовани­ем «племянника» (кстати, таких ячеек может быть и две – для «сына брата» и «сына сестры»), либо потенциальная ячейка для «сына дочери» как отличае­мого от «сына сына». Какую-то из этих ячеек мог бы заполнять тарквинийский раритет *teuse* из надписи TLE 107, следующий за *clan* «сын» (собственно, в данном случае, «сын по отношению к матери», поскольку имя отца проставлено значительно раньше, перед фамильным именем *sigunas* и, как кажется, не участвует в контрастивной конструкции [... ..]nal:clan *teusem*...).

Вообще, очень наглядны способность и склонность носителей тирренских языков достраивать свои системы родства за счет индоевропейских заимствований; эту тенденцию обнаруживают не только этрусско-италийские лексемы *nefts* (*nef(i)ś*), *prumts* (*prumaθś*), но и лемн. пафов «отпрыск, потомок», восходящее к тому же индоевропейскому прототипу, однако, судя по вокализму, почерпнутое независимо и из совершенно другого источника, чем этрусские слова. Поэтомu нельзя пройти мимо переклички тарквинийского *teuse* с некоторыми индоевропейскими рефлексами основы **teu-k-*, одного из расширений корня **teu-* «расти, полниться, набираться сил». Я говорю о таких формах, как др.-инд. *tuk*, дат. падеж *tucé* «дети, потомство», *tokám* то же < **teuko-* или **touko-*, охотно указываемые певцами «Ригведы» по принципу *гендиадис* (одно понятие через два слова) в пары с *tánam*, *tánayam* «продолжение, потомство» (RV VIII, 18, 18 *tucé tánāya tát sú no drāghīya āyur jīvāse...* «детям нашим этот прекрасно продленный срок для жизни...»; I, 64, 14 *tokám puṣyema tánayam śatām hímāḥ* «да процветем мы в потомстве тысячу зим»; I, 114, 6 *tmāne tokāya tánauāya mṛṇa* «будь милостив к нам и к потомству»; X, 35, 12 *pásve tokāya tánauāya jīvāse* «для жизни скоту и потомству»). Далее сюда же принадлежат др.-инд. *tokman*, *tokma* «трава», «поросль» (к семантике ср. лат. *peros* «побег виноградной лозы»), авест. *taoxman* «семья, зародыш», множ. число «родство», др.-перс. *taumā* «семья, семья» [Böhtlingk, Roth 1861: 400–401; Bartholomae 1904: 623; Pokorny 1959: 1085]. На противоположной, западной стороне индоевропейского мира обнаруживаем в средневерхненемецких текстах (XV–XVII вв.) термины *di(e)chter*, *ti(e)chter* «внук, внучка», *tiechters* *tichter* «прапра-внук», *abnepos* [Grimm, Grimm 1860:1099] < и.-е. *teuktēr. И,

наконец, на стыке балканского пространства и северо-западной Анатолии налицо отражение, по-видимому, той же основы со значениями «племя, потомство, отпрыск(и), родич(и)» в наименовании древних обитателей Троады и некоторых соседних областей Τευκροί. У Геродота находим ряд любопытных сообщений о распространении племен, носивших то же название, и по другую сторону Фракийского моря: см. V, 12 – рассказ пеонийцев персидскому царю о себе как о «выходцах из *тевкров*, тех (же), что в Трое» (εἶησαν δὲ Τευκρῶν τῶν ἐκ Τροίης ἄλοκοι); VII, 20 – предание о некой давней миграции на Балканы троянских *тевкров*, якобы перешедших Босфор, покоривших всех фракийцев и дошедших до Ионийского моря и до фессалийской реки Пеней; VII, 75 – сообщение о вытеснении вифинцев со Стримона «*тевкрами* и мисийцами». Заметим, что речь здесь идет об ареале, непосредственно соседствующем с северозападной тирренской прародиной.

Распознавание индоевропейского вкрапления в этрусском апеллативе *teuse* (см. еще отраженный в CIE 1274 клузинский когномен Теусі), к сожалению, не уточняет комбинаторно устанавливаемой семантики этого апеллатива – но, во всяком случае, ее существенно подтверждает.

К тому же внимание привлекает отдельное от *teuse* лакуно в начале стк. 3 – примерно в 10 знаков – слово *patevse*, за которым стоит союз *ix* «как» (ср. TLE 570b 19...*ix* *ca* *sexa* *zixuxe* «...как это...написано»; M. XI, 17 ..*θunem. cial[xus. et]nam. ix. eslem. cialxus...* «29-го так же, как 28-го...»). Абстрактно судя, о *patevse* было бы трудно сказать что-то определенное – например, такая форма могла бы представлять один из многочисленных случаев претерита на -се, как *luruse* «умер», *am(u)se* «был», *alice* «преподнес» и т. д. Однако появление раритетов *teuse* и *patevse* в ближайшем соседстве внутри одной и той же надписи из Тарквиний едва можно счесть случайностью.

Надо сказать, для этрусского языка, как мы его представляем по памятникам, префиксация совсем нехарактерна. Можно упомянуть, разве что, не то префикс, не то протезу *e-*, во-первых, в сопоставляемых с (до)греч. *πρύτανος* титулах *erθnev*, *erθne*, *erθieva* из Тарквиний и Вольсиний, *erθni* в Клузии (TLE 171, 195, 233, 463–464, 896) при *purθne* там же, в Клузии, *purtśvana*, *purtśvancti* в Вульчи (TLE 324, 325, 465); во-вторых, в таких образованиях, как *eslz* «дважды» (TLE 136,171), *eslem* «без двух» (*eslem zaθrumis* «18-го», *eslem cialxus* «28-го» в M. VI, 14, XI, 8, 12, 17) от *zal* «2»; наконец, в-третьих, возможный рефлекс

такой же этрусской протезы в лат. Etruria, <*Etrusia, Etrusci при Tusci < *Turs-iskoī, этр.-итал. Tursikina (когномен), греч. Τυρσηνοί, Τυρσανοί. Других примеров начальных фонетических наращений в этрусском не усматривается. Поэтому соположение в TLE 107 *teuse* и *patevse* опять-таки неизбежно приводит на ум индоевропейские параллели.

Я имею в виду наречный элемент *H₂ep(o), *(H₂)po- [Pokorny 1959: 53–55; Schrijver 1991: 37] с его вариантами *(H₂)pō (слав. *pa-, лит. po-), *(H₂)pos- (лат. post). С одной стороны, он широко используется для выражения последовательности поколений, как на правах самостоятельной производящей основы (др.-инд. apatya «потомок», др.-англ. eafoða, др.-сакс. aþaro «потомство», лат. posterī то же), так и в качестве префикса (слав. *potomъкъ, лат. abnepos <*H₂ep-H₂nepōts «праправнук», abavus H₂ep-H₂euhos «прапрадед»). С другой же стороны в балтийских и славянских языках он служит обозначению приемного родства (лит. pōsūnis «пасынок», pōdukra «падчерица», др.-прусск. passons, pодукre, слав. *pa-сынъкъ, *pa-дъктерика).

Связь форм *teuse* и *patevse* должна бы подвести к предположению, что лакуна между ними в начале стк.3 охватила имена двух человек, с которыми Вел Куруна состоял в данных родственных отношениях, что-то вроде *...*teusem* (3)[ar.larθal.] *patevse*... «...*teuse* же Арунта, *patevse* Ларта...» или *...*teusem* (3) [l.arθal.] *patevse*... «...*teuse* же Ларта, *patevse* Арунта...». Причем явное отсутствие в лакуне места для выписывания еще и родового имени или прозвища-когномена указывает на то, что эти люди должны были принадлежать или к той же фамилии, что Вел Куруна, или к фамилии его матери.

Очень похоже, что этрусская лексическая пара *teuse* : *patevse* отражает словообразовательную модель <и.-е. *teukos: *(H₂)po-teukos того неизвестного нам индоевропейского диалекта-источника, из которого данные термины были восприняты предками исторических этрусков.

Литература

- Agostiniani 1982 = Agostiniani L. Le “iscrizioni parlanti” dell’ Italia antica. Firenze, 1982.
 Bartholomae 1904 = Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
 Böhtlingk, Roth 1861 = Böhtlingk O., Roth R. Sanskritwörterbuch. Bd. 3. St. Petersburg, 1861.

- CIE = Corpus inscriptionum Etruscarum. Leipzig; Firenze, 1893.-.
- Grimm, Grimm 1860 = Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Bd. 2. Lpz., 1860.
- Pallottino 1979 = Pallottino M. Il culto dei antenati nell' Etruria // Pallottino M. Saggi di antichità. II. Roma, 1979.
- Pallottino 1984 = Pallottino M. Etruscologia. 7-ma ed. rinnovata. Milano, 1984.
- Pfiffig 1969 = Pfiffig A. J. Die etruskische Sprache. Graz, 1969.
- Pokorny 1959 = Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern-München, 1969.
- Rix 1984 = Rix H. La lingua // Gli Etruschi: Una nuova immagine. A cura di M. Cristofani. Firenze, 1984.
- SE = Studi Etrusci. Firenze.
- Schrijver 1991 = Schrijver P. The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngels in Latin. Amsterdam; Atlanta. 1991.
- Sloty 1950 = Sloty F. Zur Frage des Mutterrechtes bei den Etruskern // Archív orientální, 1950. T. 18, 4.
- ThLE 1978 = Thesaurus linguae Etruscae. I. Indice lessicale. Pub. da M. Pallottino a cura di M. Pandolfini Angeletti. Roma, 1978.
- TLE = Pallottino M. Testimonia linguae Etruscae. Firenze, 1968.

Д. С. Чепель

Kroisos-Logos в «Истории» Геродота (I, 6–94): к вопросу об историографической концепции и источниках у Геродота

0. Одним из наиболее малоизученных и в то же самое время актуальных вопросов истории древнегреческой литературы является рождение прозаических жанров. Историография, обозначившая рождение исторического мышления, вызывает особый интерес. В связи с тем, что историографическая проза архаического периода сохранилась лишь в виде фрагментов, наиболее важным памятником для нас остается «История» Геродота.

1. Для понимания историографической концепции Геродота исследовались различные части его труда, однако одна из наиболее перспективных разработок относилась к так называемому «лидийскому логосу», или Kroisos-Logos (F. Hellmann, K. Pagel, H. Immerwahr, H. Erbse). В основном исследователи касались вопроса о геродотовой концепции вины и возмездия ($\alpha\lambda\tau\acute{\iota}\alpha$ и $\tau\acute{\iota}\sigma\iota\varsigma$). История лидийского царства и царя Креза в данном случае оказывается парадигмой для всей «Истории» Геродота.

2. В данной статье мы на примере «лидийского логоса» рассматриваем иной аспект становления «Истории» – источниковедческий. В прошлом веке была установлена неоднородность источников Геродота, которые восходили в частности к фольклору (W. Aly) и документальной прозе (А. И. Доватур). Также хорошо засвидетельствовано знакомство Геродота с восточной документальной литературой (царские списки) и восточными народными сказками (особенно много их приведено во второй книге).

3. В VII–VI вв. до н. э. древние греки познакомились с новым типом письменного памятника – документа, организованного в виде списка или каталога (Taylor, Jacoby). До этого времени каталог был известен эпической традиции («Каталог кораблей» Гомера, «Каталог Женщин» Гесиода), причем был осмыслен как сводка знаний, источник которых относится к миру богов (Доддс, Minton). Прозаический документальный каталог, напротив, был в большей степени антропоцентричен, и преследовал ту же цель, что и эпос – сохранение памяти о событиях и людях.

4. Наиболее распространенные на Востоке типы каталогов – царский список и инвентарный список, также каталог или сборник текстов разного рода. Наиболее ранние греческие эпиграфические памятники-списки типологически близки к восточным

прототипам; кроме того, сохранившиеся фрагменты логографов позволяют нам утверждать, что их произведения представляли собой списки различного рода, генеалогические, географические или событийные (Jacoby).

5. К классической эпохе относится расцвет еще одного раздела древнегреческой историографии – т. н. «священной истории» (Dillery, Jacoby), которая представляла собой каталог имен, событий или памятников, к которым были присоединены небольшие истории (аттидография, Эпидаврские стелы с историями исцелений, Линдская хроника). Развитие этого типа жанра тесно связано и с традицией списков, являясь его развитием.

6. Внимательно изучая структуру Kroisos-Logos, мы обнаруживаем в нем все элементы, перечисленные нами выше. Здесь присутствует и фольклорная составляющая (история о Гиге и Кандавле), и восточная традиция царских списков, и документальное перечисление лидийских пожертвований в дельфийский храм. В то же самое время необходимо заметить, что собственно историческая часть повествования в значительной степени увязана с перечислением царских посвящений и небольших историй, сходных с историями Эпидаврских стел (Herod. I, 19) и по происхождению являющихся, судя по всему, дельфийскими. Таким образом, Kroisos-Logos можно представить себе как синтез существовавших к этому времени традиций прозаических памятников монументального характера.

7. Здесь же необходимо отметить, что полученная Геродотом информация восходит к дельфийским архивам, к которым у Геродота был доступ (Jacoby, Mures). Источники, упоминаемые Геродотом с глаголом ἀκούω и полученные им от местных информаторов, являются по всей видимости письменными, так как письменные памятники античности предназначались в первую очередь для чтения вслух (Murray).

8. При этом по сравнению с эпическим каталогом, представленным у Гомера и Гесиода, у Геродота мы наблюдаем изменение в восприятии текста и полученной информации. Во-первых, если для Гомера πρῶτος, то есть источником исторического действия, считается божество (II. I, 6–10), то для Геродота это уже лидийский царь, хотя его фигура в значительной степени мифологизируется самим Геродотом. Во-вторых, если Гомер и Гесиод являются всего лишь передатчиками божественного знания, то Геродот сообщает то, что он лично узнал и критически обработал.

А. Б. Черняк

**«Путешествие Эгерии к святым местам» 2:
к какому языковому варианту принадлежит
«Путешествие»?***

Совершенно очевидно, что Эгерия писала своим сестрам-монахиням не на классической латыни: «Путешествие» все единодушно относят к латыни вульгарной. Но это слишком общее название, и у нас есть теперь возможность его уточнить.

Современная наука, как латинистика, так и романистика, отдаёт вульгарной латыни все те письменные памятники, в которых содержатся вульгаризмы в достаточно большом количестве¹. Во времена Цицерона и Квинтилиана *sermo vulgaris* означало только «(просто)народный язык»².

Античная наука тоже интересовалась языковой эволюцией. Исидор Севильский сохранил нам любопытную хронологию латыни: *Prisca – Latina – Romana – Mixta*³. Согласно этой схеме,

* См. «Путешествие Эгерии к святым местам»: несколько слов о рукописи // Индоевропейское языкознание и классическая филология–X. СПб.: Наука, 2006. С. 341–343, а также: А. Chernjak. *Sur l'Itinerarium Egeriae 25, 5 contra mature* // *Romanica Petropolitana* II (в печати).

¹ Атрибуция некоторых текстов по этой причине остается спорной: *De architectura* Витрувия, *Bellum Hispaniense* и т. д.

² См. мою статью: Языковая ситуация в древнем Риме: сообщения древних авторов // Индоевропейское языкознание и классическая филология–VIII. СПб., 2004. С. 304–314, а также: Языковая ситуация в древнем Риме (по поводу диссертации Р. Мюллера “Языковое самосознание и языковая вариативность в латинской письменности древности”. Мюнхен, 2001) [Roman Müller. *Sprachbewußtsein und Sprachvariation im lateinischen Schrifttum der Antike*. München: Beck, 2001: *Zetemata* 111 // ВДИ 2007. № 1, 259–262.

³ *Isid. Etym.* IX, 1, 6–8: *Latinas autem linguas quattuor esse quidam dixerunt, id est Priscam, Latinam, Romanam, Mixtam. Prisca est, quam vetustissimi Italiae sub Iano et Saturno sunt usi, incondita, ut se habent carmina Saliorum. Latina, quam sub Latino et regibus Tusci et veteres in Latio sunt locuti, ex qua fuerunt duodecim tabulae scriptae. Romana, quae post reges exactos a populo Romano coepta est, qua Naevius, Plautus, Ennius, Vergilius poetae, et ex oratoribus Gracchus et Cato et Cicero vel ceteri effuderunt. Mixta, quae post imperium latius promotum simul cum*

по времени и по языку «Путешествие» явно принадлежит «миксте». Но этот термин (между прочим, ученая калька с греческого), хоть он датируется не седьмым, а скорее всего первым веком новой эры (как и сама схема⁴), во времена Империи (как, впрочем, и в новое время) не был популярен. Народную речь называли по-разному в разное время и в разных регионах, от *lingua Romana* до *sermo rusticus* и *sermo simplex*⁵; некоторые названия, похоже, мирно сосуществовали. Для промежуточного регистра и, в частности, для письменности на народном языке специального названия, видимо, не существовало, хотя *lingua Romana* очень подходила для этой роли⁶. На деле языковая эволюция была вызвана постепенным распространением креолизованного пиджина; первоначально он именовался *sermo*

---

moribus et hominibus in Romanam civitatem inrupit, integritatem verbi per soloecismos et barbatismos corrumpens «Некоторые утверждали, что латинских языков четыре: древний, латинский, римский и смешанный. Древний – это тот, которым пользовались древнейшие обитатели Италии при Янусе и Сатурне, язык неоформленный, как это видно по песням салиев. Латинский это тот, на котором при царе Латине и <римских> царях говорили этруски и древнее население Лациума <и> на котором были написаны двенадцать таблиц. Римский это тот, который начался после изгнания царей римским народом, на котором поэты Невий, Плавт, Энний, Вергилий, из ораторов Гракх и Катон и Цицерон и многие другие блистали красноречием (?). Микста (= смешанный язык) это тот язык, который после распространения Империи ворвался в римское общество вместе с нравами и людьми, исказив целостность речи солецизмами и варваризмами».

⁴ См. мою статью: Периодизация латыни у Исидора Севильского (*Isid. Etymol. IX,1*) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том II, часть 1* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2006. С. 327–341.

⁵ См. мою статью: *Simplex (contio, oratio, verba etc.) у Аммиана Марцеллина* (*Amm. XX, 5, 2; XXV, 4, 13; XXVI, 2, 7; 5, 10*) и в поздней латыни // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX*. СПб.: Наука, 2005. С. 272–277.

⁶ См. мою статью: Языковая ситуация в Римской Империи. I. *Lingua Romana – *Romanice* // *Язык и стиль памятников античной литературы*. Отв. ред. Ю. В. Откупщиков (*Philologia classica. Вып. 3*). Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 160–166, а также: *Latino „circa romanum“ e „rustica romana lingua“*. *Testi del VII, VIII e IX secolo* / a cura di D'Arco Silvio Avalle. Padova: Antenore, 1970.

barbarus, но в период Империи это название уступило место другим: *sermo rusticus*, *lingua Romana* и т. д. (см. схему)⁷:

LATINITAS <i>sermo urbanus</i> <i>vulgaris etc.</i> <i>rusticus etc.</i> <i>barbarus</i>	PEREGRINITAS <i>sermo peregrinus</i> <i>sermo barbarus</i>	Культурная доминанта Греческий

Как вкратце охарактеризовать язык Эгерии? На мой взгляд, это довольно плохая, примитивная латынь, но это латынь. Романские аналитические конструкции нигде не вытесняют латинские синтетические. 31,2 *Et statim leuat se episcopus* (=25,2) очень напоминает фр. *se lever* и ит. *levarsi*, исп. *levantarse* 'вставать', но литературным эквивалентом здесь будет *surgit*, т. е. это факт лексики, а не морфосинтаксиса, так как наряду с этим в тексте есть и синтетический пассив и отложительные глаголы. Иначе обстоит дело с возвратными: *se colligere* и т. д. употребляется намного чаще, чем *colligi*⁸. На этом фоне немногие синтетические формы выглядят каким-то культурным рудиментом. Нечто похожее есть и в синтаксисе: асс. *cum inf.* используется гораздо реже, чем его эквиваленты (eo) *quod*, *quid*, *quia*, *quoniam*, *ut*, *quemadmodum* + *ind.* или *coni*⁹. Тем не менее, в тексте нет ни одного примера прошедшего или будущего с *habeo*. Местоимения *ille* и *ipse* употребляются преимущественно в адъективной функции, но это в лучшем случае только «артиклоиды»¹⁰.

В целом Эгерия напоминает современную греческую даму, не очень хорошо владеющую кафареусой: для этого надо быть очень образованным человеком, а еще лучше профессиональным литератором. Точь-в-точь как в IV в. н. э.

⁷ См. мою статью: Секст Помпей и его жаргон (*Vell. II 73, 1 studiis rudis, sermone barbarus*) // *Hṛdā mānasā*. Сборник статей к 70-летию со дня рождения проф. Л. Г. Герценберга. СПб.: Наука, 2004. С. 439–445.

⁸ V. Väänänen. *Le journal-épître d'Egérie (Itinerarium Egeriae): Etude linguistique*. Helsinki, 1987. P. 66. Но ср. W. van Oorde. *Lexicon Aetherianum*. Amstelodami, 1930. P. 39 s. v.: в настоящее время засвидетельствована только возвратная форма (11 случаев).

⁹ *Ibidem*, p. 163.

¹⁰ *Ibidem*.

Itinerarium Egeriae: 1. Quelques mots sur le ms., *codex Aretinus* 405 (*olim* VI, 3) [voir Индоевропейское языкознание и классическая филология—X. СПб.: Наука, 2006, 341–343] et 2. Quelques réflexions générales sur le latin d'Égérie.

1. La langue de l'*Itinerarium* est célèbre par ses fautes contre la bonne latinité, mais, en fait, pas toutes en méritent notre attention. Car nous voulons, à travers ce texte, nous faire une idée de la langue parlée de la fin du IVme siècle de n. è. Or, pour atteindre ce but, il faut tout d'abord éliminer la couche la plus récente – les fautes du copiste bénéventain. Ce sont les confusions *b/v* et *-s/-x* et, en premier lieu, ce désespérant *-m mobile* qui a fait couler tant d'encre (v. M. Zelzer, *WSt. N.F.7* (1973) 188, Anm.16).

2. Après la publication de l'étude linguistique du feu V. Väänänen qui a fait époque (1987), une vingtaine d'années se sont déjà écoulées. Pendant ce laps de temps, j'ai publié ou préparé une bonne dizaine d'articles portant sur la situation linguistique dans l'Empire romain et je veux maintenant placer l'*Itinerarium* dans le cadre de mes propres recherches, tout en résumant leurs résultats.

Or, dès que, étant stajiaire (r. *aspirant*, *-e*) à l'Institut de linguistique (1965–1968), j'avais appris le roumain et fait une connaissance assez détaillée du sarde, j'ai toujours cru que les langues romanes remontent non pas au latin, peu importe vulgaire, populaire ou parlé etc., mais à une langue créole, voire à un pidgin créolisé.

Ce pidgin n'a passé inaperçu par la société romaine cultivée. On l'appela tou d'abord *sermo barbarus*, mais, à même qu'il se créolisait, il changeait de nom (voir le schéma). Peut-être, il ne faisait que remplacer une des variétés du latin après l'autre tout en s'appropriant leurs noms respectifs, p.ex. la langue du bas peuple de Rome (*sermo vulgaris*), puis les parlers locaux (*sermo rusticus*), enfin la langue courante tout court (*lingua/sermo Romanus*), cf. la curieuse *rustica romana lingua* des „Serments de Strasbourg“.

Ainsi peut-on dire que l'auteur de l'*Itinerarium* parlait la langue courante de son temps. Mais la langue de ses deux lettres, par la qualité et quantité de ses fautes, appartient non pas au latin (tardif ou chrétien), mais plutôt à la *mixta* isidorienne, langue des solécismes et des barbarismes par excellence.

Н. А. Чистякова

Две античности, два мира, два народа, две литературы

1. Общая индоевропейская общность – единственная связь между древними эллинами и многочисленным италийским населением.
2. Историческая антропология предполагает и устанавливает явное различие в социальном сознании и его художественном воспроизведении.
3. В конце XIX и в начале XX вв. были определены два типа социальных сознаний – мифологическое и историческое, не принятые и осужденные в советской науке.
4. Культура обоих народов являлась объектом их социального сознания, столь разительного на всем протяжении многих веков.
5. В процессе длительной союзнической войны все италийские народы стали единым латинским народом с центром в городе Риме.
6. Соседствующие с ним на востоке и юге эллины, по словам Горация: «подчинили своего дикого победителя».
7. Своеобразие подчинения гордых побежденных проявилось во всех видах римской литературы, обнаруживалось в насмешках, иронии и подчеркивании своего превосходства.

Е. В. Шевцова

Заметки к X Олимпийской оде Пиндара

Начало X Олимпийской оды выглядит так:

Τὸν Ὀλυμπιονίκαν ἀνάγνωτέ μοι
 Ἀρχεστράτου παῖδα, πόθι φρενός
 ἐμᾶς γέγραπται· γλυκὴ γὰρ αὐτῷ μέλος ὀφείλων
 ἐπιέλαθ' ὦ Μοῖσ', ἀλλὰ σὺ καὶ θυγάτηρ
 Ἀλάθεια Διός, ὀρθᾶ χερί
 ἐρύκετον ψευδέων
 ἐνιπᾶν ἀλιτόξενον.
 ἔκαθεν γὰρ ἐπελθὼν ὁ μέλλων χρόνος
 ἐμὸν καταίσχυνε βαθὺ χρέος.
 ὄμος δὲ λῦσαι δυνατὸς ὄξειαν ἐπιμομφᾶν
 τόκος ἰθατῶν· νῦν ψᾶφον ἐλισσομέναν¹
 ὀπᾶ κῦμα κατακλύσσει ἦέον,
 ὀπᾶ τε κοινὸν λόγον
 φίλαν τεῖσομεν ἐς χάριν, (Ol. X, 1–12).

Прочтите мне имя олимпионика, сына Архестрата, где в моем сердце оно написано. Ведь я забыл, что должен ему сладкую песнь. Но ты, о Муза, и ты, Правда, дочь Зевса, справедливой рукой отклоните ложный упрек, нарушающий гостеприимство. // Ведь будущее время, придя издалека, лишило почести мой высокий долг (или устыдило меня за мой глубокий долг). Однако прибыль способна ослабить резкое порицание. Итак, смотрите, как сейчас волна, лиясь, будет затоплять крутящуюся гальку и как мы выплатим общую песнь на милость друга.

Строки 7–8 вследствие их неясности и неоднозначности, до сих пор остаются темным пятном. Само сочетание ὁ μέλλων χρόνος можно понимать двояко: либо оно означает просто «будущее время» (в таком значении оно встречается у Эсхила, Аристофана и у грамматиков), либо «время промедления»² (как это предлагают понимать схолии). Большинство комментаторов и исследователей – совершенно справедливо – придерживаются первой версии, делая упор на том, что μέλλων означает не

¹ Этот стих не имеет хорошей интерпретации, поэтому большинство издателей принимают конъектуру Шнайдевина (Schneidewin) τόκος· νῦν ὀρᾶτ' ὦν ψᾶφον ἐλισσομέναν.

² Букв. «медлящее».

абстрактное будущее, а что-то вроде предстоящего (то, которое неизбежно должно наступить, т. е. некое «запрограммированное» будущее) в противоположность ὁ ἐπιὼν χρόνος³. И дело здесь, судя по всему, не только в специфике значения слова μέλλω, но и в том, что глагол в данной фразе употреблен в прошедшем времени (аористе или имперфекте). Стало быть, в этом высказывании имеется сразу два дейктических центра: первый, заложенный в словосочетании ὁ μέλλων χρόνος, погружает читателя (слушателя) в момент обещания, а второй, заключенный в форме καταίσχυνε, переносит его в момент исполнения⁴. Так что ὁ μέλλων χρόνος должно означать вполне конкретный момент, который – внутри действия оды – «сейчас» уже наступил. Что касается второй версии, то ὁ μέλλων χρόνος не может обозначать «время промедления», поскольку оно не точно, а представляет собой некий – довольно большой – отрезок времени, а стало быть, оно не могло «придти издалека» (ему пришлось бы идти через самое себя). Второе существенное возражение связано с поздним появлением этого значения и его отнесенностью к другому жанру (подробнее об этом см. сноску 5). Однако, как мне кажется, Пиндар ведет со слушателем (читателем) словесную игру, основанную на неоднозначности глагола μέλλω. Глагол этот, обозначая что-то вроде «предстоять», вероятно, должен вызывать в читателя (слушателя) свое второе значение – «медлить»⁵, которое придает первому – основному –

³ W. J. Verdenius. Commentaries on Pindar, II (Suppl. to Mnemosyne), Leiden, 1988; B. L. Geldersleeve. Pindar. The Olympian and Pythian odes. repr. Amsterdam, 1966; U. v. Wilamowitz-Moellendorff. Pindaros, Berlin, 1922.

⁴ Получается, что момент исполнения описан, с одной стороны, как будущее в прошлом (где за точку отсчета принят момент обещания), а с другой, как результат некоего действия в прошлом, временная локализованность второго для нас нерелевантна.

⁵ Значение это, правда, довольно позднее: по крайней мере, гомеровский язык его не знает вообще, зато оно активно используется трагиками (в том числе и Эсхилом), и особенно часто в прямой речи, т. е. оно больше свойственно разговорному языку, нежели возвышенному сугубо литературному. Так что вполне можно предположить, что оно начало выделяться из значения «намереваться что-то делать, но не делать» именно во времена Пиндара, который – при всей архаичности его языка и стиля – непременно должен был учитывать, что слушатели будут воспринимать его речь, соотнося ее с привычной им, современной (и особенно, разговорной) речью.

значению некую добавочную – авторскую – характеристику; в результате чего возникает легкое ощущение медлительности времени. И при этом он противопоставлен другому (стоящему рядом) глаголу ἐπέρχομαι⁶, который создает эффект неожиданности и стремительности (поскольку Пиндар, когда речь идет о движении времени, обычно использует приставочные глаголы с ἔρτω, первое значение которого – «ползти», «двигаться медленно»; здесь же поэт сознательно от него отказывается и этим как бы ускоряет движение обычно неторопливого времени). Т. е. выходит, что время, хотя и движется медленно, наступает внезапно и стремительно.

Следующую сложность представляет собой предложенное Бёком (и принимаемое почти всеми издателями) чтение κατάσχυε вместо рукописного κατασχύνει, которое невозможно по метрическим соображениям. С этим глаголом связано целых два вопроса: в каком значении и в каком именно времени (имперфекте или аористе) он здесь употреблен? Что касается значения, то здесь возможны два варианта: либо κατασχύνω в данной фразе означает «заставить кого-то почувствовать стыд», «устыдить» (тогда βαθὺ χρέος нужно понимать как Ass. relationis), либо что-то вроде «разжаловать», «лишить почести» (тогда βαθὺ χρέος – прямое дополнение). В первом случае под βαθὺ подразумевается «глубокий» (что довольно странно)⁷ или же просто «очень большой». Во втором βαθὺ означает «возвышенный» (как в Ol. VII, 53 и XII, 12)⁸. Слабость первой трактовки заключается в том, что она вынуждает воспринимать χρέος как нечто «нехорошее» само по себе, тогда как вторая, которая представляется мне гораздо привлекательнее и правдоподобнее, подчеркивает изначальную почетность этого долга. Более того, мне кажется, что выражения типа βαθὺ χρέος (βαθὺ κλέος, βαθὺς κλᾶρος etc.) являются у Пиндара неким лексическим и синтаксическим единством, которое поэт старался

⁶ употребленному в форме аористного причастия ἐπέλθωνι,

⁷ Были также попытки понимать βαθὺ как «глубоко в моих мыслях (или в моем уме)». Но такое употребление, хотя и кажется остроумным, не имеет надежных параллелей.

⁸ Первого варианта придерживаются Gildersleeve, Wilamowitz, Farnell (Critical commentary to the works of Pindar, repr. Amsterdam, 1965), G. Kromer. The value of time in Pindar's Ol. X // Hermes, 104 (1976). С. 420–36. Второй вариант предложен и обоснован Вердениусом.

не разрывать и не вставлять между его компонентами другие слова. Теперь обратимся ко второму вопросу. Вердениус, считающий, что это имперфект, дает очень странное объяснение: «*χρόνος* denotes a duration, not a point of time»⁹. Однако такое утверждение означает, что сказуемое при *χρόνος* вообще не может стоять в аористе, что заведомо неверно (см., например, ОI. X, 55). Но главное возражение (оно было выдвинуто П. Гуммелем¹⁰) заключается в том, что, приняв *καταίσχυνε* за имперфект, мы столкнулись бы с первым случаем употребления «длительного» имперфекта от глагола *καταίσχυω*, т. к. гомеровский имперфект от этого глагола употребляется исключительно итеративно¹¹. Итак, вероятнее всего, это действительно аорист, но не совсем «обычный». По-видимому, он имеет здесь перфектное значение¹², т. е. выражает состояние в настоящем посредством действия, совершенного в прошлом¹³. Пиндар создает очень красивый эффект тем, что передает статичную ситуацию, сконцентрированную на настоящем моменте, с помощью удивительного разнообразия временных форм, причем все действия, выражаемые разными временными формами, мыслятся исключительно в их соотношении с настоящим. Самое интересное, что личных

⁹ «*Χρόνος* указывает на длительность, а не на момент времени».

¹⁰ P. Hummel, *La Syntaxe de Pindare*, Paris, 1993.

¹¹ И это вполне резонно, ведь если глагол *καταίσχυω* (как в нашем случае) обозначает «лишить милости», «разжаловать», то он описывает некий оценочный эффект, являющийся «субъективным» результатом какого-то действия, а стало быть, не может содержать в себе элемент длительности, но, напротив, выражает моментальность и интенсивность, поскольку само «лишение милости» происходит именно в момент осознания говорящим (или окружающими) того, что он поступает (поступил) дурно.

¹² Впрочем, большая часть грамматик (Smyth. *The Greek Grammar*, 1956; Kühner-Gerth. *Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache*, B. 1, 1955; Schwyzer-Debrunner. *Handbuch der Altwissenschaft*, B. 2, München, 1988 etc.) указывает в числе распространенных функций аориста его способность выражать состояние какого-либо предмета (существа), вызванное тем или иным действием, произведенным им или над ним.

¹³ О перфектности значения глагола *καταίσχυω*, формально стоящего в аористе, пишет и Gildersleeve, однако он понимает его как каузатив «сделать так, чтобы кто-то почувствовал стыд».

презентных форм в данном отрывке мы так и не встречаем¹⁴: настоящее описывается посредством использования перфекта, аориста в значении перфекта, «условного» будущего и императивов, т. е. любого другого времени, кроме собственно настоящего. По-видимому, в данном случае Пиндар таким способом разделяет «моментальное» настоящее, которое является лишь точкой между прошлым и будущим, и настоящее «постоянное» (ст. 13–5)¹⁵, которое потому и передано через презент, что действительно в любой момент времени, т. е. всегда неизменно **есть**.

Любопытно, что в данной ситуации порядок следования действий для нас совершенно нерелевантен; важен лишь результат их завершенности к настоящему моменту. Так, действие, выражаемое аористным причастием ἐπελθῶν, в норме должно было бы предшествовать действию основного сказуемого данной фразы καταίσχυε, однако очевидно, что это не совсем так, потому что καταίσχυε отображает другую – оценочную – сторону действия, заложенного в ἐπελθῶν, Иными словами, «будущее время лишило почести мой высокий долг тем, что пришло издалека». В таком случае, наша фраза представляет собой несколько усложненный вариант приводимого А. В. Бондарко примера¹⁶: «Уехав из города, Катя совершила ошибку», – в котором имеет место особая разновидность таксисных отношений.

¹⁴ Если не считать опущенный глагол-связку в ст.9, однако, во-первых, он мог бы выглядеть не только как ἐστί (Praesens), но и как εἰσται (Futurum) или ἦν (Imperfectum), а во-вторых, для нас важно то, как именно описана данная ситуация, а не то, как мы ее домысливаем.

¹⁵ νέμει γὰρ Ἀτρεκεῖα πόλιν Λοκρῶν Ζεφυρίων,
μέλει τέ σφισι Καλλιόπα
καὶ χάλκεος Ἄρης.

Ведь Истина обитает в городе зефирских локров, и заботятся они о Каллиопе и медном Аресе.

¹⁶ Бондарко А. В. ТФГ: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л, 1987.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ал. Вл. Андреев. Прелестный уголок.....	3
Е. В. Антонец. К вопросу о синтаксисе латинских количественных числительных больше тысячи.....	6
Д. Е. Афиногенов. Император Феодосий III и мифологизация византийского иконоборчества.....	11
А. В. Белоусов. Ахилл и амазонки на Белом острове.....	15
Е. И. Белявская, С. С. Карпушев, Н. В. Титова. Конкорданс к естественнонаучным произведениям М. В. Ломоносова.....	21
В. А. Бондарь. Об употреблении вариантов личных местоимений в рукописях древнеанглийских текстов.....	24
Я. В. Васильков, Н. В. Гуров. Первый русский перевод с санскрита: «Мохамудгара» Шанкары в переводе Г. С. Лебедева.....	31
А. В. Верещагина. Глаголы с изначальным мыслительным значением в языке Гомера (анализ семантических мотивировок).....	47
Л. Г. Герценберг. Новые книги.....	53
Н. С. Гринбаум. Пиндар. Собственные имена (общий обзор).....	54
А. В. Грошева. О нескольких латинских названиях <i>борозды</i>	59
Е. DETTORI. Una proposta etimologica per gr. φῶς.....	75
В. С. Дуров. <i>Mors</i> в поэзии римских лириков.....	81
А. А. Евдокимова. Особенности языка греческих граффити Парфенона.....	88
Е. В. Желтова, А. Ю. Желтов. О падежном маркировании предикатива в латыни и древнегреческом: семантика или прагматика?.....	95
С. В. Иванов. Описание антихриста в ирландской апокрифической литературе.....	103
М. N. Kazanskaya. « <i>Quod quaeris, 'quare' non habet ullus amor</i> » : l'emploi de 'quare' chez Properce.....	113
Н. Н. Казанский. Микенский комментарий к описанию стада Гелиоса (Od. XII, 127–136).....	118
А. Б. Карасев. Сакраментальнейшие из чисел и их значения в идиомах индоевропейских языков.....	125

Т. А. КАРАСЕВА. Древнейшие фалисские надписи на керамических сосудах.....	131
Н. Л. КАЦМАН. Межпредметные связи курса латинского языка с профилирующими лингвистическими дисциплинами на факультете французского языка.....	136
A. KEIDAN. Word boundaries in Pāṇini and <i>Avesta</i> : a linguistic view.....	145
М. Л. КИСИЛИЕР. Рифма и греки. Заметки переводчика.....	153
A. CORSO. Concerning the catalogue of Praxiteles' exhibition held in the Louvre.....	159
П. А. КОЧАРОВ. К вопросу этимологии др.-арм. <i>grem</i> 'пишу', <i>gercum</i> 'брею' и <i>ergicanem</i> 'разрываю'.....	183
М. Н. КРЮЧКОВ. К вопросу об отличиях синтаксиса Эразма Роттердамского от синтаксиса Цицерона (на материале <i>Colloquia familiaria</i>).....	186
Е. Р. КРЮЧКОВА. Неизданная грамматика бенгальского языка Г. С. Лебедева.....	189
A. Е. КУЗНЕЦОВ. Ритмика фрагмента « <i>De Bellis Macedonicis</i> ».....	198
К. Н. ЛЕМЕШЕВ. Термин <i>atomus</i> в латинских сочинениях М. В. Ломоносова по физике и химии.....	202
A. И. ЛЮБЖИН. Александр Федосеевич Бестужев – первый русский переводчик Феогида.....	207
Н. Н. НАДЕЛЬ (публикация). Комментарий И. М. Тронского к элегии Тибулла (I. 2, 1–30).....	210
Д. В. ПАНЧЕНКО. «Ахиллес быстроногий»: к исторической интерпретации компонентов эпической традиции.....	222
A. В. ПАΡΙБОК. Дифференциальная семантика Аристотеля... 226	226
A. ПЕТКОВИЧ. Эпический <i>furor</i> и осмысление понятий <i>civis</i> и <i>hostis</i> в <i>Гражданской войне</i> Марка Аннея Лукана... 233	233
Л. Б. ПОПЛАВСКАЯ. «Учение Эраста» в греческой буколке 240	240
В. П. ПОРШНЕВ. Кружки учёных и поэтов при Александрийском Мусее..... 250	250
О. М. САВЕЛЬЕВА. Лексикология и лексикография: развитие семантики лексемы подозрения ὑπόνοια, ὑπονοέω как пример формирования греческого лексикона..... 259	259
A. Д. САКОЯН. Эпитеты-компози́ты у Гомера: форма и содержание..... 264	264
М. Л. СЕРГЕЕВ. Об одной особенности в интерпретации пословиц Аристотелем и перипатетиками..... 267	267

М. В. СКРЖИНСКАЯ. Комментарий к одному сообщению Страбона о Херсонесе Таврическом.....	270
А. С. СМЕРНОВА, С. СВ. ВОЛКОВ. <i>Atomus, monas</i> и <i>corpusculum</i> в естественнонаучных трудах М. В. Ломоносова.....	278
М. М. СОКОЛЬСКАЯ. Младенец в IV эклоге Вергилия.....	285
А. И. СОЛОПОВ. Особенности обозначения места и отправной точки в прозе Цицерона.....	288
М. А. ТАРИВЕРДИЕВА. Оценка в латинской христианской литературе (языковой аспект).....	290
Т. Ф. ТЕПЕРИК. Поэтика сновидения и поэтика перевода: к вопросу о критериях точности.....	293
Т. В. ТОПОРОВА. К проблеме полисемии эпического слова: обозначения флоры в «Старшей Эдде».....	297
В. В. ФАЙЕР. К вопросу об «аметричных» чтениях Зенодота в «Илиаде».....	307
А. И. ФАЛИЛЕЕВ. Топонимические мелочи.....	310
В. Л. ЦЫМБУРСКИЙ. <i>Teuse</i> – этрусский термин родства: к вероятным индоевропейским связям.....	315
Д. С. ЧЕПЕЛЬ. <i>Kroisos-Logos</i> в «Истории» Геродота (I, 6–94): к вопросу об историографической концепции и источниках у Геродота.....	324
А. Б. ЧЕРНЯК. «Путешествие Эгерии к святым местам» 2: к какому языковому варианту принадлежит «Путешествие»?.....	326
Н. А. ЧИСТЯКОВА. Две античности, два мира, два народа, две литературы.....	330
Е. В. ШЕВЦОВА. Заметки к X Олимпийской оде Пиндара.....	331

